

БИБЛИОТЕКА ДУШ

— НЕТ ВЫХОДА ИЗ —
ДОМА СТРАННЫХ ДЕТЕЙ

— РЕНСОМ РИГГЗ —

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Annotation

Абатон... Таинственный исчезнувший город, где в библиотеке хранятся души великих странных... Старинная легенда напомнит о себе, когда в поисках похищенных детей Джейкоб, Эмма и верный Эддисон, спутав следы преследователям в современном Лондоне, отправятся в викторианскую Англию. В опасном путешествии в трущобы Дьявольского Акра – петли вне закона, где очень легко спрятать украденное, – их сопровождают мрачный перевозчик Харон, соблазненный перспективами карьерного роста, и прирученная Джейкобом пустота. Но здесь, у самого логова тварей, их уже много лет поджидает тот, кто верит в возвращение библиотекаря...

- [Ренсом Риггз](#)
 -
 -
 - [Глоссарий странных терминов](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [О фотографиях](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Ренсом Риггз

Библиотека Душ

Впервые опубликовано на английском языке издательством Quirk Books, Филадельфия, Пенсильвания

Переведено по изданию:

Riggs R. Library of Souls: The Third Novel of Miss Peregrine's Peculiar Children: A Novel / Ransom Riggs. – Quirk Books, 2015. – 464 p.

© Ransom Riggs, 2015

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2016

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление обложки, 2016

© ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», г. Белгород, 2016

* * *

Моей маме посвящается

*Край земли, глубины морей,
беспросветность веков, ты выбрал все.*

Э. М. Форстер

Глоссарий странных терминов

СТРАННЫЕ – тайная ветвь человеческих существ или животных, благословением – или проклятием – которой являются сверхъестественные черты. В древности их почитали, позднее они стали внушать окружающим страх и их стали преследовать. В настоящее время странные – это изгои общества, старающиеся не привлекать к себе внимания.

ПЕТЛЯ – ограниченная местность, где без конца повторяется один

и тот же день. Петли создаются и поддерживаются имбринами как убежища для их странных подопечных, в обычном мире подвергающихся постоянной опасности. Петли на неопределенное время откладывают процесс старения их жителей. Но обитатели петель ни в коем случае не являются бессмертными. Время, проведенное в петле, представляет собой постоянно накапливающийся долг, за который приходится расплачиваться стремительным старением, стоит им задержаться вне петли дольше определенного промежутка времени.

ИМБРИНЫ – способные менять свой физический облик матриархи мира странных существ. Они могут по собственному желанию превращаться в птиц, производить манипуляции со временем, и на них возложена защита странных детей. На древнестранном языке слово имбрина (которое произносится имм-бринн) означает «оборот» или «обращение».

ПУСТОТЫ – чудовищные, в прошлом странные существа, которые алчут душ своих бывших соплеменников. Их изможденные тела похожи на трупы, но у них мускулистые челюсти, в которых скрываются мощные, похожие на щупальца языки. Они тем более опасны, поскольку невидимы ни для кого, за исключением некоторых странных людей. В настоящий момент известно лишь об одном таком ныне живущем человеке – Джейкобе Портмане. Такой же способностью обладал и его покойный дедушка. До недавнего усовершенствования, расширившего их возможности, пустОты не могли проникать в петли. Именно поэтому странные люди и предпочитали петли в качестве места жительства.

ТВАРИ – пустОта, поглотившая достаточное количество странных душ, превращается в тварь, которая видима всеми и ничем не отличается от нормальных людей, за исключением одной детали – своих лишенных зрачков, абсолютно белых глаз. Они невероятно умны, а также являются ловкими манипуляторами и искушены в искусстве смешиваться с толпой. Они способны потратить годы на то, чтобы проникнуть в общество как нормальных, так и странных людей. Они могут оказаться кем угодно – бакалейщиком из лавки на углу, водителем автобуса на вашем маршруте, вашим психоаналитиком. История их борьбы со странными людьми – это история убийств, ужаса, похищений и иных преступлений с использованием пустот как убийц. Смысл собственного существования они видят в том, чтобы отомстить странным людям и взять их мир под свой полный контроль.

Глава первая

Чудовище стояло так близко, что с легкостью могло дотянуться до нас языком. Оно не сводило с нас глаз, а в его ссохшемся мозгу роились фантазии на тему убийства. Даже окружающий его воздух был наэлектризован жаждой нашей смерти. Пустоты рождаются с жаждой поглощать души странных существ, и мы стояли перед ней наподобие буфета, прижавшись спинами к искореженной телефонной будке. Эддисон, которого можно было заглотить в один присест, смело стоял у моих ног с грозно поднятым хвостом. Эмма оперлась о мою руку в поисках поддержки. Она еще не оправилась от удара и не смогла бы зажечь огонек ярче спички. Станция подземки напоминала ночной клуб после бомбежки. Из лопнувших труб с визгом вылетал пар, образуя дрожащие призрачные завесы. С потолка свисали расколотые мониторы. Казалось, какой-то великан свернул им шеи. Все вокруг, включая пути, было усеяно разбитым стеклом, сверкающим в истерических вспышках красных аварийных фонарей подобно гигантскому диско-шару. Бежать нам было некуда – с одной стороны стена, с другой море битого стекла. А всего в двух шагах перед нами существо, единственный инстинкт которого требовал разорвать нас на части. И все же оно не двигалось с места и даже не пыталось сократить расстояние. Пустота покачивалась на пятках, подобно пьянице или сомнамбуле. Казалось, она выросла в пол. Ее голова с маской смерти поникла, а ворох языков напоминал гнездо усыпленных мной змей.

Я. Это сделал я, Джейкоб Портман из Флоридской глубинки. В настоящий момент этот ужас – воплощение ночных кошмаров и мрака – убивать нас не собирался, потому что я попросил его этого не делать. Я бесцеремонно приказал ему снять свой язык с моей шеи. Пошел, – сказал я. Вон, – сказал я. Я не знал, что человеческий рот способен воспроизводить звуки языка, на котором я это произнес. И – о чудо! – это подействовало. В его глазах пылала ярость, но тело повиновалось моему приказу. Каким-то образом я укротил это чудовище – наложил на него заклятие. Но спящие существа просыпаются, а действия заклятий заканчиваются. Особенно если эти заклятия наложены случайно. Я чувствовал, как звереет пустота под обмякшей телесной оболочкой.

Эддисон ткнулся носом в мою ногу.

– Сейчас сюда явятся другие твари. Это чудище нас отсюда выпустит?

– Поговори с ним еще, – дрожащим и срывающимся голосом

попросила Эмма. – Прикажи ей проваливать.

Я попытался подобрать нужные слова, но они от меня ускользали.

– Я не знаю как.

– Минуту назад знал, – напомнил Эддисон. – Мне показалось, что в тебя вселился демон.

Минуту назад эти слова просто сами слетели у меня с языка, прежде чем я успел хоть что-то понять. Теперь, когда я пытался их повторить, это напоминало ловлю рыбы голыми руками. Они ускользали, едва я успевал их коснуться.

Убирайся! – закричал я.

Это прозвучало по-английски. Пустота не шелохнулась. Я напрягся, впился взглядом в ее чернильные глаза и предпринял еще одну попытку.

Убирайся отсюда! Оставь нас в покое!

Снова английский. Пустота наклонила голову, как озадаченный пес, но в остальном осталась неподвижна, как статуя.

– Она ушла? – спросил Эддисон.

Кроме меня, ее по-прежнему никто не видел.

– Она все еще тут, – ответил я. – Я не знаю, что с этим делать.

Я чувствовал себя ужасно глупым и беспомощным. Неужели мой дар так быстро исчез?

– Ничего страшного, – вмешалась Эмма. – В любом случае, бесполезно что-то объяснять пустоте.

Выбросив вперед руку, она попыталась зажечь пламя, но оно тут же зашипело и погасло. Это ее, похоже, окончательно обессилило. Я крепче обнял ее за талию, опасаясь, что она упадет.

– Побереги силы, спичка, – посоветовал ей Эддисон. – Я уверен, что они нам еще пригодятся.

– Если это потребуется, я буду драться с ней голыми руками, – заявила Эмма. – Самое важное сейчас – пока не поздно, найти остальных.

Остальные. Мне казалось, я до сих пор вижу, как они исчезают в глубине тоннеля. Одежда Горация была в полном беспорядке. Бронвин при всей ее силе нечего было противопоставить пистолетам тварей. Енох был совершенно оглушен взрывом. Хью воспользовался хаосом, чтобы сдернуть с Оливии ее тяжелые туфли и увлечь за собой, едва успев поймать улетающую девочку за пятку. И все они исчезли после того, как их, плачущих и испуганных, вооруженные твари затолкали в поезд. Наши друзья исчезли вместе с имбриной, спасая которую мы чуть не погибли. И сейчас поезд уносил их сквозь недра Лондона к судьбе, горшей, чем смерть. Уже слишком поздно, – подумал я. Стало поздно в тот момент, когда

солдаты Каула штурмом взяли ледяное убежище мисс Королек. Стало поздно в тот вечер, когда мы приняли злобного братца мисс Сапсан за нашу обожаемую имбрину. Но я поклялся себе, что мы найдем наших друзей и нашу имбрину, чего бы нам это ни стоило, даже если мы обнаружим лишь их тела, даже если для этого понадобится заплатить и собственной жизнью.

Итак, размышлял я: где-то в этой мерцающей темноте имеется выход на улицу. Дверь, лестница, эскалатор, все это было где-то у дальней стены. Но как туда попасть?

Убирайся к чертовой матери с моей дороги! – заорал я, предпринимая еще одну отчаянную попытку.

Естественно, снова английский. Пустота замычала, как корова, но не двинулась с места. Все было тщетно. Слова исчезли.

– План Б, – сообщил я друзьям. – Поскольку она меня не слушает, придется ее обойти. Будем надеяться, что она так и будет стоять, где стоит.

– Как именно мы будем ее обходить? – спросила Эмма.

Чтобы пройти как можно дальше от пустоты, было необходимо пробраться сквозь горы битого стекла, изрезавшего бы обнаженные ноги Эммы и лапы Эддисона. Я задумался над этой проблемой. Я мог бы взять на руки собаку, но все равно оставалась Эмма. Я мог выбрать осколок стекла побольше и вонзить его в глаза чудовищу. Однажды этот прием меня уже спас. Но если бы мне не удалось убить его первым же ударом, оно наверняка тут же очнулось бы, и тогда погибли бы мы. Единственное, что оставалось, – это пройти по узкому свободному от стекол проходу между пустотой и стеной. Но он был действительно очень узким – не более полутора футов в ширину. Даже прижавшись к мрамору спинами, нам с трудом удалось бы протиснуться в эту щель. Я опасался, что такая близость к пустоте или, того хуже, случайное ее касание способно нарушить хрупкое оцепенение, удерживающее ее от нападения. Но кроме этой последней возможности нам оставалось разве что отрастить крылья и перелететь через голову чудовища.

– Ты сможешь идти? – спросил я у Эммы. – Или хотя бы переставлять ноги?

Она выпрямилась, опустив руку, которой обнимала меня за талию.

– Думаю, что смогу.

– В таком случае вот как мы поступим – нам придется мимо нее проскользнуть. Места мало, но если прижмемся спинами к стене и будем осторожны...

Эддисон тут же меня понял и вжался в телефонную будку.

– Ты думаешь, стоит к ней приближаться?

– Нет, не думаю.

– Что, если она очнется, когда мы будем...

– Не очнется, – заявил я с уверенностью, которой не испытывал. – Просто не делайте резких движений и... что бы ни происходило... не прикасайтесь к ней.

– Теперь ты наши глаза, – вздохнул Эддисон. – Да поможет нам Птица.

Подняв с пола длинный и тонкий осколок стекла, я сунул его в карман. Сделав два шага к стене, мы прижались к холодным мраморным плитам и начали двигаться в сторону пустоты. По мере нашего приближения ее глаза поворачивались и она по-прежнему пристально следила за мной. Всего несколько осторожных шагов в сторону, и нас окутала волна источаемого пустотой смрада, настолько зловонного, что у меня даже слезы на глаза навернулись. Эддисон закашлялся, а Эмма прижала к носу ладонь.

– Еще совсем чуть-чуть, – срывающимся от отчаянного напряжения и деланного спокойствия голосом произнес я.

Я вынул из кармана осколок стекла и сжал его в кулаке, держа острым концом вперед. Я сделал шаг, затем еще один. Теперь мы были так близко, что, протянув руку, я смог бы прикоснуться к чудовищу. Я слышал, как бьется его сердце. С каждым нашим шагом этот стук учащался и становился все громче.

Не двигайся, – по-английски прошипел я. – Ты моя. Я тебя контролирую. Не двигайся.

Я втянул живот и прижался всеми позвонками к стене, боком вползая в тесный проход между стеной и пустотой.

Не двигайся, не двигайся.

Скользя спиной по стене, я медленно переступал. Я затаил дыхание, в то время как влажное и сиплое дыхание пустоты участилось и из ее ноздрей за клубился зловонный черный пар. Ее явно раздирало невыносимое желание нас поглотить. В свою очередь я с трудом удерживался от того, чтобы не броситься бежать. Я запретил себе и думать об этом как о поведении жертвы, но никак не хозяина положения.

Не двигайся. Не двигайся.

Еще несколько шагов, несколько футов, и мы бы ее миновали. Ее плечо было в миллиметре от моей груди.

Не...

И тут она пришла в движение. Одним стремительным рывком пустота повернула голову и все тело и оказалась прямо передо мной.

Я застыл.

– Не двигайтесь, – произнес я на этот раз вслух, обращаясь к друзьям. Эддисон спрятал морду в лапы, а Эмма замерла, ледяными пальцами как клещами сжав мое запястье. Я приготовился к неизбежному – к ее языкам, ее зубам, к концу.

Назад, назад, назад.

Английский, английский, английский.

Шли секунды, и, к моему изумлению, мы оставались в живых. Не считая мерно поднимающейся и опускающейся грудной клетки, существо не шевелилось, похоже, снова окаменело.

Я попытался миллиметр за миллиметром скользить вдоль стены. Пустота провожала меня взглядом, подобно стрелке компаса слегка поворачивая голову в моем направлении. Казалось, ее тело соединено с моим какой-то невидимой нитью. Но оно не двинулось вслед за нами, не распахнуло свои челюсти. Исчезни заклятие, которое я каким-то образом на нее наложил, и в следующую секунду мы все были бы мертвы.

Пустота лишь наблюдала за мной. Ожидая распоряжений, которые я не умел отдавать.

– Ложная тревога, – прошептал я, и Эмма с облегчением шумно выдохнула.

Мы миновали проход, отклеились от стены и зашагали прочь настолько быстро, насколько могла идти прихрамывающая Эмма. Немного отойдя от пустоты, я оглянулся и увидел, что она уже полностью развернулась и стоит лицом ко мне.

Стой на месте, – по-английски пробормотал я. – Молодец.

* * *

Пройдя сквозь стену пара, мы увидели бездействующий из-за отключившегося электропитания эскалатор. Его окружало слабое свечение – из мира сверху проникал манящий дневной свет. Мир живых, современный мир. Мир, в котором у меня были родители. Они оба находились здесь, в Лондоне, они дышали этим воздухом. Всего в шаге отсюда.

Эй, привет!

Немыслимо. Но гораздо труднее было представить себе, что и пяти минут не прошло еще с тех пор, как я все рассказал отцу. Во всяком случае, самое главное: Я такой же, как дедушка Портман. Я странный. Они все равно никогда не поймут, но, по крайней мере, теперь они знают, и мое

отсутствие уже не будет восприниматься как предательство. У меня в ушах все еще звучал голос отца, который умолял меня вернуться домой, и по мере того, как мы медленно приближались к свету, меня внезапно охватило постыдное желание стряхнуть руку Эммы и броситься бежать. Я хотел вырваться из этой удушающей тьмы, разыскать родителей, вымолить у них прощение, а затем забраться в роскошную кровать их гостиничного номера и уснуть.

И это было самым невообразимым. Я ни за что не смог бы так поступить. Я любил Эмму, и я ей об этом сказал, и я ни за что бы ее не оставил. И не потому что я был очень благородным, смелым или великодушным. Я не являюсь носителем этих качеств. Отнюдь. Но я боялся того, что, если я ее оставлю, моя душа разорвется на части.

Да и остальных тоже. Остальных. наших несчастных обреченных друзей. Мы должны были их найти. Но как? Поезд, на котором они скрылись в тоннеле, был последним. И ясно, что после взрыва и сотрясших станцию выстрелов метро работать больше не будет. Оставались лишь две возможности – одна ужаснее другой: спуститься в тоннель и пойти за ними пешком, надеясь, что там не будет пустот, либо взобраться по эскалатору и столкнуться с тем, что ожидает нас на поверхности (скорее всего, с ликвидационной командой тварей), и, уже оценив обстановку, решить, что предпринять.

Я знал, какой вариант лично для меня предпочтительнее. Я был сыт по горло мраком, и уж точно с меня было довольно пустот.

– Давайте подниматься, – произнес я, увлекая Эмму к замершему эскалатору. – Надо найти безопасное место, где ты сможешь восстановить силы, пока мы будем строить дальнейшие планы.

– Ни в коем случае! – воскликнула она. – Мое состояние не имеет значения! Мы просто не можем бросить остальных!

– Мы их не бросаем. Но необходимо быть реалистами. Мы ранены и беззащитны, а остальные уже очень далеко. Скорее всего, они уже вышли из метро и их ведут в какое-то другое место. Как мы вообще сможем их найти?

– Так же, как я нашел вас, – вмешался Эддисон. – С помощью нюха. У странных людей совершенно особенный запах, знаете ли. Но его могут уловить только такие собаки, как я. А уж как благоухает ваша компания! Думаю, это из-за страха. К тому же вы давно не мылись...

– Значит, мы идем за ними! – заявила Эмма.

С неизвестно откуда взявшимися силами она потащила меня к путям. Я сопротивлялся, держа ее за руку.

– Нет, нет... Поезда уже наверняка не ходят, а если мы пойдем за ними пешком...

– Опасно это или нет, я их не оставлю.

– Эмма, это не просто бессмысленно, это опасно. Они уже уехали.

Она вырвала руку и захромала к путям. Споткнулась, с трудом удержавшись на ногах. Ну, скажи же что-нибудь, – одними губами попросил я Эддисона. Догнав ее, он остановился прямо перед ней.

– Боюсь, что он прав. Если мы пойдем пешком, запах наших друзей рассеется задолго до того, как нам удастся их найти. Даже мои выдающиеся способности имеют свои границы.

Эмма посмотрела на тоннель, затем перевела взгляд на меня. Выражение ее лица было мученическим. Я протянул ей руку.

– Прошу тебя, пойдем. Это не означает, что мы сдаемся.

– Ладно, – угрюмо пробормотала она. – Ладно.

Но не успели мы и шага сделать обратно к эскалатору, как из темноты тоннеля раздалось:

– Я тут!

Голос был тихим и знакомым, с отчетливым русским акцентом. Это был складывающийся человек. Всмотревшись в темноту, я сумел разглядеть лежащее в стороне от рельсов тело. Одна рука была поднята. Во время стычки его подстрелили, и я был уверен, что твари затолкали его в поезд вместе с остальными. Но вот он лежит внизу и машет нам рукой.

– Сергей! – воскликнула Эмма.

– Ты его знаешь? – подозрительно спросил Эддисон.

– Он был одним из странных беженцев мисс Королек, – пояснил я.

Сверху донесся быстро нарастающий вой сирен. К нам приближались проблемы – возможно, закамуфлированные под помощь. Мне стало ясно, что еще немного и мы не сможем ускользнуть отсюда незамеченными. Но не могли же мы его там оставить.

Эддисон бросился к Сергею, огибая самые большие груды стекол. Эмма позволила мне взять ее под руку, и мы медленно побрели за Эддисоном. Странный лежал на боку, полужасыпанный осколками и перепачканный кровью. Похоже, ранение было серьезным. Его очки в проволочной оправе треснули, и он их беспрестанно поправлял, пытаясь получше меня рассмотреть.

– Это чудо, чудо, – еле слышно прохрипел он. – Я слышал, как ты говорить на языке чудовищ. Это настоящее чудо.

– Никакое это не чудо, – ответил я, опускаясь возле него на колени. – Я уже утратил эту способность. Ее больше нет.

– Если дар внутри, это навсегда.

Со стороны эскалатора до нас донеслись шаги и голоса. Я отгреб стекло в сторону, чтобы поднять складывающегося человека на руки.

– Мы заберем тебя с собой, – сказал я ему.

– Оставьте меня, – прохрипел он. – Меня очень скоро не станет...

Не обращая внимания на его возражения, я подсунул руки под его тело и встал. Он был длинным, как жердь, но легким, как перышко, и я держал его на руках, как большого младенца. Его тощие ноги свисали с моего локтя, а голова безвольно опустилась мне на плечо.

Двое неизвестных с грохотом сбежали по эскалатору и остановились у его подножия, в круге бледного дневного света, всматриваясь в темноту. Эмма указала на пол, и мы осторожно присели, надеясь, что нас не заметят. В конце концов, это могли быть обычные пассажиры, рассчитывающие сесть в поезд. Но тут я услышал писк рации, а затем в их руках вспыхнули фонари, лучи которых ярко осветили их светоотражающие куртки.

Возможно, это были спасатели, но с таким же успехом это могли быть твари под видом спасателей. Этого я определить не мог, пока они совершенно синхронно не содрали со своих лиц панорамные солнцезащитные очки.

Все ясно.

Только что наши шансы на спасение сократились ровно наполовину. Оставались лишь пути и тоннели. Нам ни за что не удалось бы от них убежать, но у нас еще была возможность скрыться. И похоже, что среди хаоса разрушенной станции мы остались незамеченными. Лучи фонарей обшаривали пол. Мы с Эммой попятились к путям. Если бы нам удалось скользнуть в тоннель... Но Эддисон, черт бы его побрал, не шелохнулся.

– Пошли, – зашипел я.

– Они из скорой помощи, а этому человеку нужна помощь, – ответил он.

Это прозвучало слишком громко, и лучи тут же метнулись в нашу сторону.

– Всем оставаться на месте! – взревел один из мужчин, выхватывая из кобуры пистолет, в то время как второй схватился за рацию.

И тут одно за другим стремительно произошло два совершенно неожиданных события. Первым было то, что, когда я уже собирался бросить складывающегося человека на рельсы и вместе с Эммой прыгнуть вслед за ним, из тоннеля раздался оглушительный рев и возник, стремительно приближаясь, ослепительный луч прожектора. На станцию ворвался поток затхлого воздуха, вытесняемого, разумеется, поездом,

который продолжал движение, несмотря на взрыв. Второе событие ознаменовалось мучительной болью у меня в животе. Пустота каким-то образом разморозилась и теперь прыжками неслась на нас. Уже через мгновение после того, как я ее ощутил, я увидел и ее саму. Она бежала сквозь клубы пара, широко раскрыв черные губы, отчего ее языки извивались, со свистом рассекая воздух.

Мы очутились в ловушке. Если бы мы бросились бежать к лестнице, нас бы подстрелили и искалечили. Прыгни мы на рельсы, нас бы снес поезд. И мы не могли укрыться в поезде, потому что оставалось еще десять секунд до его остановки и двенадцать до открытия дверей, после чего прошло бы еще десять секунд, прежде чем они закрылись бы снова. Но задолго до этого мы бы уже погибли так или иначе. И я сделал то, что часто делаю, когда у меня заканчиваются идеи, – посмотрел на Эмму. По отчаянию, написанному на ее лице, я понял, что она осознает всю безнадежность ситуации.

Но ее упрямо выдвинутый подбородок говорил о том, что она все равно собирается что-то предпринять. Только когда она, пошатываясь и вытянув перед собой руки, шагнула вперед, я вспомнил, что она не видит пустоту. Я хотел ее предупредить, дотянуться до нее и остановить, но язык мне не повиновался, и я не мог схватить ее, не уронив вначале складывающегося человека. Но тут рядом с ней оказался Эддисон. Он лаял на тварь, а Эмма тщетно пыталась возжечь пламя. Между ее ладонями вспыхивали и гасли искры, как будто она щелкала разрядившейся зажигалкой.

Тварь расхохоталась, взвела курок пистолета и прицелилась в Эмму. Пустота мчалась на меня, подвывая в унисон с визгом тормозящего позади меня поезда. Именно в этот момент я понял, что все кончено и я уже ничего не могу предпринять для того, чтобы это предотвратить. Одновременно что-то внутри меня расслабилось и боль, которую я всегда ощущал в непосредственной близости от пустоты, тоже исчезла. Эта боль напоминала протяжный высокочастотный вой, и как только она стихла, я обнаружил, что она скрывала собой какой-то другой звук, какое-то невнятное бормотание на самой границе сознания.

Слово.

Я бросился на него. Обхватил его обеими руками. Взвился и закричал во все горло. Его, – произнес я на чужом мне языке. Слово состояло всего из двух слогов, но включало множество значений. И как только оно сорвалось с моих губ, результат оказался мгновенным. Бежавшая на меня пустота резко остановилась, по инерции немного проехав вперед, затем

повернулась в сторону и метнула язык, трижды оббившийся вокруг ноги твари. Потеряв равновесие, та выстрелила. Пуля срикошетила от потолка, после этого пустота перевернула тварь вверх ногами и подбросила в воздух.

Мои друзья не сразу поняли, что произошло. Пока они стояли с раскрытыми ртами, а вторая тварь что-то кричала в рацию, я услышал, как за моей спиной открылись двери вагона.

Это был единственный шанс на спасение.

– ПОШЛИ! – заорал я, и они меня послушали.

Эмма, спотыкаясь, бежала к поезду, Эддисон путался у нее под ногами, а я пытался пройти в узкие двери со скользким от крови и торчащим во все стороны складывающимся человеком. Наконец нам, всем троим, удалось ввалиться в вагон.

Снова раздались выстрелы. Это тварь наугад разряжала обойму, пытаясь попасть в пустоту.

Двери начали закрываться, но тут же снова распахнулись. «Освободите, пожалуйста, двери», – раздался из динамиков жизнерадостный голос диктора.

– Его ноги! – воскликнула Эмма, показывая на длинные ноги складывающегося человека и торчащие наружу носки его туфель. Я успел убрать их из дверного проема за долю секунды до того, как двери захлопнулись. Болтающаяся в воздухе тварь выстрелила еще несколько раз, прежде чем раздосадованная пустота швырнула ее о стену и она неподвижной кучей сползла на пол.

Вторая тварь уже бежала к выходу. Его тоже, – попытался произнести я, но было уже поздно. Двери закрывались, и, рывком тронувшись с места, поезд быстро набирал скорость.

Я огляделся, радуясь тому, что вагон, в котором мы очутились, оказался пуст. Что подумали бы о нас обычные люди?

– Ты в порядке? – спросил я у Эммы.

Она сидела очень прямо и тяжело дышала, пристально глядя на меня.

– Благодаря тебе, – ответила она. – Ты и в самом деле заставил пустоту все это сделать?

– Думаю, да, – неуверенно ответил я.

– Это потрясающе, – тихо произнесла она.

Я пытался понять, она восхищена или испугана. Или восхищена и испугана одновременно.

– Мы обязаны тебе жизнями, – сообщил мне Эддисон, ласково тычась носом мне в руку. – Ты совершенно особенный мальчик.

Складывающийся человек засмеялся. Опустив голову, я увидел на его искаженном болью лице улыбку.

– Вот видишь? – произнес он. – Я же сказал тебе, что это чудо. – Он тут же посерьезнел. Схватив меня за руку, он сунул мне в ладонь квадратик картона. Фотографию. – Моя жена и мой ребенок, – прошептал он. – Наш враг захватил их очень давно. Если вы найдете остальных, возможно...

Взглянув на фото, я вздрогнул. Это был маленький, размером с небольшой бумажник, портрет женщины с ребенком. Было ясно, что Сергей носит его с собой уже очень давно. Хотя люди на снимке были довольно симпатичными, сама фотография – или ее негатив – серьезно пострадали, возможно, едва не сгорев в пожаре, подвергнувшись воздействию таких температур, что сохранились лишь искаженные фрагменты лиц. Прежде Сергей никогда не упоминал о своей семье. С тех пор, как мы познакомились, он вообще не говорил ни о чем, кроме необходимости собрать армию из странных людей, путешествуя из петли в петлю и набирая в эту армию всех, кто выжил после рейдов и зачисток тварей и пустот и все еще был способен сражаться. Но он ни разу не сказал, для чего ему нужна армия. Он хотел вернуть жену с ребенком.

– Мы и их найдем, – пообещал я.

Мы оба знали, насколько мала вероятность их спасти, но сейчас он нуждался в этих словах.

– Спасибо, – произнес он и расслабился посреди расползающейся по полу лужи крови.

– Ему осталось недолго, – произнес Эддисон, лизнув лицо Сергея.

– Возможно, мне удастся выделить достаточно тепла, чтобы прижечь и закрыть рану, – пробормотала Эмма.

Шагнув к Сергею, она начала тереть ладони.

Эддисон потерял носом о живот Сергея поперек рубашки.

– Вот тут. Рана здесь.

Эмма приложила ладони по обе стороны от указанного Эддисоном места. Услышав шипение плоти, я выпрямился, борясь с головокружением.

Посмотрев в окно, я увидел, что мы еще не выехали за пределы станции. Возможно, водитель снизил скорость из-за каких-то обломков на путях. Мигающие аварийные огни выхватывали из темноты то зарывшееся в стекло тело мертвой твари, то искореженную телефонную будку, где на меня впервые снизошло озарение, то пустоту... Я вздрогнул, увидев, что она небрежно, как будто выйдя на утреннюю пробежку, трусит по платформе параллельно поезду, отстав на несколько вагонов.

Остановись. Не приближайся, – по-английски выпалил я, глядя в окно. Мои мысли путались по мере того, как мою голову снова заполняли боль и вой.

Набрав скорость, поезд ворвался в тоннель. Я прижался лицом к стеклу, пытаясь разглядеть пустоту. Позади был только мрак, а затем последовала очередная красная вспышка и я на мгновение увидел застывший кадр – летящую пустоту. Ее ноги уже оторвались от платформы, а языки обвили поручни последнего вагона.

Чудо. Проклятье. Я еще не успел разобраться в том, что же все-таки со мной произошло.

* * *

Я взял его за ноги, а Эмма за руки, и мы осторожно уложили Сергея на длинное сиденье. Он лежал без сознания, вытянувшись во весь рост и слегка покачиваясь в такт движению поезда под рекламой пиццы «Испеки дома». Если ему предстояло умереть, мне казалось, это не должно произойти на полу.

Эмма приподняла его тонкую рубашку.

– Кровотечение остановилось, – доложила нам она, – но если он в ближайшее время не окажется в больнице, ему не выжить.

– Он в любом случае может умереть, – возразил Эддисон. – Особенно в больнице в настоящем. Представь себе – через три дня он приходит в себя, его рана затянулась, но все остальное почти отказало, потому что ему

уже двести и еще птица-знает-сколько-лет.

– Может, и так, – вздохнула Эмма. – С другой стороны, я буду очень удивлена, если через три дня хоть кто-то из нас останется в живых, в каком бы то ни было состоянии. И я не знаю, что еще мы можем для него сделать.

Я уже слышал о том, что два или три дня были максимальным сроком, в течение которого любое странное существо, ранее жившее в петле, могло провести в настоящем, прежде чем начнется стремительное и неотвратимое старение. Этого времени хватало для того, чтобы наносить в настоящее краткие визиты, но остаться в нем странные не могли. Это позволяло путешествовать между петлями, но отбивало всякую охоту задержаться. Только самые отчаянные головы и имбрины совершали вылазки более нескольких часов – стоило замешкаться, и последствия были ужасны.

Эмма поднялась. В бледно-желтом освещении вагона ее кожа приобрела болезненный оттенок. Она тут же пошатнулась и, чтобы не упасть, ухватила за одну из металлических опор. Я взял ее за руку и усадил рядом с собой. Силы окончательно ее покинули, и она буквально сползла на сиденье. Я тоже был измучен, потому что уже двое суток почти не спал и не ел нормально, не считая тех редких моментов, когда нам приходилось обжираться, как свиньям. Мне было страшно, и я вечно куда-то бежал в этих чертовых туфлях, натирающих ноги. Я уже забыл, что жизнь бывает другой. Но худшим представлялось то, что всякий раз, когда я говорил на языке пустот, как будто лишался какой-то части себя, и я понятия не имел, как мне это вернуть. Я ощущал такую усталость, которой раньше даже не мог представить. Я обнаружил в себе нечто новое, некий новый источник силы и власти. Но он был истощим и конечен, и я задавался вопросом, не истощаю ли я себя, истощая его.

Я решил, что подумаю об этом в другой раз, а пока попытаюсь насладиться несколькими неожиданными моментами покоя и тем, что я сижу, обняв Эмму, и ее голова на моем плече. Она едва дышала. Возможно, я поступил эгоистично, ничего не сказав друзьям о пустоте, увязавшейся за нашим поездом. Что мы могли с этим поделать? Альтернатива была проста – либо она нас настигнет, либо нет, либо убьет, либо нет, и от нас ничего не зависело. Когда мы в следующий раз с ней столкнемся – а я был уверен, что этот следующий раз обязательно настанет, – я либо найду слова, способные защитить нас от ее языков, либо нет.

Эддисон прыгнул на сиденье напротив, лапами отпер защелку на окне и слегка его приотворил. В вагон ворвался злобный вой поезда и теплый удушливый воздух тоннеля. Он замер, носом читая запахи. Его глаза блеснули, а морда подрагивала. Мой нос не улавливал ничего, кроме

застарелого запаха пота и какой-то гнили, но Эддисон, похоже, ощущал что-то еще, что-то, нуждающееся в тщательной проверке и трактовке.

– Ты их учуял? – спросил я.

Пес меня услышал, но ответил не сразу, пристально глядя в потолок и как будто додумывая какую-то мысль.

– Учуял, – наконец произнес он. – Они оставили за собой отличный четкий след.

Даже на такой скорости он поймал запах странных людей, проехавших здесь несколькими минутами ранее в закрытом вагоне предыдущего поезда. Это меня восхитило, о чем я ему тут же сообщил.

– Спасибо, но это не только моя заслуга, – ответил он. – В их вагоне кто-то тоже, видимо, открыл окно, иначе запах был бы значительно слабее. Возможно, это сделала мисс Королек, зная, что я попытаюсь их догнать.

– Она знала, что ты здесь? – удивился я.

– Как ты нас нашел? – вмешалась Эмма.

– Секундочку, – резко прервал нас Эддисон. Поезд замедлил ход, въезжая на следующую станцию, и чернота за окнами сменилась белизной кафельной плитки. Он снова высунул нос в окно и закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться. – Не думаю, что они здесь вышли, но на всякий случай будьте готовы.

Мы с Эммой встали, пытаясь по возможности заслонить собой складывающегося человека. Я с облегчением отметил, что на платформе совсем мало людей. Я удивился тому, что они вообще там были, как и тому, что поезда продолжали ходить, как будто ничего не произошло. Я подозревал, что об этом позаботились твари в надежде, что мы клюнем на эту наживку, сядем в поезд и облегчим им задачу нашей поимки. Вне всякого сомнения, мы сильно отличались от современных жителей Лондона.

– Веди себя естественно, – попросил я Эмму. – Сделай вид, что ты всю жизнь здесь живешь.

Это, похоже, показалось Эмме забавным, и она подавила смешок. Наверное, это действительно было смешно, с учетом того, что мы везде были чужими, а уж здесь и подавно.

Поезд остановился, и двери распахнулись, скользнув в стороны. Эддисон глубоко втянул носом воздух. В вагон вошла ученого вида женщина в куртке. При виде нас она замерла с открытым ртом, а затем резко развернулась и поспешно вышла. Нет уж, увольте. Я ее не винил. Мы представляли собой странное зрелище – грязные, в одежде, много десятилетий назад вышедшей из моды, и к тому же забрызганной кровью.

Наверное, глядя на нас, любой решил бы, что мы только что убили несчастного мужчину на лавке позади нас.

– Веди себя естественно, – фыркнула Эмма.

Эддисон снова повернулся к нам.

– Мы на правильном пути, – поведал он. – Мисс Королек и все остальные, вне всякого сомнения, тут побывали.

– Они не вышли на этой станции? – спросил я.

– Я не думаю. Но если я не учую их на следующей платформе, мы поймем, что заехали слишком далеко.

Двери хлопнулись, взвыли электродвигатели, и мы поехали дальше. Я подумал, что нам необходимо каким-то образом переодеться, и уже хотел поделиться этим соображением с Эммой, как вдруг она вздрогнула, как будто что-то вспомнив.

– Эддисон? – окликнула она пса. – Что случилось с Фионой и Клэр?

При упоминании их имен я ощутил, как меня обволакивает новая тошнотворная волна тревоги. В последний раз мы видели их в зверинце мисс Королек, где Фиона осталась вместе с Клэр, которая была слишком больна и не могла продолжить путешествие. Каул сказал нам, что побывал в зверинце и захватил девочек в плен. Но он также сказал нам, что Эддисон мертв, а значит, его словам верить нельзя.

– Ах, – мрачно покачал головой Эддисон. – Боюсь, что ничего утешительного я вам не скажу. Вынужден признаться, в глубине души я надеялся, что вы о них не спросите.

Кровь отлила от лица Эммы.

– Рассказывай, – прошептала она.

– Конечно, – вздохнул он. – Вскоре после того, как ваша группа ушла, в петлю вторглась банда тварей. Мы забросали их взрывающимися яйцами, после чего разбежались и спрятались. Старшая девушка, лохматая такая...

– Фиона, – кивнул я, ощущая, как бешено бьется мое сердце.

– Она прибегла к своему искусству, чтобы нас спрятать – среди деревьев и в выращенном ею подлеске. Мы так здорово в нем затаились, и нас совсем не было видно. Твари еще долго бы не смогли нас оттуда извлечь. Но они пустили газ и вынудили нас выйти на открытое место.

– Газ! – воскликнула Эмма. – Негодяи клялись больше никогда в жизни его не использовать!

– Выходит, они солгали, – заметил Эддисон.

Когда-то в одном из альбомов мисс Сапсан я видел фото такой атаки: похожие на призраков твари в масках с баллонами для дыхания спокойно стояли, распыляя в воздух тучи ядовитого газа. Хотя этот газ и не был

смертельным, он причинял невероятную боль, потому что горло и легкие начинали гореть огнем. Поговаривали также, что он запирает имбрин в их птичьих телах.

– Когда они нас окружили, – продолжал Эддисон, – нас начали допрашивать, требуя сообщить, где находится мисс Королек. Они перевернули ее башню вверх дном в поисках карт, дневников и я не знаю чего еще. Когда бедняжка Дердра попыталась их остановить, ее застрелили.

Перед моими глазами на мгновение возникла длинная морда эмурафа – застенчивая, со щелью в зубах и очень милая. У меня внутри все оборвалось. Кто мог убить такое существо?

– Бог ты мой, это ужасно, – пробормотал я.

– Ужасно, – легко согласилась Эмма. – А девочки?

– Малышку схватили твари, – ответил Эддисон. – А вторая... она начала сопротивляться, вся эта потасовка происходила у самого края утеса, и она упала.

Я моргнул:

– Что?

На мгновение передо мной все расплылось, но в следующую секунду

мир снова обрел отчетливые очертания.

Эмма напряглась, но, глядя на нее, было совершенно невозможно определить, что она чувствует.

– Что значит упала? С какой высоты?

– Это была настоящая пропасть, обрыв не меньше тысячи футов высотой. – Его мясистые щеки горестно обмякли. – Мне очень жаль.

Я тяжело опустился на лавку. Эмма осталась стоять, стискивая опору с такой силой, что даже костяшки ее пальцев побелели.

– Нет, – решительно заявила она. – Нет, этого не может быть. Возможно, она за что-нибудь ухватилась, пока летела вниз. За ветку или уступ...

Эддисон уткнулся взглядом в заплеванный жвачками пол.

– Это возможно.

– Или деревья внизу смягчили ее падение, подхватив, как сетью. Она ведь умеет с ними разговаривать.

– Да, – кивнул он. – Надежда сохраняется всегда.

Я попытался представить себе, как может смягчить подобное падение колючая сосна. Мне это представлялось невозможным. Я видел, как угасает крошечный огонек надежды, который старалась разжечь Эмма. Затем ее ноги начали дрожать, она выпустила опору и тяжело села на сиденье рядом со мной.

Она подняла на Эддисона глаза, полные слез.

– Я тебе очень сочувствую.

– Я тебе тоже, – кивнул он.

– Ничего этого не произошло бы, если бы мисс Сапсан была с нами, – прошептала она.

Затем она тихо опустила голову и начала плакать.

Я хотел ее обнять, но мне казалось, что тем самым я вторгнусь в ее горе, предъявив на него права, в то время как в действительности оно принадлежало только ей. Поэтому я просто сидел рядом, глядя на свои руки, позволив ей оплакивать свою утрату. Эддисон отвернулся. Думаю, отчасти из уважения к Эмме, отчасти потому, что мы приближались к следующей станции.

Двери распахнулись. Эддисон высунул голову в окно, понюхал воздух на платформе, зарычал на кого-то, кто хотел войти в наш вагон, затем вернулся к нам. К тому времени, когда двери снова закрылись, Эмма подняла голову и вытерла слезы.

Я сжал ее пальцы.

– Ты в порядке? – спросил я, сожалея о том, что не знаю, что еще ей

сказать.

– Я должна быть в порядке, верно? – ответила она. – Ради тех, кто еще жив.

Легкость, с которой она сумела отодвинуть в сторону свою боль, кому-то могла бы показаться бездушием, но я уже знал ее достаточно хорошо для того, чтобы понять. У нее было сердце размером с Францию, и тех немногих счастливиц, которых она в него впускала, она любила каждой его клеточкой. Но размеры этого сердца представляли опасность для нее самой. Если бы она позволяла ему чувствовать все без исключения, оно бы не выдержало. Поэтому ей приходилось его укрощать, утихомиривать, заставлять молчать. Самые мучительные страдания она отправляла на стремительно заполняющийся болью остров, куда ей также предстояло однажды отправиться навсегда.

– Продолжай, – обратилась она к Эддисону. – Что случилось с Клэр?

– Твари забрали ее с собой. Заткнули оба ее рта и бросили ее в мешок.

– Но она была жива? – уточнил я.

– Еще вчера днем она свирепо кусалась. Затем мы похоронили Дердру на нашем маленьком кладбище, и я со всех ног бросился в Лондон, чтобы найти мисс Королек и предупредить вас всех. Один из голубей мисс Королек привел меня к ее убежищу. Хотя я был рад убедиться в том, что вы явились туда прежде меня, к сожалению, то же самое сделали твари. Осада уже началась, и я был вынужден беспомощно смотреть на то, как они штурмуют здание и... а впрочем, остальное вы уже знаете. Вас повели в метро, и я побежал за вами. Когда раздался взрыв, я расценил это как возможность прийти к вам на помощь и воспользовался ею.

– Спасибо тебе за это, – произнес я, вдруг осознав, что мы перед ним в долгу, но до сих пор его не поблагодарили. – Если бы ты нас не оттащил...

– Да, но... незачем заострять внимание на гипотетических неприятностях, – отозвался он. – Но я рассчитывал, что в ответ на мою услужливость вы поможете мне отбить у тварей мисс Королек. Как бы невероятно это ни звучало. Видите ли, она для меня все.

Он хотел забрать у тварей мисс Королек, а не нас, но мы были более близкой и реалистичной целью, стояли дальше от поезда, поэтому он принял быстрое решение и сделал все, что мог.

– Конечно, мы поможем, – кивнул я. – Именно этим мы сейчас и занимаемся.

– Да, да, – согласился он. – Но вы должны понимать, что, будучи имбриной, мисс Королек для тварей гораздо ценнее странных детей, а значит, вполне возможно, освободить ее будет сложнее. Меня беспокоит то,

что если каким-то чудом нам удастся спасти ваших друзей...

– погоди секундочку, – оборвал его я. – Кто говорит, что она ценнее...

– Это правда, – вмешалась Эмма. – Я даже не сомневаюсь, что ее будут охранять гораздо бдительнее. Но мы ее не оставим. Мы больше никогда и никого нигде не оставим. Мы даем тебе свое слово странных людей.

Похоже, пса это устроило.

– Спасибо, – в свою очередь поблагодарил он, но тут же прижал уши. Мы вползли на очередную станцию, и он вскочил на сиденье, чтобы выглянуть в окно. – Спрячьтесь, – тут же пригнувшись, скомандовал он. – Враги совсем близко.

* * *

На платформе среди немногочисленных пассажиров подземки нас поджидало две твари, одетые в форму офицеров полиции. Поезд медленно въезжал на станцию, что позволяло им внимательно осматривать вагоны. Мы пригнулись в надежде, что они нас не заметят, но я знал, что это не спасет. Тварь с взорванной станции сообщил им по рации, что мы сели в этот поезд. Теперь им лишь оставалось его обыскать.

Поезд остановился, и вагоны начали заполняться людьми. Я рискнул выглянуть в открытую дверь и увидел, что один из офицеров быстро шагает по платформе в нашу сторону, осматривая по пути вагоны.

– Один идет сюда, – прошептал я. – Как там твой огонь, Эм?

– Никак, – ответила она.

Расстояние между нами и тварью сокращалось. Четыре вагона. Три.

– Тогда приготовьтесь бежать.

Осталось два вагона. Из динамиков вкрадчиво прозвучало: «Осторожно, двери закрываются».

– Задержите поезд! – заорала тварь.

Но двери уже закрывались.

Он сунул между ними руку. Двери снова распахнулись. Он вошел в вагон – в соседний с нашим.

Я бросил взгляд на дверь между вагонами. Она была заперта цепью. И на том спасибо, – с облегчением подумал я. Двери с шипением захлопнулись, и поезд пришел в движение. Мы положили складывающегося человека на пол и сгрудились рядом с ним там, где нас невозможно было заметить из соседнего вагона.

– Что делать? – спросила Эмма. – Как только поезд снова остановится,

он сразу войдет сюда и найдет нас.

– А он точно тварь? – спросил Эддисон.

– Наверняка мы этого знать, конечно, не можем, – откликнулась Эмма. – Но в том, что касается тварей, применима старая поговорка: береженого Бог бережет.

– Отлично, – заявил я. – В таком случае, как только двери откроются, мы бросаемся к выходу.

Эддисон вздохнул.

– Вся эта беготня, – произнес он с таким презрением, как будто был гурманом, которому предложили вялый кусок американского сыра. – В ней нет никакой изюминки. Мы могли бы прокрасться? Смешаться с толпой? В этом было бы хоть какое-то изящество. В конце концов, мы могли бы просто спокойно уйти совершенно незамеченными.

– Мне беготня нравится не более твоего, – ответил ему я. – Но мы с Эммой выглядим как убийцы из девятнадцатого века, а ты собака в очках. На нас невозможно не обратить внимание.

– Я буду вынужден их носить, пока кто-нибудь не начнет производить собачьи контактные линзы, – пробурчал Эддисон.

– И куда подевалась эта пустота, когда она больше всего нам нужна? – небрежно проронила Эмма.

– Если нам очень повезло, она угодила под поезд, – ответил я. – И что ты, вообще, хотела этим сказать?

– Только то, что в прошлый раз она нам очень пригодилась.

– А до этого она нас чуть не убила – два раза! Нет, три раза! Что бы я там ни делал, чтобы взять ее под контроль, это происходило чуть ли не случайно. Но что будет, когда мне это не удастся? Нам конец.

Эмма ответила не сразу. Она долго на меня смотрела, а затем взяла за облепленную грязью руку и нежно ее поцеловала – один и второй раз.

– Что это было? – изумленно спросил я.

– Ты и в самом деле даже не догадываешься?

– О чем?

– О том, какое ты чудо?

Эддисон застонал.

– У тебя изумительный талант, – прошептала Эмма. – Я уверена, что все, чего тебе не хватает, – это немного практики.

– Возможно. Но практика иногда подразумевает определенные неудачи, особенно поначалу. А неудача в моем случае будет означать смерть.

Эмма стиснула мои пальцы.

– Что ж, ничто так не помогает оттачивать новые умения, как острая необходимость.

Я попытался улыбнуться, но у меня ничего не вышло. При мысли о бедах, которые я мог навлечь на своих друзей, мое сердце было готово разорваться. Эта моя новая способность казалась мне заряженным оружием, с которым я не умел обращаться. Проклятье, я даже не знал, где у него ствол. Лучше всего было отложить его в сторону, пока оно не взорвалось прямо у меня в руках.

Мы услышали шум в конце вагона и, подняв голову, увидели, что дверь между вагонами отворилась. С этой стороны никакой цепи не было, и в вагон ввалилось двое затянутых в кожу подростков – юноша и девушка. Они хохотали и передавали друг другу зажженную сигарету.

– Мы точно влипнем в какую-нибудь историю! – говорила девушка, целуя парня в шею.

Он отвел упавшие на лоб густые волосы.

– Я только этим и занимаюсь, милая...

Тут он увидел нас и замер, выкатив глаза. Дверь, в которую они вошли, захлопнулась у них за спиной.

– Привет, – небрежно окликнул их я, как будто мы не сидели, сгорбившись на полу над истекающим кровью умирающим человеком. – Что случилось?

Только не надо пугаться. Не вздумайте нас выдать.

Парень наморщил лоб.

– Вы?..

– В маскарадных костюмах, – подтвердил я. – Тебя напугала искусственная кровь?

– А-а, – протянул юноша.

Было ясно, что я его не убедил.

Девушка смотрела на складывающегося человека.

– Он?..

– Пьяный, – продолжила за нее Эмма. – Нализался в стельку. И разлил всю нашу искусственную кровь на пол. И на себя.

– И на нас, – добавил Эддисон.

Подростки развернулись к нему, еще больше округлив глаза.

– Вот болван, – прошептала Эмма. – Молчи уже.

Юноша поднял дрожащую руку и показал на Эддисона.

– Он только что?..

Эддисон произнес всего три слова. Мы могли бы списать это на эхо в вагоне или объяснить это как-то иначе, но он был слишком гордым и не

захотел прикидываться дурачком.

– Конечно же, нет, – заявил он, задрав нос. – Собаки не умеют говорить по-английски. Да и другими человеческими языками они тоже не владеют за одним заметным исключением. Я говорю о люксембургском языке, который понимают только банкиры и жители Люксембурга, а следовательно, от него никому никакого толку. Нет, вы съели что-то нехорошее, и вам снится кошмарный сон, вот и все. А теперь, если вы не возражаете, моим друзьям придется позаимствовать у вас одежду. Прошу вас немедленно раздеться.

Бледный и дрожащий юноша начал снимать кожаную куртку, но успел высвободить из рукава лишь одну руку, когда его колени подкосились и он упал в обморок. И тут девушка начала визжать. Она визжала и визжала.

Спустя всего мгновение тварь начала ломиться в запертую на цепь дверь. В ее пустых глазах сверкала смерть.

– Вот тебе и ушли незамеченными, – вздохнул я.

Эддисон обернулся и посмотрел на полицейского.

– Совершенно определенно тварь, – глубокомысленно кивнул он.

– Я так рада, что мы раскрыли наконец эту тайну, – фыркнула Эмма.

Вагон тряхнуло, раздался визг тормозов. Мы въезжали на станцию. Я встал, поднимая за собой Эмму и готовясь бежать.

– А как же Сергей? – спросила Эмма, оборачиваясь и глядя на складывающегося человека.

Я понимал, что с еще не оправившейся от потрясения Эммой нам будет очень трудно скрыться от двух здоровых тварей, а со складывающимся человеком на руках это точно будет невозможно.

– Нам придется его оставить, – ответил я. – Его найдут и отвезут в больницу. Это даст ему шанс. И нам тоже.

Она на удивление легко со мной согласилась.

– Я думаю, он хотел бы того же. – Она быстро подошла к нему. – Прости, мы не можем взять тебя с собой. Но я уверена, что мы еще встретимся.

– В потустороннем мире, – прохрипел он, приоткрывая глаза. – В Абатоне.

У нас в ушах все еще звучали эти загадочные слова и визг девушки, когда поезд остановился и двери открылись.

Наши действия не были ни умными, ни изящными. Не успели двери до конца распахнуться, как мы бросились вперед со всех ног.

Выскочив из своего вагона, тварь влетела в наш. К этому времени мы уже пронесли мимо визжащей девушки, перепрыгнули через лежащего без сознания юношу и выскочили на платформу, где нам пришлось пробираться сквозь толпу, стремившуюся войти в вагон, как стоя спешащей на нерест рыбы. Эта станция, в отличие от всех предыдущих, была забита под завязку.

– Туда! – закричал я, увлекая Эмму к светящемуся вдалеке табло с надписью ВЫХОД.

Я надеялся, что Эддисон где-то у нас под ногами, но вокруг было столько людей, что я почти не видел пола. К счастью, к Эмме возвращались силы. Или ее просто подстегивал всплеск адреналина, потому что вряд ли мне удалось бы одновременно поддерживать ее и пробираться сквозь толпу.

Когда тварь выскочила из вагона, между нами на двадцати футах оказалось не менее пятидесяти человек. Она расталкивала людей и кричала: Я представитель закона! и С дороги! и Остановите этих детей! Но на станции было так шумно, что ее либо никто не слышал, либо просто не обращал внимания. Оглянувшись, я увидел, что расстояние между нами сокращается. И тут Эмма начала на бегу подставлять подножки встречным людям, выбрасывая ногу то влево, то вправо. Люди вскрикивали и падали у нас за спиной, и когда я снова оглянулся, тварь пыталась пробраться к нам, наступая на ноги и спины и получая удары зонтиками и сумками. Затем она остановилась, красная и злая, и начала расстегивать кобуру. Но между нами уже бурлило человеческое море, и хотя я не сомневался в том, что она достаточно безжалостна, чтобы начать стрелять по толпе, у нее хватило ума этого не делать. В поднявшейся после этого панике поймать нас стало бы еще труднее.

Когда я оглянулся в третий раз, она уже так отстала, что я едва разглядел ее в толпе. Может быть, она действительно не особенно была заинтересована в нашей поимке. В конце концов, мы не представляли собой ни особой опасности, ни большой ценности. Возможно, пес и в самом деле был прав, утверждая, что по сравнению с имбриной мы тварям не интересны.

На полпути к выходу толпа поредела, что позволило нам перейти с быстрого шага на бег, но Эмма почти сразу дернула меня за рукав, вынуждая остановиться.

– Эддисон! – воскликнула она, озираясь вокруг. – Где Эддисон?

Мгновение спустя он выбрался из самой гущи народу с каким-то

белым лоскутом, развевающимся на шипах его ошейника.

– Вы меня ждали! – обрадовался он. – Я зацепился за чулки какой-то дамы...

При звуках его голоса в нашу сторону резко обернулось сразу несколько человек.

– Пошли, нам нельзя тут оставаться! – заторопил я друзей.

Эмма сдернула чулок с ошейника Эддисона, и мы снова бросились вперед. Перед нами были эскалатор и лифт. Эскалатор работал, но перед ним столпилось много людей, поэтому я потащил своих спутников к лифту. Мы пробежали мимо дамы, выкрашенной с ног до головы синей краской, и я не удержался, чтобы на бегу не обернуться и внимательно ее не рассмотреть. У нее были синие волосы, лицо, покрытое синим кремом, и одета она была в синий же облегающий комбинезон.

Не успели мы ее обогнать, как я увидел еще более странное зрелище – мужчину, голова которого была разделена на две равные, но совершенно разные половины. Одна сторона была лысой и обожженной, а вторая абсолютно целой, со щегольской копной вьющихся волос. Если Эмма его и заметила, то даже виду не подавала. Возможно, она так привыкла к по-настоящему странным существам, что странные нормальные люди уже не производили на нее впечатления? Но что, если они не нормальные, – подумал я. – Что, если они странные и вместо настоящего мы угодили в очередную петлю? Что, если...

Тут я увидел двух мальчишек, которые сражались на светящихся мечях у стены с торговыми автоматами. Их скрещивающиеся мечи издавали пластмассовый треск, и внезапно у меня как будто глаза открылись. Эти странного вида люди на самом деле не были странными. Они были просто чудаками. И мы действительно находились в настоящем.

В двадцати футах от нас распахнулись двери лифта. Мы ускорились и буквально влетели внутрь, спружинив руками о заднюю стенку. Эддисон на дрожащих лапах ввалился вслед за нами. Я обернулся, когда двери уже закрывались, но успел заметить вырвавшуюся из толпы и бегущую к нам тварь, а в конце платформы пустоту, спрыгнувшую с крыши последнего вагона уже покидающего станцию поезда. Она, как на качелях, раскачивалась на своих языках, обвив ими фонарь на потолке и впившись в меня горящим взглядом черных глаз.

А затем двери закрылись, мы мягко заскользили вверх и чей-то голос произнес:

– Где пожар, дружище?

В дальнем углу лифта стоял, презрительно усмехаясь, средних лет

мужчина в разорванной рубашке. Его лицо рассекали искусственные шрамы, а к одной руке в стиле капитана Крюка была пристегнута окровавленная цепная пила.

При виде его Эмма отшатнулась.

– Кто вы?

Этот вопрос его, похоже, задел.

– А что, не видно?

– Если вы на самом деле хотите знать, где пожар, то не отвечайте.

Она уже хотела поднять руки, но я ее остановил.

– Он просто пассажир.

– Я думал, что в этом году сделал такой очевидный выбор, – пробормотал мужчина. Приподняв бровь, он показал Эмме пилу. – Меня зовут Эш. Вспоминаешь?.. Армия тьмы?

– Впервые слышу, – ответила Эмма. – Кто ваша имбрина?

– Моя кто?

– Он просто изображает киноперсонажа, – попытался объяснить я, но она меня не слышала.

– Неважно, кто вы, – продолжала она. – Нам нужна армия, так что выбирать не приходится. Где все остальные?

Мужчина закатил глаза.

– Л-О-Л. Забавные вы ребята. Ну, конечно же, все сейчас в конференц-центре.

– Он в маскарадном костюме, – прошептал я на ухо Эмме и обернулся к мужчине: – Она не любит кино.

– В костюме? – Эмма наморщила лоб. – Но ведь он взрослый.

– Ну и что? – поинтересовался мужчина, разглядывая нас с ног до головы. – А вы-то сами в кого переоделись? В конченных полудурков? В членов Лиги невероятных кретинов?

– В странных детей, – ответил Эддисон, самолюбие которого не позволяло ему хранить молчание. – И я седьмой щенок седьмого щенка в длинной и блестящей родословной...

Мужчина упал в обморок еще прежде, чем Эддисон успел закончить похвальбу. Бам, – ударилась о пол его голова, заставив меня поморщиться.

– Зря ты это, – покачала головой Эмма, но не выдержала и улыбнулась.

– Так ему и надо, – фыркнул Эддисон. – Какой грубиян. А теперь быстро, тырьте его бумажник.

– Ни за что! – воскликнул я. – Мы не воры.

– Я уверен, что нам он нужен больше, чем ему, – фыркнул Эддисон.

– Но зачем он так вырядился? – спросила Эмма.

Лифт звякнул, и двери начали открываться.
– Думаю, ты сейчас все узнаешь, – ответил я.

* * *

Двери разъехались в стороны, и перед нами, как по волшебству, возник мир, залитый дневным светом, таким ярким, что мы невольно прикрыли глаза. Я жадно вдохнул свежий воздух, и мы шагнули в снующую по тротуару толпу. Повсюду были люди в маскарадных костюмах – затянутые в спандекс супергерои, медлительные зомби с лицами, покрытыми тоннами макияжа, аниме-девчушки с глазами, как у енота, размахивающие боевыми топорами. Они собирались в самые невероятные компании и стекались по закрытой для движения улице, как бабочки к огню, влекомые к большому серому зданию с огромным баннером у входа: СЕГОДНЯ СЛЕТ ПЕРСОНАЖЕЙ КОМИКСОВ!

– Что все это значит? – попятилась обратно в лифт Эмма.

Эддисон поверх очков всмотрелся в поправляющего макияж зеленоволосого Джокера.

– Судя по их внешнему виду, какой-то религиозный праздник.

– Вроде этого, – буркнул я, подталкивая Эмму к выходу из лифта. – Но ты не пугайся – это всего лишь переодетые нормальные люди, и то же самое они думают о нас. Нас должна волновать только преследующая тварь. – Я не стал упоминать пустоту, надеясь, что, нырнув в лифт, мы наконец от нее оторвались. – Надо где-то спрятаться и переждать, пока она не уйдет, а потом вернуться в метро и...

– Это лишнее, – заявил Эддисон, выбегая на забитую людьми улицу и вытягивая подрагивающим носом воздух.

– Эй! – окликнула его Эмма. – Ты куда?

Но он уже повернул обратно.

– Гип-гип ура! Нам повезло! – воскликнул он, виляя обрубком хвоста. – Нос сообщает мне, что наших друзей вывели из подземелья именно здесь, вон с того эскалатора. Все-таки мы на верном пути!

– Слава птицам! – обрадовалась Эмма.

– Ты думаешь, тебе удастся взять их след? – спросил я.

– Думаю ли я? Не зря меня называют Эддисоном Невероятным! Не существует аромата, благоухания или благовония, которое я не сумел бы различить даже со ста ярдов...

Даже в самых сложных обстоятельствах Эддисон легко терял нить

разговора, увлекшись темой собственного величия, а его горделивый низкий голос имел высокую проникающую способность.

– Хорошо, хорошо, мы поняли, – перебил его я, но его уже было не остановить.

– ...Я мог бы найти странного человека в стоге сена и имбрину в птичнике... – продолжал он, уже идя по следу и раздвигая носом толпу.

Мы бросились вслед за ним между ног карлика на ходулях, обегая толпу восставших из могил принцесс и едва не врезавшись в Пикачу и Эдварда Руки-ножницы, танцующих вальс посреди улицы. Понятно, почему наших друзей повели этой дорогой, – думал я. На этом маскарадном фоне выглядели совершенно нормально не только мы, но и твари, сопровождающие группу странных детей. Даже если бы кто-то из них осмелился позвать на помощь, кто принял бы их всерьез и вмешался? Все окружающие кривлялись, вступали в импровизированные поединки, рычали, как чудовища, в костюмы которых они вырядились, стонали, как зомби. И если бы какие-то странные дети начали кричать, что кто-то похитил их, чтобы отнять душу, никто бы и ухом не повел.

Эддисон прошел по кругу, обнюхивая землю, затем в растерянности уселся. Я наклонился и незаметно, понимая, что даже в этой толпе говорящая собака привлечет внимание, спросил у него, что случилось.

– Просто... э-э-э... – заикаясь, пробормотал он, – я, кажется... э-э-э...

– Потерял след? – спросила Эмма. – Я думала, что твой нос никогда тебя не подводит.

– Я всего лишь сбился со следа. Но я не понимаю как... Он совершенно отчетливо ведет вот к этому месту, а затем исчезает.

– Завяжи шнурки, – неожиданно прошипела Эмма. – Скорее.

Я опустил голову и посмотрел на свои туфли.

– Но они не...

Она схватила меня за локоть и дернула вниз.

– Завяжи. Свои. Шнурки, – повторила она и одними губами произнесла: – Тварь!

Мы опустились на колени, укрывшись в буйной толпе. Неожиданно раздался треск рации и механический голос произнес:

– Команда 141! Всем группам немедленно явиться на акр!

Тварь была близко. Мы услышали, как она ответила. У нее был хриплый голос с совершенно неожиданным акцентом.

– Это М. Я отслеживаю беглецов. Прошу разрешить продолжить поиск. Конец связи.

Мы с Эммой встревоженно переглянулись.

– Отказать, М. Уборщики позже зачистят эту территорию. Конец связи.
– Мальчишка, похоже, имеет на уборщиков какое-то влияние. Зачистка может оказаться безрезультатной.

Уборщики. Должно быть, речь о пустотах. И определенно обо мне.

– Отказать! – прохрипела рация. – Немедленно вернуться, или сегодняшнюю ночь проведете в карьере. Конец связи!

– Вас понял, – пробормотала тварь в рацию и, развернувшись, зашагала прочь.

– Надо за ним проследить, – прошептала Эмма. – Он может привести нас к остальным.

– И напрямик в волчье логово, – добавил Эддисон. – Хотя тут уж ничего не поделаешь.

От всего услышанного у меня до сих пор шла кругом голова.

– Они знают, кто я, – прошептал я. – Должно быть, они увидели, что я сделал.

– Наверняка, – согласилась Эмма. – И это до чертиков их напугало!

Я выпрямился, провожая взглядом тварь. Она прошла сквозь толпу, перепрыгнула через ограждение, ограничивавшее движение транспорта по улице, и бегом направилась к припаркованной неподалеку полицейской машине.

Мы добежали до ограждения. Я огляделся, пытаюсь представить себе действия похитителей. Позади нас была толпа. Впереди, сразу за ограждением, автомобили загрохотали просторную площадку для парковки.

– Возможно, наши друзья пришли сюда пешком, – предположил я, – а потом их посадили в машину.

Эддисон оживился и, встав на задние лапы, заглянул за ограждение.

– Да! Видимо, дело в этом. Умница!

– Чему ты так радуешься? – спросила Эмма. – Если их увезли на машине, то сейчас они могут находиться где угодно!

– Значит, мы пойдем за ними куда угодно, – многозначительно произнес Эддисон. – Хотя я сомневаюсь, что они так уж далеко. У моего бывшего хозяина неподалеку отсюда был городской дом, так что я довольно неплохо знаю эту часть города. Поблизости нет ни крупных портов, ни очевидных выездов из города. Но что здесь есть, так это несколько входов в петли. Скорее всего, в одну из них их и отвезли. А теперь поднимите меня!

Я выполнил его просьбу. С моей помощью перебравшись через ограждение, он принялся обнюхивать землю на другой стороне. Всего через несколько секунд он снова обнаружил след наших друзей.

– Сюда! – произнес он, указывая в глубину улицы, куда уже направлялась машина твари.

– Похоже, нам предстоит прогулка, – обернулся я к Эмме. – Как думаешь, у тебя хватит сил?

– Справлюсь, – кивнула она. – Главное – не позже чем через несколько часов найти какую-нибудь петлю. Иначе я начну покрываться седыми волосами и гусиными лапками.

Она улыбнулась, как будто это веселая шутка.

– Я этого не допущу, – произнес я.

Мы перепрыгнули через ограждение, и я в последний раз оглянулся на оставшуюся позади станцию метро.

– Ты видишь пустоту? – спросила Эмма.

– Нет. Я не знаю, где она. И это меня беспокоит.

– Давай беспокоиться только о том, что от нас зависит, – предложила она.

* * *

Мы старались идти как можно быстрее и держаться ближе к стенам зданий, все еще отбрасывающих длинные утренние тени. Эддисон трусил впереди, мы постоянно озирались, чтобы вовремя заметить полицию. Недалеко от доков мы вошли в промышленную зону, и в просветах между зданиями блеснула темная вода Темзы. Вскоре склады сменились сверкающими витринами нарядных магазинов на первых этажах старинных особняков. Вдалеке над их крышами показался купол собора Святого Павла, снова целый на фоне чистого синего неба. Все бомбы давно были сброшены, а бомбардировщики улетели. Часть из них сбили, сдали в утиль или отвезли в музей, где самолеты теперь пылились за натянутыми канатами под изумленными взглядами школьников, которым эта война казалась такой же далекой, как и Крестовые походы. Для меня она в прямом смысле слова шла еще вчера. С трудом верилось в то, что под ногами те же затемненные и покрытые кратерами воронок улицы, по которым еще вчера ночью мы бежали, спасая свои жизни. Теперь их было не узнать. Как будто из пепла возникли торговые центры, да и все эти люди тоже. Одетые в фирменные шмотки, они шли, опустив головы и уткнувшись в телефоны. Настоящее внезапно показалось мне странным – каким-то банальным и рассеянным. Я чувствовал себя одним из мифических героев, который с боем вырвался из подземного мира только

для того, чтобы понять, что верхний мир столь же ужасен, как и нижний.

И вдруг до меня дошло – Я действительно вернулся. Я снова в настоящем, и я перешел границу без малейшего вмешательства мисс Сапсан... что считалось невозможным.

– Эмма? – окликнул я девушку. – Как я сюда попал?

Она пристально смотрела вперед, чтобы заметить малейший намек на опасность.

– Куда, в Лондон? На поезде, глупыш.

– Нет. – Я понизил голос. – Я имею в виду время. Ты говорила, что отправить меня обратно способна только мисс Сапсан.

Она посмотрела на меня прищурившись.

– Да, – медленно произнесла она. – Только она.

– По крайней мере ты так думала.

– Нет, это действительно так. Я в этом уверена. Так уж все устроено.

– В таком случае, как я сюда попал?

Она растерялась.

– Я не знаю, Джейкоб. Может...

– Ага! – взволнованно воскликнул Эддисон, и мы посмотрели на него, пытаюсь понять, что он нашел. Все его тело вытянулось в струнку и указывало на улицу, на которую мы только что свернули. – Теперь я чувствую следы десятков странных существ – многих десятков. И все они свежие!

– И что это означает? – спросил я.

– Что сюда привели и других похищенных странных людей и зверей, а не только наших друзей, – ответила за Эддисона Эмма. – Логово тварей где-то рядом.

– Здесь? – изумленно огляделся я. По обе стороны улицы протянулись фастфудовские ресторанчики и магазины дешевых сувениров. В этот самый момент мы стояли под неоновой вывеской одной из забегаловок. – Я представлял себе это иначе... Это место мне виделось более... зловещим, что ли.

– Что-то вроде подземелья в темном и сыром замке, – кивнула Эмма.

– Или концентрационный лагерь, окруженный колючей проволокой и охраняемый автоматчиками, – поддержал ее я.

– В снегах. Как на рисунке Горация.

– Возможно, мы еще найдем именно такое место, – вмешался Эддисон. – Не забывайте: скорее всего, это всего лишь вход в петлю.

На другой стороне улицы туристы фотографировались на фоне одной из канонических красных телефонных будок. Затем они заметили нас и защелкали фотоаппаратами.

– Эй! – воскликнула Эмма. – Нечего нас фотографировать!

На нас уже стали оглядываться. Ведь герои комиксов остались позади, на этой улице мы всем бросались в глаза.

– За мной! – прошипел Эддисон. – Все следы ведут туда.

Мы поспешили за ним.

– Если бы тут был Миллард, – вздохнул я, – он мог бы совершенно незаметно все вокруг исследовать.

– А если бы здесь был Гораций, он мог бы вспомнить сон, который бы нам помог, – кивнула Эмма.

– Или найти нам новую одежду, – добавил я.

– Если мы не замолчим, я заплачу, – пробормотала Эмма.

Мы подошли к пристани. Здесь кипела жизнь. Солнце отражалось от воды – узкого заливычка мутной Темзы. Толпы туристов в козырьках, со смешными рюкзаками за плечами сновали между несколькими большими катерами, предлагающими более-менее одинаковые туры по Лондону.

Эддисон остановился.

– Их привели сюда, – произнес он. – Похоже на то, что их посадили на корабль.

Вслед за Эддисоном мы прошли сквозь толпу и остановились у пустого шлюпочного слипа. Твари и в самом деле погрузили наших друзей на какое-то судно, и теперь необходимо было плыть за ними. Но на чем? Мы обошли пристань, высматривая подходящий катер.

– Это все не то, – ворчала Эмма. – Эти лодки слишком большие, и в них слишком много народа. Нам нужна совсем маленькая лодка – такая, которой мы сможем управлять сами.

– Погоди-ка, – произнес Эддисон.

Его морда снова задергалась, и он побежал прочь, уткнувшись носом в деревянный настил. Вслед за ним мы пересекли пристань и по небольшому пандусу, которым туристы совершенно не интересовались, спустились в док, расположенный ниже уровня улицы, практически над самой водой. Здесь не было ни души.

Эддисон остановился и глубоко задумался.

– Странные были здесь.

– Наши странные? – уточнила Эмма.

Он понюхал воздух, покачал головой.

– Не наши. Но тут много следов, новых и старых, свежих и слабых. Все смешалось. Это место часто используют.

Док постепенно сужался и исчезал, проглоченный темнотой, под главной пристанью.

– Кто его часто использует? – спросила Эмма, обеспокоенно всматриваясь в темноту. – Я никогда не слышала о входе в петлю, расположенном под доком.

Эддисону нечего было ей ответить, поэтому все, что нам оставалось, – это осмотреться. Что мы и сделали, с опаской входя в сумрак. Когда глаза привыкли к темноте, из мрака проступила другая пристань, совершенно непохожая на залитый солнцем дощатый настил у нас над головами. Доски здесь были зелеными и трухлявыми. Местами они окончательно прогнили и провалились. Крысы, рывшиеся в куче жестяных банок, с писком бросились наутек, а затем прыгнули в древнего вида ялик, который покачивался недалеко в темной воде между скользкими, позеленевшими ото мха пилонами.

– Что ж, – пожалала плечами Эмма, – в крайнем случае подойдет и это...

– Но в нем полно крыс! – в ужасе возразил Эддисон.

– Это ненадолго, – пообещала Эмма, и над ее ладонью вспыхнул язычок пламени. – Крысы, как правило, не в восторге от моего соседства.

Поскольку вокруг не было никого, кто мог бы помешать, мы подошли к лодке, огибая самые ненадежные доски, и начали отвязывать ее.

– ОСТАНОВИТЕСЬ, – пророкотал низкий голос из суденышка.

Эмма взвизгнула, Эддисон тьякнул, а я едва не свалился в воду. Мужчина, который сидел в лодке (как можно было его не заметить?!) – медленно поднялся, выпрямляясь дюйм за дюймом. Вскоре он огромной горой навис над нами. В нем было не меньше семи футов роста, на массивных плечах был плащ, лицо скрывал темный капюшон.

– Я... Простите! – заикаясь, выдавила из себя Эмма. – Просто... мы думали, эта лодка...

– Многие пытались ограбить Харона! – загремел мужчина. – Теперь их черепа – пристанище для обитателей морского дна!

– Клянусь, мы не хотели...

– Мы уже уходим, – пискнул Эддисон, начиная пятиться прочь. – Простите, что мы вас побеспокоили, милорд.

– МОЛЧАТЬ! – взревел лодочник, делая один гигантский шаг из лодки на шаткие доски настила. – Всякий, кто пытается украсть мою лодку, должен за это ПОПЛАТИТЬСЯ!

Я был вне себя от ужаса, и, когда Эмма закричала «БЕЖИМ!», я уже разворачивался, готовясь к бегству. Но мы успели сделать лишь несколько шагов, прежде чем моя нога провалилась сквозь гнилые доски, и я рухнул лицом на настил. Я попытался вскочить, но нога полностью ушла в образовавшуюся дыру. Я застрял, и, когда Эмма и Эддисон вернулись,

чтобы мне помочь, было уже слишком поздно. Лодочник стоял над нами, оглушая нас гулкими раскатами своего громоподобного хохота. Возможно, в темноте мне это только показалось, но все же я был готов поклясться, что видел крысу, выглянувшую из его капюшона, и еще одну, выскользнувшую из рукава, когда исполин медленно поднял руку.

– Оставь нас в покое, маньяк! – закричала Эмма, хлопая в ладоши, чтобы зажечь огонь.

Хотя свет вспыхнувшего пламени и не рассеял мрак в капюшоне лодочника – я подозреваю, что на такое не было способно даже солнце, – мы сумели разглядеть предмет, который Харон держал в вытянутой руке. И это не был нож или какое бы то ни было иное оружие. Это был лист бумаги, который лодочник держал между большим и длинным белым указательным пальцем.

Он предлагал его мне, нагнувшись очень низко. Чтобы я смог его взять.

– Пожалуйста, – спокойно произнес он. – Прочитай это.

Я колебался.

– Что это?

– Прейскурант. И некоторая другая информация относительно моих услуг.

Дрожа от страха, я потянулся вверх и взял листок. Мы склонились над ним и начали читать в свете язычка пламени на ладони Эммы.

Я поднял голову и посмотрел на гиганта лодочника.

— Так, значит, это вы? — неуверенно спросил я. — Вы... Харон?

— Собственной персоной, — ответил он вкрадчивым голосом, от которого у меня даже волосы на загривке встали дыбом.

— Птица помилуй, дружище, вы напугали нас до полусмерти! — проворчал Эддисон. — А без всего этого шума и беготни никак нельзя было обойтись?

— Примите мои извинения. Я дремал, и вы меня напугали.

— Мы напугали вас?

— На какую-то секунду я подумал, что вы и в самом деле хотите украсть мою лодку, — усмехнулся он.

— Ха-ха, — деланно засмеялась Эмма. — Нет, мы всего лишь... хотели убедиться, что она хорошо привязана.

Харон обернулся, глядя на ялик, пришвартованный к одной из деревянных опор.

— И как она привязана? — спросил он.

Под капюшоном засветился тусклый полумесяц улыбки.

— Просто... превосходно, — ответил я, наконец извлекая ногу из

дыры. – Отлично, я бы сказал... э-э-э... привязана.

– Узел лучше этого не смогла бы завязать даже я, – заверила его Эмма, помогая мне подняться на ноги.

– Кстати, – вмешался Эддисон. – Те, кто на самом деле попытался... они и в самом деле все...

Он покосился на темную воду и громко сглотнул.

– Это не имеет значения, – отмахнулся лодочник. – Вы меня разбудили, и я к вашим услугам. Чем могу быть полезен?

– Мы хотим арендовать лодку, – решительно произнесла Эмма. – Но мы поплывем в ней сами.

– Этого я допустить не могу, – возразил лодочник. – Я всегда сам управляю лодкой.

– Ах, какая жалость! – воскликнул Эддисон и хотел уже ретироваться.

Эмма поймала его за ошейник.

– Подожди! – прошипела она. – Мы тут еще не закончили. – Она мило улыбнулась лодочнику. – Нам стало известно, что через это... это... – она запнулась и огляделась, подыскивая правильное слово, – место... проходит много странных существ. Это потому, что где-то поблизости расположен вход в петлю?

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – отрезал Харон.

– Хорошо, да, конечно, вы не можете вот так просто это признать. Я вас отлично понимаю. Но нам вы можете доверять. Совершенно очевидно, что мы...

Я ткнул ее локтем.

– Эмма, не надо!

– Почему? Он уже слышал, что собака разговаривает, и видел, как я зажигаю огонь. Если мы не сможем говорить начистоту...

– Но мы не знаем, относится ли к странным людям он сам, – заметил я.

– Конечно, относится, – ответила она и обернулась к Харону. – Вы ведь относитесь, верно?

Он молча смотрел на нас.

– Относится или нет? – спросила она у Эддисона. – Ты слышишь от него этот запах?

– Не особо.

– Ладно, я полагаю, самое главное – это то, что он не тварь. – Она, прищурившись, посмотрела на Харона. – Вы ведь не тварь?

– Я деловой человек, – спокойно ответил он.

– Которого несколько не удивляют говорящие собаки и девочки, зажигающие огонь руками, – фыркнул Эддисон.

– По долгу службы мне приходится встречаться с самыми разными людьми.

– Ближе к делу, – вмешался я, стряхивая воду по очереди с одной и другой ноги. – Мы ищем друзей. Предполагаем, что они побывали здесь не больше часа назад. В основном дети, но также несколько взрослых. Один невидимый парень, летающая девочка...

– Их невозможно было не заметить, – вставила Эмма. – И их вела под дулами пистолетов банда тварей.

Харон скрестил руки наподобие большой черной буквы Х.

– Как я уже сказал, мою лодку арендуют самые разные люди, и все они рассчитывают на полную конфиденциальность. Я ни с кем не обсуждаю своих клиентов.

– В самом деле? – произнесла Эмма. – Извините, нам надо посоветоваться.

Она отвела меня в сторону и зашептала на ухо:

– Если он не разговорится, я могу разозлиться.

– Главное, не горячись, – прошептал в ответ я.

– Почему? Ты поверил в этот бред насчет черепов и морских обитателей?

– Вообще-то, да. Я знаю, что он мерзкий тип, но...

– Мерзкий тип? Он практически признался в том, что имеет дело с тварями. Может, он и сам тварь!

– ...но он нам может пригодиться. У меня есть ощущение, что он абсолютно точно знает, куда отвезли наших друзей. Главное – правильно поставить вопрос.

– Ну, так давай, задавай, – раздраженно заявила она.

Я обернулся к Харону и с улыбкой произнес:

– Что вы можете рассказать о ваших турах?

Он тут же оживился.

– Наконец-то вопрос, на который я могу ответить совершенно свободно. У меня тут как раз имеется кое-какая информация...

Он развернулся и подошел к одной из опор. К ней была прибита полка, на которой лежал череп в старинном кожаном авиационном шлеме, очках и щегольском шарфе. Из его зубов торчало несколько брошюр. Харон выбрал одну из них и подал мне. Это был дешевый туристический проспект, который, судя по виду, был напечатан, когда мой дедушка был совсем маленьким мальчиком. Я принялся листать буклет, а Харон откашлялся и заговорил:

– Что я могу вам сказать... Семьям по душе тур «Голод и пламя»...

Утром мы поднимаемся вверх по реке и наблюдаем, как викинги с помощью катапульты перебрасывают через городские стены больных овец. Затем мы обедаем и вечером возвращаемся, по пути полюбовавшись на Великий Пожар 1666 года. В темноте это поистине величественное зрелище. Языки пламени отражаются в воде... залюбуешься. Но если вы располагаете лишь парой-тройкой часов, то мы можем прогуляться в док казней... на закате... любимый тур молодоженов. Пираты-сквернословы перед тем, как их вздернут, бывают особенно красноречивы. За небольшую дополнительную плату вы даже сможете с ними сфотографироваться!

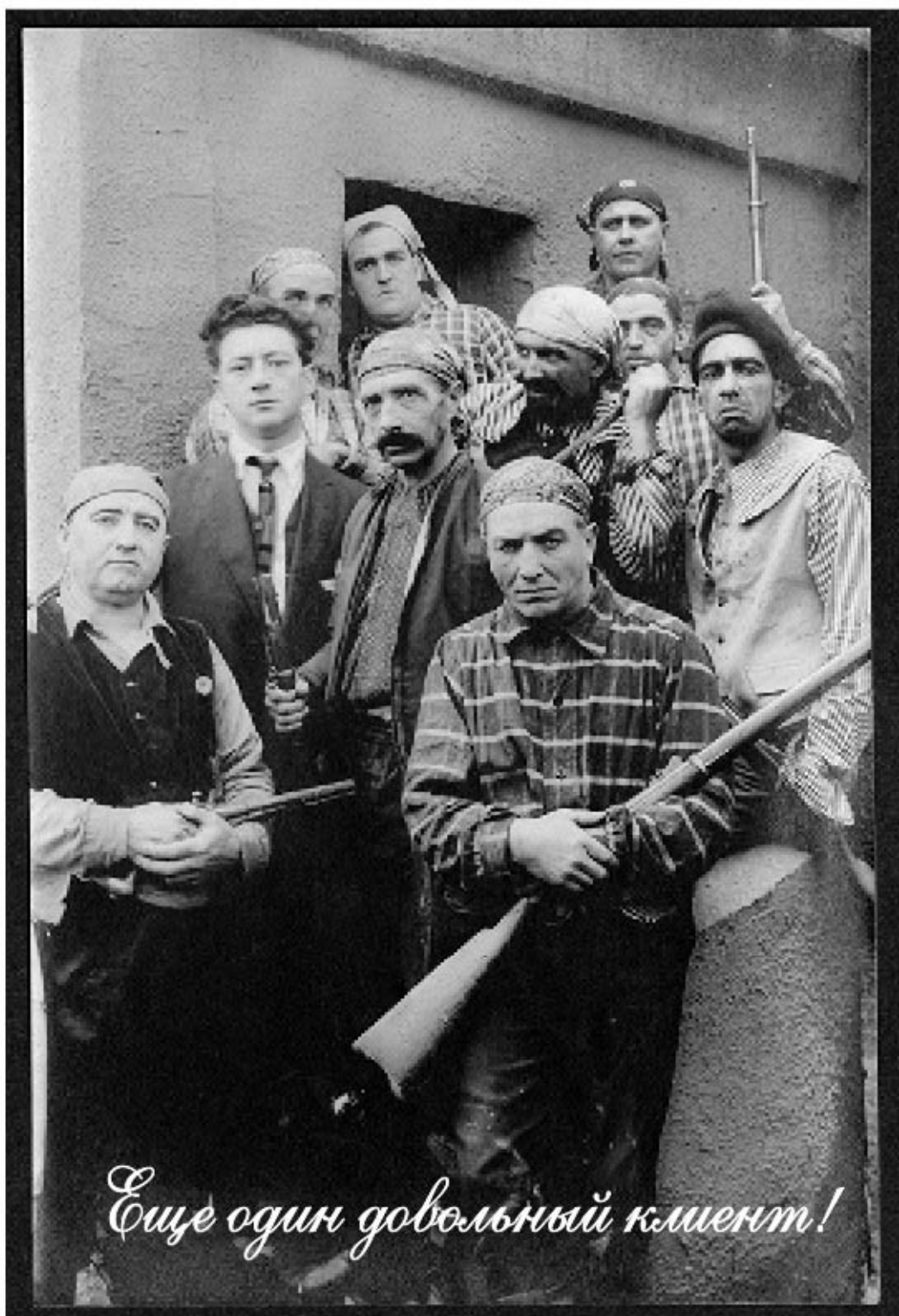
Проспект изобилует фотографиями улыбающихся туристов на фоне описанных им картин. На последней странице красовалось фото одного из гостей Харона, который позировал с бандой угрюмых пиратов, вооруженных ножами и пистолетами.

Речные туры
Харона

ОСАДНЫЕ МАШИНЫ
ВИКИНГОВ
ГОЛОД И ПЛАМЯ
ДЬЯВОЛЬСКОЕ ПОМЕСТЬЕ
(АКР)

Всего одна
золотая

Еще один довольный клиент!

– Странные люди делают это ради развлечения? – изумился я.

– Мы теряем время, – прошептала Эмма, обеспокоенно оглядываясь. – Я уверена, что он просто тянет время и задерживает нас до появления следующего патруля тварей.

– Я так не думаю, – возразил я. – Подожди...

Харон продолжал говорить, будто не слышал нас.

– ...а когда мы будем проплывать под Лондонским мостом, вы сможете увидеть ряды копий с головами безумцев на остриях. И, наконец, самая популярная наша экскурсия. Во всяком случае, мне она нравится больше всех. А впрочем, не имеет значения, – с напускной скромностью произнес он, небрежно помахав рукой. – Если честно, я сомневаюсь, что Дьявольский Акр способен вас сколько-нибудь заинтересовать.

– Почему это? – спросила Эмма. – Там слишком хорошо?

– На самом деле жутковатое местечко. И уж точно не слишком подходящее для детей...

Эмма топнула от злости, от чего вся полусгнившая пристань зашаталась.

– Именно туда и отвезли наших друзей? – закричала она. – Это так?

– Не стоит выходить из себя, мисс. Прежде всего я беспокоюсь о вашей безопасности.

– Хватит морочить нам голову. Рассказывайте, что там!

– Ну, раз уж вы настаиваете...

Харон вздохнул с таким наслаждением, как будто погрузился в теплую ванну, и начал потирать руки. Казалось, уже одни мысли об этом доставляют ему удовольствие.

– Там творятся скверные вещи, – произнес он. – Ужасные вещи. Кошмарные вещи. Все, что вашей душе угодно, если вам по сердцу все скверное, гадкое и страшное. Я частенько мечтаю оставить свое занятие и остаться там навсегда... возможно, открыть небольшую бойню на Кровоточащей улице...

– Как, вы говорите, называется это место? – поинтересовался Эддисон.

– Дьявольский Акр, – грустно ответил Харон.

Все тело Эддисона, от носа до кончика хвоста, содрогнулось.

– Я его знаю, – мрачно произнес он. – Это ужасное место – самая порочная и опасная трущоба во всей долгой истории Лондона. Мне рассказывали о странных животных, которых привозят туда в клетках и заставляют участвовать в кровавых поединках. Мракведей выставляют против эму-рафов, шимпорогов против фламинго... родителей против

собственных детей! Их вынуждают калечить и убивать друг друга на потеху нескольким странным психопатам.

– Отвратительно, – ужаснулась Эмма. – Неужели странные люди на это способны?

Эддисон горестно покачал головой.

– Отщепенцы... наемники... изгнанники...

– Но среди странных людей не бывает отщепенцев! – возразила Эмма. – Если странный человек совершает преступление, его отправляют в петлю наказаний!

– Как же мало вы знаете о своем собственном мире, – покачал головой лодочник.

– Если преступник не попался, то его невозможно отправить в тюрьму, – пояснил Эддисон. – И у них всегда есть возможность сбежать в такую петлю, где не существует ни порядка, ни законов.

– Но то, что я слышал, напоминает ад, – вмешался я. – Как может кто-то отправиться туда по доброй воле?

– То, что для одних ад, – пояснил лодочник, – для других рай. Это последнее по-настоящему свободное место. Там можно купить или продать все, что угодно... – Он наклонился ко мне и понизил голос: – Или спрятать все, что угодно.

– Например, похищенных имбрин или странных детей? – уточнил я. – Вы на это намекаете?

– Я этого не говорил, – пожал плечами лодочник, извлекая из полы плаща запутавшуюся там крысу. – Кыш, Перси, папочка работает.

Он медленно и осторожно опускал крысу на деревянный настил, а мы с Эммой и Эддисоном, сбившись в тесный кружок, начали совещаться.

– Что вы об этом думаете? – прошептал я. – Неужели наших друзей действительно отвезли в это... дьявольское место?

– Твари в любом случае вынуждены держать своих пленников в петле, к тому же довольно старой, – кивнула Эмма. – Иначе большинству из нас грозит ускоренное старение, а спустя всего день-другой и смерть...

– Почему это должно волновать тварей? – спросил я. – Ведь все, чего они хотят, – это украсть наши души?

– Возможно, но они не могут допустить того, чтобы умерли имбрины. Они им необходимы для того, чтобы воспроизвести катастрофу 1908 года. Ты не забыл о безумном плане тварей?

– О том бреде, который нес Голан? О бессмертии и стремлении править миром...

– Ну да. Поэтому они и организовали похищение имбрин. Но чтобы

они не превратились в сморщенные сухофрукты, их необходимо где-то держать. Все указывает на старую петлю. Ее возраст должен быть не меньше восьмидесяти, а то и ста лет. И если Дьявольский Акр – это и в самом деле средоточие мерзости и беззакония...

– Уж можешь мне поверить, – кивнул Эддисон.

– ...то лучше места и не придумать. Думаю, именно там и держат своих пленников твари.

– К тому же это самый центр странного Лондона, – поддержал ее Эддисон. – Это очень хитрый и коварный план...

– Думаю, все ясно, – заключил я.

Эмма развернулась к Харону.

– Нам три билета в это отвратительное и жуткое место, которое вы только что описали, пожалуйста.

– Вы абсолютно уверены? – уточнил лодочник. – Не всем безгрешным агнцам, вроде вас, удастся вернуться с Дьявольского Акра.

– Уверены, – ответил я.

– Что ж, отлично. Но потом не говорите, что я вас не предупреждал.

– Единственная проблема в том, что у нас нет трех золотых, – добавила Эмма.

– Ах, вот как? – Харон соединил кончики длинных пальцев и глубоко вздохнул, отчего на нас повеяло холодом разверстой могилы. – Обычно я настаиваю на полной предоплате, но сегодня мне хочется быть щедрым. Мне нравится ваш оптимизм и решительность. Отдадите, когда сможете.

Он расхохотался, как будто понимая, что мы обречены, а значит, никогда не сумеем с ним рассчитаться. Сделав шаг назад, он взмахнул рукой в сторону лодки:

– Добро пожаловать на борт, дети.

Глава вторая

Но прежде Харон торжественно извлек из лодки шесть извивающихся крыс. Он сделал это с таким видом, как будто роскошь путешествовать без этих грызунов могут позволить себе только Очень Важные Странные Персоны, после чего подал руку Эмме, помогая ей войти в лодку. Наша троица расположилась на простой деревянной скамье, и Харон принялся отвязывать судно. Наблюдая за ним, я пытался понять, наша доверчивость – это всего лишь неосторожность или мы зашли слишком далеко и совершаем роковую ошибку.

К сожалению, обычно до нас доходит, что мы поступили опрометчиво, когда менять что-то уже слишком поздно. Когда появляется время поразмыслить над принятым решением, оказывается, что кнопку уже нажали, самолет выкатился из ангара или, как в нашем случае, лодка отчалила. Харон ногой оттолкнул свое суденышко, и я заметил, что он бос, а его ступни имеют не вполне человеческую форму. Длинные пальцы напоминали сосиски, а толстые желтые ногти загибались, как когти. У меня оборвалось сердце от осознания, что мы действительно совершили непоправимую ошибку.

Харон дернул шнур зажигания, и маленький подвесной двигатель закашлялся и завелся, окутав нас облаком голубого дыма. Подогнув длинные ноги, лодочник опустился на кучу черной ткани, образованной на полу его плащом, и осторожно провел лодку через лес деревянных опор. Спустя несколько секунд мы оказались на залитой теплым солнечным светом поверхности канала, искусственного притока Темзы. По обоим его берегам возвышались сверкающие оконными стеклами здания, а вокруг кишели суда и суденышки – красные, как леденцы, буксиры, широкие приземистые баржи и прогулочные катера с забитыми туристами палубами. Как ни странно, никто, казалось, даже не замечал скользящей мимо странной лодки с ангелом смерти у руля и не менее странными пассажирами – двумя забрызганными кровью детьми и собакой в очках. Впрочем, нас это вполне устраивало, потому что даже попытайся мы спрятаться, сделать это было решительно негде. Я предположил, что Харон каким-то образом заколдовал свою лодку, сделав ее недоступной для взоров обычных людей.

Разглядывая судно в свете дня, я заметил, что конструкции оно откровенно простецкой, поэтому в глаза бросалась замысловатая резная

фигура, вздымавшаяся на носу. Она изображала толстую, покрытую чешуей змею в форме плавной буквы S. Вот только вместо головы у нее было огромное, как арбуз, и начисто лишенное века глазное яблоко, взгляд которого был устремлен куда-то вперед.

– Что это? – спросил я, проводя ладонью по полированной поверхности фигуры.

– Тисовое дерево, – перекрикивая рев мотора, ответил Харон.

– Но зачем оно здесь?

– Чтобы смотреть! – ворчливо отозвался Харон.

Он включил двигатель на полную мощность – возможно, чтобы заглушить мои вопросы, – нос приподнялся над водой, и лодка начала стремительно набирать скорость. Я сделал глубокий вдох, наслаждаясь солнцем и ощущением ветра на лице. Эддисон вывалил язык и оперся лапами о борт. Еще никогда я не видел его таким счастливым.

Какой замечательный день для путешествия в ад.

– Я все думаю, как ты сюда попал, – вдруг произнесла Эмма. – Как ты вернулся в настоящее.

– И до чего ты додумалась?

– Существует только одно объяснение, хотя и не очень убедительное. Когда твари притащили нас в эти подземные тоннели и мы вернулись в настоящее, ты совершил переход с нами, вместо того чтобы внезапно остаться в полном одиночестве в тысяча восемьсот каком-то там году, только потому, что где-то рядом была мисс Сапсан. Она и помогла тебе перейти, и этого никто не заметил.

– Не знаю, Эмма, это выглядит так... – Я замялся, опасаясь произнести какую-то резкость. – Ты думаешь, она пряталась в тоннеле?

– Я говорю, что это возможно. Мы понятия не имеем, где она была.

– Она у тварей. Каул сам это признал!

– С каких это пор ты стал верить тварям?

– Один-ноль, – кивнул я. – Но поскольку Каул хвастался тем, что она у них, я решил, что, скорее всего, он говорит правду.

– Возможно... или он это сказал только для того, чтобы сломить наш дух и заставить отказаться от борьбы. Он пытался вынудить нас сдаться его солдатам, не забыл?

– Точно, – нахмурившись, произнес я. – От обилия возможностей мозг начал закипать. – Ну хорошо, предположим, что одновременно с нами в том тоннеле была и мисс Сапсан. Зачем ей понадобилось отправлять меня обратно в настоящее в качестве пленника тварей? Ведь у нас собирались отнять наши вторые души? Правильнее было бы оставить меня в той петле.

На мгновение Эмма растерялась. Но тут же просияла и произнесла:

– Да, конечно, если только нам с тобой не предстоит спасти всех остальных. Возможно, это часть ее плана.

– Но откуда ей было знать, что мы сбежим от тварей?

Эмма покосилась на Эддисона.

– Возможно, ей помогли, – прошептала она.

– Эм, эта гипотетическая цепочка событий становится все более и более невероятной. – Я сделал глубокий вдох, тщательно подбирая слова. – Я знаю, что тебе хочется верить в то, что мисс Сапсан свободна и каким-то образом за нами присматривает. Я тоже этого хотел бы...

– Я желаю этого так сильно, что это причиняет мне физическую боль, – кивнула она.

– Но если бы она действительно была свободна, она бы каким-то образом с нами связалась. А если бы в это был замешан он, – тихо добавил я, кивая в сторону Эддисона, – то он уже давно проговорился бы.

– Не проговорился бы, если бы поклялся молчать. Возможно, об этом слишком опасно знать даже нам. Если бы мы знали, где находится мисс Сапсан, и кто-то узнал, что нам это известно, мы могли бы не выдержать пыток...

– А он? – произнес я так громко, что пес вскинул голову и посмотрел на нас.

Ветер забавно раздувал его щеки и трепал язык.

– Привет! – воскликнул он. – Я уже насчитал пятьдесят шесть рыб, хотя парочка, возможно, на самом деле была обрывками затонувшего мусора. О чем вы там шепчетесь?

– Да так, ни о чем, – ответила Эмма.

– Почему-то я в этом сомневаюсь, – проворчал он, но инстинкт быстро взял верх над подозрительностью и спустя всего секунду он уже тьякнул: – Рыба! – Все его внимание снова было приковано к воде. – Рыба... рыба... мусор... рыба...

Эмма мрачно усмехнулась.

– Я понимаю, что это совершенно безумная идея. Но мой мозг – это установка по производству надежды.

– И меня это очень радует, – откликнулся я, – потому что мой генерирует исключительно катастрофические прогнозы.

– В таком случае мы нужны друг другу.

– Да, но мне кажется, мы это поняли уже давно.

В такт покачиваниям лодки наши плечи соприкасались и снова отдалялись друг от друга, соприкасались и отдалялись.

– Вы уверены, что не хотите отправиться в романтическое плавание? – поинтересовался Харон. – Еще не поздно.

– Абсолютно уверены, – ответил я. – У нас важное задание.

– В таком случае я предложил бы вам открыть ящик, на котором вы сидите. Когда мы войдем в петлю, вам понадобится то, что там лежит.

Мы приподняли откидное сиденье скамьи и увидели большое полотнище брезента.

– Для чего это нам?

– Будете под ним прятаться, – ответил Харон, поворачивая лодку в еще более узкий канал с новыми и, очевидно, очень дорогими домами по берегам. – До сих пор мне удавалось скрывать вас от глаз окружающих, но внутри Акра мои способности не действуют, а всякие неприятные типы так и толкуются у входа в ожидании легкой добычи. Которой вы, вне всякого сомнения, являетесь.

– Я так и знал, что это ваших рук дело, – воскликнул я. – Никто из туристов на нас даже не покосился.

– Гораздо безопаснее наблюдать за тем, как совершаются исторические гнусности, когда участники этих безобразий вас не видят, – ответил Харон. – Могу ли я допустить, чтобы вас похитили викинги, как повашему? Вообразите себе отзывы пользователей!

Мы стремительно приближались к некоему подобию тоннеля – участку канала не более ста футов в длину. Участок был накрыт мостом, над которым возвышалось здание наподобие старого склада или ткацкой фабрики. В дальнем конце тоннеля сиял полукруг синего неба над сверкающей водой. Все, что находилось между нами и этим сиянием, представляло собой крошечную тьму. Это место как нельзя более походило на вход в петлю.

Мы вытащили из ящика огромный лоскут и накрыли им пол-лодки. Эмма легла рядом со мной, и мы натянули брезент на себя до подбородков, как простыню. Лодка скользнула под мост, и Харон заглушил двигатель, накрыв его другим обрывком брезента. Затем он поднялся и, раздвинув складной шест, погрузил его в воду. В полной тишине, отталкиваясь от дна сильными и плавными движениями, он вел лодку все дальше в темноту.

– Кстати, – произнесла Эмма, – от каких именно «неприятных типов» мы прячемся? От тварей?

– В мире странных существ гораздо больше зла, чем ненавистные вам твари, – ответил Харон, и его голос эхом отразился от каменных стен тоннеля. – Скрывающийся под маской друга манипулятор может представлять такую же опасность, как и открытый враг.

– Вы всегда изъясняетесь так туманно? – вздохнула Эмма.

– Головы, – рявкнул лодочник. – И ты, собака, тоже.

Эддисон юркнул под брезент, и мы поспешили накрыть лица. Под брезентом, который удушающе благоухал машинным маслом, было темно и жарко.

– Вам страшно? – прошептал в темноте Эддисон.

– Не особенно, – отозвалась Эмма. – А тебе, Джейкоб?

– Так страшно, что меня сейчас стошнит. А что скажет Эддисон?

– Конечно, нет, – ответил пес. – Робость не относится к характеристикам моей породы.

Но он тут же устроился между мной и Эммой, и я ощутил, что он дрожит всем телом.

* * *

Иногда переходы легки настолько, что, кажется, ты въезжаешь в петлю по идеально гладкому шоссе. На этот раз мы как будто угодили на испещренную ямами стиральную доску, на которой нас поджидали крутой поворот, а затем падение с обрыва – и все это в полной темноте. Когда издевательства наконец прекратились, я ощутил, что меня мутит, а голова раскалывается от боли. Интересно, почему некоторые переходы настолько сложны? – мелькнула мысль. – Возможно, это зависит от места, куда направляешься? Переход ощущался, как разбитая грунтовая дорога, ведущая в дикие и опасные тущобы, куда мы, собственно, и направлялись.

– Приехали, – объявил Харон.

– Все в порядке? – спросил я, нащупав руку Эммы.

– Нам необходимо вернуться, – простонал Эддисон. – Мои почки остались в настоящем.

– Помолчите, пока я не отыщу безопасное место, в котором вас можно высадить.

Просто удивительно, насколько обостряется слух человека, лишённого возможности использовать глаза. Замерев под брезентом, я как замороженный вслушивался в окружающие нас звуки давно исчезнувшего мира. Сначала раздавался только плеск шеста Харона, ритмично входящего в воду, но вскоре добавились и другие шумы. Сплетаясь в единое целое, они превращались в моем мозгу в весьма замысловатую картину. Вот шлепки дерева по воде, а мое воображение дорисовывало весла проплывающей мимо лодки, доверху нагруженной рыбой. Женские голоса,

как мне казалось, принадлежали хозяйкам, которые развешивали белье, одновременно обмениваясь сплетнями с соседками в окнах домов по другую сторону канала. Откуда-то доносились взрывы детского смеха и лай собак, а вдалеке раздавалось пение, сопровождающееся тяжелыми ударами молотов: «Бам-бам стучат молоты, бам-бам по шляпкам гвоздей!» Вскоре я уже как наяву видел трубочистов в цилиндрах, скачущих по улицам, полным грубоватого очарования, и людей, сбивающихся в группы в попытке облегчить свою трудную судьбу с помощью шутки или песни.

Я ничего не мог с этим поделать. Все, что мне было известно о викторианских трущобах, я почерпнул из пошловатой музыкальной версии Оливера Твиста. Когда мне было двенадцать, я участвовал в постановке любительского театра. Мне досталась роль сироты номер пять, и накануне спектакля меня охватил такой ужас перед выходом на сцену, что я симулировал желудочный грипп и смотрел всю пьесу из-за кулис, склонившись над помойным ведром.

Как бы то ни было, именно таким рисовалось мне окружающее. Заметив крошечную дырочку в брезенте, вне всякого сомнения прогрызенную крысами, я слегка развернулся и сумел припасть к ней глазом. Спустя всего несколько секунд веселый, навеянный мюзиклом мир рассеялся, как картина Сальвадора Дали. Первым представшим моему взгляду ужасом стали дома вдоль канала, хотя даже язык не повернулся бы дать этим сооружениям столь громкое определение. В этих полусгнивших сооружениях с просевшими стенами и крышами не сохранилось ни одной прямой линии. Они ссутулились и понурились, как шеренга измученных солдат, заснувших прямо на боевом посту. Казалось, что если бы они не подпирали друг друга стенами, то уже давно свалились бы в воду. Кроме страшной тесноты застройки, благодаря которой дома поддерживали друг друга, от падения стены, похоже, спасала также черновато-зеленая слизь, толстым и скользким слоем покрывавшая их нижнюю часть. На каждом крыльце торчком стоял похожий на гроб ящик, но что это такое, я понял, лишь услышав громкое протяжное кряхтение из одного такого ящика, вслед за которым из-под него что-то свалилось прямо в воду. Хлюпающие звуки, на которые я еще раньше обратил внимание, издавали вовсе не весла, а отхожие места, вносящие свой вклад в ту самую грязь, благодаря которой они все еще занимали более-менее вертикальное положение.

Женщины, что-то кричавшие друг другу, как я и предполагал, действительно находились у открытых окон по обе стороны канала. Вот только они не развешивали белье и уж точно не обменивались сплетнями, во всяком случае, в данный момент. Вместо этого они осыпали друг друга

оскорблениями и угрозами. Одна из них размахивала разбитой бутылкой и заливалась пьяным смехом, в то время как вторая изрыгала эпитеты, большинства которых я не понимал. («Ты просто дешевая потаскуха и готова улечься хоть с самым дьяволом, если он швырнет тебе фартинг»). Из уст этой тетки подобное обвинение само по себе звучало крайне нелепо, конечно, если я понял ее правильно, потому что верхняя часть ее тела была совершенно обнажена и ей, похоже, не было никакого дела до взглядов прохожих. При виде Харона обе прекратили переругиваться и попытались свистом привлечь его внимание, но он их как будто даже не заметил.

Чтобы отделаться от воспоминания о женщинах, я стал разглядывать еще более ужасную картину. Впереди нас через канал был переброшен шаткий пешеходный мост, на котором расположилась компания мальчишек. Они забавлялись тем, что опускали в воду собаку, привязанную за задние лапы к веревке, от души забавляясь, когда отчаянный лай несчастного существа сменялся бульканьем. Мне стоило больших усилий не откинуть брезент и не заорать на живодеров. К счастью, сцену не видел Эддисон. В противном случае ничто не смогло бы его удержать – он бросился бы на обидчиков собаки и выдал бы нас с головой.

– Я все вижу, – пробормотал Харон, обращаясь ко мне. – Если тебе не терпится осмотреться, обожди еще немного, скоро самое худшее будет позади.

– Ты подсматриваешь? – прошептала Эмма, ткнув меня локтем.

– Возможно, – ответил я, продолжая изучать окружающий нас мир.

Лодочник шикнул на нас. Затем извлек из воды шест и снял с него рукоять, в которой оказался короткий нож. Проплывая под мостом, он вытянул руку и перерезал веревку. Собака упала в воду и поспешно поплыла к берегу. Мальчишки взвыли от ярости и принялись швырять в нас всем, что попадалось под руку. Харон продолжил вести суденышко вперед, игнорируя их так же, как и женщин, пока огрызок яблока едва не угодил ему в голову. Он вздохнул, обернулся и спокойно откинул капюшон плаща – достаточно для того, чтобы его увидели мальчишки, но не я.

То, что они увидели, очевидно, напугало их до полусмерти, потому что они с воплями разбежались с моста. Один торопился так сильно, что споткнулся и свалился в зловонную воду канала. Харон усмехнулся и, поправив капюшон, снова взялся за шест.

– Что случилось? – встревожилась Эмма. – Что это было?

– Добро пожаловать на Дьявольский Акр, – ответил лодочник. – Теперь, если вам так хочется увидеть, где мы находимся, можете немного приоткрыть лица, и за оставшееся в нашем распоряжении время я

попытаюсь отработать золотой, проведя полноценную экскурсию.

Мы опустили брезент к подбородкам, и Эмма с Эддисоном ахнули. Эмма, вероятнее всего, при виде окружающего, а Эддисон, судя по наморщенному носу, – от его запаха. А аромат кипящего рагу из содержимого сточных канав был просто непередаваем.

– К этому быстро привыкаешь, – произнес Харон, правильно истолковав выражение моего скривившегося лица.

Эмма сжала мою руку и простонала:

– О, это ужасно...

И это вправду было ужасно. Теперь, когда я смог увидеть все это двумя глазами, мне действительно показалось, мы попали в ад. Фундаменты домов превратились в полуразложившуюся жижу. Канал зигзагами пересекали деревянные мосты, причем ширина некоторых из них не превышала одной доски, зловонные берега были завалены горами мусора, в которых копошились какие-то призрачные фигуры, перебивавшие всю эту мерзость. Преобладал черный цвет с редкими вкраплениями желтого и зеленого, по большей части сигнализирующими о процессе разложения. Все поверхности вокруг были черными – стены, лица, столбы дыма из дымоходов и, что еще хуже, из виднеющихся в отдалении фабричных труб. Оттуда же доносились глухие и мощные, как военные барабаны, удары огромных молотов по не менее внушительным наковальням, сотрясавшие все вокруг.

– Вот это, друзья, и есть Дьявольский Акр, – негромко заговорил Харон, чтобы его не услышал никто, кроме нас. – Его реальное население составляет семь тысяч двести шесть человек. Официальная цифра – ноль. Отцы города в своей мудрости отказываются даже признавать его существование. Очаровательный водоем, по поверхности которого в настоящее время мы скользим, носит название Лихорадочная Канава. Регулярно поступающие сюда отходы фабричного производства, содержимое нужников и трупы животных не только являются источником этого волшебного аромата, но также эпидемий всевозможных болезней, которые случаются здесь с такой регулярностью, что по ним можно сверять часы, и таких кошмарных, что все это место прозвали Столицей Холеры. И все же... – Он поднял затянутую в черную ткань плаща руку, указывая на девочку, ведром зачерпывающую воду из канала. – Для многих из этих несчастных созданий водоем служит одновременно сточной канавой и источником воды.

– Она собирается это пить? – ужаснулась Эмма.

– Через несколько дней, когда тяжелые частицы осядут на дно, она

использует более чистую жидкость, которая останется сверху.

Эмма отшатнулась.

– Нет...

– Да. Это ужасно, – небрежно согласился с ней Харон и продолжил излагать факты, будто читая по писаному. – Основными занятиями населения является сбор мусора и заманивание на Акр незнакомцев с тем, чтобы огреть их по голове дубиной, а затем ограбить. Развлекаются они тем, что употребляют любую горючую жидкость, которую удастся раздобыть, а затем со всей мочи горланят песни. Основными экспортными товарами этой области являются металлическая окалина, костная мука и нищета. Основные достопримечательности включают...

– Это не смешно, – перебила его Эмма.

– Прошу прощения?

– Я сказала, это не смешно! Эти люди страдают, а вы над ними подшучиваете!

– Я не подшучиваю, – царственно заявил Харон. – Я обеспечиваю вас важной информацией, которая, возможно, спасет вам жизнь. Но если вы предпочитаете окунуться в эти джунгли в полном неведении...

– Нет, не предпочитаем, – вмешался я. – Она очень сожалеет о том, что вас перебила. Пожалуйста, продолжайте.

Эмма неодобрительно на меня покосилась, и я ответил ей в равной степени неодобрительным взглядом. Политкорректности в нашей ситуации места не было, даже если слова Харона и в самом деле звучали несколько бессердечно.

– Говорите тише, Аида ради! – раздраженно отозвался Харон. – Итак, на чем я остановился? Среди главных достопримечательностей Акра хочется упомянуть Тюрьму найденшей Святой Рутледж. Это очень прогрессивное заведение, которое заключает сирот под стражу прежде, чем им представится возможность совершить какое-нибудь преступление. Тем самым экономятся огромные средства, а общество избавляется от потенциальных преступников. Также тут имеется Приют Святого Барнабуса для безумцев, жуликов и иных склонных к преступности элементов. Приют действует на добровольных амбулаторных основаниях и почти всегда пустует. И наконец, Дымящаяся улица, восемьдесят семь лет пожираемая подземным пожаром, который никто не удосужился потушить. Ага, – произнес он, указывая на обугленный проем между домами, – а вот и ее начало. Как видите, оно выгорело подчистую.

Несколько мужчин работало в этом просвете, сколачивая какую-то деревянную раму, судя по всему, для того, чтобы восстановить один из

сгоревших домов. При виде нас они выпрямились и громко поздоровались с Хароном, который лишь едва заметно махнул в ответ. Мне показалось, он чем-то смущен.

– Это ваши друзья? – поинтересовался я.

– Дальние родственники, – пробормотал он. – Оборудование виселиц – давний семейный бизнес...

– Оборудование чего? – переспросила Эмма.

Прежде чем он успел ей ответить, мужчины снова принялись за работу. В такт ударам молотков они громко пели: «Бам-бам стучат молоты, бам-бам по шляпкам гвоздей! Как здорово строить виселицы, нет ничего веселей!»

Если бы не охвативший меня ужас, я бы, наверное, расхохотался.

* * *

Мы продолжали медленно плыть по Лихорадочной Канаве. С каждым движением шеста Харона она становилась все уже, напоминая смыкающиеся вокруг нас ладони. Вскоре мосты через канал утратили всякий смысл, потому что через воду можно было перепрыгнуть без всякого труда. Серое небо казалось лишь трещиной между крышами нависающих с обеих сторон домов, и все вокруг погрузилось в удушающий полумрак. А Харон без умолку тараторил, словно оживший школьный учебник. Всего нескольких минут ему хватило, чтобы поведать нам о модных тенденциях Дьявольского Акра (особенной популярностью пользовались украденные парики, которые было принято носить в шлевке пояса брюк), его валовом внутреннем продукте (неизменно отрицательном) и истории его возникновения (как поселения предприимчивых, хотя и чудаковатых фермеров, обосновавшихся тут еще в начале двенадцатого века). Он уже принялся за описание архитектурных особенностей, когда Эддисон, который все это время не переставал ерзать рядом со мной, наконец не выдержал и перебил его:

– Ты, кажется, знаешь об этом гадючнике все, за исключением хоть чего-то, что могло бы пригодиться нам.

– Например? – напрягся Харон.

– Кому мы можем здесь доверять?

– Абсолютно никому.

– Как нам найти странных людей, которые живут в этой петле? – спросила Эмма.

– Я бы не советовал вам их искать.
– Где твари держат наших друзей? – спросил я.
– Моему бизнесу такая информация способна только повредить, – спокойно ответил Харон.

– В таком случае выпусти нас из этой чертовой лодки и мы займемся их розысками самостоятельно! – заявил Эддисон. – Мы попусту тратим драгоценное время, а твой нескончаемый монолог меня усыпляет. Мы наняли лодочника, а не училку!

– За такую грубость я мог бы выбросить вас прямо в Канаву, – фыркнул Харон, – но если я это сделаю, я никогда не получу золотые монеты, которые вы мне должны.

– Золотые монеты! – негодуяще воскликнула Эмма. – Как насчет помощи попавшим в беду странным людям? Как насчет порядочности и верности?

Харон усмехнулся.

– Если бы я придавал значение таким вещам, меня уже давным-давно не было бы на свете.

– Не думаю, что мир понес бы невосполнимую утрату, – пробормотала девушка, отворачиваясь.

Пока мы спорили, вокруг нас заструились щупальца тумана, который несколько не напоминал серую дымку Кэрнхолма. Здесь он был каким-то желто-коричневым и жирным, напоминая по цвету и структуре протертый суп. Его внезапное появление, похоже, не на шутку встревожило Харона, и по мере того, как видимость стремительно ухудшалась, он все чаще вертел головой, как будто пытаясь предугадать, откуда придет беда. Хотя, возможно, он искал удобное место, чтобы выгрузить нас на берег.

– Проклятье, проклятье, проклятье, – бормотал он. – Это плохой знак.

– Это всего лишь туман, – удивилась Эмма. – Мы не боимся тумана.

– Я тоже не боюсь тумана, – отозвался Харон. – Но это не туман. Это пелена, и она имеет искусственное происхождение. В пелене происходят ужасные вещи, и нам необходимо как можно скорее из нее выбраться. Спрячьтесь! – зашипел он, и мы поспешили нырнуть под брезент.

Я снова прильнул к своему глазку. Спустя всего несколько мгновений из пелены вынырнула встречная лодка. На веслах сидел мужчина, а на скамье напротив него расположилась женщина, и хотя Харон с ними поздоровался, ответа не последовало. Они молча уставились на него и не сводили глаз, пока мы не разминулись и их снова не поглотила пелена. Что-то бормоча себе под нос, Харон причалил к крохотной пристани у левого берега, едва проступающей из окружающего нас мрака. Но тут

послышались чьи-то шаги и тихие голоса, и Харон резко налег на шест, отталкиваясь прочь.

Мы зигзагами плавали от берега к берегу в поисках места высадки, но всякий раз, когда приближались к суше, Харон замечал что-то такое, что ему не нравилось, и мы двигались дальше.

– Стервятники, – бормотал он, – всюду стервятники...

Лично я никаких стервятников не замечал, пока мы не оказались под очередным просевшим мостом, по которому шел какой-то мужчина. Увидев проплывающую под ним лодку, мужчина остановился и глянул вниз. Затем он открыл рот и набрал в легкие воздуха. Я решил, что он собирается звать кого-то на помощь, но вместо крика из его рта вырвалась струя густого желтого дыма, устремившись к нам подобно воде из брандспойта.

Я перепугался и затаил дыхание. Что, если это ядовитый газ? Но Харон не накрывал лицо и не искал маску.

– Проклятье, проклятье, проклятье, – только и бормотал он, а дыхание этого типа окутывало нас, сливаясь с пеленой и делая видимость практически нулевой.

Нескольких секунд хватило для того, чтобы мужчина, мост, на котором он стоял, и оба берега канала скрылись из виду.

Я высунул голову из-под брезента (все равно нас уже никто не мог увидеть) и тихо произнес:

– Когда вы сказали, что вот это имеет искусственное происхождение, я и не предполагал, что это так буквально. Я думал, речь идет о дыме из труб.

– Ого, – воскликнула Эмма. – А для чего это нужно?

– Стервятники затягивают пеленой какую-либо местность, чтобы скрыть свою деятельность и ослепить будущую жертву. К счастью для вас, охотиться на меня довольно сложно.

С этими словами он извлек свой длинный шест из воды и через наши головы дотянулся до деревянного глаза на носу лодки. Он легонько постучал по глазу, и тот засветился, как противотуманная фара, разрезав пелену перед лодкой. Затем он снова опустил шест и с силой на него налег, медленно вращая лодку и освещая воду вокруг.

– Но если они это делают, значит, они странные, верно? – принялась рассуждать Эмма. – А если они странные, возможно, они вполне дружелюбны.

– Чистые сердцем не становятся пиратами, – ответил Харон. Тут наш прожектор выхватил из темноты приближающуюся лодку и Харон прекратил вращение. – Легки на помине.

Теперь мы видели их совершенно отчетливо, но все, что видели они, –

это ослепительное сияние. Это мало что давало, но, во всяком случае, позволило разглядеть противника, прежде чем мы снова скрылись под брезент. Лодка была в два раза больше нашей, и в ней сидело двое мужчин. Первый управлял почти бесшумным двигателем, а второй держал в руках дубину.

– Если они так опасны, – прошептал я, – почему мы просто их поджидаем?

– Мы слишком глубоко в Акре, так что бежать бесполезно. Скорее всего, я смогу отговорить их от нападения.

– А если нет? – прошептала Эмма.

– Вам, возможно, придется спасаться вплавь.

Покосившись на маслянистую черную воду, Эмма содрогнулась.

– Уж лучше умереть.

– Это уж как тебе заблагорассудится. А теперь, дети, я бы посоветовал вам исчезнуть и не шевелиться.

Мы снова натянули на головы брезент. Мгновение спустя кто-то по-дружески окликнул Харона:

– Здоров, лодочник!

– Здоров, – отозвался Харон.

Я услышал плеск поднимаемых из воды весел и тут же ощутил толчок. Это другая лодка столкнулась с нашей.

– Чем ты тут занимаешься?

– Катаюсь удовольствия ради, – непринужденно ответил Харон.

– Тем более что такой замечательный день к этому располагает! – расхохотался его собеседник.

Второй мужчина, похоже, совершенно не был расположен шутить.

– Что у тебя под тряпкой? – прорычал он с таким ужасающим акцентом, что я едва его понял.

– Мое личное дело, что я вожу в своей лодке.

– Все, что находится в Лихорадочной Канаве, – это наше дело.

– Старые канаты и всякий хлам, раз уж вам так интересно, – ответил Харон. – Ничего особенного.

– Значит, ты не возражаешь, если мы в этом убедимся? – спросил первый мужчина.

– Как насчет нашего уговора? Разве я вам уже не заплатил за этот месяц?

– Забудь об уговорах, – ответил второй. – Твари платят в пять раз больше за хороших и упитанных человечков на убой. А тех, кто их упустит... ждет карьер или того хуже.

– Что может быть хуже карьера? – спросил первый.

– Я не желаю этого знать.

– Ну же, джентльмены, будьте благоразумны, – снова заговорил Харон. – Возможно, пора договориться о новых условиях. Я способен конкурировать с кем угодно...

Человечки на убой. Я похолодел, несмотря на то, что температура под брезентом стремительно повышалась – Эмма торопливо согревала ладони. Я надеялся, что ей не придется пускать их в ход, однако мужчины не желали уступать, и я опасался, что треп лодочника способен лишь немного их задержать. Но драка привела бы к катастрофе. Даже одолей мы мужчин в лодке, но, как предупреждал Харон, повсюду стервятники. Я представил себе сбегаящуюся со всех сторон банду, и меня охватил ужас. Я совершенно не хотел знать, что означает человечки на убой.

Но тут раздался обнадеживающий звук – звон переходящих из рук в руки монет, и второй мужчина воскликнул:

– Да у него денег куры не клюют! Так я и в Испанию смогу податься...

Не успел я перевести дух, как у меня внутри все оборвалось. Я ощутил уже знакомую тянущую боль в животе и понял, что она начала зарождаться там уже давно. Сначала это был всего лишь легкий зуд, сменившийся тупой болью, которая становилась все более острой – явный признак того, что где-то поблизости находится пустота.

Но это была не какая-нибудь пустота, а моя пустота. Это слово возникло у меня в голове само собой. Моя. Но, возможно, я все перепутал. Возможно, это я принадлежал ей.

Ни первое, ни второе не гарантировало нашей безопасности. Я полагал, что она хочет убить меня так же сильно, как и любая другая пустота, но что-то временно обуздало это желание. Какая-то загадочная связь заставляла ее идти за мной и включала мой внутренний компас, стрелка которого указывала на пустоту, предупреждая о ее приближении. И вот сейчас она рядом и с каждой секундой все ближе.

Как раз вовремя, чтобы выдать наше присутствие. Теперь вопрос заключался только в последовательности: поймают нас эти мужчины, чтобы передать тварям, которые нас убьют, или пустота убьет нас прежде. Я твердо решил – если удастся живыми и невредимыми добраться до берега, я первым делом займусь тем, что избавлюсь от нее раз и навсегда.

Но где она? Если она так близко, как я это ощущаю, то, значит, она плыла к нам, а я не мог не услышать плеск, издаваемый существом с семью конечностями. Затем стрелка моего компаса повернулась и указала вниз. Я понял – я почти это увидел – пустота под водой. Судя по всему, пустоты

могли обходиться и без воздуха. Мгновение спустя раздался тихий стук. Это пустота прицепилась к днищу нашей лодки. Этот звук заставил вздрогнуть всех, но только я знал, что он означает. Мне хотелось предупредить друзей, но я не имел права даже шелохнуться. Тем временем от пустоты нас отделяло лишь несколько дюймов деревянного днища судна, на котором мы все лежали.

– Что это было? – услышал я голос первого мужчины.

– Я ничего не слышал, – солгал Харон.

Отцепись, – одними губами произнес я в надежде, что пустота меня услышит. Убирайся и оставь нас в покое. Вместо этого она начала издавать какой-то треск, от которого доски под нами задрожали. Я представил себе, как она грызет днище своими длинными зубами.

– Я тоже это слышал, – вмешался второй мужчина. – Рег, этот лодочник принимает нас за идиотов!

– Я тоже так думаю, – согласился первый.

– Уверяю вас, у меня и в мыслях ничего подобного не было, – заверил Харон. – Это все моя неисправная лодка. Давно нуждается в ремонте.

– Забудь. Можешь считать, что мы не договорились. Показывай, что там у тебя.

– Или вы могли бы позволить мне увеличить сумму вознаграждения, – продолжал Харон. – Будем считать это благодарностью за вашу доброту и отзывчивость.

Мужчины принялись совещаться вполголоса.

– Если мы его отпустим и кто-то другой поймает его с человечками на убой, нас ждет карьер.

– Или того хуже.

Убирайся, убирайся, УБИРАЙСЯ, – по-английски взмолился я, обращаясь к пустоте.

Тук, тук, ТУК, – ответила она стуком в корпус.

– Отворачивай это тряпье! – скомандовал первый мужчина.

– Сэр, если вы повремените всего одно мгновение...

Но мужчины были неумолимы. Лодка закачалась, как будто кто-то влез на борт. Раздались крики, затем шаги совсем рядом с нашими головами, затем звуки борьбы.

Смысла прятаться больше нет, – подумал я, и остальные, похоже, были со мной согласны. Я увидел, как озаренные огнем пальцы Эммы потянулись к краю брезента.

– На счет три, – прошептала она. – Готовы?

– Как скаковая лошадь, – прорычал Эддисон.

– Погоди, – остановил ее я. – Сначала вам следует знать – под лодкой...

И тут с нас сорвали брезент и мое предложение так и осталось незаконченным.

* * *

Дальше события разворачивались стремительно. Эддисон впился зубами в руку, сдернувшую брезент, а Эмма бросилась на ее изумленного владельца, обжигая его лицо раскаленными пальцами. Он взвыл, попятился и свалился в воду. В этой потасовке Харон упал, и второй мужчина занес над его головой дубину. Эддисон прыгнул на нападающего на нашего экскурсовода и зубами вцепился ему в ногу. Мужчина обернулся, пытаясь стряхнуть собаку, заминка позволила Харону вскочить и ударить местного в живот. Мужчина сложился пополам, и Харон обезоружил его стремительным разворотом шеста.

Мужчина решил спастись и прыгнул в свою лодку. Харон сдернул брезент с двигателя нашей и рванул шнур зажигания. Мотор ожил в ту самую секунду, когда рядом с нами оказалась третья лодка, стремительно вылетевшая из пелены. В ней находилось еще трое мужчин, один из которых был вооружен старинным пистолетом, и в данную минуту направлено оружие было прямо на Эмму.

Я крикнул девушке, чтобы она ложилась, и увлек за собой на дно лодки за секунду до выстрела. Тогда мужчина прицелился в Харона, который выпустил шнур и поднял руки. Думаю, тут бы нам и конец, если бы из моего горла сами собой не полились странные слова – громкие, уверенные и совершенно незнакомые моему слуху.

Потопи их лодку! Потопи их лодку своими языками!

За те полсекунды, которые потребовались всем участникам потасовки на то, чтобы обернуться и уставиться на меня, пустота оттолкнулась от днища нашей лодки и метнула языки в лодку врагов. Вылетев из воды, они обвились вокруг ее кормы и подбросили ее вверх и назад в обратном сальто, вытряхнувшем в воду троих мужчин.

Перевернутая лодка рухнула на двоих из нападавших.

Харон смог бы улучшить момент и снова включить зажигание, что позволило бы нам быстро покинуть поле боя, но он потрясенно застыл, забыв даже руки опустить.

Меня это вполне устраивало, потому что я еще не закончил.

Вон того, – произнес я, глядя на гада, который только что стрелял в Эмму, а сейчас беспомощно барахтался в воде.

Похоже, пустота слышала меня даже под водой, потому что спустя несколько мгновений человек закричал, глядя вниз, а затем исчез. Его как будто засосала вода, немедленно окрасившаяся в красный цвет.

– Я не сказал «съешь его»! – по-английски произнес я.

– Чего ты ждешь? – закричала Эмма Харону. – Валим отсюда!

– Да, да! – заикаясь, выдавил из себя лодочник.

Страхнув с себя оцепенение, он опустил руки и снова дернул шнур. Мотор взвыл. Харон рванул руль и резко развернул лодку, отчего мы все свалились друг на друга. Лодка встала на дыбы и ринулась вперед. В следующую секунду, разрывая плену, мы уже летели туда, откуда приехали.

Мы с Эммой переглянулись. Разговаривать было бесполезно, потому что за ревом мотора и шумом крови в ушах все равно никто ничего бы не расслышал, но мне показалось, что на ее лице написаны одновременно страх и восторг. Ее взгляд как будто говорил: Ты, Джейкоб Портман, удивительное и жуткое создание. Но когда она наконец заговорила, я смог услышать одно-единственное слово:

– Где?

И в самом деле – где? Я надеялся, что, пока пустота будет приканчивать пирата, нам удастся оторваться. Но прислушавшись к своим ощущениям, я понял, что она по-прежнему близко и плывет за нами, вероятно, используя один из своих языков в качестве буксировочного троса.

– Рядом, – одними губами произнес я.

Она повеселела и коротко кивнула в ответ:

– Хорошо.

Я покачал головой, пытаюсь понять, почему ей не страшно. Как она не понимает, насколько опасна пустота? Она уже попробовала кровь и только что оставила позади недоеденный обед. Кто знает, какая злоба бурлит в ее жилах? Но взгляд Эммы и ее легкая полуулыбка так меня воодушевили, что я решил, что способен на все.

Мы стремительно приближались к мосту и человеку, изрыгающему плену. Он нас поджидал, присев на корточки и целясь в нас из винтовки, дуло которой он положил на перила моста.

Мы пригнулись. Я услышал два выстрела. Снова подняв голову, я увидел, что никто не пострадал.

Мы въехали под мост. Через мгновение мы бы вылетели с противоположной стороны, представляя собой беззащитную мишень. Я не

мог этого допустить.

Я обернулся и на языке пустот закричал: «Мост!», и, похоже, это существо отлично меня поняло. Два свободных языка взметнулись и влажным шлепком обвилились вокруг шатких опор моста. Все три языка размотались и туго натянулись, образовав треугольник. Теперь пустота оказалась распята между мостом и лодкой, напоминая морскую звезду.

Лодка остановилась так быстро, как будто кто-то включил экстренное торможение. От неожиданного рывка мы все попадали. Мост застонал и закачался, и целившийся в нас человек тоже пошатнулся и выронил ружье. Я думал, что сейчас либо рухнет мост, либо не выдержит пустота, визжащая, словно застрявшая в дырявом заборе свинья. Казалось, еще немного, и она просто лопнет посередине. Но мост устоял, и стрелок нагнулся за ружьем. Из движущейся мишени мы превратились в неподвижную, только и всего.

Отцепись! – заорал я пустоте на ее языке.

Она не отцепилась, и я понял, что это создание никогда не оставит меня по доброй воле. Я бросился на корму и упал на живот, свесившись за борт. Один из языков чудовища обмотался вокруг руля. Вспомнив, как прикосновение Эммы однажды заставило пустоту выпустить ее лодыжку, я приказал девушке обжечь руль. Едва не свалившись в воду в попытке до него дотянуться, она исполнила мою просьбу. Пустота завизжала и отдернула язык-щупальце.

Будто выпущенная из пращи, пустота взмыла и с оглушительным грохотом врезалась в мост. Шаткая конструкция содрогнулась, развалилась и осыпалась в воду. Корма лодки снова упала, и очутившийся в воде двигатель швырнул нас вперед. От внезапного ускорения мы в очередной раз свалились на дно, катаясь там, как кегли в боулинге. Харон, которому удалось удержать руль, выпрямился и резко развернул суденышко, чудом избежав столкновения с берегом. Мы снова летели по черной поверхности Канавы, оставляя за собой V-образный след вспененной воды.

Мы пригнулись как можно ниже, опасаясь новых выстрелов, но, похоже, непосредственная опасность миновала. Стервятники остались где-то позади, и я даже представить себе не мог, как они сумеют нас теперь настичь.

– Это было то же существо, с которым мы встретились в метро? – тяжело пыхтя, спросил Эддисон.

Я вдруг обнаружил, что затаил дыхание, и, громко выдохнув, кивнул. Эмма смотрела на меня, ожидая пояснений, но я и сам еще не осознавал происходящее. Все мое тело, казалось, звенит от потрясения. Я только-то и

понял, что на этот раз мне почти удалось окончательно поработить пустоту. Похоже, с каждой новой встречей я все глубже проникаю в мозговой центр пустоты. Слова приходили легче и уже не казались моему языку чем-то чужеродным, и из-за этого пустота повиновалась все с большей готовностью. Но она все еще казалась мне тигром, на которого я накинул собачий поводок. В любой момент она могла развернуться и оттяпать кусок от меня или одного из моих друзей. И все же по какой-то непостижимой причине она этого до сих пор не сделала.

Возможно, – подумал я, – мне хватит еще пары попыток, чтобы окончательно ее себе подчинить. И тогда... и тогда... Бог ты мой, вот это мысль!

Тогда уже ничто не сможет нам помешать.

Я обернулся, глядя на пыль и деревянные обломки в воздухе в том месте, где всего несколько мгновений назад стоял мост. Среди руин я искал взглядом щупальца, но видел лишь безжизненный хаос из мусора. Я попытался ощутить пустоту внутренностями, но они молчали. Собственный живот показался мне выпотрошенным и пустым. Затем грязный туман сомкнулся позади нас, скрывая из виду рухнувший мост.

Именно сейчас, когда я нуждался в помощи чудовища, оно взяло да и погибло.

* * *

Лодка клюнула носом, когда Харон выключил зажигание и в клубах медленно рассеивающейся пелены причалил к призрачным двухэтажным зданиям, унылой цепью протянувшимся у самой кромки воды. Своей угрюмой неприступностью они скорее напоминали внешнюю границу лабиринта или крепостную стену, а вовсе не жилые дома. Лодка медленно ползла вдоль этой стены, и мы всматривались в полумрак в поисках хоть одного входа. Наконец Эмма указала куда-то рукой, и, даже отчаянно прищурившись, я усомнился в том, что обнаруженное девушкой – это не просто игра теней.

Назвать это место переулком у меня фантазии не хватило. Оно скорее представляло собой некую узкую, как лезвие ножа, расселину не более полутора футов шириной и раз в пятьдесят выше. Вход в нее был обозначен прикрученной к стене зеленой замшелой лестницей. Резко поворачивая, проход окончательно терялся в темноте, ни разу не потревоженной солнцем.

– Куда он ведет? – спросил я.

– Туда, куда опасаются заглядывать даже ангелы, – ответил Харон. – Я планировал высадить вас в совершенно другом месте, но выбора не остается. Вы уверены, что хотите остаться, а не покинуть Акр вместе со мной? Еще не поздно передумать.

– Абсолютно уверены, – хором ответили Эмма и Эддисон.

Что касается меня, то я с готовностью оспорил бы их слова, но поздно поворачивать назад. Мы их спасем или умрем сами, – что-то в этом роде я произнес всего несколько дней назад. Пришло время исполнить обещание.

– В таком случае вылезайте, – сухо произнес Харон. Он извлек из-под скамьи канат, перебросил его через ступеньку лестницы и подтянул лодку к стене Канавы. – Все на выход. Смотрите, куда ставите ноги. Погодите, я первый.

Харон вскарабкался по скользким сходням с ловкостью человека, проделывавшего это много раз. Оказавшись наверху, он опустил на колени и протянул руку, по очереди помогая выбраться каждому из нас. Первой была Эмма. Затем я подал лодочнику взбудораженного и извивающегося Эддисона. А потом я, воистину гордый и глупый, поднялся по лестнице, отказавшись от помощи Харона, и едва не соскользнул вниз.

Не успели мы оказаться на берегу, Харон стал спускаться обратно в лодку, двигатель которой продолжал работать на холостых оборотах.

– Подождите, – окликнула его Эмма. – Куда вы едете?

– Прочь отсюда! – ответил Харон, спрыгивая в лодку. – Вы не могли бы подать мне канат?

– И не подумаю! Сначала вы должны показать, куда нам идти. Мы понятия не имеем, где находимся!

– Я не обслуживаю туристов на суше. Я предлагаю только экскурсии на катере.

Мы изумленно переглянулись.

– Объясните нам хоть что-нибудь, – взмолился я.

– А еще лучше дайте карту.

– Карту! – воскликнул Харон с таким видом, как будто глупее этой просьбы он в жизни ничего не слышал. – Нигде в мире нет такого количества воровских проходов, тоннелей убийств и разбойных притонов, как на Дьявольском Акре. Нанести все это на карту просто невозможно! А теперь прекращайте дурить и подайте канат.

– Только после того, как вы сообщите нам хоть какую-то полезную информацию! – заявила Эмма. – Например, имя человека, к которому мы сможем обратиться за помощью и который не выдаст нас тварям!

Харон расхохотался.

– Должен быть хоть кто-то, – вызывающе воскликнула Эмма.

– Да, и вы с этим человеком разговариваете, – поклонился Харон. Затем он быстро вскарабкался по лестнице и выдернул канат из рук Эммы. – С меня хватит. Прощайте, дети. Я абсолютно уверен, что больше мы с вами никогда не увидимся.

С этими словами он шагнул в лодку... и оказался по щиколотку в воде. Визгнув словно девчонка, он наклонился, чтобы осмотреть днище. Видимо, пули, пролетевшие мимо нас, продырявили корпус и судно дало течь.

– Посмотрите, что вы сделали! Мою лодку разнесли в щепы!

– Что мы сделали?

Глаза Эммы полыхнули опасным огнем.

– Теперь я сухопутная крыса, – театрально воскликнул Харон, убедившись в серьезности повреждений.

Он заглушил мотор, сложил свой длинный посох до размеров дубинки и снова поднялся по лестнице.

– Я должен найти мастера, который сможет отремонтировать мое судно, – заявил он, быстро проходя мимо нас, – и я не позволю вам идти за мной.

Мы вслед за ним вошли в узкий проход.

– Почему это? – резко поинтересовалась Эмма.

– Потому что вы прокляты! Вы приносите несчастья! – Харон замахал рукой, как будто отгоняя мух. – Сгиньте!

– Что значит «сгиньте»?

Она догнала Харона и схватила его за прикрытый плащом локоть. Он резко развернулся, выдернув у нее руку, и на мгновение мне показалось, что он хочет ее ударить. Я напрягся, готовясь прыгнуть и защитить девушку, но его рука так и зависла в воздухе, как некое предостережение.

– Я прошел по этому маршруту бесчисленное количество раз, и ни разу на меня не нападали пираты. Мне ни разу не пришлось послать к чертям осторожность и включить бензиновый двигатель. И никогда ничего не случилось с моей лодкой. Возня с вами – этодохлый номер, все равно с вас ничего не поймешь, кроме неприятностей, и я больше не хочу иметь с вами ничего общего.

Слушая его, я всматривался в переулок. Мои глаза постепенно привыкали к темноте, но то, что я увидел, привело меня в ужас. Расселина извивалась, как лабиринт между стенами домов, в которых зияли, подобно выпавшим зубам, лишённые дверей проемы. Окружающий мир был также

полон самых зловещих звуков. Он шептал, шуршал, топотал, поскрипывал... Я физически ощущал устремленные на нас жадные взгляды и слышал шелест извлекаемых из-за пояса ножей.

Остаться тут одним было нельзя. Что поделать, надо просить, – решил я.

– Мы заплатим вдвое больше обещанного, – произнес я.

– И починим вашу лодку, – добавил Эддисон.

– Да что мне с ваших проклятых грошей! – воскликнул Харон. – Вы что, не понимаете, что я разорен? Как мне теперь возвращаться на Дьявольский Акр? Или вы считаете, что стервятники оставят меня в покое после того, как мои клиенты ухлопали двоих из их шайки?

– А что нам было делать? – спросила Эмма. – Мы были вынуждены защищаться!

– Не заговаривай мне зубы! Они бы от меня сразу отцепились, если бы не... не это... – Харон посмотрел на меня и понизил голос до шепота: – Мог бы сразу предупредить, что ты заодно с созданиями ночи!

– Э-э-э... – смущенно протянул я, – я не сказал бы, что я с ними заодно...

– Я мало чего боюсь в этом мире, но стараюсь держаться подальше от этих чудовищ, высасывающих человеческие души, а судя по всему, одно из них следует за тобой по пятам, как верный пес! Полагаю, оно появится здесь с минуты на минуту?

– Вряд ли, – вздохнул Эддисон. – Разве вы не помните, что несколько минут назад ему на голову рухнул мост?

– Не мост, а мостик, – отмахнулся Харон. – А теперь прошу прощения, мне необходимо заняться ремонтом.

С этими словами он заспешил прочь.

Прежде чем мы успели его догнать, он повернул за угол, а когда мы добежали до этого угла, он уже исчез, видимо, скрывшись в одном из упомянутых им тоннелей. Мы топтались на месте, растерянно и испуганно озираясь.

– Я не могу поверить в то, что он вот так взял и бросил нас, – воскликнул я.

– Я тоже, – хладнокровно поддержал меня Эддисон. – Кстати, я уверен, что он этого и не сделал. Я думаю, что он торгуется. – Пес откашлялся, сел на задние лапы и, подняв голову, громко обратился к козырькам крыш: – Дорогой сэръ! Мы собираемся спасти наших друзей и наших имбрин, и, попомните мои слова, мы это сделаем! И когда это произойдет и они узнают, как вы нам помогли, они будут чрезвычайно

благодарны.

Он сделал небольшую паузу, а затем продолжил:

– Птица с ним, с состраданием! Плевать на верность! Если вы действительно так умны и честолюбивы, как мне кажется, то вы не упустите представившейся вам уникальной возможности профессионального роста. Мы уже по уши перед вами в долгу, но монеты, которые вам платят дети и животные, – это очень скромный заработок по сравнению с тем, что означает задолженность со стороны сразу нескольких имбрин. Возможно, вам было бы приятно получить в свое полное распоряжение петлю, которая станет вашей личной собственностью и которую не будут портить другие странные существа! Выбирайте любой исторический период и любое географическое положение – цветущий летний остров в эпоху мира и покоя или грязная дыра с бушующей в ней эпидемией чумы. Все, что вам будет угодно.

– Они и в самом деле на это способны? – шепотом спросил я у Эммы.

Эмма пожала плечами.

– Вы только представьте свое безоблачное будущее! – распинался Эддисон.

Эхом отразившись от стен, его голос затих. Мы замерли, прислушиваясь.

Где-то спорили двое людей.

Сухое покашливание.

Кто-то волочил по лестнице что-то очень тяжелое.

– Что ж, это была замечательная речь, – вздохнула Эмма.

– Забудь о нем, – заявил я, вглядываясь в узкие переулки, прямо перед нами разбегающиеся во все стороны. – Куда дальше?

Выбрав направление наугад, мы зашагали прямо. Не успели мы пройти и десяти шагов, как чей-то голос произнес:

– На вашем месте я бы туда не ходил. Это переулок Каннибалов, и назвали его так совершенно не случайно.

Позади нас стоял Харон, упиравший руки в бока, похожий на фитнес-тренера.

– В старости я начал грешить мягкосердечием, – продолжал он. – Хотя возможно, на самом деле размягчились мои мозги.

– Это означает, что вы хотите нам помочь? – спросила Эмма.

Начал накрапывать дождь. Харон поднял голову, позволив каплям падать на его скрытое под капюшоном лицо.

– У меня тут есть знакомый адвокат. Сначала я хочу, чтобы вы подписали контракт, в котором будет изложено все, что вы мне должны.

– Хорошо, хорошо, – заторопилась Эмма. – Но вы нам поможете?

– Затем я должен позаботиться о ремонте своей лодки.

– А потом?

– Потом я вам помогу, так и быть. Хотя за результат не ручаюсь, и позвольте сразу сообщить, что я считаю вас всех идиотами.

С учетом того, как он с нами только что поступил, благодарить его не хотелось.

– А теперь не отставайте и в точности исполняйте все, что я вам буду говорить. Сегодня вы убили двух стервятников, и можете не сомневаться, они на вас уже охотятся.

Мы с готовностью согласились на его условия.

– Если вас поймают, вы меня не знаете и никогда не видели.

Мы снова закивали, как китайские болванчики.

– И что бы вы ни делали, не вздумайте прикасаться к амброзии, или клянусь своими глазами, вы никогда не сможете покинуть это место.

– Я не знаю, что это такое, – произнес я и, обернувшись к друзьям, понял, что они находятся в таком же неведении, как и я.

– Скоро узнаешь, – зловеще пообещал Харон.

В следующее мгновение он резко развернулся и, взмахнув полами плаща, углубился в лабиринт.

Глава третья

На современной бойне перед тем, как нанести корове смертельный удар, ее проводят по извилистому лабиринту. Резкие повороты и прямые углы позволяют животному видеть лишь небольшой участок пути. Поэтому оно осознает, куда попало, лишь когда лабиринт внезапно сужается и на его шее туго защелкивается металлический ошейник. Но спеша вместе с друзьями вслед за Хароном в самое сердце Дьявольского Акра, я был уверен, что знаю, что нас ожидает, хотя не имею ни малейшего представления, как и когда это произойдет. С каждым шагом и каждым поворотом мы увязали все глубже в этом проклятом клубке, распутать который немислимо.

Вокруг царило неизбывное зловоние абсолютно неподвижного воздуха с единственным выходом наверх, к неровной линии неба где-то у нас над головами. Расстояние между перекошенными и просевшими стенами было так мало, что местами приходилось двигаться боком, касаясь при этом затертых лоснящихся пятен, оставленных теми, кто бродил здесь до нас. Тут не было ничего естественного, ни клочка зелени, ни малейших признаков жизни, не считая кишачих повсюду насекомых и притаившихся в черных проемах призраков с налитыми кровью глазами. Если бы не наш облаченный в черный плащ провожатый с его гигантским ростом, они бы уже давно напали. Но нас вела сама Смерть, и мы неуклонно погружались в глубины Ада.

Мы все поворачивали и поворачивали. Все проходы выглядели совершенно одинаково. Тут не было ни знаков, ни надписей. Либо Харон обладал изумительной памятью, либо просто шагал наугад, пытаясь оторваться от пиратов, которые могли идти по нашему следу.

– Вы, вообще-то, знаете, куда мы идем? – не выдержала Эмма.

– Конечно, знаю! – не оглядываясь, рявкнул Харон и в очередной раз повернул.

Здесь он остановился, вернулся назад и спустился в дверной проем, расположенный значительно ниже уровня улицы. Последовав за ним, мы оказались в сыром подвале, не более пяти футов в высоту, едва освещенном сочащимся неведь откуда серым светом. Мы, пригнувшись, неслись по этому подземному коридору, треща разбросанными на полу костями животных и то и дело цепляя головами за потолок. Я старался не смотреть по сторонам, но все равно заметил съежившуюся в углу фигуру, каких-то

дрожащих от холода людей на убогих соломенных тюфяках, оборванного мальчика с переброшенным через руку ведерком попрошайки, лежащего прямо на земле. В дальнем конце коридор расширился, превратившись в комнату. Свет, проникавший сюда через заросшие грязью окна, позволял рассмотреть двух несчастных прачек, стиравших белье в тазу с вонючей водой из Канавы.

Преодолев несколько ступеней, мы наконец-то, к немалому нашему облегчению, выбрались наружу, на задний двор, образованный несколькими примыкающими друг к другу зданиями, окружившими нас со всех сторон. В какой-нибудь другой реальности здесь могла бы зеленеть веселая лужайка или аккуратная беседка приглашала бы под резной навес, но это был Дьявольский Акр, и мокрый двор представлял собой свалку и свиное стойло. Ветер сносил к стенам выбрасываемый из окон мусор, а в центре торчала скособоченная деревянная загородка, в которой стояла одна-единственная тощая свинья под охраной такого же костлявого мальчугана. Под глинобитной стеной сидела женщина и читала газету, а у нее за спиной стояла девочка, выбиравшая гнид из ее волос. Ни женщина, ни девочка не обратили на пробегающую мимо компанию никакого внимания, но мальчик поспешно поднял вилы, направив зубьями на нас. Как только ему стало ясно, что мы не посягаем на его свинью, он устало опустил на корточки.

Эмма остановилась посреди двора и подняла голову, глядя на веревки с бельем, натянутые между сточными желобами на крышах. Она снова напомнила нам, что в испачканной кровью одежде мы похожи на участников убийства, и предложила переодеться. Харон ответил, что в этих краях убийцы не являются чем-то невиданным, и поторопил ее. Однако девушка уперлась, напомнив, что тварь в метро видела нашу окровавленную одежду и описала своим сообщникам. В итоге узнать нас в толпе не составит никакого труда. Я подумал, что на самом деле причина ее настойчивости кроется в том, что ей неуютно в блузке, покрытой чужой заскорузлой кровью. Я ощущал то же самое, и к тому же если нам удастся отыскать друзей, то появляться перед ними в таком виде нежелательно.

Харон неохотно согласился с нашими доводами. Он вел нас к забору в конце двора, но неожиданно резко свернул, и мы вошли в одно из зданий. Вскарабкавшись по лестнице – один, два, три, четыре лестничных марша, – пока не начал задыхаться даже Эддисон, мы оказались в какой-то грязной комнатухе. Дырявая крыша не защищала лестницу от дождя, и доски площадки вздулись подобно ряби на поверхности пруда. Черная плесень покрывала стены. У закопченного окна две женщины и девочка склонились над ножными швейными машинами.

– Нам нужна одежда, – громовым басом, который сотряс тонкие стены, произнес Харон, обращаясь к женщинам.

Дамы подняли к нему бледные лица. Одна из швей взяла швейную иглу и сжала, как оружие.

– Пожалуйста, – произнесла она.

Харон поднял руку и слегка отвернул край капюшона, так, чтобы лишь швеи разглядели его лицо. Дамы ахнули, затем тоненько заскулили и без чувств упали лицом на стол.

– Это было обязательно? – спросил я.

– Не совсем, – признал Харон, поправляя капюшон. – Зато быстро и эффективно.

Из лоскутов ткани женщины шили простые сорочки и платья. Тряпье, с которым они работали, кучами громоздилось на полу, а готовые изделия, на которых было больше заплат и швов, чем на чудовище Франкенштейна, висели на веревках за окном. Эмма втягивала их внутрь, а я тем временем обвел взглядом комнату. Было совершенно очевидно, что это не просто рабочее место. Женщины здесь жили. На это указывала сколоченная из каких-то обломков кровать. Я заглянул в выщербленный горшок в очаге и обнаружил, что там готовится жуткая баланда из рыбьей чешуи и

пожухлых капустных листьев. Жалкие попытки украсить комнату – веточка засушенных цветов, прибитая к каминной полке подкова, портрет королевы Виктории – придавали жилищу еще более грустный вид, чем если бы тут вообще ничего этого не было.

Отчаяние буквально висело в воздухе. Казалось, его можно пощупать. Мне еще никогда не приходилось сталкиваться с такой ужасающей нищетой. Неужели странные люди могут влачить столь никчемное существование, спрашивал я себя. Я обратился с этим вопросом к Харону, втаскивавшему в комнату охапку сорочек. Мне показалось, что его оскорбило уже то, что я это допустил.

– Странные люди никогда до такого не опустились бы. Это обычные обитатели трущоб, угодившие в ловушку бесконечно повторяющегося дня этой петли. На гниющих окраинах Акра живут обычные люди, но его сердцевина принадлежит нам.

Значит, перед нами обычные люди. Мало того, люди, запертые в петле, подобно жителям Кэрнхолма, которых некоторые жестокие детишки дразнили своими налетами на деревню. Я напомнил себе, что эти люди такая же неотъемлемая часть окружающего пейзажа, как скалы или море. Но глядя на несчастных женщин, зарывшихся увядшими лицами в тряпье, служившее им материалом, мне было ужасно стыдно их грабить.

– Я уверена, что мы сразу пойдем, когда перед нами окажутся странные существа, – добавила Эмма, лихорадочно роясь в куче грязных блуз.

– Да, это будет нетрудно, – поддержал ее Эддисон. – Притворство никогда не было сильной стороной таких, как мы.

Сбросив окровавленную рубашку, я сменил ее на самую чистую сорочку, которую сумел отыскать. Полосатое одеяние без воротника с рукавами разной длины, сшитое из ткани более жесткой, чем наждачная бумага, напоминало робу заключенного. Но сорочка подошла по размеру, и, дополнив ее обнаруженным на одном из стульев простым черным пальто, я вполне мог сойти за одного из местных.

Мы отвернулись, пока Эмма переодевалась в похожее на мешок платье, подол которого лег на пол вокруг ее ног.

– Бежать в этом я точно не смогу, – пробормотала она и, схватив со стола ножницы, принялась укорачивать платье со всей осторожностью мясника на бойне.

Она терзала ветхую ткань, пока ей не удалось укоротить убогое одеяние до колена.

– Теперь лучше, – произнесла она, полюбовавшись на результат своих

усилий в зеркале. – Немного неровно, но...

– Гораций может сшить тебе платье получше, – вырвалось у меня, прежде чем я успел подумать. Каким-то образом я совершенно забыл, что друзья отнюдь не ожидают нас в соседней комнате – То есть... если мы их увидим снова...

– Прекрати, – оборвала меня Эмма.

На мгновение она погрузилась, и выражение ее лица стало совершенно растерянным. Затем она отвернулась, положила ножницы и решительно зашагала к двери. Когда она снова обернулась к нам, ее лицо было ожесточенным.

– Пошли. Мы и так потеряли слишком много времени.

Она обладала изумительной способностью обращать грусть в гнев, а гнев в действия, и ничто не могло надолго выбить ее из колеи. Мы с Эддисоном, а также Харон, который до этой минуты, наверное, и не подозревал, с кем имеет дело, вслед за ней вышли из комнаты и спустились по лестнице.

* * *

Весь Дьявольский Акр – во всяком случае, его странная часть – представлял собой квадрат со стороной в десять или двадцать кварталов. Покинув рабочий дом, мы вышли во двор, оторвали от забора доску и протиснулись в ужасающе узкий проулок. Он вывел нас в другой чуть менее узкий проход, который перешел в чуть более широкую улочку, а та в свою очередь в переулок достаточно широкий для того, чтобы мы с Эммой смогли идти рядом. Переулки продолжали расширяться, как артерии, расслабляющиеся после сердечного приступа, пока наконец мы не оказались на улице, которая по праву могла так именоваться и мощеную мостовую которой обрамляли тротуары.

– Подождите, – прошептала Эмма.

Мы попятились и осторожно выглянули из-за угла, похожие на готовых к броске коммандос.

– И чем, по-вашему, вы занимаетесь? – поинтересовался Харон.

Он по-прежнему стоял на улице и, похоже, скорее опасался того, что мы его опозорим, а не того, что его кто-нибудь убьет.

– Изучаем места возможных засад и пути отступления, – ответила Эмма.

– Никаких засад не будет, – ответил Харон. – Пираты действуют только

на ничейной территории. Сюда они не сунутся. Это Скверная улица.

Тут даже была табличка, удостоверяющая слова Харона, первая, которую я увидел на Дьявольском Акре. «Скверная улица», гласила замысловатая надпись с припиской «Пиратство не поощряется».

– Не поощряется? – поднял брови я. – В таком случае, как тут относятся к убийствам? Неодобрительно?

– Насколько я помню, убийство «допускается с оговорками».

– Тут вообще существует хоть что-либо незаконное? – спросил Эддисон.

– Да, тут очень строгие штрафы за нарушение правил пользования библиотекой. Десять розог в день, и это только за книги в бумажных переплетах.

– Тут есть библиотека?

– Целых две. Хотя в одной из них хранятся очень ценные книги в переплетах из человеческой кожи, которые на руки не выдают.

Мы медленно вышли из-за угла и растерянно огляделись. На ничейной территории смерть, казалось, подстерегала на каждом углу, но Скверная улица явно представляла собой воплощение гражданского порядка. Она изобиловала магазинчиками, расположенными на первых этажах зданий и снабженными витринами и вывесками. Верхние этажи занимали квартиры. Нигде ни провалившихся крыш, ни разбитых окон. По улице ходили люди по одному и парами. Время от времени они останавливались, разглядывая витрины, заходили в магазинчики. Их одежду нельзя было назвать лохмотьями, у них были чистые лица. Улица не сверкала новизной, но потертые поверхности и облупившаяся краска скорее придавали ей сходство со старинным изделием ручной работы, слегка обтрепавшимся по краям, но от этого лишь еще более изящным и даже очаровательным. Случись моей маме увидеть Скверную улицу в одном из часто листаемых, но никогда не читаемых туристических проспектов, которыми всегда был завален журнальный столик у нас дома, она была бы наповал сражена ее обаянием. Она тут же принялась бы жаловаться на то, что они с отцом так ни разу и не побывали в настоящем европейском турне. «О, Фрэнк, прошу тебя, давай съездим!»

– Я ожидала чего-то гораздо более зловещего, – протянула Эмма, не в силах скрыть разочарование.

– Я тоже, – кивнул я. – Что-то я не вижу ни разбойничьих притонов, ни кровавых поединков.

– Я не знаю, чем, по вашему мнению, занимается местное население, – фыркнул Харон, – но о разбойничьих притонах мне точно ничего не

известно. Что касается кровавых поединков, то они проходят в одном-единственном месте – пабе Дерек на Кровоточащей улице. Хороший парень, этот Дерек. Он задолжал мне пятерку...

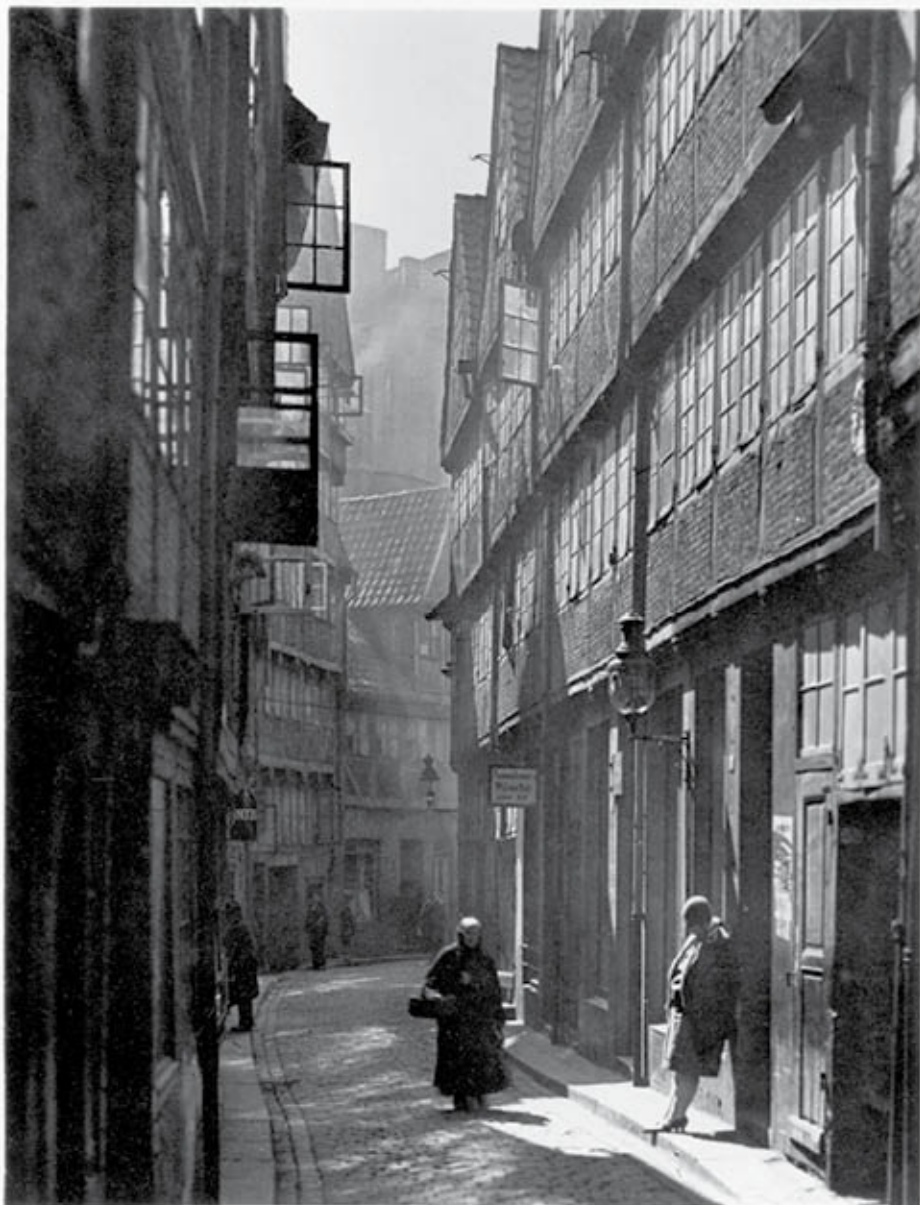
– А твари? – перебила его Эмма. – Как насчет наших похищенных друзей?

– Говорите тише, – прошипел Харон. – Как только я решу свои собственные вопросы, мы найдем человека, который сможет помочь вам. А до тех пор ничего подобного не произносите.

– В таком случае не заставляйте меня повторять эти слова, – вплотную приблизившись к Харону, прошипела Эмма. – Хотя мы и ценим вашу помощь и опыт, нашим друзьям уже назначена дата окончания жизни. Я не собираюсь попусту терять время из опасения нарушить чье-то спокойствие.

Харон молча смотрел на нее. Затем он произнес:

– У нас у всех имеется такая дата. На твоем месте я бы не спешил узнать свою.

* * *

Мы отправились на розыски адвоката Харона. Но очень скоро наш провожатый в отчаянии воскликнул:

– Я готов поклясться, что его контора находилась где-то на этой улице. – Он резко развернулся и зашагал в противоположную сторону. – Хотя в последний раз я был у него много лет назад. Возможно, он переехал.

Харон решил отправиться на розыски самостоятельно, а нам приказал дожидаться его, не сходя с места.

– Я вернусь через несколько минут. Ни с кем не болтайте.

Он зашагал прочь, а мы остались одни. Мы неловко топтались на тротуаре, не зная, чем себя занять, и явно привлекая внимание прохожих.

– Здорово он нас провел, верно? – наконец произнесла Эмма. – Я ему поверила, представляла себе это место как сплошной притон, изобилующий всевозможными преступниками. Но эта петля ничем не отличается от всех остальных. Более того, местные выглядят гораздо более нормальными, чем все странные люди, которых я видела до сих пор. Их как будто намеренно лишили всех отличительных признаков. Что за скука.

– Ты, должно быть, шутишь, – пробормотал Эддисон. – Впервые вижу столь отвратительное место, где зло так и кишит.

Мы оба изумленно уставились на него.

– Как это? – спросила Эмма. – Здесь ничего нет, кроме этих маленьких магазинчиков.

– Да, но обрати внимание на то, что в них продается.

Нам с Эммой и в голову не приходило присмотреться к витринам. Одна из них находилась прямо у нас за спиной. В ней стоял хорошо одетый мужчина с грустными глазами и длинной бородой. Увидев, что мы на него смотрим, он слегка кивнул, поднял вверх карманные часы и коснулся кнопки на корпусе. Как только он ее нажал, он застыл и его образ начал расплываться. Несколько секунд спустя он переместился, не сделав ни единого движения, – он исчез и тут же появился снова в противоположном углу витрины.

– Ого! – воскликнул я. – Вот это трюк!

Он исполнил свой фокус во второй раз, телепортировавшись обратно. Пока я как замороженный наблюдал за его перемещениями, Эмма и Эддисон перешли к витрине соседнего магазина. Я присоединился к ним и обнаружил там похожую демонстрацию, только здесь за стеклом стояла женщина в черном платье. В одной руке она держала длинную нить бус.

Встретившись с нами глазами, она закрыла глаза и, подобно сомнамбуле, вытянула руки вперед. Затем она начала медленно перебирать бусы. Мой взгляд был прикован к ее пальцам, и я не сразу заметил, что с ее лицом что-то происходит. Оно менялось, почти неуловимо, с каждой бусиной, которой она касалась. Одна бусина заставила ее кожу посветлеть.

Вторая сделала ее губы тоньше. Затем едва заметно порыжели ее волосы. Спустя несколько дюжин бусин изменений накопилось столько, что ее лицо изменилось до неузнаваемости. Из темноволосой и смуглой круглолицей бабули она превратилась в молодую остроносую рыжеволосую дамочку. Это зрелище привело меня в восторг, к которому примешивалось ощущение тревоги.

Когда представление окончилось, я обернулся к Эддисону.

– Я не понимаю, – произнес я. – Что они продают?

Не успел он мне ответить, как к нам подскочил мальчишка лет двенадцати и сунул в руку две открытки.

– Только сегодня, две по цене одной! – заворковал он. – От таких предложений не отказываются!

Я посмотрел на открытки. На одной было фото мужчины с часами. «Дж. Эдвин Брэгг, – гласила надпись на обороте. – Человек, способный перемещаться в пространстве». Вторая представляла собой снимок женщины с бусами и надписью: «Г. Фюнке, тысячеликая женщина».

– Кыш, мы ничего не собираемся покупать, – шикнула на него Эмма.

Мальчишка нахмурился и убежал.

– Теперь вы видите, что они продают? – спросил Эддисон.

Я обвел взглядом улицу. Почти во всех витринах магазинчиков на Скверной улице стояли люди, как мужчина с часами и женщина с бусами. Это были странные люди, готовые устроить представление, стоило кому-то покоситься в их сторону.

– Они продают... себя? – рискнул выдвинуть я безумное предположение.

– Подобно тому, как изредка мигает потухшая лампочка, – кивнул Эддисон.

– И это плохо? – нерешительно произнес я.

– Да, – резко ответил Эддисон. – Во всем мире странных людей это запрещено законом, и тому есть самые веские основания.

– Странность – это священный дар, – пояснила Эмма, – самая суть которого выхолащивается и теряет ценность, как только им начинают торговать.

Мне показалось, что она, как попугай, повторила фразу, вбитую в нее в самом раннем детстве.

– А-а-а, – протянул я. – Понятно.

– Мы тебя не убедили, – вздохнул Эддисон.

– Я действительно не понимаю, что в этом плохого. Если мне нужны услуги невидимого человека, а этому невидимому человеку нужны деньги, почему бы нам не договориться?

– Но ты высоконравственный человек, и это отличает тебя от девяноста девяти процентов обитающих на земле людей, – сообщила мне Эмма. – Что, если услуги невидимого человека захочет купить преступник или просто не очень порядочный тип?

– Невидимый человек должен ему отказать.

– Но в жизни не все бывает черным или белым, – принялась разъяснять Эмма. – Торговля собой постепенно размагничивает компас твоей нравственности. Незаметно для себя ты переступаешь невидимую черту между добром и злом и начинаешь совершать поступки, которые ни за что не совершил бы, если бы тебе за них не заплатили. А если такой странный человек попадает в затруднительное материальное положение, он становится способен продаться кому угодно, независимо от намерений покупателя.

– Например, твари, – многозначительно произнес Эддисон.

– Ну да, я понял, это действительно было бы ужасно, – согласился я. – Но неужели вы и в самом деле считаете, что странные люди на это

способны?

– Не будь тупицей! – возмутился Эддисон. – Ты только взгляни на состояние этого места. Это, наверное, единственная петля во всей Европе, которую не разорили твари! И как ты думаешь, почему? Я уверен, что только потому, что им очень удобно ею пользоваться. Представь – петля, полностью населенная перевертышами и информаторами, в любую секунду готовыми исполнить приказ.

– Может, тебе стоило бы говорить тише, – заметил я.

– Теперь мне все понятно, – прошептала Эмма. – Должно быть, они по всем петлям разослали своих доносчиков. Иначе как могли они всё о нас узнать? Входы в петли, способы защиты, слабые места... Это возможно только с помощью вот таких людей.

Она обвела магазинчики брезгливым взглядом человека, только что сделавшего глоток свернувшегося молока.

– От таких предложений и в самом деле не отказываются, – зарычал Эддисон. – Предатели, все как один. Перевешать их!

– Что стряслось, милая? Неудачный день?

Мы обернулись и увидели женщину. (Как давно она здесь стоит? Что она слышала?) Она была одета в строгим и деловом стиле 1950-х годов – юбка до колена и низкие черные туфли-лодочки – и лениво попыхивала сигаретой. Ее волосы были взбиты в пышную высокую причёску, а американский акцент выдавал уроженку Среднего Запада.

– Я Лоррейн, – представилась она, – а вы, я вижу, тут новенькие.

– Мы ждем знакомого, – ответила Эмма. – Мы... отдыхаем.

– О, как я вас понимаю! – пропела Лоррейн. – Я и сама в отпуске. Последние пятьдесят лет. – Она рассмеялась, демонстрируя испачканные помадой зубы. – Если я могу вам чем-то помочь, только скажите. У Лоррейн лучший выбор на всей Скверной улице, это без всяких преувеличений.

– Спасибо, не надо, – покачал головой я.

– Не волнуйся, милый. Они не кусаются.

– Нас это не интересует.

Лоррейн пожала плечами.

– Я всего лишь хотела помочь вам освоиться. Просто вы выглядите немного потерянно, вот и все.

Она уже собиралась уйти, но ее слова неожиданно заинтересовали Эмму.

– Выбор чего? – решила уточнить девушка.

Лоррейн обернулась и сально улыбнулась.

– Старые, молодые, всевозможные таланты. Часть моих клиентов интересуется лишь представлением, и это меня вполне устраивает. Но у некоторых бывают особые запросы. Мы стремимся удовлетворить все потребности.

– Мальчик уже сказал, спасибо, не надо, – проворчал Эддисон.

Он уже открыл пасть, чтобы хорошенько отчитать женщину, но Эмма заслонила его собой и заявила:

– Я бы хотела взглянуть.

– Что ты сказала? – прошептал я.

– Я хочу взглянуть, – повторила Эмма, и в ее голове отчетливо прозвучало легкое раздражение. – Покажите мне.

– Я имею дело только с серьезными клиентами, – сообщила ей Лоррейн.

– О, я очень серьезный клиент.

Я не понимал, что задумала Эмма, но доверял ей достаточно для того, чтобы не перечить.

– А как насчет них? – поинтересовалась Лоррейн, неуверенно глядя на нас с Эддисоном. – Они всегда такие грубые?

– Да. Но в целом они ничего.

Лоррейн прищурилась и смирив нас взглядом, как будто прикидывая, насколько сложно будет вышвырнуть нас из заведения в случае, если возникнет такая необходимость.

– Что ты умеешь делать? – спросила она у меня. – Хоть что-нибудь?

Эмма откашлялась и выкатила на меня глаза. Я тут же понял, что она хочет этим сказать. Солги!

– Раньше я умел поднимать в воздух карандаши и другие предметы, – ответил я. – Но теперь у меня не получается заставить карандаш даже стоять на столе. Мне кажется, я не... не в порядке... не знаю, что со мной.

– Такое случается даже с лучшими из них, – заметила женщина и перевела взгляд на Эддисона. – А ты?

Эддисон закатил глаза.

– Я говорящий пес!

– И это все, что ты умеешь?

– Вот и я иногда задаю себе тот же вопрос, – не удержался я.

– Я не знаю, кто из вас оскорбил меня сильнее, – зарычал Эддисон.

Лоррейн в последний раз затянулась своей сигареткой и щелчком отшвырнула окурок в сторону.

– Ну ладно, милашки. Идите за мной.

Она зашагала по тротуару, а мы на мгновение задержались, чтобы

посоветаться.

– Как насчет Харона? – спросил я. – Он сказал ждать здесь.

– Мы отлучимся всего на одну минуту, – успокоила меня Эмма. – И что-то мне подсказывает, что ей известно, где скрываются твари, гораздо лучше, чем Харону.

– И ты думаешь, что она так просто возьмет и все нам выложит? – поинтересовался Эддисон.

– А вот это мы увидим, – ответила Эмма и заспешила за Лоррейн.

* * *

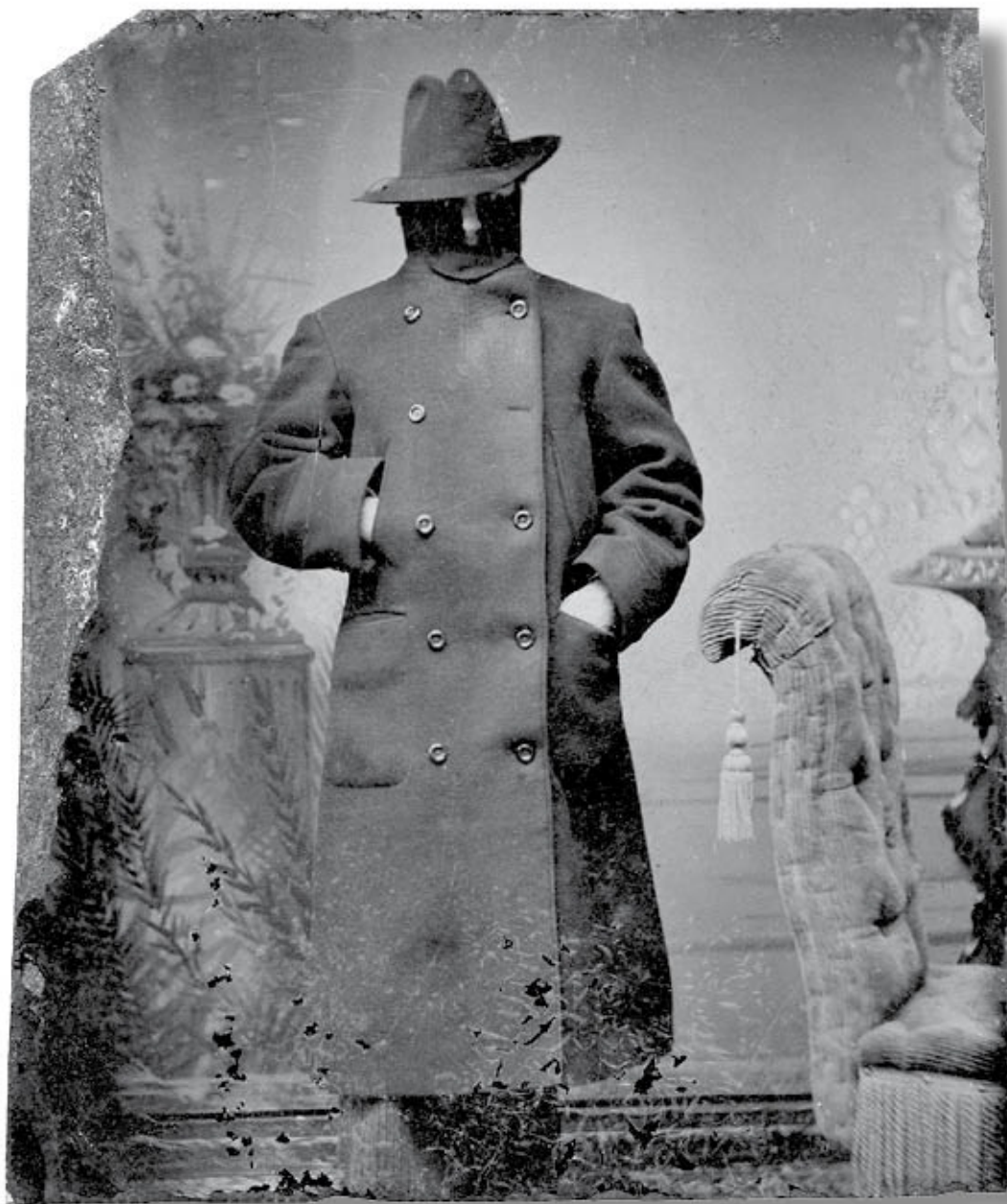
У магазинчика Лоррейн не было ни витрины, ни вывески – всего лишь простая дверь с серебряным колокольчиком на шнурке. Лоррейн позвонила в колокольчик, но открыли нам не сразу. Вначале изнутри донеслись звуки многочисленных отодвигаемых в сторону засовов, после чего между косяком и дверью появилась узкая щель, из которой на нас смотрел чей-то глаз.

– Свежее мясо? – спросил мужской голос.

– Клиенты, – ответила Лоррейн. – Открывай.

Глаз исчез, а дверь распахнулась настежь. Мы вошли в прихожую, где нас смерил взглядом швейцар.

Он был одет в массивное пальто с высоким воротником и широкополую мягкую шляпу, надвинутую так низко, что из-под нее виднелся лишь кончик носа. Он преградил путь, сверля нас взглядом маленьких и пронзительных, напоминающих блестящие буравчики глаз.

– Ну что? – спросила Лоррейн.

Похоже, мужчина решил, что опасности мы не представляем, и отступил в сторону.

– Ладно, – произнес он, после чего закрыл и запер входную дверь.

Лоррейн уже вела нас по длинному коридору, и мужчина пристроился позади.

Мы вошли в гостиную, озаренную тусклым дрожащим светом

масляных ламп, обшарпанное место, производящее обманчивое впечатление пышности. Позолоченный орнамент в виде завитков и бархатные драпировки украшали стены, куполообразный потолок был расписан изображениями загорелых греческих богов в коротких туниках, а вход обрамляли мраморные колонны.

Лоррейн кивнула швейцару:

– Спасибо, Карлос.

Карлос скользнул в сторону, расположившись в глубине комнаты. Лоррейн подошла к задрапированной стене и потянула за шнур. Ткань уплыла в сторону, открывая широкую витрину из толстого стекла. Мы подошли ближе и увидели, что за стеклом другая комната, очень похожая на ту, в которой находились мы, только меньше. И тут было много людей. Они сидели на стульях и диванах – одни читали, а другие дремали.

Я насчитал восемь человек. Некоторые из них были уже немолоды, и их виски тронула седина. Двоим – мальчику и девочке – явно не исполнилось и десяти лет. Я понял, что все они пленники.

Эддисон хотел задать какой-то вопрос, но Лоррейн раздраженно от него отмахнулась.

– Вопросы будете задавать потом.

Подойдя к стеклу, она сняла трубку, соединенную с нижней частью стены, и произнесла в нее:

– Номер тринадцать!

По ту сторону стекла встал и вышел вперед самый юный мальчик. Его руки и ноги были скованы цепью, и он был единственным из всей этой группы странных людей, кто был облачен в нечто наподобие арестантской робы – полосатый костюм и берет с пришитым к ним номером 13. Он выглядел от силы лет на десять, но на его лице имелась растительность взрослого мужчины – густая остроконечная бородка и брови, похожие на толстых гусениц, из-под которых на нас был устремлен холодный и оценивающий взгляд.

– Почему он в цепях? – спросил я. – Он опасен?

– Увидишь сам, – ответила Лоррейн.

Мальчик закрыл глаза, как будто сосредоточившись. Мгновение спустя из-под края его берета показались волосы, постепенно закрывая его лоб. Его борода тоже росла, скручиваясь в пучок, затем поднимаясь вверх и покачиваясь, как змея перед заклинателем.

– О, святые цапли! – воскликнул Эддисон. – Вот чудеса!

– А теперь смотри внимательно, – ухмыльнулась Лоррейн.

Номер тринадцать поднял свои скованные руки. Острый конец его

раскачивающейся бороды устремился к замку, обшарил скважину и вполз внутрь. Мальчик открыл глаза, глядя прямо перед собой застывшим взглядом. Спустя десять или двадцать секунд его скрученная борода начала вибрировать, издавая высокую музыкальную ноту, которую мы слышали даже сквозь стекло.

Замок раскрылся, и цепи упали с его рук.

Мальчик слегка поклонился, а я едва удержался, чтобы не зааплодировать.

– Он может отпереть любой замок мира, – голосом, в котором звучала гордость, объявила Лоррейн.

Мальчик вернулся к своему стулу и журналу.

Лоррейн прикрыла трубку ладонью.

– Он абсолютно уникален, и все остальные тоже. Один умеет читать мысли, причем очень точно. Другой способен проникать сквозь стены от пола и до уровня его плеч. Поверьте, это гораздо более полезное умение, чем может показаться на первый взгляд. Вон та малышка летает после того, как выпьет виноградного сока с газировкой.

– Да неужели? – хрипло пробормотал Эддисон.

– Она с радостью вам это продемонстрирует, – заверила его Лоррейн и, снова приложив к губам трубку, подозвала девочку к окну.

– В этом нет необходимости, – сквозь стиснутые зубы процедила Эмма.

– Это их работа, – успокоила ее Лоррейн. – Номер пять, иди сюда!

Малышка подошла к столу, уставленному бутылками, выбрала одну из них, наполненную какой-то фиолетовой жидкостью, и сделала большой глоток. Опустошив бутылку, она поставила ее на стол, негромко икнула и подошла к стулу с плетеной спинкой. Мгновение спустя она икнула еще раз, и ее ступни начали приподниматься над полом, одновременно вытягиваясь вперед, в то время как ее голова оставалась почти неподвижной. К тому времени, как она икнула в третий раз, ее ноги поднялись под прямым углом к ее телу, и она легла на спину. Теперь единственной ее опорой была спинка стула, расположенная у нее под шеей.

Видимо, Лоррейн ожидала от нас более восторженной реакции, но хотя это зрелище и произвело на нас сильное впечатление, мы продолжали хранить молчание.

– Трудные клиенты, – пробормотала она, отпуская девочку.

– Ну ладно, – произнесла Лоррейн, вешая трубку и оборачиваясь к нам. – Если все это вас не заинтересовало, у меня есть договоренности с другими конюшнями. Ваш выбор ни в коем случае не ограничен тем, что вы увидели здесь.

– Конюшнями, – повторила Эмма. Она произнесла это совершенно безразличным тоном, но я видел, что внутри у нее все кипит. – Значит, вы признаете, что обращаетесь с ними, как с животными?

Лоррейн несколько мгновений изучающе смотрела на Эмму. Затем она бросила быстрый взгляд на мужчину в пальто, замершего в глубине комнаты.

– Конечно нет, – ответила она. – Это очень ценные экземпляры. Их хорошо кормят. Они хорошо отдыхают. Их тренируют с тем, чтобы они могли демонстрировать свои способности в любых, даже самых трудных условиях. И они чисты, как свежеснеженный снег. Большинство из них никогда даже не прикасалось к амбро. У меня в кабинете лежат документы, подтверждающие каждое мое слово. Если хотите, можете сами у них спросить. Номера тринадцать и шесть! – крикнула она в переговорное устройство. – Подойдите и скажите этим людям, как вам здесь живется.

Мальчик и девочка встали и подошли к окну. Мальчик снял трубку.

– Нам здесь очень нравится, – механически произнес он. – Мама с нами очень хорошо обращается.

Он передал трубку девочке.

– Нам нравится делать свою работу. Мы... – Она замялась, пытаясь вспомнить что-то заученное и забытое. – Нам нравится наша работа, – пробормотала она.

Лоррейн раздраженно махнула рукой, отпуская обоих.

– Ну вот, вы убедились сами. Теперь я могу позволить вам провести испытания еще одного или двух, но для просмотра всех вам придется внести какой-нибудь залог.

– Я хотела бы взглянуть на документы, – заявила Эмма, покосившись на мужчину в пальто. – Те, которые хранятся у вас в кабинете.

Ее прижатые к бокам ладони уже начали краснеть. Я понял, что если мы поскорее отсюда не уберемся, нас ожидают крупные неприятности. Какую бы информацию ни предоставила нам эта женщина, она не стоила драки. Что касается попытки спасти всех этих детей... как бы бесчувственно это ни звучало, сперва нам было необходимо выручить друзей.

– Вообще-то, в этом нет нужды, – вмешался я и, наклонившись к Эмме, прошептал: – Мы вернемся за ними потом. Сейчас есть дела важнее.

– Документы, – повторила она, не обратив ни малейшего внимания на мои доводы.

– Без проблем, – пожала плечами Лоррейн. – Пройдемте в кабинет и поговорим по-деловому.

Эмма уже шла за ней, и возможности остановить ее, не вызвав подозрений, у меня не было.

Кабинетом Лоррейн оказались втиснутые в стенной шкаф письменный стол и стул. Не успела она затворить за собой дверь, как Эмма бросилась на нее, прижав ее спиной к этой самой двери. Лоррейн выругалась и начала звать Карлоса на помощь, но притихла, когда Эмма поднесла к ее лицу светящуюся, как спираль электродуховки, ладонь. На блузке Лоррейн, там где ее толкнула Эмма, чернели два обугленных отпечатка.

Раздался сильный стук в дверь, за которым последовало глухое ворчание Карлоса.

– Скажи ему, что ты в порядке, – тихо, но угрожающе произнесла Эмма.

– Я в порядке! – сдавленным голосом повторила Лоррейн.

Дверь за ее спиной затряслась.

– Скажи еще раз.

– Исчезни! – уже более убедительно крикнула Лоррейн. – Я занята с клиентами!

Снова ворчание, затем звук удаляющихся шагов.

– Вы ведете себя очень глупо, – заявила Лоррейн. – Еще никто не сумел меня ограбить и остаться в живых.

– Нам не нужны деньги, – произнесла Эмма. – Ты ответишь на наши вопросы.

– О чем?

– Обо всех этих людях. Ты считаешь, что они тебе принадлежат?

Лоррейн нахмурила лоб.

– Что все это означает?

– Эти люди. Эти дети. Ты их купила. Ты считаешь, что они тебе принадлежат?

– Я никогда никого не покупала.

– Ты их купила и теперь продаешь. Ты рабовладелица.

– Все это работает совершенно иначе. Они пришли ко мне абсолютно добровольно. Я их агент.

– Ты их сутенер, – презрительно уточнила Эмма.

– Без меня они бы умерли с голоду. Или бы их схватили.

– Кто бы их схватил?

– Ты знаешь кто.

– Я хочу, чтобы ты произнесла это вслух.

– Это не самая лучшая идея, – рассмеялась женщина.

– Неужели? – Я сделал к ней шаг. – Это почему же?

– У них везде есть уши, и они не любят, когда о них говорят.

– Я убивал тварей, – произнес я. – Я их не боюсь.

– Значит, ты идиот.

– Можно мне ее укусить? – спросил Эддисон. – Мне очень-очень этого хочется. Совсем чуть-чуть.

– Что происходит, когда они хватают людей? – продолжал допрос я, не обращая внимания на Эддисона.

– Никто не знает, – ответила она. – Я пыталась выяснить, но...

– Я уверена, что ты приложила максимум усилий, – произнесла Эмма.

– Иногда они приходят сюда, – добавила Лоррейн. – За покупками.

– За покупками, – рыкнул Эддисон. – Какое милое выражение.

– Чтобы использовать моих людей. – Она огляделась и понизила голос до шепота: – Мне это не по душе. Никогда не знаешь, сколько человек им понадобится и когда они их вернут. Но приходится давать им все, что они требуют. Я бы пожаловалась, но... Жаловаться нельзя.

– Но ты не жалуешься на суммы, которые они платят, – презрительно фыркнула Эмма.

– То, через что приходится проходить моим людям, и близко не стоит тех денег. Когда я слышу, что они идут, я пытаюсь спрятать малышей. Они возвращают их измотанными, со стертой памятью. Я спрашиваю: «Где вы были? Что вас заставляли делать?» Но дети ничегошеньки не помнят. – Она покачала головой. – Но потом их преследуют кошмары. Жуткие кошмары. После этого продать их становится очень трудно.

– Надо было бы продать тебя, – побелев от гнева, произнесла Эмма. Она дрожала всем телом – Хотя за тебя никто и полфартинга не даст.

Чтобы не ударить Лоррейн, я сунул сжатые кулаки глубоко в карманы. Мы еще не все из нее выудили.

– Как насчет странных существ, которых они похищают в других петлях? – спросил я.

– Они их привозят в грузовиках. Раньше это случалось очень редко. В последнее время грузовики идут безостановочно.

– Сегодня утром тоже пришел грузовик? – наседал я.

– Пару часов назад, – кивнула она. – Солдаты были повсюду. Вооруженная охрана перекрыла улицу. Целое шоу устроили.

– А обычно?

– Обычно все происходит очень тихо. Думаю, здесь они чувствуют себя в безопасности. Должно быть, сегодня прибыло что-то совершенно особенное.

Это действительно были они, – подумал я и задрожал от волнения, о котором мне в ту же секунду пришлось забыть, потому что Эддисон бросился на Лоррейн.

– Я не сомневаюсь в том, что они чувствуют себя здесь в полной безопасности, – рычал он. – Среди таких предателей, как ты!

Я схватил его за ошейник и оттащил от женщины.

– Успокойся!

Эддисон пытался вырваться, и на мгновение мне показалось, что он может укусить и меня, но затем он расслабился.

– Мы занимаемся этим, чтобы выжить, – зашипела Лоррейн.

– Мы тоже, – сообщила ей Эмма. – А теперь рассказывай, куда идут эти грузовики. Но если ты солжешь или это окажется ловушкой, я вернусь и расплаваю тебе нос. – Она поднесла пылающий кончик пальца к носу Лоррейн. – Договорились?

Мне было нетрудно представить себе, как она это сделает. Она черпала силы из бездонного колодца ненависти, о глубине которого я до сих пор даже не догадывался. Несмотря на то, что в подобной ситуации это было как нельзя более кстати, мне стало не по себе. Я не хотел даже думать о том, на что она способна при соответствующей мотивации.

– Они идут в их часть Акра, – ответила Лоррейн, отворачиваясь от горячего пальца Эммы. – За мост.

– Какой мост?

Эмма поднесла палец еще ближе.

– В верхнем конце Дымящейся улицы. Но даже не пытайтесь его переходить, если не хотите, чтобы ваши головы насадили на пики.

Мне показалось, что больше выжать из Лоррейн мы не сможем. И необходимо было решить, что с ней делать. Эддисон хотел ее укусить. Эмма хотела раскаленным добела пальцем выжечь букву Р у нее на лбу, заклеив на всю жизнь как рабовладелицу. Мне удалось отговорить их. Вместо этого мы заткнули даме рот шнуром для портьер и привязали ее к ножке стола. Мы уже собирались уйти, как вдруг я вспомнил о вопросе, который необходимо было ей задать.

– Странные существа, которых они похищают... Что они с ними делают?

– Мрррф!

Я вытащил кляп.

– Оттуда никто не возвращается, – ответила она. – Но ходят кое-какие слухи.

– О чем?

– О чем-то похуже смерти. – Она язвительно улыбнулась. – Если я правильно поняла, вы скоро и сами это узнаете.

* * *

Едва мы переступили порог конторы, как мужчина в пальто бросился на нас, сжимая в руке что-то тяжелое. Но не успел он до нас добежать, как из конторы донесся сдавленный крик, и он остановился, решив, что сначала необходимо позаботиться о Лоррейн. Как только он переступил порог, Эмма захлопнула дверь за его спиной и расплавила ручку, превратив ее в кусок бесполезной окалины.

Так мы выиграли пару минут.

Мы с Эддисоном бросились к выходу, но на полпути я сообразил, что Эммы с нами нет. Она колотила в стекло комнаты с поработочными людьми.

– Мы можем помочь вам сбежать! Покажите мне, где находится дверь!

Пленники вяло обернулись и уставились на нее, не вставая со своих стульев и диванов.

– Разбейте чем-нибудь стекло! – кричала Эмма. – Быстрее!

Никто даже не шелохнулся. Они, похоже, растерялись. Скорее всего, они не верили в возможность спасения, либо они вообще не хотели, чтобы их кто-то спасал.

– Эмма, мы не можем ждать, – произнес я и потянул ее за рукав.

Она не сдавалась.

– Пожалуйста! – крикнула она в трубку. – Хотя бы детей отдайте!

Из конторы донеслись гневные вопли. Дверь затряслась, угрожая слететь с петель. Эмма в отчаянии ударила по стеклу кулаком.

– Да что с ними такое?

Изумленные взгляды. Мальчик и девочка начали плакать.

Эддисон вцепился зубами в подол платья Эммы.

– Мы должны идти!

Эмма выпустила трубку и разочарованно отвернулась.

Распахнув дверь, мы выскочили на улицу. За время нашего отсутствия тут сгустилась желтая пелена, окутав все дымкой, скрывающей из виду окружающие предметы. Когда мы добежали до конца квартала, мы

услышали за спиной крики Лоррейн, но ее самой не было видно. Мы свернули за угол, а затем еще раз, пока не решили, что оторвались от преследования. Мы остановились перевести дыхание на совершенно безлюдной улице, у заколоченной витрины заброшенного магазина.

– Это называется Стокгольмским синдромом, – пояснил я. – Когда люди начинают сопереживать своему похитителю.

– Мне показалось, что им просто страшно, – возразил Эддисон. – Куда им бежать? Все это место одна сплошная тюрьма.

– Вы оба ошибаетесь, – покачала головой Эмма. – Они все накачаны наркотиками.

– Ты уверена?

Она отвела с глаз упавшие на лоб волосы.

– Когда после побега из дома я работала в цирке, после одного из моих огнеглотательных номеров ко мне подошла женщина. Она сказала, что знает, кто я, знает других людей наподобие меня, и заявила, что если я буду работать на нее, то смогу заработать гораздо больше денег. – Эмма смотрела вдаль, вспоминая. – Я сказала, что меня это не интересует, но она продолжала настаивать и в конце концов не на шутку разозлилась. Той ночью я проснулась на полу фургона с кляпом во рту и руками, скованными наручниками. Я не могла даже пошевелиться, и мои мысли путались. Меня спасла мисс Сапсан. Если бы она не нашла меня на следующий день, когда они остановились, чтобы подковать лошадь, – Эмма кивнула назад, туда, откуда мы прибежали, – меня могло ожидать то же самое.

– Ты никогда мне об этом не рассказывала, – тихо произнес я.

– Это не самые приятные воспоминания.

– Мне очень жаль, что тебе пришлось через это пройти, – вмешался Эддисон. – Эта женщина... возможно, это именно она тебя тогда похитила?

Эмма задумалась.

– Все это было так давно. Я стерла из памяти самое худшее, включая лицо моей похитительницы. Я знаю одно. Если бы вы оставили меня с этой женщиной наедине, я не уверена, что мне удалось бы удержаться от того, чтобы ее не убить.

– У нас у всех есть свои демоны, – произнес я.

Внезапно я почувствовал, насколько устал, и, чтобы не упасть, прислонился к заколоченной витрине. Сколько мы уже не спали? Сколько времени прошло с того времени, как перед нами вместо мисс Сапсан появился Каул? Мне казалось, что это произошло несколько дней назад, хотя на самом деле прошло всего десять или двенадцать часов. Но все, что происходило в эти часы, было войной, кошмарными событиями и

бесконечным ужасом. Я ощутил, что медленно сползаю на землю. Единственное, что до сих пор удерживало меня на ногах, – паника. Стоило ей ослабнуть – слабел и я.

Я позволил своим глазам закрыться на долю секунды. Но даже в этой черной мгновенной передышке меня ожидали ужасы. Призрак вечной смерти, из глаз которого стекала черная маслянистая жидкость, сидя на корточках, пожирал тело моего дедушки. Те же глаза с вонзенными в них садовыми ножницами и их обладатель, с диким воем погружающийся в болото. Искажённое болью лицо его хозяина, с простреленным животом падающего в бездну. Я уже убил своих демонов, но эти победы были слишком мимолетны, потому что на месте поверженных стремительно вырастали все новые чудища.

Мои глаза распахнулись от звука шагов за спиной. Они доносились из-за заколоченной витрины. Я отскочил и обернулся. Хотя магазин показался нам заброшенным, внутри кто-то был, и этот кто-то собирался выйти на улицу.

Вот она – паника. Я снова был настороже и готов сражаться. Мои друзья тоже слышали этот шум. Мы инстинктивно нырнули за сложенную рядом поленницу. Через отверстия между бревнами я прочитал выцветшую вывеску.

Мандей, Дайсон и Страйп, адвокаты. Нас ненавидят и боятся с 1666 года.

Зашуршал отодвигаемый засов, дверь медленно отворилась. На пороге появилась знакомая черная хламида: Харон. Он огляделся, а затем, решив, что все тихо, выскользнул наружу и запер за собой дверь. Он заспешил в сторону Скверной улицы, а мы начали шепотом совещаться, идти за ним или нет. Мы сомневались, что все еще в нем нуждаемся. Могли ли мы ему доверять? Может, да, а может, нет. Что он делал в этом заколоченном магазине? Возможно, именно этого адвоката он искал? Почему такая таинственность?

Ответов на все эти вопросы у нас не было, и мы решили, что сможем обойтись без него. Мы смотрели ему вслед, не двигаясь с места, пока его фигура не растаяла в пелене.

* * *

Мы отправились на розыски Дымящейся улицы и моста тварей. Не желая рисковать, мы решили искать, не задавая вопросов. Все стало

значительно проще, когда обнаружили таблички с названиями улиц. На Акре они скрывались в самых неожиданных и неудобных местах – свисали позади скамей на уровне колен или на верхушках фонарей, а порой были выбиты в отполированных булыжниках мостовой под ногами. Но даже с их помощью мы чаще оказывались не там, куда стремились. Казалось, Акр предназначен для того, чтобы сводить с ума тех, кто угодил в его ловушку. Были улицы, заканчивавшиеся глухими тупиками только для того, чтобы снова начаться в совершенно другом месте. Улицы, извивавшиеся столь сильно, что пересекали сами себя. Было две или три улицы вообще без названий. Всем этим улицам было далеко до Скверной, за которой явно тщательно ухаживали, стремясь создать приятную атмосферу для покупателей странных людей. После того как я увидел товар Лоррейн, от одной мысли об этом меня начинало мутить.

Пока мы подобным образом блуждали, я начал осваивать уникальную географию Акра, запоминая кварталы не столько по названиям, сколько по облику. Все улицы отличались друг от друга, и магазины на них тоже были собраны в группы. Скорбная улица могла похвастать двумя похоронными бюро, медиумом и столяром, который работал исключительно с «древесиной, перепрофилированной от гробов», трупной профессиональных плакальщиц, по выходным неизменно выступавших под видом мужского квартета, и бухгалтером по налогообложению. Кровоточащая улица оказалась на удивление жизнерадостной – все дома тут были выкрашены в яркие цвета, а со всех подоконников свисали цветочные горшки и ящики. Даже замыкающая ее бойня радовала глаз нежно-голубыми стенами, и я с трудом справился со странным желанием войти и попросить об экскурсии. Зато Барвинковая улица оказалась настоящей помойной ямой. По самой ее середине протекала открытая сточная канава, над которой тучами роились мухи, а тротуары были завалены гниющими овощами – собственностью зеленщика, предлагавшего хорошие скидки на свой товар и обещавшего вернуть ему свежесть с помощью поцелуя.

Изнуренная улица оказалась всего пятидесяти футов в длину и располагала единственной торговой точкой: двое мужчин торговали бутербродами из корзины на тележке. Вокруг толпились дети, умоляя дать хоть кусочек, и Эддисон тоже свернул к ним, обнюхивая землю в поисках оброненной еды. Я уже хотел его отозвать, как вдруг один из мужчин закричал:

– Кошачье мясо! Вареное кошачье мясо!

Эддисон сам примчался назад, поджав хвост и поскуливая:

– Я больше никогда не буду есть, никогда, никогда...

Мы подошли к Дымящейся улице со стороны Верхнего Потека. По мере приближения к ней кварталы становились все более заброшенными, витрины магазинов и тротуары пустели, а земля чернела от клубящегося у наших ног пепла. Казалось, улица заразилась какой-то медленно вползающей на нее смертельной болезнью. В конце она резко поворачивала направо, и перед поворотом стоял старый деревянный дом, веранду которого охранял не менее старый сторож. Старик подметал пепел растрепанной метлой, но он собирался снова еще быстрее.

Я спросил, зачем ему это нужно. Он резко поднял голову и прижал метлу к груди, как будто опасаясь, что я ее украду. Его босые ноги

почернели от пепла, и брюки до самых колен тоже были испачканы сажей.

– Кто-то же должен это делать, – ответил он. – Иначе все пойдет прахом.

Мы пошли дальше, а он снова принялся за свое занятие, хотя его скрюченные артритом пальцы с трудом сжимали древко метлы. Мне в нем почудилось что-то почти царственное. Меня восхитил вызов, который он бросал мирозданию. Он был часовым, отказавшимся покидать свой пост. Последний дозорный на краю света.

Повернув вместе с дорогой, мы зашагали мимо зданий, которые постепенно сбрасывали кожу. Сначала обожженная краска, чуть дальше почерневшие и полопавшиеся окна, затем провалившиеся крыши и осевшие стены. Когда мы подошли к перекрестку с Дымящейся улицей, от домов остались лишь рассыпавшиеся скелеты – хаос обугленных балок, между которыми из толстого слоя пепла сияли угли, напоминая готовые замереть навсегда крошечные сердца. Мы остановились и потрясенно огляделись. Зеленовато-желтый дым поднимался из глубоких трещин в асфальте. Над руинами зловеще возвышались обуглившиеся деревья. Ветер нес по улице пепел, местами собирая его в высокие барханы. Я никогда не думал, что придется очутиться в месте, настолько похожем на Ад.

– Так, значит, это и есть подъездная аллея тварей, – произнес Эддисон. – Этого и следовало ожидать.

– Это все просто нереально, – пробормотал я, расстегивая пальто. Здесь было тепло, как в сауне. Жар сочился отовсюду, проникая даже сквозь подошвы туфель. – Что там рассказывал об этом месте Харон?

– Тут был подземный пожар, – ответила Эмма. – Такие пожары длятся годами, потому что их невероятно трудно потушить.

Раздался громкий хлопок, как будто кто-то открыл гигантскую банку колы, и футах в десяти от нас из трещины в асфальте взметнулся высокий язык пламени. Мы вздрогнули и отскочили в сторону, а затем замерли, приходя в себя.

– Надо как можно скорее уходить отсюда, – произнесла Эмма. – Куда дальше?

Отсюда мы могли двинуться только налево или направо. Мы знали, что одним своим концом Дымящаяся улица упирается в Канаву, а другим – в мост тварей, но мы не знали, что в какой стороне. К тому же дым, туман и тучи пепла не позволяли толком сориентироваться. Сделав выбор наугад, мы рисковали совершить опасный крюк и потерять драгоценное время.

Нас охватило отчаяние, но тут откуда-то из тумана до нас донеслись чьи-то голоса, горлающие незнакомый мотив. Сбежав с дороги, мы

спрятались за обуглившимися ребрами здания. По мере того как певцы приближались, их голоса звучали все громче, и нам удалось разобрать слова их странной песни.

В ночь перед казнью вора
К нему палач вошел,
Чтоб как-то подготовить,
В тюрьме его нашел.
Веревку затяну на шее я петлей,
Всю шкуру иссеку и руку отсеку.
И ждет тебя не райский сад, а...

Тут они все сделали паузу, чтобы набрать побольше воздуха, а затем окончили песню громовым: «...ШЕСТЬ ФУТОВ ПОД ЗЕМЛЕЙ!»

Задолго до того, как они появились из тумана, я понял, кому принадлежат эти голоса. Смутные фигуры приняли очертания мужчин в черных комбинезонах и грубых черных ботинках. У каждого на поясе весело покачивалась сумка с инструментами. Даже после тяжелого рабочего дня эти неустойчивые парни во всю глотку распевали песни.

– Благослови птица их немзыкальные души, – тихонько засмеялась Эмма.

Сегодня мы уже видели, как они работают на берегу Канавы, поэтому логично было предположить, что они идут именно оттуда, а следовательно, в направлении моста. Дождавшись, пока мужчины прошагают мимо и скроются в тумане, мы выбрались на дорогу и пошли следом.

Мы брели по кучам пепла, от которого почернели штанины моих брюк, туфли и щиколотки Эммы и лапы Эддисона до самого живота. Где-то вдалеке рабочие затянули очередную песню, и их голоса странным эхом разнеслись по этой обгоревшей пустыне. Со всех сторон нас окружали руины. Время от времени раздавался резкий хлопок, вслед за которым из-под земли вырывался язык пламени. Но только самый первый испугал нас своей близостью. Нам повезло – изжариться заживо здесь было совсем просто.

Совершенно неожиданно поднялся ветер, черной метелью закручивая и поднимая в небо пепел и горячие головешки. Стало нечем дышать, как мы ни отворачивались и ни закрывали лица. Я натянул на рот воротник сорочки, но это не помогало, и я начал кашлять. Эмма взяла Эддисона на руки, но тут же стала задыхаться. Сорвав с себя пальто, я набросил его на

них. Кашель Эммы стих, и я услышал, как Эддисон приглушенно произнес под плотной тканью:

– Спасибо!

Нам не оставалось ничего, кроме как сидеть, обнявшись, пережидая пепельную бурю. Мои глаза были закрыты. Как вдруг я совсем рядом услышал какое-то движение. Осторожно приоткрыв глаза, я увидел нечто, изумившее меня даже после всего, чему мне пришлось стать свидетелем на Дьявольском Акре. Мимо небрежной походкой шел мужчина. Да, он прижимал ко рту носовой платок, но в целом, похоже, его несколько не беспокоили взметаемые тучи черного пепла. Он без труда ориентировался в темноте, потому что из его глазниц били лучи резкого белого света.

– Добрый вечер! – воскликнул он, направляя на меня свои лучи и приподнимая шляпу.

Я попытался ответить, но мой рот тут же наполнился пеплом, после чего то же самое произошло с глазами, а когда я снова сумел их открыть, мужчина исчез.

Ветер начал стихать, а мы принялись кашлять, плевать и тереть глаза, пока полностью не вернули себе зрение. Эмма опустила Эддисона на землю.

– Если мы не будем осторожны, эта петля убьет нас прежде тварей, – проворчал он.

Эмма вернула мне пальто, крепко обняла меня руками и стояла, положив голову мне на грудь, пока воздух окончательно не очистился. Я смотрел на нее и боролся с желанием поцеловать даже сейчас, когда она с ног до головы была покрыта сажей.

Эддисон аккуратно откашлялся.

– Простите, что я вас отвлекаю, но нам и в самом деле пора.

Мы, слегка смутившись, разомкнули руки и пошли дальше. Вскоре в тумане впереди завиднелись какие-то бледные фигуры, суетившиеся между бараками на обочине дороги. Мы остановились в нерешительности, пытаюсь понять, кто перед нами. Обойти этих людей не было ни малейшей возможности.

– Подбородок выше, держи спину прямо, – скомандовала Эмма. – Попытайся нагнать на них страху.

Сомкнув ряды, мы вошли в толпу похожих на дикарей людей с бегающими глазами, измазанных сажей и одетых в рваные обноски. Я нахмурился, изо всех сил пытаюсь казаться опасной личностью. Они шарахались во все стороны, как побитые собаки.

Это было некое подобие поселка. Низкие хижины из листов металла,

накрытые оцинкованными крышами. Чтобы крыши не улетели, на них водрузили валуны или пни. Дверями, там, где они вообще были предусмотрены, служили куски брезента. Едва заметный грибок жизни, растущий на костях сгоревшей цивилизации.

У хижин бродили куры. Какой-то мужчина стоял на коленях над дымящимся углублением в дороге и варил яйца, опустив их в изрыгающую жар воронку.

– Не подходите к ним слишком близко, – пробормотал Эддисон. – Мне кажется, они все чем-то больны.

Я разделял его мнение. Это было видно по хромающей походке и остекленевшим глазам прохожих. Лица некоторых были скрыты грубыми масками или мешками с прорезями для глаз, надетыми на голову. Наверное, маски скрывали их изъеденные болезнью лица или были призваны замедлять распространение инфекции.

– Кто эти люди? – спросил я.

– Понятия не имею, – откликнулась Эмма. – И спрашивать не собираюсь.

– Я думаю, это те, кого больше нигде не принимают, – высказал предположение Эддисон. – Неприкасаемые, переносчики чумы, преступники, деяния которых считаются недопустимыми даже на Дьявольском Акре. Полагаю, что здесь, на самом дне и на краю странного сообщества, поселились те, кому удалось избежать петли. Их изгнали изгои.

– Если это край, значит, твари где-то рядом, – сделала вывод Эмма.

– А эти люди точно странные? – спросил я.

Я не видел в них ничего необычного, не считая невероятного убожества. Возможно, во мне говорила гордыня, но я не верил, что группа странных людей, пусть даже и очень опустившихся, согласилась бы жить в этой средневековой грязи.

– Не знаю и знать не хочу, – отрезала Эмма. – Шагай.

Мы шли, опустив головы и глядя прямо перед собой. Всем своим видом мы давали понять, что окружающее нас не интересует, и отчаянно надеялись на то, что и мы никого не заинтересуем. По большей части нас сторонились, но несколько человек увязалось следом, пытаясь что-то выклянчить.

– Что-нибудь, хоть что-нибудь. Пипетку или флакон, – говорил один из них, показывая на свои глаза.

– Прошу вас, – умолял другой, – мы уже забыли, когда в последний раз кайфовали.

Их щеки были покрыты оспинами и рубцами. Казалось, они плакали кислотными слезами. Я и смотреть на них не мог.

– В чем бы вы ни нуждались, у нас этого нет, – ответила Эмма, отгоняя попрошайек.

Они отстали и, стоя на дороге, проводили нас мрачными взглядами.

– Эй ты! Мальчик! – воскликнул кто-то высоким срывающимся голосом.

– Не обращай внимания, – пробормотала Эмма.

Я, не поворачивая головы, покосился в сторону окликнувшего меня нищего. Оборванный старик на корточках сидел у стены хижины и показывал на меня дрожащей рукой.

– Ты это он? Мальчик! Ты это он, правда?

Один его глаз был поверх очков закрыт повязкой. Он поднял ее, чтобы внимательнее ко мне присмотреться.

– Агааааа, – прошептал он и улыбнулся черными деснами. – Они тебя ждут.

– Кто меня ждет?

Я не выдержал и остановился перед незнакомцем. Эмма раздраженно вздохнула.

Улыбка нищего стала еще шире и еще безумнее.

– Матери пыли и вязатели узлов! Проклятые библиотекари и благословенные картографы! Все, кто хоть кто-то! – Он поднял руки и насмешливо поклонился, отчего на меня пахнуло застарелым табаком. – Они тебя давнееееененько ждут.

– Зачем?

– Пойдем, – потянула меня за рукав Эмма. – Разве ты не видишь, что он просто чокнутый?

– Большое шоу, большое шоу, – произнес попрошайка, модулируя голосом, как ярмарочный зазывала. – Величайшее, уникальнейшее и самое что ни на есть распоследнее! Оно почти началооооось...

У меня по спине пополз холодок.

– Я вас не знаю, и вы уж точно не знаете меня.

Я развернулся и зашагал прочь.

– Конечно, знаю, – раздался у меня за спиной его голос. – Ты мальчик, который разговаривает с пустотами.

Я замер. Эмма и Эддисон уставились на меня с открытыми ртами.

Я бросился обратно.

– Кто вы? – крикнул я ему в лицо. – Кто вам это сказал?

Но он только смеялся и смеялся, и мне больше ничего не удалось от

него добиться.

Начала собираться толпа, и мы поспешили уйти.

– Не оглядывайся, – предостерег меня Эддисон.

– Забудь о нем, – прошептала Эмма. – Он безумен.

Думаю, мы все понимали, что это не совсем так, но больше не знали ничего. Мы шли очень быстро, не произнося ни слова, и наши головы гудели от тысяч вопросов без ответов. О зловещих высказываниях нищего никто не вспоминал, за что я был благодарен своим друзьям. Я понятия не имел, что означает этот бред старика, и сил думать об этом у меня не оставалось. Я видел, что Эмма и Эддисон едва не падают от усталости, но об этом мы тоже не говорили. Усталость была нашим новым врагом, и назвать ее по имени означало сделать этого врага еще сильнее.

Дорога резко уходила вниз, скрываясь в заполненной туманом чаше, и мы тщетно напрягали зрение, пытаясь разглядеть мост тварей. Мне пришло в голову, что Лоррейн могла и солгать. Может, нет никакого моста. Может, она послала нас сюда в надежде, что местные съедят нас заживо. Если бы мы взяли ее с собой, то могли бы заставить ее...

– Вот он! – воскликнул Эддисон, и его тело образовало стрелу, указывающую прямо вперед.

Мы попытались увидеть то, что уже увидел он. Но даже несмотря на очки, зрение Эддисона было гораздо более острым, чем наше, и пришлось сделать не меньше дюжины шагов, прежде чем мы с трудом смогли разглядеть, как дорога сужается, а затем изгибается над некоей расселиной.

– Мост! – закричала Эмма.

Мы бросились бежать, забыв об усталости, взметая клубы черной пыли. Через минуту, когда мы остановились, чтобы перевести дух, видимость улучшилась. Зеленоватая дымка как саваном окутывала расселину. За ней смутно виднелась длинная стена из белого камня, а еще дальше – высокая светлая башня, вершина которой терялась в низких облаках.

Перед нами находилась крепость тварей. В ней была какая-то пугающая пустота, будто мы смотрели на человека, с лица которого кто-то стер черты. Да и расположена она была как-то неправильно. Огромное белое сооружение своими четкими линиями контрастировало с выгоревшей пустыней Дымящейся улицы. Примерно так же выглядел бы торговый центр, вдруг возникший посреди битвы при Аджинкорте. Глядя на сооружение, я испытывал одновременно ужас и решимость. Казалось, все

нити моей бестолковой и беспорядочной жизни сошлись в каком-то связующем звене, скрытом за этими стенами. Именно тут оно и находилось – то, что я должен был сделать или умереть. Долг, который я был обязан вернуть. Все радости и страхи моей жизни были лишь прелюдией к этому делу. Если на все своя причина, то моя причина находилась за этими стенами.

Рядом со мной заливалась хохотом Эмма. Встретив мой изумленный взгляд, она взяла себя в руки.

– Это и есть то самое место, где они прячутся? – вместо объяснения произнесла она.

– Похоже на то, – отозвался Эддисон. – Тебе это кажется забавным?

– Почти всю свою жизнь я ненавидела тварей и боялась их. Ты даже не представляешь себе, сколько раз я воображала момент, когда мы наконец обнаружим их логово, их притон. Я была уверена, что, по меньшей мере, мы увидим неприступную крепость. Стены, по которым стекает кровь. Озеро кипящей нефти. Но нет.

– Значит, ты разочарована? – спросил я.

– Да, немного. – Она ткнула пальцем в сторону крепости. – Они что, на большее не способны?

– Я тоже разочарован, – вмешался Эддисон. – Я рассчитывал, что нас будет целая армия. Но судя по всему, она нам не понадобится.

– Я в этом сомневаюсь, – покачал я головой. – По ту сторону стены нас может ожидать все, что угодно.

– Значит, мы должны быть готовы ко всему, – ответила Эмма. – Что они могут предъявить такого, с чем мы еще не имели дела? Мы выжили под пулями и бомбами, отразили нападения пустот... Самое главное, что мы наконец здесь. Все эти годы они подстерегали нас, но теперь мы пришли к ним.

– Я уверен, что они дрожат от страха, – усмехнулся я.

– Я найду Каула, – продолжала Эмма. – И я заставлю его плакать и звать мамочку. Я заставлю его молить о пощаде, а потом я сдавлю обеими руками его шею и буду сжимать ее, пока она не расплавится, а его голова не отвалится от туловища...

– Давай не будем забегать вперед, – остановил ее я. – Я уверен, что от этого момента нас отделяет немало событий. Твари повсюду. И, вероятно, есть вооруженная охрана.

– Возможно, даже пустоты, – добавил Эддисон.

– Разумеется, пустоты, – кивнула Эмма, и мне показалось, что эта мысль ее воодушевила.

– Что я хочу сказать, – пояснил я, – так это что нам не следует брать ворота штурмом, не выяснив прежде хоть что-то о том, что ждет внутри. Второй попытки у нас может не быть, поэтому я не хочу потерять первую.

– Хорошо, – кивнула Эмма. – Что ты предлагаешь?

– Надо, чтобы вначале туда пробрался Эддисон. Вряд ли кто-то обратит на него особое внимание. Кроме того, у него отличный нюх, и он небольшой и спрячется где угодно. Он сможет все разведать и рассказать нам обо всем, что увидит. То есть если он, конечно, согласен.

– А если я не вернусь? – спросил Эддисон.

– Тогда мы придем тебе на выручку.

Пес задумался, но только на секунду.

– Я согласен при одном условии.

– При каком условии? – спросил я.

– Я хотел бы, чтобы в легендах, которые начнут слагать после нашей победы, меня называли Эддисоном Бесстрашным.

– Так и будет, – заверила его Эмма.

– Нет, лучше Совершенно Бесстрашным, – произнес Эддисон. – И красивым.

– Решено, – ответил я.

– Отлично! – воскликнул Эддисон. – Значит, пора приступать к делу. Почти все, кто нам дорог в этом мире, находятся по ту сторону этого моста. Каждая минута, которую я провожу на этой стороне, это напрасно потраченная минута.

Решив, что мы проводим Эддисона до моста, а затем затаимся где-то поблизости в ожидании его возвращения, мы стали спускаться с холма. Хижины по обе стороны все плотнее теснились друг к другу, пока не слились в сплошное лоскутное одеяло из листов ржавого железа. Внезапно все эти бараки и навесы закончились, и на сто следующих ярдов Дымящаяся улица снова превратилась в безлюдное скопище провалившихся крыш и почерневших балок. Возможно, это была своего рода буферная зона, и твари были заинтересованы в ее существовании. Наконец мы вышли к мосту, вход на который облепило не менее нескольких дюжин человек. Мы были еще слишком далеко, чтобы рассмотреть их одежду.

Эддисон произнес:

– Перед вами лагерь армии, осадившей крепость. Я знал, что мы будем не единственные, кто захочет сразиться с неприятелем...

При ближайшем рассмотрении, однако, оказалось, что перед нами отнюдь не солдаты. Разочарованно фыркнув, Эддисон потушил

вспыхнувший было в сердце фитилек надежды.

– Они крепость не осадили, – заметил я. – Они ее... обложили... собой.

Это были самые убогие из всех обитателей трущоб, которых мы видели сегодня. Они лежали в кучах пепла столь неподвижно, что казались мертвыми. Их волосы и тела были покрыты пеплом и грязью, а лица испещрены оспинами и шрамами. Я подумал, уж не больны ли они проказой. Когда мы стали пробираться между ними, некоторые вяло поднимали головы и смотрели на нас. Но если они кого-то и ожидали, то явно не двух детей и пса. Потеряв к нам интерес, они снова без сил опускались в пепел. На ногах оставался лишь один мальчуган в охотничьей шапке с опущенными ушами, бродивший между спящими, роясь в их карманах. Некоторые просыпались и пытались его отогнать, но сил на преследование у них не было. Впрочем, красть у них все равно было нечего.

Мы уже почти прошли мимо, как вдруг один из них подал голос:

– Вы умрете!

Эмма остановилась и вызывающе обернулась.

– Я не поняла.

– Вы умрете. – Обратившийся к нам мужчина лежал на листе фанеры, и его желтые глаза едва виднелись в зарослях черных волос. – Никто не переходит мост без разрешения.

– Мы все равно его перейдем. Так что если тебе известно что-то такое, о чем мы должны знать, говори сейчас!

Мужчина подавил смешок. Остальные молчали.

Эмма обвела всех взглядом.

– Никто из вас не хочет нам помочь?

– Главное не... – начал было один из мужчин, но не успел он открыть рот, как другой шикнул, заставив его замолчать:

– Пусть они идут, и через несколько дней мы получим вытопленный из них жирок.

Стон неукротимого желания пронесся над лежащими людьми.

– О, чего бы я не отдала за один-единственный пузырек, – произнесла женщина у моих ног.

– За каплю, за одну каплю! – протянул мужчина, подпрыгивая на корточках. – За одну каплю их жирка!

– Прекратите, это невыносимо! – проскулил еще кто-то. – Я не могу этого слышать!

– К черту вас всех! – закричала Эмма. – Вперед, Неустрасимый

Эддисон.

Мы с отвращением отвернулись от этих людей.

* * *

Мост был узким и изогнутым посередине. Он был построен из такого чистого мрамора, что, казалось, на него опасается залетать даже уличный пепел. Эддисон остановил нас, не доходя до моста.

– Погодите, тут что-то есть, – произнес он.

Мы замерли, встревоженно озираясь по сторонам, а он закрыл глаза и начал нюхать воздух, напоминая ясновидящего перед хрустальным шаром.

– Надо переходить сейчас, тут мы у всех на виду, – пробормотала Эмма, но Эддисон ее не слышал.

Кроме того, на самом деле нам пока ничто не угрожало. На мосту никого не было, да и закрытые ворота на его противоположной стороне тоже никто не охранял. Верхняя часть белой стены, где должны были находиться часовые с биноклями и ружьями, была также пуста. Не считая стены, единственной преградой на пути в крепость было ущелье, окружавшее ее подобно рву. На дне ущелья бурлила река, над которой поднимался зеленовато-желтый пар. Таким образом попасть внутрь можно было только по мосту.

– Ты все еще разочарована? – спросил я у Эммы.

– Оскорблена до глубины души, – ответила она. – Похоже, они совершенно нас не боятся.

– Именно это меня и беспокоит.

Эддисон ахнул, и его глаза распахнулись.

– Что? – затаив дыхание, спросила Эмма.

– След едва заметный, но запах Баленсьяги Королек я не перепутаю ни с каким другим.

– А остальные?

Эддисон снова втянул носом воздух.

– С ней было много таких, как мы. Я не могу сказать точно, кто именно тут прошел и сколько их было. Следы очень спутаны. В последнее время тут топталось много странных существ. И я не имею в виду этих, – он презрительно кивнул назад. – Их странная сущность настолько ослабла, что почти исчезла.

– Значит, та женщина, которую мы расспрашивали, сказала правду, – заметил я. – Именно сюда твари привозят пленников. Наши друзья здесь.

С самого момента их пленения мое сердце сжималось от ледящей безысходности, но сейчас ее удушающая хватка немного ослабла. Нам впервые предстояло действовать, опираясь не только на надежду и умозаключения. Мы проникли на вражескую территорию, здесь след друзей привел прямо на порог логова тварей. Уже одно это представляло собой небольшую победу. На какое-то мгновение я ощутил в себе силы преодолеть и остальные препятствия. Для меня больше не было ничего невозможного.

– Тогда тем более странно, что это место никто не охраняет, – угрюмо пробормотала Эмма. – Мне это совершенно не нравится.

– Мне тоже, – кивнул я. – Но другого пути нет.

– В любом случае промедление бессмысленно, – заявил Эддисон. – Я, пожалуй, пойду.

– Мы пройдем с тобой столько, сколько сможем, – заверила его Эмма.

– Было бы неплохо, – ответил Эддисон, голос которого теперь звучал не так уж и неустрашимо.

Я прикинул, что перебежать через мост можно меньше чем за минуту. Зачем бежать? – спросил я сам у себя. А затем, – возникла в моей голове строчка из Толкиена, – что в Мордор нельзя просто войти.

Мы быстро зашагали по мосту, не обращая внимания на понесшиеся нам вслед смешки и шепот. Я оглянулся на попрошайек. В полной уверенности, что нас ожидает жуткий конец, они пришли в движение в поисках лучшего обзора. Им недоставало только попкорна. Мне захотелось вернуться и сбросить всех до единого в кипящую реку.

Через несколько дней у нас будет их жирок. Я не знал, что это означает, и надеялся никогда не узнать.

Карабкаться на мост становилось все труднее, а от подкрадывающейся паники мое сердце билось все быстрее. Я был почти уверен, что сейчас на нас кто-то нападет и спасения уже не будет. Я чувствовал себя мышью, спешащей к мышеловке.

Мы шепотом обсуждали последние детали своего плана – как помочь Эддисону проникнуть за ворота, затем вернуться в трущобы и затаиться там в ожидании. Мы решили: если Эддисон не вернется через три часа, мы с Эммой изыщем способ пробраться в крепость. Мы приближались к центру моста, дальше уже можно было бы увидеть его нисходящую часть, до сих пор скрытую от наших взглядов. И вдруг фонарные столбы начали кричать:

– Стой!

– Кто идет!

– Проход воспрещен!

Мы остановились и уставились на них, разинув рты, в ужасе осознав, что никакие это не фонарные столбы, а отрубленные головы на длинных пиках. Это было кошмарное зрелище – серые запавшие щеки, вывалившиеся языки. И все же, несмотря на то, что у голов даже шей не было, три из них с нами заговорили. Всего их было восемь, и они попарно располагались по обе стороны моста.

Однако на Эддисона это не произвело никакого впечатления.

– Только не говорите мне, что вы никогда не видели голов на мосту, – фыркнул он.

– Дальше ни шагу! – произнесла голова слева. – Почти верная смерть ожидает тех, кто переходит мост без разрешения!

– Правильнее было бы сказать верная смерть, – уточнила голова справа. – Почти звучит как-то неубедительно.

– У нас есть разрешение, – заявил я. – Я тварь, я захватил вот этих двоих и веду их к Каулу.

– Нам никто ничего не сказал, – раздраженно ответила голова слева.

– Скажи, Ричард, разве они похожи на пленников? – поинтересовалась голова справа.

– Я не могу тебе ничего сказать, – огрызнулась голова слева, – потому что мои глаза еще несколько недель назад выклевали вóроны.

– И твои тоже? – вздохнула правая. – Жаль.

– Но по голосу он точно не тварь, – продолжала левая. – Во всяком случае, я его не знаю. Как вас зовут, сэр?

– Смит, – ответил я.

– Ха! У нас нет никаких Смитов! – воскликнула правая.

– Я новенький.

– Рассказывай сказки. Нет, я думаю, мы вас не пропустим.

– И кто меня остановит? – поинтересовался я.

– Разумеется, не мы, – ответила левая. – Мы здесь только для того, чтобы предвещать несчастья.

– И информировать, – добавила правая. – Знаешь ли ты, что я получил степень бакалавра по специальности музейное дело? Я и не думал быть головой на мосту...

– Никто не хочет быть головой на мосту, – оборвала ее левая голова. – На свете нет ни одного ребенка, который растет и мечтает стать чертовой головой на мосту и день-деньской предвещать всякие несчастья, пока его глаза выклевают вóроны. Но жизнь не всегда усыпана розами, знаете ли...

– Пошли, – прошептала Эмма. – Они только и способны, что нести всякий вздор.

Не обращая больше внимания на посыпавшиеся на нас с обеих сторон мрачные пророчества, мы зашагали дальше.

– Дальше ни шагу! – заверещала четвертая голова.

– Вы идете вперед на свой страх и риск! – вторила ей пятая.

– Мне кажется, они нас не слушают, – заметила шестая.

– Ну и ладно, – небрежно проронила седьмая. – Только не говорите потом, что вас не предупреждали.

Восьмая просто показала нам свой жирный зеленый язык. Но головы остались позади, и мы наконец взобрались на середину моста, где он внезапно оборвался. Дальше зияла двадцатифутовая пропасть, в которую я едва не сорвался. Уже почти сделав шаг, я отшатнулся, отчаянно балансируя руками, и Эмма схватила меня сзади, помогая удержаться на краю.

– Они не закончили этот чертов мост! – воскликнул я, покраснев от испуга и смущения.

Я слышал, как позади издевательски хохочут головы, а еще дальше – попрошайки.

Если бы мы бежали, то не успели бы вовремя остановиться и с разгона рухнули бы в реку.

– Ты в порядке? – спросила Эмма.

– Со мной все нормально, – буркнул я. – Чего нельзя сказать о нас. Как мы теперь будем переправлять туда Эддисона?

– Это действительно досадно, – бормотал Эддисон, нервно расхаживая вдоль края моста. – Как вы думаете, мы сможем допрыгнуть до берега?

– Ни за что! – воскликнул я. – Это совершенно нереально, даже если разбежаться. Даже с шестом.

– Кстати, – встрепелась Эмма и оглянулась. – Это наводит меня на мысль... Я сейчас.

Она зашагала вниз по мосту, но у первой же головы остановилась, обеими руками обхватила пику, на которую она была насажена, и потянула.

Выдернуть пику удалось без особого труда. Не обращая внимания на громкие возражения головы, она положила ее на землю, уперлась ногой ей в лицо и с силой дернула. Голова соскочила с пики и, завывая от ярости, покатилась вниз. Эмма торжествующе вернулась к нам, поставила пику на край моста и толкнула вперед. Пика упала с громким металлическим лязгом.

– М-да, это, конечно, не Лондонский мост, – нахмурилась Эмма, глядя

на результат своих усилий.

Двадцать футов в длину, один дюйм в ширину и небольшой прогиб посередине. На таком мосту сумел бы удержаться разве что цирковой акробат.

– Давай принесем еще пик, – предложил я.

Мы заметались по мосту, выдергивая пики и складывая из них настил. Головы плевались, бранились и изрыгали бессмысленные угрозы. Когда укатилась последняя, у нас уже была готова небольшая металлическая переправа, приблизительно в фут шириной, скользкая от сочащейся из голов слизи и вибрирующая под порывами черного от пепла ветра.

– За Англию! – произнес Эддисон, нерешительно ступая на пики.

– За мисс Сапсан, – произнес я, следуя за ним.

– Любовью птиц вас заклинаю, просто идите вперед, – пробормотала Эмма, становясь на мостик позади меня.

Наше продвижение очень замедлял Эддисон. Его лапки постоянно соскальзывали с пик, отчего те вращались, а у меня всякий раз все обрывалось внутри. Я старался сосредоточиться на том, куда ставлю ноги, и не смотреть на пропасть под ними, но это было невозможно. Кипящая река как магнитом притягивала взгляд, и я поймал себя на том, что задаюсь вопросом – достаточно ли мы высоко, чтобы погибнуть от падения, или удастся выжить и ощутить, как мое тело заживо варится в кипятке. Тем временем Эддисон вообще отказался от попыток идти по мосту и сначала лег на пики, а затем пополз по ним, как слизняк. Таким униженным образом мы продвигались вперед, преодолевая дюйм за дюймом. Мы едва миновали середину, как ощущение вакуума у меня в животе вдруг сменилось уже хорошо знакомым сворачиванием внутренностей в тугий узел.

Пустота. Я попытался произнести это вслух, но во рту пересохло. К тому времени, как мне удалось сглотнуть и выдавить из себя это слово, чувство многократно усилилось.

– Что за невезение, – пробормотал Эддисон. – Она впереди или позади нас?

Готового ответа у меня не было, и я стал прислушиваться к своим ощущениям, прежде чем мне удалось понять, где чудовище.

– Джейкоб! Впереди или сзади? – закричала на ухо Эмма.

Впереди. Именно туда уверенно указывала стрелка компаса у меня в животе. Но в этом не было никакого смысла – мост просматривался полностью, до самых ворот, и на нем не было никого и ничего.

– Я не знаю, – ответил я.

– Тогда продолжай идти! – скомандовала Эмма.

Мы были ближе к противоположной стороне пик, а значит, возвращаться не было смысла. Подавив страх, я нагнулся, подхватил Эддисона и побежал, оскальзываясь и балансируя на качающихся пиках. Судя по моим ощущениям, пустота была совсем рядом. Я уже слышал ее ворчание – она явно спешила нам навстречу из какого-то пока невидимого мне укрытия. Я посмотрел туда, откуда исходили звуки, – вперед и вниз – на торец обрубленного моста, где в камне было выдолблено несколько высоких и узких отверстий.

Вот оно что. Мост полый, и пустота внутри. И хотя она сама неспособна была выбраться сквозь эти отверстия, зато без труда могла просунуть наружу свои языки.

Добежав до конца пик и оказавшись на надежной поверхности, я услышал крик Эммы. Я выпустил Эддисона и резко обернулся назад. Один из языков пустоты обвился вокруг ее талии, подняв в воздух.

– Джейкоб! – кричала она.

– Эмма! – заорал я.

Язык перевернул ее вниз головой и начал трясти. Она снова закричала. Более ужасного звука я еще никогда не слышал.

Второй язык ударил по пикам снизу, и наш самодельный мост разлетелся во все стороны. Пики, как спички, посыпались в пропасть. Второй язык протянулся к Эддисону, а третий толкнул меня в грудь.

У меня перехватило дыхание, и я упал. Пока я пытался сделать вдох, язык опутал и мою талию и поднял меня в воздух. Еще один язык уже держал за задние лапы Эддисона. Спустя мгновение мы все болтались вверх тормашками.

Кровь прилила к моей голове, в глазах все потемнело. Я слышал, как лает, пытаюсь укусить язык, Эддисон.

– Прекрати, иначе он тебя бросит, – закричал я, но пес меня не слышал.

Эмма тоже была совершенно беспомощна – если бы она обожгла язык, пустота бросила бы ее в реку.

– Заговори с ней, Джейкоб! – кричала она. – Останови ее!

Я изогнулся, пытаюсь рассмотреть узкие отверстия, в которые протиснулись языки. Зубы пустоты глодали каменные плиты. Ее черные глаза выкатились из орбит и сверкали голодным блеском. Мы висели, как плоды на толстых черных плетях, а под нами разверзлась пропасть.

Я попытался заговорить на ее языке.

– ПОСТАВЬ НАС! – закричал я, но это прозвучало по-английски.

– Попробуй еще! – взмолился Эддисон.

Я закрыл глаза и представил, как пустота исполняет мое приказание, затем предпринял еще одну попытку.

– Поставь нас на мост!

Снова английский. Это была совсем не та пустота, с которой я познакомился и с которой общался на протяжении нескольких часов, пока она была закована в лед. Это было другое, незнакомое мне чудовище, и моя связь с ним была совсем слабой. Похоже, она почувствовала, что я подыскиваю ключ к ее мозгу, и внезапно подняла нас вверх, как будто замахиваясь, прежде чем низвергнуть свою добычу в бездну. Я должен был немедленно до нее достучаться.

– ПРЕКРАТИ! – завопил я, срывая горло, и на этот раз услышал гортанные звуки языка пустот.

Мы резко замерли в воздухе. Какое-то мгновение мы просто висели, раскачиваясь, как белье на ветру. Мои слова достигли какой-то цели, но этого было недостаточно. Пока пустота всего лишь растерялась.

– Мне нечем дышать, – прохрипела Эмма.

Обвивший ее язык затянулся слишком туго, и ее лицо стремительно наливалось кровью.

– Поставь нас на мост, – произнес я – снова на пустотном! – ощущая, как каждое слово царапает мне горло.

Говорить на их языке было все равно, что давиться скобками от степлера.

Пустота что-то нерешительно протрещала. На секунду я даже успел обрадоваться. Мне показалось, что еще немного, и она исполнит мою просьбу. Затем она принялась дергать меня вверх и вниз, как будто вытряхивая полотенце.

Мир вокруг меня потемнел. Когда я пришел в себя, мой язык онемел, а во рту ощущался привкус крови.

– Скажи ей, чтобы она нас опустила! – кричал Эддисон.

Но я уже вообще почти ничего не мог произнести.

– Я пытаюсь, – пробормотал я и закашлялся, плюясь кровью. – Поштавь наш, – на ломаном английском произнес я. – Пош...

Я замолчал, перенастроил мозг и сделал глубокий вдох.

– Поставь нас на мост, – отчетливо произнес я на языке пустот.

Я повторил это еще трижды в надежде, что мое требование проникнет в какую-нибудь извилину примитивного мозга пустоты.

– Поставь нас на мост. Поставь нас на мост. Поставь нас на...

Внезапно она издала леденящий кровь вопль отчаяния, поднесла меня

к отверстиям своей каменной клетки в мосту и взревела снова, забрызгав мне лицо черной слюной. Затем она подняла всех нас и швырнула туда, откуда мы пришли.

Мгновения, которые мы летели по воздуху, показались мне вечностью. Я был уверен, что мы обречены, а затем я ударился плечом о твердые камни моста и мы заскользили вниз, к его началу.

* * *

Каким-то непостижимым чудом мы уцелели. Да, мы были оглушены, но живы и в сознании, и все наши конечности по-прежнему нам повиновались. Скользя по гладким мраморным плитам, мы врезались в кучу голов, тут же разлетевшихся, как кегли. Теперь они окружали нас со всех сторон и наперебой изощрялись в злословии.

– Добро пожаловать обратно! – произнесла ближайшая ко мне голова. – Ваши вопли ужаса доставили нам неизъяснимое наслаждение. У вас по-настоящему мощные легкие!

– Почему вы не сказали, что в этом чертовом мосту прячется пустота? – спросил я, пытаюсь сесть и ощущая, что все мое тело пылает болью.

Я содрал кожу на ладонях, сбил колени и, по всей вероятности, вывихнул плечо.

– Это было бы неинтересно. Мы любим сюрпризы.

– Кажется, вы понравились Тиклсу, – заметила другая голова. – Предыдущему гостю он отгрыз ноги!

– Это еще что! – произнесла голова с блестящим кольцом в ухе, придававшим ей сходство с пиратом. – Однажды он обвязал одного из этих странных людишек веревкой, опустил в реку, а через пять минут вытащил и съел.

– Странный человечешка аль денте, – с понимающим видом поддержала ее третья голова. – Наш Тиклс настоящий гурман.

Чувствуя, что стоять я пока не в состоянии, я подполз к Эмме и Эддисону. Девушка сидела, потирая голову, а пес пытался наступить на поврежденную лапу.

– Ты в порядке? – спросил я.

– Я здорово треснулась головой, – ответила Эмма и поморщилась, когда я начал осматривать место ушиба, из которого сочилась струйка крови.

Эддисон поднял безвольно висящую лапу.

– Боюсь, она сломана, – сообщил он. – Полагаю, у тебя не было возможности сказать этой твари, чтобы она поставила нас осторожно.

– Очень смешно, – буркнул я. – Если уж не то пошло, я вообще не понимаю, почему я просто не приказал ей убить всех тварей, а заодно спасти наших друзей.

– Если честно, то я тоже этого не понимаю, – кивнула Эмма.

– Я шучу.

– А я нет, – решительно ответила она. Я промокнул кровь с ее раны манжетой сорочки, и девушка, поморщившись, оттолкнула мою руку. – Что там произошло?

– Я думаю, пустота меня поняла, но мне не удалось заставить ее повиноваться. У меня нет с этой пустотой такой связи, которая у меня есть... была... с той, предыдущей.

Та тварь погибла, раздавленная мостом, или утонула, и теперь я начинал об этом сожалеть.

– Как ты нашел общий язык с той первой пустотой? – спросил Эддисон.

Я быстро рассказал им, как нашел ее, вмерзшую в лед по самые глаза, и провел ночь, держа ладонь у нее на голове. Эта странная близость, похоже, позволила мне взломать какие-то жизненно важные участки ее мозга.

– Если у тебя не было связи с пустотой в мосте, – выслушав меня, поинтересовался Эддисон, – то почему она нас пощадила?

– Может, она просто растерялась?

– Ты должен с этим разобраться и усовершенствовать свои навыки общения, – напрямик заявила Эмма. – Нам необходимо переправить Эддисона на другую сторону.

– Усовершенствовать? Что я должен делать? Брать уроки? Это существо убьет нас в следующий раз, когда мы к нему приблизимся. Нам придется найти другой способ перебраться.

– Джейкоб, другого способа нет. – Эмма отбросила с глаз спутанные волосы и вонзила в меня горящий взгляд. – Единственный способ – это ты.

Я собрался с духом, готовя решительную отповедь, как вдруг ощутил резкую боль в заднице и с криком вскочил на ноги. Одна из голов укусила меня за пятую точку.

– Ты чего? – закричал я, потирая укушенное место.

– Слышь, вандал, насади нас на пики и сделай все, как было! – потребовала голова.

Я изо всех сил ударил ее ногой, и она отлетела к группе попрошаек. Все головы начали кричать и проклинать нас, нелепо раскачиваясь в такт движениям челюстей. Я выругался в ответ и начал пинать пепел в их жуткие высохшие лица, пока они не принялись плевать и давиться. И тут что-то маленькое, круглое и влажное ударило меня в спину.

Гнилое яблоко. Я развернулся к попрошайкам.

– Кто это бросил?

Они начали смеяться, как обдолбанные нарики, тихо и глупо хихикая.

– Проваливайте туда, откуда пришли! – заорал один из них.

Я уже и сам начинал думать, что это не такая уж плохая идея.

– Как они смеют, – оскалился Эддисон.

– Забудь, – попытался успокоить я пса. Мой гнев уже улегся. – Давай просто...

– Как вы смеете! – негодуя взревел Эддисон, поднимаясь на задние лапы. – Вы разве не странные? Или у вас нет ни стыда, ни совести? Мы пытаемся вам помочь!

– Дай нам флакон или проваливай к черту! – заявила нищенка в лохмотьях.

Эддисон затрясся от ярости.

– Мы пытаемся вам помочь, – повторил он, – а вы тут... посмотрите на себя!.. наш народ уничтожают, наши петли разрывают на части, а вы спите под воротами наших врагов! Да вы должны бы бросаться на них всем телом! – Он ткнул в них раненой лапой. – Вы все предатели! Клянусь, я этого так не оставлю и когда-нибудь вы все предстанете перед Советом Имбрин и понесете наказание!

– Ладно, ладно! Не трать на них силы, – произнесла Эмма и, пошатываясь, поднялась на ноги.

Тут в ее плечо ударился и с влажным шлепком упал на землю гнилой кочан капусты.

От ее снисходительности не осталось и следа.

– Ну, хорошо, сейчас я кому-нибудь расплавлю рожу! – закричала она, размахивая перед попрошайками пылающей ладонью.

Во время речи Эддисона небольшая группа нищих заговорщически шепталась в стороне и сейчас начала приближаться, вооружившись кто чем. Я увидел дубину, обрезок трубы... Ситуация стремительно накалялась.

– Вы нам надоели, – лениво протянул покрытый кровоподтеками мужчина. – Мы вас бросим в реку.

– Хотела бы я на это посмотреть, – фыркнула Эмма.

– А я нет, – пробормотал я. – Думаю, нам лучше уйти.

Их было шестеро против нас троих, и мы были не в лучшей форме. Эддисон хромал, по лицу Эммы струилась кровь, а я из-за выбитого плеча едва мог пошевелить правой рукой. Тем временем мужчины разделились и начали нас окружать. Они действительно собирались столкнуть нас с обрыва.

Эмма оглянулась на мост, а затем посмотрела на меня.

– Пойдем. Я знаю, что ты можешь переправить нас на тот берег. Последняя попытка.

– Я не могу, Эм. Я не могу. Я серьезно.

И я действительно не мог этого сделать. Я не знал, как мне взять под контроль эту пустоту, – во всяком случае, пока, – и я это понимал.

– Если мальчик говорит, что он не может этого сделать, я склонен ему верить, – вмешался Эддисон. – Нам нужно найти другой выход из ситуации.

– Какой, например? – фыркнула Эмма. Она посмотрела на Эддисона. – Ты сможешь бежать? – Она посмотрела на меня. – Ты сможешь драться?

Ответом на оба вопроса было – нет. Теперь я ее понял – наши шансы на спасение стремительно таяли.

– В подобных ситуациях, – вальяжно заявил Эддисон, – такие, как я, не дерутся. Мы ораторствуем! – Обернувшись к мужчинам, он раскатисто произнес: – О, наши странные братья! Будьте благоразумны! Позвольте мне сказать вам несколько слов!

Они не обращали на него внимания и, отрезая нам путь к спасению, продолжали теснить к мосту. Эмма держала самый большой огненный шар, который ей только удалось соорудить, а Эддисон распинался на тему о том, что животные в лесу живут в полной гармонии и нам необходимо последовать их примеру.

– Возьмите хотя бы простого ежа и его соседа, опоссума... разве станут они тратить силы на то, чтобы сбросить друг друга в пропасть, когда на них наступают их общий недруг – зима? Нет!

– Он окончательно чокнулся, – прошептала Эмма. – Заткни свою пасть и укуси кого-нибудь из них!

Я осмотрелся по сторонам в поисках чего-нибудь, что могло бы послужить мне оружием. Единственными доступными мне твердыми предметами были головы. Я поднял одну из них за остатки жидких волос.

– Существует ли другой способ перебраться через реку? – закричал я ей в лицо. – Говори быстро, не то в реку полетишь ты!

– Пошел к черту! – выпалила она и укусила меня за палец.

Я швырнул ее в наступающих на нас мужчин – неловко, левой рукой. Она упала, не долетев до них. Я поискал другую голову, поднял ее и повторил свой вопрос.

– Конечно, существует, – оскалилась она. – В тюрбиле! Хотя на вашем месте я попытал бы счастья с пустотой в мосте...

– Что такое тюрбиль? Говори, или я и тебя в них швырну!

– Один из них вот-вот вас собьет, – ответила голова, и тут издали донеслось три ружейных выстрела – бам, бам, бам. Это прозвучало неторопливо и размеренно, как предостережение. В ту же секунду нападающие замерли и все обернулись, глядя на дорогу.

В облаке клубящегося пепла к нам приближалось что-то большое и угловатое. Затем раздался дребезг двигателя, переключаемого на пониженную передачу, и из тьмы возник грузовик. Это была современная машина военного образца, вся в заклепках, броне и с колесами в пол человеческого роста. Задняя часть представляла собой куб без окон, а на подножках стояли две одетые в бронежилеты и вооруженные автоматами твари.

Едва он появился, как попрошайки пришли в неистовство. Они смеялись и задыхались от радости, махали и всплескивали руками, как жертвы кораблекрушения, привлекающие внимание пролетающего самолета. В одно мгновение о нашем существовании все забыли. Нам представилась уникальная возможность, и мы не собирались ее упускать. Отшвырнув голову, я подхватил левой рукой Эддисона и вслед за Эммой поспешил убраться с дороги. Мы могли просто уйти, покинув Дымящуюся улицу, и найти на Дьявольском Акре какое-нибудь более безопасное место. Но перед нами неожиданно возникли наши враги собственной персоной. Было совершенно очевидно, что тут происходит или вот-вот произойдет что-то очень важное, и мы остановились неподалеку от обочины, спрятавшись за стволами обугленных деревьев, чтобы ничего не упустить из виду.

Грузовик снизил скорость, и толпа окружила его со всех сторон. Попрошайки умоляли дать им хоть что-то – флакон, суули, амбро, хоть попробовать, хоть чуть-чуть, прошу вас, сэр. Они были омерзительны в своем подбострастии к этим мясникам. Они хватали солдат за одежду и обувь, получая в ответ пинки окованными металлом ботинками. Я подумал, что твари наверняка начнут стрелять или добавят газу и передают тех, кто в своем безумии оказался между ними и мостом. Вместо этого грузовик остановился, и твари начали выкрикивать распоряжения. «Становитесь в очередь, вон там, не толпитесь, а не то вы ничего не получите!» Толпа

выстроилась в шеренгу, напоминающую беженцев на раздаче хлеба. Попрошайки поеживались и переминались с ноги на ногу, предвкушая нечто, что им предстояло получить.

Вдруг без малейшего предупреждения Эддисон начал извиваться, требуя, чтобы я опустил его на землю. Я спросил, в чем дело, но пес только скулил и вырывался еще сильнее. На его морде появилось такое отчаянное выражение, как будто он только что учуял какой-то архиважный след. Эмма его ущипнула, и он пришел в себя в достаточной степени, чтобы произнести:

– Это она, это она... это мисс Королек, и я догадался, что тюрбиль – это сокращенно тюремный автомобиль и что в этом своем огромном фургоне твари почти наверняка везут людей.

Затем Эддисон меня укусил. Я вскрикнул и уронил его. В следующее мгновение он уже мчался прочь. Эмма выругалась, а я позвал его, но это было бесполезно – он повиновался инстинкту, требующему от верного пса спасать хозяина. Я попытался поймать его в отчаянном броске, но он проявил удивительную для трехлапного существа сноровку и увернулся. Эмма помогла мне подняться, и вместе мы бросились за ним. Покинув убежище, мы выскочили на дорогу.

В какой-то момент я надеялся, что мы сумеем его поймать, что солдаты окружены нищими, что сами попрошайки слишком озабочены и нас никто не заметит. Это вполне могло произойти, если бы, оказавшись на середине дороги, Эмма внезапно не заметила двери фургона. Двери с замками, которые можно расплавить. Двери, которые можно распахнуть, – должно быть, подумала она. Я прочитал ее мысли на внезапно озарившемся надеждой лице. Даже не попытавшись схватить Эддисона, она пробежала мимо него и вскочила на бампер грузовика.

Раздались крики охранников. Я нагнулся за Эддисоном, но он нырнул под грузовик. Эмма уже плавила ручку двери, когда один из охранников размахнулся автоматом, как бейсбольной битой. Удар пришелся в висок, и девушка упала на землю. Я бросился на охранника, намереваясь сделать с ним все, что позволяла моя единственная здоровая рука, но кто-то подсек меня. Я рухнул на раненое плечо, и все мое тело пронзила ужасающая боль.

Услышав крик, я поднял голову. Охранник уже был без оружия и тряс раненой рукой. В следующее мгновение его буквально облепили попрошайки. Они теперь не просили, но требовали, угрожая и теряя терпение. Кроме того, теперь у кого-то из них было его оружие. Он в панике махал обеими руками, явно умоляя его спасти.

С трудом поднявшись на ноги, я подбежал к Эмме. Второй охранник нырнул в толпу. Он распахивал попросаек и стрелял в воздух, пока ему не удалось вытащить товарища и вместе с ним вернуться к грузовику. Едва вскочив на подножки, они хлопнули по кабине, и двигатель взревел. Я оказался возле Эммы в ту же секунду, когда грузовик тронулся с места, взметая своими чудовищными колесами гравий и пепел.

Я сжал ее руку, чтобы убедиться в том, что она цела.

– Ты вся в крови, – только и удалось произнести мне.

Это было совершенно лишнее высказывание, но только так я мог сообщить ей, как ужасно я себя чувствую, видя, что она хромает и что ее волосы слиплись от крови.

– Где Эддисон? – спросила она. Но прежде, чем я успел произнести «Я не знаю», она перебила меня, заявив: – Мы должны их догнать. Второго шанса у нас, возможно, не будет!

Подняв головы, мы увидели, как грузовик подлетел к мосту и охранник расстрелял двух гнавшихся за ним попросаек, которые, корчась, упали в пыль. Я понял, что Эмма ошибается: гнаться за грузовиком не было никакого смысла и возможности перебраться на другой берег у нас тоже не было. Это было бесполезно, и попросайки это знали. Теперь их отчаяние сменилось яростью, которая в ту же секунду обрушилась на нас.

Мы хотели убежать, но обнаружили, что окружены со всех сторон. Толпа кричала, что мы «все испортили», что «теперь они больше нам ничего не дадут» и что мы заслуживаем смерти. На нас посыпались удары. Нас били, пинали, тянули за одежду и волосы. Я попытался защитить Эмму, но все окончилось тем, что она защищала меня. Во всяком случае, несколько мгновений она размахивала руками, обжигая всех, до кого ей удалось дотянуться. Даже ее огня оказалось недостаточно для того, чтобы отогнать их прочь, и пинки и тычки продолжали сыпаться, пока мы не оказались на коленях, а затем не свернулись калачиками, закрывая руками лицо.

Я был почти уверен, что умираю или сплю, потому что в этот момент до моего слуха донеслась песня – громкий нестройный хор горланил: «Бам-бам стучат молоты, бам-бам по шляпкам гвоздей!» Но за каждой строчкой следовали мясистые удары и соответствующие им вопли: «Как (ШМЯК) строить виселицы, нет (ЧВАРК!) веселей!»

Спустя несколько строчек и несколько чварков удары прекратились и толпа, угрожающе ворча, попятилась. Сквозь пелену крови и пыли я увидел пятерых мускулистых рабочих с поднятыми молотками в руках. Пробившись сквозь толпу попросаек, они окружили нас, но на их лицах

было написано сомнение. Они напоминали рыбаков, в сети которых попала какая-то странная рыба, которую они никак не ожидали там обнаружить.

– Кузен, это они? – услышал я голос одного из рабочих. – Неважно эти ребята выглядят, скажу я тебе.

– Конечно, это они! – ответил знакомый нам голос, басистый, как гул туманного горна.

– Это Харон! – воскликнула Эмма.

Мне едва удалось пошевелить рукой, чтобы стереть кровь с глаза. Над нами во весь свой гигантский рост возвышалась закутанная в черный плащ фигура Харона. Я почувствовал, что хохочу или, во всяком случае, пытаюсь рассмеяться. Еще никогда я так не радовался при виде столь уродливой личности. Лодочник что-то извлек из кармана – маленькие стеклянные флаконы – и поднял их над головой с криком:

– У МЕНЯ ЕСТЬ ТО, ЧТО ВАМ НУЖНО. ЭЙ ВЫ, БОЛЬНЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ! ВОЗЬМИТЕ ЭТО, А ДЕТЕЙ ОСТАВЬТЕ В ПОКОЕ!

Он развернулся и швырнул флаконы на дорогу. Толпа бросилась за ними. Попрошайки кричали и задыхались. Ради этих флаконов они были готовы разорвать и друг друга. Рядом с нами остались только рабочие, слегка взъерошенные после схватки, но в остальном нисколько не пострадавшие. Они переглянулись и сунули молоты за пояса, на которых болтались и другие, необходимые для сооружения виселиц инструменты. Харон подошел к нам и, выпростав из-под плаща белоснежную руку, протянул ее нам со словами:

– О чем вы только думали? И почему ушли? Я был вне себя от беспокойства!

– Это правда! – кивнул один из рабочих. – Он и нас поставил на уши и заставил вас повсюду искать.

Я попытался сесть, но не смог. Харон стоял, склонившись над нами, как будто разглядывая сбитое его автомобилем животное.

– Вы целы? Идти сможете? Что, черт возьми, сделали с вами эти негодяи?

В его голосе одновременно звучали нотки сержанта-инструктора по строевой подготовке и встревоженного отца.

– Джейкоб ранен, – срывающимся голосом произнесла Эмма.

– Ты тоже, – попытался сказать я, но язык меня не слушался.

Похоже, она была права: собственная голова казалась мне тяжелой, как камень, а зрение напоминало пропадающий сигнал спутника связи. Я почувствовал, как меня поднимают с земли и несут – Харон оказался гораздо сильнее, чем можно было предположить, – и внезапно меня

пронзила мысль, которую я тут же попытался озвучить.

Где Эддисон?

Мне показалось, что у меня рот полон какой-то каши, но каким-то образом лодочник меня понял и, развернув к мосту, ответил:

– Там.

Вдалеке я увидел парящий в воздухе грузовик. Наверное, мой пострадавший от ударов мозг уже начал галлюцинировать.

Но нет. На мгновение пелена перед глазами рассеялась и я увидел, что грузовик переносят через пропасть языки пустоты.

Но где Эддисон?

– Там, – повторил Харон. – Под машиной.

Из-под днища автомобиля болтались две задние лапы и маленькое коричневое тело. Эддисон зубами вцепился в какую-то запчасть и умудрился переправиться на другую сторону. Вот хитрец! Когда языки опустили грузовик на землю, я подумал: Бог в помощь, неустрашимая собачка. Теперь вся надежда только на тебя.

Но мое сознание уже угасало, и мир вокруг потух, превратившись в ночь.

Глава четвертая

Тревожные сны, сны на странных языках, сны о доме, о смерти. Дикие обрывки вздора, всплывающего в клочках сознания, расплывчатого и ненадежного, плоды моего поврежденного мозга. Женщина без лица дует пылью мне в глаза. Ощущение погружения в теплую воду. Голос Эммы, заверяющей меня в том, что все будет хорошо, что они друзья, что мы в безопасности. А затем глубокая тьма без снов на протяжении долгих часов.

Когда я проснулся в следующий раз, я точно знал, что это мне не чудится. Я лежал в постели в какой-то маленькой комнате. Из-под задернутой шторы сочился тусклый свет. Значит, был день. Вот только какой?

Я был одет не в свою старую залитую кровью одежду, а в чистую ночную сорочку, и в моих глазах тоже не было ни крови, ни грязи. Кто-то за мной ухаживал. Кроме того – хотя сил у меня не хватило бы даже на то, чтобы поднять руку, не было и боли. Плечо больше не горело огнем, как и моя голова. Я не понимал, что это означает.

Я попытался сесть, но на полпути вынужден был отказаться от попытки и оперся на локти. На тумбочке у кровати стоял стеклянный кувшин с водой. В одном углу комнаты возвышался массивный платяной шкаф. В другом... Я моргнул и потер глаза, чтобы убедиться, что зрение меня не подводит... да, там, сидя на стуле, спал какой-то мужчина. Мой мозг работал настолько медленно, что я даже не испугался. Я всего лишь подумал – странно. И он действительно выглядел так странно, что я не сразу понял, кто передо мной. Он выглядел как человек, составленный из разных половин – половина волос приглажена вниз, в то время как остальная часть его шевелюры торчала во все стороны, половину его лица покрывала косматая борода, а вторая щека была гладко выбрита. Даже его одежда – брюки, помятый свитер, воротник-жабо елизаветинской эпохи – была наполовину современной, наполовину архаичной.

– Привет, – робко произнес я.

Мужчина вскрикнул, испугавшись так сильно, что даже свалился с грохотом на пол.

– О боже! О господи! – Он снова уселся на стул и уставился на меня широко раскрытыми глазами. – Ты проснулся!

– Простите, я не хотел вас напугать...

– О, не беспокойся, я сам виноват, – ответил он, приглаживая одежду и

поправляя воротничок. – Пожалуйста, никому не говори, что я уснул, присматривая за тобой!

– Кто вы? – спросил я. – Где я? – Мой рассудок стремительно прояснялся и столь же быстро генерировал вопросы. – И где Эмма?

– Да, конечно! – засуетился мужчина. – Возможно, я не тот человек, который должен отвечать... на вопросы...

Он прошептал это слово, приподняв брови, как будто вопросы были запрещены.

– Но! – он указал на меня пальцем. – Ты Джейкоб. – Он показал на себя. – Я Ним. – Он поворачивал рукой в воздухе. – А это дом мистера Бентама. Ему не терпится с тобой познакомиться. Вообще-то я обязан его уведомить, как только ты проснешься.

Я изловчился и сумел, поднявшись с локтей, сесть прямо, на что ушел остаток моих сил.

— Да меня все это совершенно не волнует. Я хочу видеть Эмму.

– Конечно! Твоя подруга...

Он замахал руками, как крылышками, а его глаза забежали из стороны в сторону, как будто Эмма могла прятаться в углу комнаты.

– Я хочу ее видеть. Сейчас же!

– Меня зовут Ним! – пискнул он. – И я должен уведомить... да, у меня строжайшие указания...

Меня охватил ужас, потому что внезапно мне пришло в голову, что, будучи верным своей торгашеской натуре, Харон спас нас от толпы только для того, чтобы продать на органы.

– ЭММА! – закричал я. – ГДЕ ТЫ?

Ним окаменел и рухнул обратно на стул. Судя по всему, я перепугал его до полусмерти.

Мгновение спустя из коридора донесся топот. В комнату ворвался мужчина в белом халате.

– Ты проснулся! – воскликнул он.

Мне оставалось только предположить, что он врач.

– Я хочу видеть Эмму! – заявил я.

Я попытался опустить ноги с кровати, но они показались мне такими тяжелыми, как будто были налиты свинцом.

Врач ринулся к кровати и уложил меня обратно в постель.

– Тебе нельзя напрягаться, ты еще не восстановился!

Врач поручил Ниму разыскать мистера Бентама. Ним вылетел из комнаты, врезавшись плечом в косяк двери и вывалившись в коридор. А затем в дверях появилась Эмма, задыхаясь от бега и сияя от радости. Ее волосы струились по плечам, и она была одета в чистое белое платье.

– Джейкоб?

При виде ее я ощутил прилив сил и снова сел, оттолкнув врача в сторону.

– Эмма!

– Ты проснулся! – воскликнула она, подбегая ко мне.

– Осторожнее, он очень слаб! – предостерег врач.

Совладав с эмоциями, Эмма очень легко меня обняла, затем села на кровать рядом со мной.

– Прости, что, когда ты проснулся, меня не было рядом. Мне сказали, что ты еще очень долго не придешь в себя...

– Ничего страшного, – успокоил я ее. – Но где мы? И как давно мы здесь?

Эмма бросила быстрый взгляд на врача. Тот что-то писал в маленькой записной книжке, но явно прислушивался к каждому слову. Отвернувшись

от него, Эмма понизила голос и произнесла:

– Мы на Дьявольском Акре, в доме одного богатого человека. Об этом месте никто не знает. Нас вчера привел сюда Харон.

– Это все? – спросил я, всматриваясь в лицо Эммы. Ее кожа была абсолютно гладкой, а от порезов остались лишь едва заметные тонкие следы. – Ты выглядишь вполне здоровой!

– У меня было лишь несколько царапин и ушибов.

– Не может быть, – покачал головой я. – Я помню, что там происходило.

– У тебя было сломано ребро и разорваны связки плеча, – вставил врач.

– Тут есть одна женщина, – произнесла Эмма. – Целительница. Ее тело производит мощную пыль...

– И двустороннее сотрясение мозга, – добавил врач. – Ничего особенного, разумеется. Но сам ты, Боже мой... когда тебя принесли, в тебе едва теплилась жизнь.

Я похлопал себя по груди, по животу, по всем местам, которые избивали попрошайки. Ни следа боли. Я поднял правую руку и поворачивал плечом. Никаких проблем.

– Мне кажется, у меня новая рука, – изумленно заметил я.

– Можешь считать, что тебе повезло. Это чудо, что тебе не понадобилась новая голова, – раздался еще один голос. В комнату, пригнувшись, вошел Харон. – Честно говоря, очень жаль, что тебе не заменили голову, потому что, судя по всему, твоя собственная набита опилками. Взять и просто так исчезнуть, сбежать, понятия не имея, куда вы направляетесь... и это после всех моих предостережений относительно Акра! Ну что вы себе только думали!

Он нависал над нами с Эммой, грозя нам длинным белым пальцем.

Я улыбнулся.

– Привет, Харон. Рад снова тебя видеть.

– Ну да, ха-ха, теперь, когда все хорошо, он улыбается, но ты ведь едва не погиб!

– Нам повезло, – кивнула Эмма.

– Да, повезло, что там оказался я! Повезло, что у моих кузенов выдался свободный вечерок и мне удалось их перехватить прежде, чем они набрались Канавного пивка в «Колыбели и Гробе»! Кстати, бесплатно они не работают. Я добавлю их услуги к вашему счету вместе с моей пробитой лодкой.

– Ладно, ладно! – воскликнул я. – Успокойся!

– Ну что вы себе думали? – повторил он, как облаком окутав нас своим ужасным дыханием.

И тут я вспомнил, что я себе думал, и внезапно взорвался.

– Что тебе нельзя доверять! – выпалил я. – Что все, что тебя интересует, – это деньги, и что, представься тебе удобный случай, ты с радостью продашь нас в рабство! Ага, – продолжал я, – мы тут понасмотрелись. Теперь мы знаем, какими темными делишками тут занимаются странные люди. И если ты думаешь, что мы верим, что ты, – я показал на Харона, – или кто-либо еще, – я ткнул пальцем во врача, – помогаете нам по доброте душевной, то вы идиоты! Поэтому либо сразу признавайтесь, что вам от нас нужно, либо отпустите нас, потому что мы... потому что у нас...

Внезапно на меня навалилась нечеловеческая усталость и у меня перед глазами все поплыло.

– ...есть дела поважнее...

Я потряс головой и попытался встать, но комната начала вращаться. Эмма поддержала меня под руки, а врач осторожно уложил обратно на подушку.

– Мы помогаем вам потому, что нас попросил об этом мистер Бентам, – коротко ответил он. – А о том, что ему от вас нужно, вам придется спросить у него самого.

– Я уже сказал, что мистер как-там-его пусть поцелует меня в мммфф...

Эмма закрыла мне рот ладонью.

– Джейкоб сейчас не в себе, – пояснила она. – Я уверена, что на самом деле он хотел поблагодарить вас за то, что вы нас спасли. Мы ваши должники.

– И это тоже, – пробормотал я сквозь ее пальцы.

Я был зол и напуган, но в то же время искренне радовался тому, что мы живы, а Эмма цела и невредима. Как только я подумал об этом, вся злость тут же бесследно улетучилась, а осталась лишь искренняя благодарность. Я закрыл глаза, пытаюсь остановить вращение комнаты, и прислушался к их шепоту.

– Он создаст для нас проблему, – произнес врач. – Нельзя допустить, чтобы мистер Бентам видел его в таком состоянии.

– У него поврежден мозг, – ответил Харон. – Если бы мы с девочкой смогли поговорить с ним наедине, я уверен, нам удалось бы привести его в чувство. Вы не могли бы нас оставить?

Врач неохотно вышел. Когда он ушел, я снова открыл глаза и увидел,

что Эмма на меня смотрит.

– Где Эддисон? – спросил я.

– На той стороне, – ответила она.

– Точно. – Теперь я все вспомнил. – От него что-нибудь слышно? Он еще не вернулся?

– Нет, – тихо ответила она. – Еще нет.

Я задумался над тем, что это может означать и что могло с ним случиться, но это оказалось для меня чересчур.

– Мы обещали пойти за ним, – напомнил я ей. – Если перебрался он, то это сможем сделать и мы.

– Та пустота на мосту могла не обратить внимания на собаку, – вмешался Харон, – но вас она тут же вычислит и отправит в кипятки.

– Уйди, – сказал я ему. – Я хочу поговорить с Эммой наедине.

– Зачем? Может, ты хочешь вылезти в окно и снова убежать?

– Мы никуда не убежим, – заверила его Эмма. – Джейкоб даже не может подняться с кровати.

Харон остался непоколебим.

– Я отойду в сторону и займусь своими делами, – ответил он. – Ничего лучше я вам предложить не смогу.

Он действительно отошел в угол и, усевшись на стул Нима с единственным подлокотником, начал насвистывать и чистить ногти.

Эмма помогла мне сесть, мы прижались друг к другу лбами и начали перешептываться. От ее близости все теснившиеся у меня в голове вопросы на мгновение исчезли, поглощенные ощущением ее ладони, поглаживавшей мою щеку и подбородок.

– Ты так меня напугал, – говорила она. – Я на самом деле думала, что потеряла тебя.

– Я в порядке, – ответил я.

Я знал, что это не так, но мне было не по себе от того, что она так из-за меня переживает.

– Ты был в ужасном состоянии. И ты должен извиниться перед врачом.

– Я знаю. Мне просто стало страшно. И мне очень жаль, что я тебя напугал.

Она кивнула и отвернулась. Несколько мгновений она смотрела в стену, а когда она снова перевела взгляд на меня, в ее глазах светилась решимость.

– Я предпочитаю считать себя сильной, – прошептала она. – И что причина, по которой на свободе осталась я, а не Бронвин, не Миллард и не Енох, заключается в том, что я достаточно сильная и на меня можно

положиться. Я всегда была такой – умела вынести все, что угодно. Как будто во мне отключен какой-то датчик боли. Я могу закрыться от всех ужасов и продолжать жить, занимаясь тем, что необходимо сделать. – Она нащупала рукой мои пальцы, лежавшие поверх одеяла. Наши пальцы тут же автоматически сплелись. – Но когда я думаю о тебе – о том, как ты выглядел, когда тебя подняли с земли после того, как эти люди...

Она судорожно выдохнула и покачала головой, как будто отгоняя эти воспоминания.

– Во мне что-то надламывается.

– Во мне тоже, – произнес я, вспомнив ту боль, которую я испытывал всякий раз, когда видел, что Эмма ранена, ужас, сжимавший мое сердце при мысли об угрожающей ей опасности. – Во мне тоже.

Я сжал ее пальцы, не зная, что еще добавить.

– Ты должен мне что-то пообещать, – снова заговорила она.

– Все, что угодно, – ответил я.

– Ты не должен умереть.

Я вымученно улыбнулся. Лицо Эммы осталось серьезным.

– Ты не имеешь права, – пояснила она. – Если я потеряю тебя, все остальное утратит смысл.

Я обнял ее и привлек к себе.

– Я сделаю все, от меня зависящее.

– Этого недостаточно, – прошептала она. – Пообещай.

– Хорошо. Я не умру.

– Скажи «Я обещаю».

– Я обещаю. Ты тоже это скажи.

– Я обещаю, – произнесла она.

– Ахххх, – подал из угла голос Харон, – сладкая ложь влюбленных...

Мы отстранились друг от друга.

– Ты обещал не подслушивать! – заявил я.

– Я дал вам достаточно времени, – возразил он, громко волоча стул по полу и ставя его возле кровати. – Нам необходимо о многом поговорить. Например, собираешься ли ты передо мной извиняться?

– За что? – раздраженно поинтересовался я.

– За то, что усомнился в моей порядочности и репутации.

– Я не сказал ни слова неправды, – возразил я. – Эта петля и в самом деле кишит мерзавцами и извращенцами, а ты действительно корыстный тип.

– В котором нет ни капли сочувствия к страданиям своего собственного народа, – добавила Эмма. – Хотя мы все равно благодарны

тебе за то, что ты нас спас.

– Находясь здесь, многому учишься, – произнес Харон. – У каждого своя история. Своя беда. Все чего-то от тебя хотят, и все почти всегда лгут. Поэтому да, я действительно неуклонно блюду свои собственные интересы и стремлюсь из всего извлекать выгоду для себя лично. И мне ничуть не стыдно. Но я до глубины души оскорблен твоим утверждением, что я способен иметь какие-либо дела с теми, кто торгует плотью странных существ. То, что я капиталист, не означает, что я мерзавец и что у меня черная душа.

– И откуда нам было это знать? – спросил я. – Нам пришлось тебя умолять и даже сулить тебе награду, чтобы ты не бросил нас там, у доков. Или ты забыл?

Он пожал плечами.

– Это было до того, как я понял, кто ты такой.

Я покосился на Эмму, затем ткнул себя пальцем в грудь.

– Кто я?

– Да, ты, мой мальчик. Мистер Бентам уже давно тебя ждет. С того самого дня, когда я только стал лодочником, около сорока лет назад. Бентам позаботился о том, чтобы я мог беспрепятственно проникать на Акр и так же благополучно его покидать, в обмен на обещание высматривать тебя среди своих пассажиров. Я должен был сразу привезти тебя к нему. И наконец-то я сумел выполнить свое обещание и отплатить ему услугой за услугу.

– Ты, должно быть, с кем-то меня перепутал, – возразил я. – Я ничего собой не представляю.

– Он сказал, что ты сможешь беседовать с пустотами. Ты знаешь других странных людей, которые на это способны?

– Но ему всего шестнадцать, – удивилась Эмма. – На самом деле шестнадцать. Каким образом...

– Поэтому я не сразу сориентировался, – ответил Харон. – Мне было необходимо лично обсудить это с мистером Бентамом. Именно у него я и был, когда вы сбежали. Видишь ли, ты не соответствуешь его описанию. Все эти годы я ожидал появления старика.

– Старика, – уточнил я.

– Вот именно.

– Который умеет говорить с пустотами.

– Я уже сказал.

Эмма стиснула мою руку, и мы переглянулись – этого не может быть, – после чего я опустил ноги с кровати, ощутив новый прилив энергии.

– Я хочу поговорить с этим парнем... Бентамом. Немедленно.

– Он встретится с тобой, когда будет готов, – произнес Харон.

– Нет, – отрезал я. – Сейчас.

В это мгновение и в самом деле раздался стук в дверь. Харон отворил ее, и мы увидели Нима.

– Мистер Бентам приглашает наших гостей на чай, – произнес он. – Через час в библиотеке.

– Мы не можем ждать час, – возразил я. – Мы и так потратили понапрасну слишком много времени.

Услышав это, Ним слегка покраснел и надулся.

– Потратили понапрасну?

– Джейкоб хочет сказать, – вмешалась Эмма, – что у нас есть другие важные дела на Акре и что мы уже опаздываем.

– Мистер Бентам хочет принять вас, как подобает, – заявил Ним. – Как он любит повторять, мир, в котором исчезнут хорошие манеры, не заслуживает того, чтобы его спасали. Кстати, мне поручено позаботиться о том, чтобы вы были одеты надлежащим образом. – Подойдя к шкафу, он распахнул его тяжелые дверцы. Внутри шкаф был полон одежды. – Вы можете выбрать все, что пожелаете.

Эмма вытащила платье с рюшами и скривилась.

– Это все неправильно. Наряжаться и распивать чай, в то время как наши друзья и имбрины вынуждены переносить одна птица ведает какие страдания.

– Мы делаем это для них, – пояснил я. – Нам придется подыграть мистеру Бентаму, пока не выясним, что ему известно. Это может быть важно.

– Возможно, он просто одинокий старик.

– Не говорите о мистере Бентаме в таком тоне. – Лицо Нима сморщилось. – Мистер Бентам святой, он лучший из людей!

– О, успокойся, – произнес Харон. Подойдя к окну, он отдернул шторы, впустив в комнату бледный, как жидкий гороховый суп, дневной свет. – Живее! – скомандовал он нам. – Вам назначена встреча.

Я откинул одеяла, и Эмма помогла мне встать с постели. К моему удивлению, мне удалось удержаться на ногах. Я посмотрел в окно на пустынную улицу, окутанную желтой пеленой, а затем, опираясь на руку Эммы, подошел к шкафу. На плечиках с моим именем я увидел готовый костюм.

– Можно нам хотя бы переодеться спокойно? – обернулся я к Харону.

Харон посмотрел на Нима и пожал плечами. Ним всплеснул руками.

– Это неприлично!

– Аххх, не волнуйся за них, – отмахнулся от него Харон. – Только без глупостей, договорились?

Эмма покраснела как рак.

– Понятия не имею, о чем ты.

– Разумеется. – Вытолкав Нима из комнаты, он остановился в дверях. – Могу я рассчитывать на то, что вы снова не сбежите?

– С какой стати нам это делать? – поинтересовался я. – Мы хотим встретиться с мистером Бентамом.

– Никуда мы не денемся, – подтвердила Эмма. – Но почему ты еще здесь?

– Мистер Бентам попросил меня за вами присмотреть.

Я подумал, что это может означать только одно: Харон должен помешать нам, если мы попытаемся сбежать.

– Да ты и в самом деле немало ему задолжал, как я посмотрю, – фыркнул я.

– Ты себе даже не представляешь, – кивнул он. – Я обязан ему жизнью. Сложившись почти пополам, он вышел в коридор.

* * *

– Ты будешь переодеваться там, – произнесла Эмма, кивая в сторону небольшой ванной комнаты. – А я тут. И никаких подсматриваний, пока я не постучу!

– Лаааадно, – подчеркнуто огорченно протянул я, пытаясь скрыть степень своего разочарования.

Хотя я и не отказался бы от возможности увидеть Эмму в нижнем белье, все угрожающие жизни опасности, с которыми нам пришлось столкнуться за последнее время, погрузили эту часть моего юношеского мозга в глубокую гибернацию. Но несколько серьезных поцелуев могли вывести мои инстинкты из спячки.

А впрочем...

Я закрылся в ванной, сверкающей белой плиткой и тяжелыми металлическими кранами, и склонился над раковиной, разглядывая себя в серебристом зеркале.

Это было ужасное зрелище.

Мое опухшее лицо было исполосовано воспаленными красными рубцами – напоминаниями о полученных ударах. Раны быстро заживали,

но до конца не сошли. Мой покрытый безболезненными, но уродливыми кровоподтеками торс напоминал географическую карту. В складках ушных раковин все еще оставалась запекшаяся кровь. При виде всего этого у меня так закружилась голова, что пришлось вцепиться в умывальник, чтобы не упасть. Внезапно почудились летящие в меня кулаки и земля, уходящая из-под ног.

Еще никогда и никто не пытался убить меня голыми руками. Это было нечто совершенно новое и ничуть не походило на угрозу, исходящую от пустот, избегать которых я умел почти на уровне инстинкта. В меня стреляли. Но пули тоже представляют собой быстрый и безличный способ убийства. Но чтобы убить руками, требуются немалые усилия. И ненависть. Было дико даже думать, что я вызываю такую ненависть. Что странные люди, которые даже не знают, как меня зовут, в момент массового помешательства возненавидели меня настолько, что готовы были забить насмерть. Мне почему-то стало ужасно стыдно. Я решил, что если у меня когда-либо появится такая роскошь, как свободное время, надо будет обязательно разобраться в своих ощущениях и понять, почему я стыжусь того, что другие люди пали так низко.

Я открыл кран, чтобы умыться. Трубы содрогнулись и застонали, но после этой мощной увертюры выдали лишь тонкую струйку бурой воды. Может, этот Бентам и богатый парень, – подумал я, – но никакая роскошь не способна оградить его от реалий адского местечка, в котором он живет.

Но как он здесь очутился?

Еще больше меня интересовало, откуда этот человек знал моего деда? Или как он о нем узнал? Наверняка, говоря о старике, способном беседовать с пустотами, которого ищет Бентам, Харон имел в виду именно его. Возможно, дедушка познакомился с Бентамом во время войны, уже после того, как покинул дом мисс Сапсан, но до отъезда в Америку. Это был определяющий период его жизни, хотя говорил он о нем крайне редко и только в самых общих чертах. Несмотря на все, что я узнал о своем дедушке за последние несколько месяцев, во многих отношениях он по-прежнему оставался для меня загадкой. Я с грустью подумал, что, возможно, мне уже не суждено ее разгадать.

Я натянул одежду, приготовленную для меня Бентамом, – элегантную голубую рубашку и серый свитер с простыми черными брюками. Все это подошло настолько хорошо, как будто кто-то заранее ожидал моего появления. Я уже шнуровал коричневые кожаные полуботинки, когда Эмма постучала.

– Как ты там?

Я распахнул дверь, и дверной проем взорвался желтой вспышкой. На Эмме было огромное канареечного цвета платье с буфами на рукавах и юбкой до самого пола. Выглядела она совершенно несчастной.

– Смею тебя уверить, это оказалось наименьшим из всех портновских ужасов в этом шкафу, – вздохнула она.

– Ты похожа на Большую Птицу^[1], – произнес я, выходя из ванной, – а я похож на мистера Роджерса^[2]. Этот Бентам жестокий человек.

Она не поняла моих параллелей. Подойдя к окну, она выглянула наружу.

– Да. Отлично.

– Что отлично? – спросил я.

– То, что этот карниз размером с Корнуолл и есть за что ухватиться руками. Надежнее руколаза.

– И почему нас должны интересовать размеры этого карниза? – спросил я, тоже подходя к окну.

– Потому что в коридоре Харон, а значит, мы не сможем выйти через дверь.

Порой мне казалось, что Эмма подолгу мысленно беседует со мной, забывая при этом посвящать меня в содержание наших бесед. Зато она неизменно досадовала при виде моей растерянности, когда до меня долетали какие-то обрывки этих бесед. Ее мозг работал так быстро, что время от времени опережал сам себя.

– Мы не можем никуда идти, – ответил я. – Мы должны познакомиться с Бентамом.

– И мы с ним познакомимся, но я скорее застрелюсь, чем соглашусь еще целый час торчать без дела в этой комнате. Святой мистер Бентам – отщепенец, живущий на Дьявольском Акре. Скорее всего он опасный мерзавец с мрачным прошлым. Я хочу осмотреть этот дом и как можно больше разузнать о его владельце. Мы вернемся раньше, чем кто-нибудь заметит наше отсутствие. Даю слово чести.

– Ах, вот оно что, тайная операция. В таком случае мы одеты самым подобающим образом.

– Очень смешно.

Я был в полуботинках на такой твердой подошве, что каждый шаг звучал, как удар молота, а ее желтое платье даже слепой разглядел бы издали. Кроме того, я лишь недавно смог собраться с силами, чтобы встать с кровати. И все же я согласился. Она так часто оказывалась права, что я привык полагаться на ее чутье.

– Если нас кто-нибудь заметит, так тому и быть, – вздохнула она. – Судя по всему, этот тип ждет тебя целую вечность. Он не вышвырнет нас сейчас за попытку немного осмотреться.

Она открыла окно и выбралась на карниз. Я осторожно высунул голову наружу. Мы находились на высоте двух этажей в «хорошей» части Дьявольского Акра. Я узнал поленницу – мы прятались за ней, когда Харон вышел из заброшенного с виду магазина. Прямо под нами находилась адвокатская контора Мандея, Дайсона и Страйпа. Такой фирмы, разумеется, не существовало. Это была лишь вывеска, потайной вход в дом Бентама.

Эмма протянула мне руку.

– Я знаю, что ты не любитель высоты, но я не дам тебе упасть.

После того как пустота трясла мной над кипящей рекой, данная конкретная высота показалась мне не особенно пугающей. И Эмма оказалась права – карниз был широким, а вся стена в украшениях – декоративные элементы и горгульи, за которые можно держаться. Я вылез, вцепился в первую попавшуюся горгулью и засеменил за Эммой.

Повернув за угол, мы попытались открыть одно из окон.

Оно было заперто. Мы двинулись дальше и попытались отворить следующее, но оно тоже не поддавалось. Та же история повторилась с третьим, четвертым и пятым окном.

– Окна заканчиваются, – заметил я. – Что, если все они заперты?

– Следующее откроется, – заявила Эмма.

– Откуда ты знаешь?

– Я ясновидящая.

С этими словами она ударила по окну ногой. Осколки стекла посыпались в комнату и на тротуар перед зданием.

– Нет, ты все-таки бандитка, – вздохнул я.

Эмма ухмыльнулась и ладонью сбила с рамы несколько последних осколков.

Затем она шагнула в проем. Я неохотно последовал за ней в темную пещероподобного вида комнату. Нашим глазам понадобилось несколько мгновений, чтобы привыкнуть к темноте. Свет проникал сюда лишь через только что разбитое нами окно, но даже этого слабого освещения было достаточно, чтобы понять, что мы очутились в раю барахольщика. Деревянные ящики и коробки шаткими колоннами громоздились до самого потолка, оставляя лишь узкие проходы.

– У меня такое ощущение, что мистер Бентам не любит расставаться с вещами, – заметила Эмма.

В ответ я трижды оглушительно чихнул. В воздухе парила пыль. Эмма пожелала мне здоровья и зажгла на ладони небольшой фитилек, поднеся его к ближайшему ящику. Рм. АМ-157 гласила надпись.

– Как ты думаешь, что в нем? – спросил я.

– Чтобы выяснить это, нужен лом, – отозвалась Эмма. – Эти ящики очень прочные.

– Я думал, ты ясновидящая.

Она скорчила гримасу.

Лома у нас не было, и мы прошли дальше в комнату. Дневной свет сюда не проникал, и Эмма усилила огонек на ладони. Узкий проход между ящиками привел нас к арочному дверному проему в другую комнату, столь же темную и почти такую же захлавленную. Ящиков здесь не было, помещение было завалено громоздкими предметами, скрытыми под белыми чехлами. Эмма уже собиралась сдернуть один из чехлов, но не успела, потому что я схватил ее за руку.

– Что случилось? – раздраженно спросила она.

– Там может находиться что-нибудь ужасное.

– Вот именно, – отозвалась она и стащила чехол, подняв в комнате настоящую пыльную бурю.

Когда пыль осела, мы увидели собственные лица, тускло отразившиеся в стеклянной поверхности шкафчика, напоминающего музейную витрину. Внутри были аккуратно разложены снабженные подписями предметы – резная скорлупа кокосового ореха, расческа, сделанная из китового позвонка, каменный топорик и несколько других штукоев непонятного назначения. Табличка внизу витрины гласила: Домашняя утварь Станных людей, живших на острове Святого Духа, Новые Гебриды, Южно-Тихоокеанский регион, около 1750 г.

– Ух ты, – вырвалось у Эммы.

– Странно, – пробормотал я.

Она накрыла витрину чехлом, хотя смысла замечать следы не было – разбитое окно выдавало нас с головой, и этого было не изменить. Мы медленно двинулись дальше, по пути раскрывая другие предметы. Комната была полна музейных экспонатов, единственной общей чертой которых было то, что все они некогда использовались странными людьми. В одной витрине находились яркие шелковые одежды, принадлежавшие странным людям Дальнего Востока около 1800 года. В другом месте мы увидели нечто, на первый взгляд напоминавшее часть ствола огромного дерева, но при ближайшем рассмотрении оказавшееся дверью с железными петлями и ручкой из сучка. Надпись гласила: Вход в дом странных людей в Великой

Ирландской Глуши, около 1530 года.

– Ого! – протянула Эмма, наклоняясь, чтобы рассмотреть дверь. – Я и не знала, что в мире столько странных людей.

– Было... – уточнил я. – Сомневаюсь, что все они по-прежнему живут в этих местах.

Последняя витрина, которую мы раскрыли, была подписана: Оружие странных хеттов, подземный город Каймаклы, без даты. Как ни удивительно, внутри не было ничего, кроме мертвых жуков и бабочек.

Эмма обернулась ко мне:

– Думаю, мы установили, что Бентам любитель истории. Идем дальше?

Мы, не останавливаясь, прошли через еще две комнаты, заставленные такими же зачехленными витринами, и оказались на боковой лестнице. Поднявшись на третий этаж, мы толкнули дверь и очутились в длинном коридоре с множеством других дверей. Мы зашагали по коридору, показавшемуся мне бесконечным, заглядывая в помещения, расположенные на равном удалении друг от друга. Все они были обставлены совершенно одинаково и напоминали спальню, в которую поместили меня. В каждой стояла кровать с тумбочкой и платяной шкаф. По обоям на стенах коридора извивался рисунок сплетающихся красных маков, гипнотическими волнами продолжающийся на покрывающем пол роскошном ковре у нас под ногами. Казалось, весь дом постепенно оплетают разрастающиеся лианы. Единственным, что позволяло отличить все эти комнаты друг от друга, были маленькие медные таблички на дверях. Таким образом, у каждой комнаты было собственное уникальное и весьма экзотическое название: Альпы, Гоби, Амазонка.

В коридоре было не меньше пятидесяти комнат. Дойдя до середины, мы ускорили шаг в полной уверенности, что ничего полезного для себя здесь больше не найдем. И вдруг нас накрыла волна воздуха, такого холодного, что я весь мгновенно покрылся гусиной кожей.

– Ух! – поежился я. – Это еще откуда?

– Может, кто-то не закрыл окно? – предположила Эмма.

– Но на улице не холодно, – напомнил я, и девушка пожала плечами.

Мы продолжали идти по коридору, и с каждым шагом воздух становился все более холодным. Наконец, мы повернули за угол и обнаружили, что здесь с потолка свисают сосульки, а на ковре сверкает иней. Холодом веяло из одной из комнат, и мы замерли, наблюдая за хлопьями снега, проникающими в коридор сквозь щель под дверью.

– Это очень странно, – содрогнувшись, заметил я.

– Даже по моим стандартам это очень необычно, – согласилась Эмма.
Я сделал шаг вперед, и снег закрипел под подошвами. Сибирь, – было написано на табличке.

Я посмотрел на Эмму. Она посмотрела на меня.

– Скорее всего, тут работает гиперактивный кондиционер, – предположила она.

– Давай откроем и посмотрим, – отозвался я и потянулся к дверной ручке. Она не поворачивалась. – Заперто.

Эмма прижала ладонь к ручке, и спустя несколько секунд из нее закапала вода.

– Она просто замерзла, – пояснила она.

Повернув ручку, она толкнула дверь, приоткрывшуюся лишь на дюйм. Отвориться шире не позволял сугроб с обратной стороны. Упершись плечами, мы сосчитали до трех и дружно налегли на дверь. Она распахнулась, и нас обдало порывом арктического воздуха. Круживший в воздухе снег залепил глаза и выпорхнул в коридор.

Закрывая лица руками, мы заглянули внутрь. Спальня была обставлена так же, как и остальные, – кровать, шкаф, тумбочка, – но под глубоким снегом угадывались какие-то округлости.

– Что это? – спросил я, перекрикивая вой ветра. – Еще одна петля?

– Это невозможно! – крикнула в ответ Эмма. – Мы уже в петле!

Борясь с ветром, мы шагнули в комнату, чтобы рассмотреть ее лучше. Можно было предположить, что снег и лед проникают в комнату через открытое окно, но затем я увидел, что здесь вообще нет окна. В дальнем конце комнаты не было даже стены. Стены, покрытые льдом, возвышались справа и слева, над головой нависал столь же обледеневший потолок, а где-то под ногами наверняка имелся ковер. Но там, где должна была находиться четвертая стена, комната переходила в ледяную пещеру и в открытую местность за ней. Перед нами раскинулась бескрайняя снежная пустыня с кое-где разбросанными по ней черными скалами.

Насколько я мог судить, передо мной простиралась Сибирь.

Через всю комнату в эту бесконечную белизну вела единственная расчищенная от снега тропа, пройдя по которой мы очутились в пещере. Гигантские ледяные иглы вздымались из пола и свисали с потолка, отчего казалось, что нас окружает лес белых деревьев.

Эмма жила на свете уже почти сто лет и успела насмотреться на всяческие странные явления, отчего произвести на нее впечатление было почти невозможно. Но это место ее, похоже, потрясло до глубины души.

– Это просто чудо какое-то! – произнесла она, наклоняясь и

зачерпывая пригоршню снега. Бросив снегом в меня, она засмеялась. – Скажи, что это не чудо!

– Чудо, – согласился я, стуча зубами. – Но как это все сюда попало?

Пробравшись между огромными сосульками, мы вышли на открытую равнину. Оглянувшись, я не увидел комнаты – она была полностью скрыта пещерой.

Эмма бросилась вперед, а затем позвала меня.

– Сюда! – воскликнула она.

Преодолевая глубокие сугробы, я поспешил к ней. Этот пейзаж был очень странным. Перед нами расстилалась белая равнина, переходившая в склон, как складками, покрытый расселинами.

– Мы тут не одни, – произнесла Эмма, указывая на деталь, которую я до сих пор не заметил.

На краю одной из расселин, вглядываясь в ее глубины, стоял человек.

– Что он делает? – задал я, разумеется, весьма риторический вопрос.

– Похоже, что-то ищет.

Мы смотрели, как незнакомец, не поднимая головы, идет по краю расселины. Спустя приблизительно минуту я осознал, что так замерз, что уже не чувствую собственного лица. Налетевший порыв ветра скрыл от нас окружающее за пеленой снега.

Когда ветер и снег улеглись, я увидел, что мужчина в упор смотрит на нас.

– Ой-ой-ой, – напряглась Эмма.

– Ты думаешь, он нас видит?

Эмма опустила голову, глядя на свое ярко-желтое платье.

– Да.

Несколько мгновений мы стояли, не сводя глаз с мужчины, который в свою очередь долго смотрел на нас, а затем бросился к нам. Нас разделяли сотни ярдов занесенной глубоким снегом равнины и предательских трещин. Вряд ли незнакомец был опасен, но мы вообще не должны были тут находиться, поэтому лучше всего было поскорее уйти. Внезапно это решение подкрепил рев, подобный которому я слышал лишь один раз в жизни – в цыганском таборе.

Медведь.

Быстрого взгляда через плечо оказалось достаточно, чтобы подтвердить мою догадку. Из одной из глубоких трещин на равнину выбрался гигантский черный медведь, и теперь они оба гнались за нами. При этом медведь сокращал расстояние гораздо быстрее, чем мужчина.

– МЕДВЕДЬ! – во все горло заорал я.

Я попытлся бежать, но занемевшие от холода ноги плохо повиновались. Эмма, которая, казалось, вообще не замечает холода, схватила меня под руку и поволокла за собой. Мы нырнули обратно в пещеру, спотыкаясь, пробежали через комнату и вывалились в коридор, уже замеченный снегом. Я захлопнул дверь – как будто она была способна остановить медведя – и мы бросились бежать обратно по коридору, а затем по лестнице, пока снова не оказались в мертвом музее Бентама. Здесь мы спрятались между белыми призраками окутанных чехлами шкафов и витрин.

* * *

Мы затаились между стеной и массивным шкафом в самом дальнем углу, который только смогли найти, втиснувшись в щель настолько узкую, что даже повернуться друг к другу лицом не было ни малейшей возможности. Холод ледяной пустыни не отпускал, и мы безмолвно дрожали, неподвижные, как манекены, а снег с нашей одежды быстро таял, собираясь в лужу под ногами.левой рукой Эмма нащупала пальцы моей правой руки, и это был единственный согревавший и ободрявший контакт, на который мы осмелились. У нас быстро формировался язык, который

было просто невозможно перевести в слова, особый словарь жестов, взглядов и прикосновений, а также все более глубоких поцелуев. Он постоянно обогащался, расширялся и обретал все новые значения. Это был увлекательный и совершенно необходимый для обоих процесс, и в моменты, подобные нынешнему, он неизменно согревал и ободрял меня, помогая бороться со страхом и отчаянием.

Когда через несколько минут желающий сожрать нас медведь так и не появился, мы осмелели и стали перешептываться.

– Может, это все-таки была петля? – спросил я. – Петля в петле?

– Я не знаю, что это было, – ответила Эмма.

– Сибирь. Так было написано на двери.

– Если это была Сибирь, то комната, в которой она находилась, это некое подобие портала, а не петля. А порталов, разумеется, не существует.

– Разумеется, – согласился я и подумал, что на самом деле совершенно несложно поверить в то, что в мире, где существуют временные петли, имеются также и порталы.

– Что, если на самом деле это была всего лишь старая петля? – предположил я. – Может, она существует со времен Ледникового периода... или возникла, скажем, пятнадцать тысяч лет назад? Может, Дьявольский Акр в те времена выглядел именно так.

– Я не думаю, что существуют такие древние петли, – покачала головой Эмма.

– Я не могу согреться, – стуча зубами, пожаловался я.

Эмма прижалась ко мне боком и теплой ладонью потерла мне спину.

– Если бы я мог создать портал, – произнес я, – то вряд ли включил бы Сибирь в список пунктов назначения.

– Куда бы ты предпочел отправиться?

– Гм. Может, на Гавайи? Хотя это, наверное, скучно. Все первым делом назовут Гавайи.

– Только не я.

– А куда бы отправилась ты?

– Туда, откуда ты родом, – ответила она. – Во Флориду.

– С какой стати?

– Я думаю, мне было бы интересно увидеть, где ты вырос.

– Мне очень приятно, – отозвался я, – но это очень тихий городок. В нем нет ничего особенного.

Она склонила голову мне на плечо и выдохнула мне на руку, согревая ее.

– Звучит очень заманчиво.

– У тебя в волосах снег, – произнес я.

Но как только я попытался его стряхнуть, как он тут же растаял. Я стряхнул холодную воду с ладони на пол и только тут заметил наши следы. Мы оставили за собой след из тающего снега, который, скорее всего, вел прямо к нашему убежищу.

– Какие же мы тупые, – произнес я, показывая на следы. – Надо было сбросить туфли и бежать босиком!

– Все нормально, – успокоила меня Эмма. – Если они еще нас не выследили, то, вероятнее всего...

В глубине комнаты раздались громкие цокающие шаги и шумное дыхание крупного зверя.

– Обратно к окну, скорее, – прошипела Эмма, и мы выбрались из своего укрытия.

Я попытался бежать, но поскользнулся в луже и, чтобы удержаться на ногах, схватился за ближайшее, что было под рукой. Это оказалась простыня поверх некоего громоздкого предмета мебели, за которым мы прятались. Простыня с громким свистящим звуком соскользнула с очередного шкафа с экспонатами, а я очутился на полу, тщетно пытаясь выпутаться из складок обширного чехла.

Когда я поднял голову, первым, кого я увидел, была девочка – не Эмма, которая стояла рядом, а другая девочка, чуть дальше, в шкафу за стеклом. У нее было совершенно ангельское личико, платье в оборках и обруч с бантом в волосах. Она смотрела остекленевшим взглядом в пространство, застыв в неподвижной позе человека, превращенного в чучело.

Я обалдел. Эмма обернулась, чтобы посмотреть, что меня так напугало, и тоже обалдела.

Дернув меня за руку, она помогла мне подняться, и мы бросились наутек.

Я думать забыл о преследующем нас типе, а также о медведе и Сибири. Я просто хотел унести ноги из этой комнаты, подальше от чучела девочки и еще дальше от вероятности, что мы с Эммой можем очутиться за стеклом в шкафу. Теперь я знал все, что было необходимо знать об этом Бентаме, – он был чокнутым коллекционером, и я был уверен, что если бы мы заглянули под другие чехлы, то обнаружили бы и другие экспонаты, наподобие этой девочки.

Мы повернули за угол и увидели прямо перед собой десятифутовую гору шерсти и когтей. Крича от ужаса, мы попытались остановиться, но было слишком поздно, и, поскользнувшись, мы свалились у лап зверя. Мы закрыли головы руками и приготовились к смерти, ощущая, как нас окутывает горячее зловонное дыхание. По моей щеке скользнуло что-то мокрое и шершавое.

Меня облизывал медведь. Меня облизывал медведь, а еще кто-то смеялся.

– Успокойся, он не кусается! – произнес чей-то голос.

Приоткрыв ладони, я увидел длинную покрытую шерстью морду и большие коричневые глаза, которые смотрели на меня сверху вниз.

Неужели это говорил медведь? Могут ли медведи говорить о себе в третьем лице?

– Его зовут ПТ, – продолжал тот же голос, – и он мой телохранитель. Он весьма дружелюбен при условии, что вы не попытаетесь причинить мне вред. ПТ, сидеть!

ПТ сел и начал вместо моего лица вылизывать свою лапу. Я принял вертикальное положение, вытер со щеки медвежьей слюни и, наконец, увидел обладателя голоса. Это был уже немолодой мужчина – джентльмен, – на лице которого застыла еле заметная насмешливая ухмылка, вполне соответствовавшая его убийственно щегольскому костюму – цилиндру, трости, перчаткам и высокому белому воротничку над воротом темного сюртука.

Он слегка поклонился и приподнял цилиндр.

– Майрон Бентам к вашим услугам.

– Пятимся, только очень медленно, – прошептала мне на ухо Эмма. Мы встали и бочком отодвинулись от медведя. – Мы никому не хотим создавать проблем, мистер. Просто отпустите нас, и никто не пострадает.

Бентам развел руками и улыбнулся.

– Вы вольны уйти, когда пожелаете. Но я буду очень разочарован. Вы только что прибыли, и я хотел о многом с вами поговорить.

– Да ну? – протянул я. – Возможно, вы начнете с того, что объясните, что вон там, в шкафу, делает маленькая девочка?

– И насчет комнаты Сибирь! – добавила Эмма.

– Вы расстроены, замерзли и промокли. Может, лучше обсудим все это за чашкой горячего чая?

Мне идея очень импонировала, хотя я бы ни за что в этом не признался.

– Мы никуда с вами не пойдем, – заявила Эмма, – пока не узнаем, что здесь происходит.

– Ну что ж, как скажете, – кивнул мистер Бентам, не утратив ни капли спокойствия и хорошего расположения духа. – В комнате Сибирь вы видели моего помощника. Как вы уже, вероятнее всего, и сами догадались, эта комната является переходом во временную петлю в Сибири.

– Но это невозможно, – изумилась Эмма. – Отсюда до Сибири много тысяч миль.

– Три тысячи четыреста восемьдесят девять, – уточнил Бентам. – Но я всю жизнь посвятил тому, чтобы путешествия между петлями стали возможны. – Он обернулся ко мне. – Что касается шкафа, который ты увидел, то в нем находится Софрония Уинстед. Она была первым странным ребенком, родившимся в английской королевской семье. У нее была удивительная, хотя и трагическая жизнь. В моем пекулиариуме^[3] есть самые разные странные личности – выдающиеся и безвестные, прославившиеся как добрыми, так и дурными деяниями. И я с радостью покажу вам всех, на кого вы пожелаете взглянуть. Да хоть всех до единого! Мне нечего от вас скрывать.

– Он псих, – прошептал я на ухо Эмме. – Он просто хочет сделать из нас чучела и включить нас в свою коллекцию!

Бентам расхохотался. (Похоже, у него был очень острый слух.)

– Мой мальчик, это всего лишь восковые фигуры. Да, я коллекционер и защитник окружающей среды, и в моей коллекции есть чучела, но только не человеческих существ. Неужели ты и в самом деле веришь в то, что я так долго тебя ждал только для того, чтобы выпотрошить и запереть в

стеклянном шкафу?

– Я слышал и о более странных увлечениях, – ответил я, вспомнив Еноха и его армию гомункулов. – Что вам от нас нужно?

– Всему свое время, – улыбнулся он. – Сначала вас нужно согреть и обсушить. Потом чай. Потом...

– Я не хотела бы показаться невоспитанной, – оборвала его Эмма, – но мы уже провели здесь слишком много времени. Наши друзья...

– В настоящий момент им ничто не угрожает, – в свою очередь перебил ее Бентам. – Я разобрался с этой проблемой, и угрожающая им опасность не настолько велика, как вы полагаете. До полуночи еще очень далеко.

– Откуда вы знаете? – быстро спросила Эмма. – Что значит «до полуночи»...

– Что значит, вы разобрались с этой проблемой? – вмешался я.

– Всему свое время, – повторил Бентам. – Я понимаю, это очень трудно, но имейте терпение. Я не могу рассказать все сразу, тем более когда вы находитесь в таком плачевном состоянии. – Он протянул к нам руку. – Вы дрожите от холода.

– Ну, хорошо, – согласился я. – Пойдемте пить чай.

– Отлично! – воскликнул Бентам и дважды стукнул тростью о пол. – ПТ, за мной!

Медведь с довольным видом заворчал, поднялся на задние лапы и заковылял, переваливаясь, как коротконогий толстый человечек, туда, где стоял Бентам. Затем он наклонился, поднял его и понес, как ребенка, – поддерживая одной рукой под спину, а второй под колени.

– Я понимаю, что это весьма нетрадиционный способ перемещаться в пространстве, – произнес Бентам, глядя на нас через мохнатое плечо ПТ, – но я быстро утомляюсь. – Ткнув тростью куда-то вперед, он скомандовал: – ПТ, в библиотеку!

Мы с Эммой изумленно смотрели на ПТ, шагавшего между шкафов с мистером Бентамом в лапах.

Вот уж не каждый день такое увидишь, – подумал я.

Впрочем, это касалось почти всего, что мне довелось увидеть в этот день.

– ПТ, стоять! – скомандовал Бентам.

Медведь остановился, и Бентам помахал нам рукой.

– Вы идете?

Мы застыли, потрясенно глядя на него.

– Простите, – пробормотала Эмма, и мы бросились их догонять.

Вслед за Бентамом и его медведем мы углубились в лабиринт.

– Ваш медведь странный? – спросил я.

– Да, он мрачведь, – ответил Бентам, ласково поглаживая плечо ПТ. – Мрачведи – любимые спутники имбрин в России и Финляндии, и среди странных людей этих территорий приручение мрачведей – это старинное и очень почетное искусство. Они достаточно сильны, чтобы отражать нападения пустот, но одновременно достаточно осторожны, чтобы им можно было доверить уход за ребенком. В зимнюю ночь они согревают лучше электрического одеяла, и, как вы сами видите, лучшего защитника не найдешь. ПТ, налево!

Пока Бентам распинался о добродетелях мрачведей, мы вошли в небольшую комнату. Под стеклянным колпаком в центре стояли три дамы, над ними возвышался огромный злобного вида медведь. У меня все оборвалось внутри, прежде чем я успел сообразить, что фигуры совершенно неподвижны – перед нами очередная экспозиция Бентама.

– Это мисс Свиристель, мисс Иволга и мисс Пеночка, – представил имбрин Бентам, – и их врач Алексей.

Присмотревшись, я понял, что мрачведь защищает имбрин. Дамы излучали безмятежное спокойствие, а медведь поднялся на задние лапы и, угрожающе раскрыв пасть, замахнулся на врага передней лапой. Вторую лапу он почти нежно опустил на плечо одной из имбрин. При этом дама обвила пальчиками один из длинных когтей зверя. Было ясно, что она нисколько не сомневается в своей полной власти над таким внушающим страх существом.

– Алексей был двоюродным дедушкой ПТ, – сообщил нам Бентам. – Поздоровайся со своим дедушкой, ПТ!

ПТ что-то проворчал.

– Если бы ты умел вот так укрощать пустоты, – прошептала мне Эмма.

– Сколько времени уходит на то, чтобы обучить мрачеведа? – спросил я Бентама.

– Годы, – ответил он. – Мрачи от природы очень независимы.

– Годы, – шепотом повторил я, покосившись на Эмму.

Эмма закатила глаза.

– Алексей тоже из воска? – поинтересовалась она.

– О нет, это чучело.

Похоже, отвращение Бентама к идее изготавливать чучела из странных людей не распространялось на странных животных. Я подумал, что, если бы с нами был Эддисон, скандала избежать не удалось бы.

Я содрогнулся. Эмма теплой ладонью провела по моей спине. Бентам тоже это заметил и произнес:

– Простите! Я так редко принимаю гостей, что не могу удержаться и не похвастаться своей коллекцией, когда они все же появляются. Но я обещал вам чай, и сейчас мы пойдем его пить!

Бентам указал тростью вперед, и ПТ двинулся дальше. Вслед за ним мы покинули комнаты с артефактами и прошли через другие помещения дома, во многих отношениях представлявшего собой обычное жилище обычного богача. Тут был украшенный мраморными колоннами вестибюль, столовая с затянутыми гобеленами стенами и длинным обеденным столом, за которым смогли бы рассесться десятки гостей, два крыла, единственным назначением которых, похоже, было демонстрировать изящество и элегантность убранства. Но тем не менее во всех залах и зальчиках наряду с другими предметами обязательно имелось и несколько экспонатов из странной коллекции Бентама.

– Испания, пятнадцатый век, – произнес он, указывая на сверкающие латы в углу. – Я их обновил. Сидят просто идеально.

Наконец, мы вошли в библиотеку – самую красивую из всех, которые я когда-либо видел. Бентам приказал ПТ опустить его на пол, отряхнул с костюма шерсть и пригласил нас пройти. Комната была не меньше трех этажей в высоту, с потолком, исчезающим где-то у нас над головами. Чтобы добраться до нужных книг, существовала целая система лестниц, передвижных стремянок и мостиков.

– Признаюсь, я еще не все прочитал, – произнес Бентам, – но я над

этим работаю.

Он провел нас к кушеткам, окружившим жарко растопленный камин, тепло которого наполняло всю комнату. У камина уже ожидали Харон и Ним.

– И эти люди называют меня недостойным доверия типом! – прошипел Харон.

Но он не успел устроить мне разнос, потому что Бентам тут же поручил ему принести нам одеяла. Теперь мы были под защитой хозяина дома, явно испытывавшего к нам симпатию, поэтому нахлобучка от Харона откладывалась на неопределенное время.

Не прошло и минуты, как мы сидели на кушетке, укутанные в пледы. Ним суетился, подавая чай на золоченых подносах, а ПТ свернулся клубочком перед огнем и стремительно погружался в спячку. Я пытался сопротивляться охватывающему меня ощущению уюта и безмятежности и сосредоточиться на нашем деле, изобилующем большими знаками вопроса и, по-видимому, нерешаемыми проблемами. На спасении наших друзей и имбрин. На безнадежной и абсурдной задаче, которую мы сами перед собой поставили. Если бы я позволил себе думать обо всем сразу, меня бы тут же раздавило ощущение безысходности. Поэтому я попросил Нима положить мне в чай три куска сахара и побольше сливок, тремя глотками опорожнил чашку и протянул ее за добавкой.

Харон отошел в угол, где ничто не мешало ему обижаться и откуда ему была отлично слышна наша беседа.

Эмма решила, что можно обойтись без формальностей.

– Итак, – напрямик заявила она. – Теперь мы можем поговорить?

Бентам не обращал на нее внимания. Он сидел напротив нас, но не сводил глаз с меня, и на его губах играла очень странная улыбка.

– Что? – спросил я, отирая с подбородка пролитый чай.

– Это даже пугает, – ответил он. – Как две капли воды.

– Кто как две капли воды?

– Ты и твой дедушка, конечно.

Я поставил чашку.

– Вы его знали?

– Знал. Он был моим другом. Это было очень давно, когда я отчаянно нуждался в друге.

Я покосился на Эмму. Она слегка побледнела и судорожно сжимала в пальцах чашку.

– Он умер несколько месяцев назад, – произнес я.

– Да. Я узнал об этом с огромным сожалением, – кивнул Бентам. – И,

честно говоря, удивился, что ему удалось так долго протянуть. Я был уверен, что он погиб много лет назад. У твоего деда было очень много врагов, но он был необычайно талантлив.

– Как именно вы подружились? – тоном профессионального следователя на допросе поинтересовалась Эмма.

– А ты, должно быть, Эмма Блум, – вместо ответа произнес Бентам, наконец переводя взгляд на нее. – Я много о тебе слышал.

Это, похоже, ее удивило.

– Правда?

– О да. Абрахам очень тебя любил.

– Вот это новость, – покраснев, пробормотала она.

– И ты еще красивее, чем он тебя описывал.

Она стиснула зубы.

– Спасибо, – коротко проронила она. – Как вы познакомились?

Улыбка сползла с лица Бентама.

– Значит, переходим к делу?

– Если вам нетрудно.

– Что вы, вовсе нет, – отозвался он, хотя его отношение к нам стало заметно более прохладным. – Вы уже спрашивали меня о комнате Сибирь, и мне известно, мисс Блум, что мой ответ вас не удовлетворил.

– Да, но я... мы... нас больше интересует дедушка Джейкоба и причина, по которой мы здесь находимся.

– Можете мне поверить, между этими вопросами существует прямая взаимосвязь. Начать следует именно с этой комнаты и с этого дома в целом.

– Хорошо, – кивнул я, – расскажите нам о доме.

Бентам сделал глубокий вдох и прижал сплетенные кончики пальцев к губам, на мгновение задумавшись. Затем произнес:

– Этот дом полон бесценных артефактов, которые я привез из бесчисленных экспедиций, совершенных мною на протяжении жизни. Но здесь нет ничего более ценного, чем сам дом. Это машина, устройство моего собственного изобретения. Я называю его Панпетлеконом.

– Мистер Бентам гений, – пояснил Ним, ставя перед нами тарелку с бутербродами. – Бутерброд, мистер Бентам?

Бентам отмахнулся от него.

– Но главное даже не это, – продолжал он. – Моя история началась задолго до того, как был построен этот дом, когда я был совсем юным парнишкой вроде тебя, Джейкоб. Мы с братом воображали себя великими исследователями. Мы изучали карты, составленные Перплексусом Аномалусом, и мечтали посетить все открытые им петли. Или открыть

новые петли и посетить их не единожды, но многократно. Мы надеялись, что таким образом нам удастся вернуть странному миру его былое величие. – Он наклонился к нам. – Вы понимаете, о чем я говорю?

Я нахмурился.

– Вернуть величие... с помощью карт?

– Нет, не только карт. Задайся вопросом – что лишает наш народ силы?

– Твари? – выдвинула предположение Эмма.

– Пустоты? – неуверенно произнес я.

– Нет, еще с того времени, когда не существовало ни первых, ни вторых, – подсказал Бентам.

– Преследование со стороны нормальных людей? – спросила Эмма.

– Нет, это лишь один из симптомов нашей слабости. Что нас ослабляет, это география. По моим приблизительным подсчетам, на сегодняшний день в мире существует около десяти тысяч странных людей. Мы знаем, что они должны существовать, точно так же, как уверены в существовании других планет с разумной жизнью. Это математически установленный факт. – Он улыбнулся и сделал глоток чая. – А теперь представьте себе десять тысяч странных, удивительным образом одаренных людей, собранных в одном месте и объединенных единой целью. С такой силой было бы невозможно не считаться, как вы полагаете?

– Думаю, да, – кивнула Эмма.

– Я в этом не сомневаюсь, – заявил Бентам. – Но география разбросала нас по всей планете, разделив на сотни слабых подгрупп – десяток странных людей тут, еще двенадцать там, потому что практически невозможно преодолеть расстояние между петлей, расположенной в Австралийском буше, и петлей на Африканском Роге. Опасность представляют не только так называемые нормальные люди и силы природы, но и закон стремительного старения во время длительного путешествия между петлями. Тирания географии допускает лишь самые мимолетные и редкие поездки между петлями, расположенными на значительном удалении друг от друга. Даже в современную эпоху путешествий по воздуху.

Он помолчал, прежде чем продолжить, обводя взглядом комнату.

– Итак. Представьте себе существование связи между австралийской и африканской петлями. У этих двух популяций вдруг появилась бы возможность установить контакты. Начать торговать. Делиться знаниями. Объединяться в кризисные моменты для взаимопомощи. Возникают самые разнообразные и ранее недоступные перспективы. И постепенно по мере формирования подобных связей странный мир из разбросанных и

прячущихся в уединенных петлях племен превратился бы в мощную нацию, единую и сильную!

По мере того как Бентам говорил, он все больше воодушевлялся. Произнося последнюю фразу, он даже поднял руки и растопырил пальцы, как будто нащупывая у себя над головой невидимую перекладину.

– И у вас возникла идея этой машины? – спросил я.

– И у меня возникла идея этой машины, – подтвердил он, опуская руки. – Мы с братом пытались понять, как можно упростить исследования странного мира, но вместо этого обнаружили способ его объединить. Панпетлекону предстояло стать спасителем нашего народа, изобретением, которое навсегда изменило бы саму природу странного общества. Это работает следующим образом: вы начинаете путешествие здесь, в этом доме, с небольшой запчастью, которая называется челнок. Он прячется в вашей ладони, – пояснил он, раскрывая пальцы. – Вы выносите его из дома, затем из петли, пересекаете настоящее и входите в другую петлю, которая может находиться на другом краю света или в соседней деревне. И когда вы сюда возвращаетесь, в челноке уже подобно ДНК записана информация о той другой петле, которая может быть использована для создания другого входа в нее – прямо здесь, внутри этого дома.

– В этом коридоре наверху, – догадалась Эмма. – За дверями с небольшими табличками.

– Вот именно, – кивнул Бентам. – Все эти комнаты – это входы в петли, которые мы с братом создали на протяжении многих лет. С использованием Панпетлекона лишь самое первое путешествие представляет собой проблему. Все последующие контакты совершаются практически мгновенно.

– Это похоже на протягивание телеграфных проводов, – кивнула Эмма.

– Да, вроде того, – согласился Бентам. – Таким образом, теоретически этот дом становится центральным вместилищем всех петель земного шара.

Это заставило меня задуматься. О том, как трудно было в первый раз попасть в петлю мисс Сапсан. Но если вместо того, чтобы проделывать утомительный путь на маленький островок у побережья Уэльса, я мог бы войти в ее петлю из своей гардеробной в Инглвуде? Я смог бы жить двумя жизнями – дома с родителями и здесь, со своими друзьями и Эммой.

Одно маленькое «но». Если бы это было так, дедушке Портману и Эмме не пришлось бы разлучаться. Эта мысль показалась мне настолько странной, что у меня по спине пополз холодок.

Бентам замолчал и сделал глоток чая.

– Остыл, – произнес он и поставил чашку на стол.

Эмма выпуталась из одеяла, встала, подошла к кушетке Бентама и опустила кончик среднего пальца в его чай. Через мгновение напиток снова закипел.

– Потрясающе, – улыбнувшись, произнес он.

Она извлекла палец из чашки.

– Можно вопрос?

– Я уверен, что знаю, о чем ты хочешь спросить, – отозвался он.

– Да? О чем?

– Если такая замечательная штука существует, почему ты раньше ничего о ней не слышала?

– Вот именно, – кивнула она и вернулась, чтобы сесть рядом со мной.

– О ней не слышала не только ты, но и вообще никто из-за неприятности, приключившейся с моим братом. – Лицо Бентама помрачнело. – Эта машина родилась с его помощью. Но в итоге он же ее и погубил. В результате Панпетлекон так и не был использован для объединения нашего народа, как это изначально было задумано. Как раз наоборот. Проблемы начались, когда мы осознали, что задача посетить все петли мира с целью воспроизвести здесь входы в них настолько неосуществима, что граничит с безумием. Нам самим это не под силу, а значит, нужна помощь, причем помощь множества людей. К счастью, мой брат был такой харизматической личностью, что ему не стоило никакого труда убедить других в ценности нашего изобретения. Спустя совсем короткое время мы располагали вполне достаточным количеством помощников – целой армией молодых, идеалистически настроенных странных людей, готовых рисковать жизнью ради осуществления нашей мечты. Чего я на тот момент не осознавал – это что мечта брата была совершенно не такой, как моя. Другими словами, у него были свои тайные планы.

Бентам с видимым усилием поднялся на ноги.

– Существует легенда, – снова заговорил он. – Вам, мисс Блум, она, возможно, знакома. – Постукивая тростью, он подошел к полкам и извлек небольшую книжицу. – Это сказка о потерянной петле. О некоем потустороннем мире, где хранятся наши странные души после смерти.

– Абатон, – кивнула Эмма. – Конечно, я о нем слышала. Но это всего лишь легенда.

– Если вам не трудно, расскажите ее, пожалуйста, – попросил он, – чтобы познакомить с ней нашего новообращенного друга.

Бентам дохромал до кушеток и протянул книгу мне. Она была тонкой, зеленой и такой старой, что края страниц крошились у меня в пальцах.

«Истории о странном и неизведанном», – прочитал я название книги и кивнул:

– Я это читал! Во всяком случае, некоторые из этих рассказов.

– Этому изданию почти шестьсот лет, – произнес Бентам. – В него в последний раз была включена та история, которую нам сейчас поведают мисс Блум. В дальнейшем ее исключили, сочтя опасной. Какое-то время даже устный ее пересказ считался преступлением. Таким образом, книга, которую ты держишь в руках, стала единственным запрещенным изданием в истории странного мира.

Я открыл книгу. Все страницы были исписаны вычурным сверхъестественно аккуратным почерком, а поля сплошь покрывали иллюстрации.

– Я слышала ее очень давно, – неуверенно произнесла Эмма.

– Я вам помогу, – подбодрил ее Бентам, осторожно усаживаясь обратно на кушетку. – Начинай.

– Ну, – заговорила Эмма, – в легенде идет речь об очень давних временах... об очень и очень глубокой древности... в ней говорится, что много тысяч лет назад существовала особая петля, в которую странные люди отправлялись после смерти.

– Станный рай, – подал голос я.

– Не совсем. Станные люди не оставались там до скончания веков... нет. Ничего подобного. Это скорее было что-то вроде... библиотеки. – Похоже, она была не вполне уверена в том, что подобрала правильное слово, и посмотрела на Бентама. – Так?

– Да, – кивнув, подтвердил он. – Считалось, что странные души – это драгоценная субстанция, запас которой весьма ограничен. То, что мы уносим их с собой в могилу, рассматривалось как непозволительная роскошь. Вместо этого в конце жизни мы должны были осуществить паломничество в эту библиотеку, где наши души сохранялись для дальнейшего использования другими людьми. Даже в духовных вопросах мы крайне бережливы.

– Первое начало термодинамики, – произнес я.

Он непонимающе посмотрел на меня.

– В любой изолированной системе запас энергии постоянен. В данном случае энергии наших душ. (Иногда я сам удивляюсь тому, сколько всего я помню из школьного курса.)

– Полагаю, принцип очень похож, – согласился Бентам. – Древние полагали, что человечеству доступно лишь ограниченное количество странных душ, и каждый раз, когда рождается странный человек, он берет

свою душу напрокат. Подобно тому, как ты или я можем взять книгу в библиотеке. – Он обвел рукой ряды стеллажей с книгами. – Но когда твоя жизнь – твой взятый напрокат срок – истекает, душу необходимо вернуть.

Бентам кивнул Эмме:

– Пожалуйста, продолжайте.

– Итак, – произнесла Эмма, – существовала эта библиотека. Я всегда представляла себе, что она заполнена красивыми светящимися книжками, каждая из которых содержит странную душу. Тысячи лет люди брали в ней души и возвращали назад перед тем, как умереть, и все было прекрасно. Но однажды кто-то решил, что в библиотеку можно проникнуть, даже если ты не собираешься умирать. И он действительно в нее вломился. И ограбил ее. Он украл самые мощные души, которые смог найти, и использовал их для того, чтобы посеять хаос. – Эмма посмотрела на Бентама. – Правильно?

– Фактически все верно, хотя художественное оформление оставляет желать лучшего, – кивнул Бентам.

– Использовал их? – спросил я. – Как?

– Соединив их силу со своей собственной, – пояснил Бентам. – В конце концов хранители библиотеки убили мерзавца, отняли у него похищенные души и восстановили порядок. Но джинна уже выпустили из бутылки, если можно так выразиться. Информация о том, что библиотеку можно ограбить, подобно яду распространялась по нашему обществу. Тот, кто контролирует библиотеку, способен управлять всем странным миром, и прошло совсем немного времени, прежде чем из библиотеки снова исчезли души. Наступили мрачные времена, когда рвущиеся к власти негодяи устраивали целые сражения за право контроля над Абатоном и Библиотекой Душ. Было утрачено множество жизней. Наши земли были сожжены дотла. По ним гуляли голод и эпидемии, а наделенные невообразимым могуществом странные люди убивали друг друга потопами и молниями. Вот откуда у нормальных людей сказания о богах, сражающихся за господство над небесами. Их Битвы Титанов были нашими битвами за Библиотеку Душ.

– Я думал, вы сказали, что это просто легенда, – напомнил я.

– Я до этого еще дойду, – ответил Бентам и обернулся к топтавшемуся неподалеку Ниму. – Ты свободен, Ним. Чай нам больше не нужен.

– Простите, сэр, я не хотел подслушивать, сэр, но это мое любимое место.

– Тогда садись!

Ним тут же плюхнулся на пол, скрестив ноги, и оперся подбородком на ладони.

– Так вот. В течение короткого, но ужасного периода времени наш народ жил в условиях ужасных разрушений и несчастий. Контроль над библиотекой часто переходил из рук в руки, и это всякий раз сопровождалось просто невообразимым кровопролитием. Все это прекратилось в один день. Самопровозглашенный король Абатона погиб, и тот, кто его убил, уже собирался захватить библиотеку, но так и не смог ее найти. Вечером библиотека еще существовала, а наутро уже исчезла.

– Исчезла? – повторил я.

– Да, за одну ночь, – подтвердила Эмма.

– Пшик, – прошептал Ним.

– Согласно легенде Библиотека Душ находилась среди холмов древнего города Абатон. Но когда будущий король прибыл туда, чтобы вступить во владение своим завоеванием, библиотеки там не оказалось. И самого города тоже. Он бесследно исчез, и на том месте, где он когда-то стоял, расстилались девственные зеленые луга.

– Это безумие какое-то, – фыркнул я.

– Незачем относиться к этому так серьезно, – заметила Эмма. – Это все старинные небылицы.

– «Легенда об утраченной петле», – прочитал я заголовок на странице, на которой была открыта книга в моих руках.

– Возможно, мы так никогда и не узнаем, существовал ли на самом деле Абатон, – произнес Бентам, и его губы расплылись в загадочной улыбке сфинкса. – Поэтому повествование о нем и называется легендой. Но, как и в случае с зарытыми сокровищами, люди веками продолжали его искать. Поговаривают, что сам Перплексус Аномалус посвятил много лет поискам утраченной петли Абатона, в процессе изысканий он, собственно, и обнаружил многие из петель, нанесенных впоследствии на его знаменитые карты.

– Я этого не знала, – подала голос Эмма. – Значит, из этого все же вышло что-то хорошее.

– И что-то очень плохое тоже, – добавил Бентам. – Мой брат тоже верил в эту историю. Я по своей глупости смотрел на его слабость сквозь пальцы. Не обращал внимания на его увлечение и слишком поздно осознал, насколько его захватила и полностью подчинила себе эта идея. К этому времени мой харизматичный брат убедил нашу небольшую армию юных рекрутов в том, что это правда. Что Абатон реально существует. Что Библиотеку Душ можно отыскать. Он сказал им, что Перплексус подобрался к ней совсем близко и им лишь остается закончить его работу. Что заключенная в библиотеке огромная и опасная власть может

принадлежать нам. Им. Я ожидал слишком долго, и эта идея разрослась, превратившись в раковую опухоль. Они бесконечно искали эту утраченную петлю, организовывая экспедицию за экспедицией, и каждая неудача лишь сильнее их раззадоривала. Идея объединения странного мира была забыта и похоронена. С самого начала мой брат мечтал лишь о том, чтобы стать его единоличным властителем. А когда я попытался его остановить и вернуть себе контроль над построенной мной машиной, он заклеил меня как предателя, настроил против меня остальных и запер меня в камере.

Бентам сидел, опустив голову, и с такой силой сжимал рукоять трости, будто это была шея, которую он хотел свернуть. Затем он поднял к нам осунувшееся и бледное лицо.

– Возможно, вы уже и сами догадались, кто он.

Я бросил взгляд на Эмму. Она широко раскрытыми глазами смотрела на Бентама. Мы произнесли имя вместе:

– Каул.

Бентам кивнул:

– Его настоящее имя Джек.

Эмма наклонилась вперед:

– Значит, ваша сестра...

– Мою сестру зовут Алма Сапсан, – закончил за нее он.

* * *

Мы смотрели на Бентама как громом пораженные, силясь осознать, что перед нами брат мисс Сапсан. Я знал, что у нее два брата, – она несколько раз упоминала их в наших разговорах и даже показывала их фотографию в детстве. Она также рассказала о том, что их стремление к бессмертию привело к катастрофе 1908 года, превратившей их и их последователей в пустоты, а затем в тех самых тварей, которых мы так боялись. Но она никогда не называла ни одного из них по имени, и ее история нисколько не напоминала ту, которую мы слышали от Бентама.

– Если то, что вы говорите, правда, – произнес я, – то вы должны быть тварью.

Ним открыл от изумления рот.

– Мистер Бентам не тварь!

Он был готов вскочить и броситься на защиту чести хозяина, но Бентам от него отмахнулся.

– Не волнуйся, Ним. Они слышали другую версию событий от Алмы.

Но она знает не все.

– Я не услышала от вас опровержения, – напомнила ему Эмма.

– Я не тварь, – резко произнес Бентам.

Он не привык, чтобы кто-то ставил под сомнение его целостность, и из-под его мягких манер начинала пробиваться уязвленная гордость.

– Вы позволите нам самим в этом убедиться? – спросил я. – Чтобы у нас не оставалось никаких сомнений...

– Пожалуйста, – произнес Бентам.

Тяжело опираясь на трость, он встал и вышел на середину пространства между кушетками. ПТ лениво приподнял голову, наблюдая за происходящим, а Ним негодуяще отвернулся, возмущенный тем, что его хозяину приходится подвергаться подобному унижению.

Мы подошли к Бентаму. Он слегка наклонился, чтобы нам не приходилось подниматься на цыпочки – он оказался на удивление высоким, – и позволил нам исследовать глаза на предмет присутствия контактных линз или какой-либо иной маскировки. Белки его глаз были ужасно воспалены и покрыты сеткой кровеносных сосудов, как если бы он не спал уже много ночей подряд. В остальном ничего подозрительного мы в них не заметили.

Мы сделали шаг назад.

– Ну, хорошо, вы не тварь, – произнес я. – Но это означает, что вы не можете быть братом Каула.

– Боюсь, что ваши выводы базируются на ошибочных допущениях, – произнес он. – Я виноват в том, что мой брат и его последователи стали пустотами, но сам я ни в кого не превращался.

– Вы создали пустот? – ахнула Эмма. – Зачем?!

Бентам отвернулся, глядя в огонь.

– Это была ужасная ошибка. Несчастный случай.

Он замолчал. Мы тоже молчали, ожидая разъяснений. Похоже, ему было очень трудно заговорить о том, о чем он молчал столько лет.

– Я виноват в том, что дело зашло так далеко, – наконец выдавил из себя он. – Я убеждал себя в том, что мой брат вовсе не так опасен, как мне кажется. Я понял свою ошибку только после того, как он меня запер, и сделать я уже ничего не мог.

Он подошел ближе к пылающему камину и опустился на колени, чтобы погладить живот ПТ, запустив пальцы в его густую шерсть.

– Я знал, что Джека необходимо остановить, и не только ради меня самого, а также не потому, что существовала реальная возможность обнаружения Библиотеки Душ. Нет, мне было ясно, что его честолюбивые

планы простираются гораздо дальше. На протяжении долгих месяцев он готовил из наших новобранцев солдат для опасного политического движения. Он позиционировал себя как жертву несправедливости, стремящуюся спасти наше общество от того, что он называл «расслабляющим влиянием имбринов».

– Благодаря имбринам наше общество до сих пор существует, – горько заметила Эмма.

– Да, – кивнул Бентам, – но, видите ли, мой брат был ужасно ревнив. С самого детства Джек завидовал власти и положению нашей сестры. По сравнению с ее талантами наши способности были ничтожны. Уже к третьему дню рождения Алмы старшие имбрины, которые взяли нас под свою опеку, поняли, что она необычайно одаренный ребенок. С ней так носились, что это приводило Джека в бешенство. Когда она была маленькой, он щипал ее только для того, чтобы заставить плакать. Когда она училась превращаться в птицу, он гонялся за ней и выщипывал ее перья.

Я увидел, как гневный язычок пламени взметнулся над одним из пальцев Эммы и она потушила его, окунув в чай.

– Со временем эти отвратительные черты только усугубились, – произнес Бентам. – Джек умело культивировал ту же ядовитую зависть, которую подмечал и в некоторых из наших странных товарищей. Он проводил встречи и произносил речи, раздувая дремлющее недовольство. Дьявольский Акр представлял собой плодородную почву для подобных настроений, поскольку многие местные жители, изгнанные имбринами из своего матриархального общества, относятся к ним весьма враждебно.

– Глинянокрылые, – произнесла Эмма. – Прежде, чем твари стали тварями, они так себя называли. Мисс Сапсан кое-что нам о них рассказывала.

– «Нам не нужны их крылья! – проповедовал Джек. – Мы отрастим свои собственные!» Разумеется, это было метафорой, но они устраивали марши, прицепив себе на спину глиняные крылья в качестве символа своего движения. – Бентам встал и жестом пригласил нас подойти к полкам. – Взгляните сюда. У меня тут сохранилась парочка фотографий. Тех, которые он не смог уничтожить. – Он снял с полки толстый альбом и открыл на странице со снимком большой толпы, слушающей выступление какого-то человека. – Вот это Джек во время одной из своих мерзких речей.

Толпа, состоящая почти исключительно из мужчин, была очень плотной. На головах этих людей были большие шляпы, некоторые взобрались на ящики и ограду, чтобы лучше слышать то, что говорил Каул.

Бентам перелистнул страницу и показал другое фото. С него на нас смотрели двое крепких молодых парней в костюмах и шляпах. Один из них открыто улыбался, лицо второго оставалось бесстрастным.

– Я слева, Джек справа, – пояснил он. – Джек улыбался, только когда ему что-то было от вас нужно.

Наконец, он показал нам снимок мальчика с парой больших, похожих на совиные, крыльев, виднеющихся из-за плеч. Он сидел на некоем подобии пьедестала и искоса смотрел в объектив из-под козырька надвинутой на один глаз кепки, не скрывая своего презрения к происходящему. Внизу снимка было напечатано: Нам не нужны их крылья.

– Один из агитационных плакатов Джека, – пояснил Бентам.

НАМ НЕ НУЖНЫ ИХ КРЫЛЬЯ

Бентам поднес вторую фотографию ближе к глазам, всматриваясь в лицо брата.

– В нем всегда было что-то темное, – наконец произнес он, – но я отказывался это видеть. Видение Алмы было более ясным – она оттолкнула Джека довольно рано. Но мы с Джеком были близки по возрасту и образу мыслей. Или так мне казалось. Мы были закадычными приятелями. Но он скрывал от меня свое истинное лицо. Я его не знал до того самого дня, когда произнес: «Джек, ты должен все это прекратить», а он приказал меня избить и бросить в мрачную дыру умирать. К этому моменту было уже слишком поздно.

Бентам поднял голову, и в его глазах отразилось бушующее в камине пламя.

– Очень трудно осознать, что ты пустое место для своего собственного брата, – произнес он и надолго замолчал, погружившись в ужасные воспоминания.

– Но вы не умерли, – произнесла Эмма. – Вы превратили их в пустоты.

– Да.

– Как?

– Я их перехитрил.

– Чтобы превратить их в жутких чудовищ? – уточнил я.

– Я не собирался превращать их в чудовищ. Всего лишь хотел от них избавиться. – Он на негнущихся ногах вернулся к кушетке и с трудом опустился на подушки. – Я уже умирал от голода, когда меня осенило. В голову пришла великолепная история, с помощью которой я мог заманить брата в ловушку. Ложь древняя, как само человечество. Источник молодости. Я пальцем начертил это на полу своей камеры: последовательные шаги тайных приемов манипуляции петлями, способных обратить процесс стремительного старения и навеки устранить эту опасность. Во всяком случае, так это выглядело. На самом деле это было лишь побочным эффектом того, что на самом деле описывала эта последовательность. Это была тайная и преданная забвению процедура схлопывания петли. В случае необходимости это можно было сделать быстро и совершенно необратимо.

Я представил себе кнопку «саморазрушение» из научно-фантастических романов. Сверхновую в миниатюре. Гаснущие звезды.

– Я и не надеялся, что моя хитрость так хорошо сработает, – продолжал Бентам. – Один из сочувствовавших мне членов движения выдал эту формулу за свое собственное изобретение, и Джек ему поверил.

Он привел своих последователей в одну из отдаленных петель, чтобы запустить описанную мной процедуру. Я надеялся, что это станет их концом.

– Но этого не произошло, – вздохнула Эмма.

– Это когда пол-Сибири взлетело на воздух? – спросил я.

– Реакция была такой сильной, что растянулась на целые сутки, – не отвечая на мой вопрос, продолжал Бентам. – Существуют фотографии самого взрыва и его последствий...

Он кивнул на альбом на полу и подождал, пока мы отыщем нужные снимки. Одну фотографию сделали ночью в какой-то неизвестно где находящейся глуши. Темноту разрывала полоса вертикального пламени, огромный, но далекий выброс раскаленной добела энергии, озарившей ночь подобно римской свече^[4] высотой с небоскреб. На второй мы увидели разрушенную деревню, от которой остались лишь растрескавшиеся дома, горы мусора и деревья без коры. Я смотрел на нее, и мне казалось, я слышу ветер, гуляющий среди этих развалин. Я почти физически ощутил гнетущую тишину места, в мгновение ока лишившегося жизни.

Бентам покачал головой.

– Я и представить себе не мог, что выползет из этой схлопнувшейся петли, – прошептал он. – На какое-то непродолжительное время наступило затишье. Меня освободили из заточения, и я начал выздоравливать. Я вернул себе контроль над машиной. Казалось, темная эпоха влияния моего брата завершилась. Но это было только начало.

– Приближалась Война Пустот, – кивнула Эмма.

– Вскоре пошли слухи о существах, созданных из теней. Они появлялись из уничтоженных лесов, чтобы питаться странными существами... а также нормальными людьми и животными... словом, всем, что попадало к ним в пасть.

– Однажды я видел, как пустота съела автомобиль, – подал голос Ним.

– Автомобиль? – изумился я.

– Я был внутри этого автомобиля, – добавил он.

Мы ожидали подробностей.

– И? – не выдержала Эмма.

– Я спасся, – пожал плечами он. – Руль застрял у нее в горле.

– Мне уже можно продолжать? – поинтересовался Бентам.

– Конечно, сэр. Прошу прощения.

– Так вот, этих новых выроdkов мало что могло остановить... разве что застрявший в глотке руль... ну и входы в петли. К счастью, у нас их было много. Поэтому большинство из нас решало проблему пустот, живя в петлях и выходя только в случае крайней необходимости. Появление пустот очень осложнило наши жизни и сделало нас гораздо более одинокими и опасными.

– Как насчет тварей? – поинтересовался я.

– Полагаю, он скоро до этого дойдет, – буркнула Эмма.

– Уже дошел, – кивнул Бентам. – Через пять лет после моей первой встречи с пустотой я впервые столкнулся с тварью. Однажды после полуночи раздался стук в дверь. Я был у себя дома, в полной уверенности, что в петле мне ничто не угрожает. Но когда я отворил, на пороге стоял мой брат Джек, изрядно потрепанный, но точно такой же, как и прежде, не считая мертвых глаз, которые были пустыми, как неисписанный лист бумаги.

Мы с Эммой, скрестив ноги, сидели на кушетке и не сводили глаз с Бентама, ловя каждое слово. Он затравленно смотрел куда-то вдаль поверх наших голов.

– Он уже съел достаточное количество странных людей, чтобы насытить свою пустую душу, и превратился в нечто, напоминающее моего брата, но на самом деле им не являющееся. Та человечность, которая ему была, хоть и в небольшой степени, но присуща, окончательно исчезла, вытекла вместе с цветом его глаз. По сравнению со странным человеком тварь – это все равно, что многократно повторенная копия предмета по сравнению с оригиналом. Утрачиваются все особенности и цвет...

– А как насчет памяти? – спросил я.

– У Джека она сохранилась. К сожалению. В противном случае он мог бы забыть об Абатоне и Библиотеке Душ. И о том, что я с ним сделал.

– Как он узнал, что это были вы? – спросила Эмма.

– Отнесите это на счет братской интуиции. А затем, однажды, когда ему было нечем заняться, он пытал меня, пока я во всем не сознался. – Бентам кивнул на свои ноги. – Как видите, они так окончательно и не восстановились.

– Но он вас не убил, – заметил я.

– Твари – прагматичные существа и редко стремятся к мести, – ответил Бентам. – Джек был еще больше, чем прежде, одержим идеей Абатона. Но для этого ему была нужна моя машина, и я в качестве ее оператора. Я стал

его пленником и рабом, а Дьявольский Акр превратился в тайный штаб маленькой, но влиятельной группы тварей, посвятивших себя обнаружению и взлому Библиотеки Душ. Думаю, вы уже поняли, что именно это является их высшей целью.

– Я думал, они стремятся воспроизвести реакцию, которая превратила их в пустоты, – произнес я. – Но вначале хотят ее усовершенствовать. Чтобы на этот раз все получилось «как надо», – пояснил я, пальцами взяв свои слова в кавычки.

Бентам нахмурился:

– Где вы это услышали?

– Одна тварь сказала нам это перед тем, как умереть, – ответила Эмма. – Она сказала, что именно для этого им нужны все имбрины. Чтобы реакция была как можно более мощной.

– Это полный вздор, – покачал головой Бентам. – Скорее всего, он выдумал это, чтобы направить вас по ложному следу.

– Но если для этой реакции им не нужны имбрины, – начал рассуждать я, – зачем им так утруждаться и стремиться их всех похитить?

– Потому что петля Абатона не просто исчезла, – ответил Бентам. – Согласно легенде, перед тем, как исчезнуть, она закрылась. И закрыли ее именно имбрины. А если точнее, двенадцать имбрин, которые собрались вместе из двенадцати разбросанных по планете осколков странного мира. Чтобы открыть Абатон, в случае, если его все же удастся обнаружить, необходимы эти же двенадцать имбрин или их потомки. Поэтому нет ничего удивительного в том, что мой брат похитил именно двенадцать имбрин, которых он выслеживал на протяжении долгих лет.

– Я так и знал! – воскликнул я. – Я знал, что за этим стоит нечто большее, чем стремление воспроизвести реакцию, превратившую их в пустоты.

– Значит, он его нашел, – произнесла Эмма. – Каул не стал бы похищать имбрин, если бы ему было неизвестно, где находится Абатон.

– Кажется, ты считала это легендой, – напомнил ей я. – А теперь рассуждаешь так, как будто он реален. Определись.

– Официальная позиция Совета Имбрин заключается в том, что Библиотека Душ – это всего лишь сказка, – произнес Бентам.

– Мне все равно, что там считает Совет, – отозвалась Эмма. – Что скажете вы?

– То, что думаю я, – это лишь мое частное мнение, – уклончиво ответил он. – Но если библиотека существует и Джеку удастся ее найти и открыть, он все равно не сможет похитить хранящиеся там души. Он этого

не знает, но ему недостает третьего элемента, третьего ключа.

– И в чем он заключается? – спросил я.

– Никто не может взять сосуды с душами. Почти для всех они будут невидимы и неосязаемы. К ним не способны прикоснуться даже имбрины. Согласно легенде видеть и трогать их могут лишь особые посвященные, именуемые библиотекарями. Но уже тысячи лет на землю не приходил ни один библиотекарь. Если библиотека существует, то все, что найдет Джек, это пустые полки.

– Что ж, это отрадно слышать, – облегченно вздохнул я.

– И да, и нет, – покачала головой Эмма. – Что он сделает, когда поймет, что совершенно напрасно так долго охотился на имбрин? Он обезумеет от ярости!

– Именно это и беспокоит меня больше всего, – кивнул Бентам. – У Джека скверный нрав, и когда мечта, которую он вынашивал всю свою жизнь, рухнет...

Я попытался представить, что это может означать – все пытки и издевательства, на которые способен такой человек, как Каул, – но мой разум отказывался мне в этом помогать. Похоже, Эмма думала о чем-то подобном, потому что следующие ее слова прозвучали резко и гневно:

– Мы их вернем!

– У нас с вами общая цель, – поддержал ее Бентам. – Уничтожить моего брата и всех таких, как он, и спасти мою сестру и ее подруг. Думаю, вместе у нас получится и первое, и второе.

Утонув в подушках массивной кушетки, он выглядел таким маленьким, что я едва не рассмеялся.

– Как? – спросил я. – Для этого нам понадобится армия.

– А вот и нет, – возразил он. – С армией твари способны справиться без особого труда. К счастью, у нас есть кое-что получше. – Он смотрел на нас с Эммой, загадочно улыбаясь. – У нас есть вы оба. И, к счастью для вас, у вас есть я. – Бентам оперся на трость и медленно встал. – Мы должны забросить вас в эту крепость.

– Она выглядит совершенно неприступной, – сообщил ему я.

– Это потому что она действительно неприступна, – тут же согласился он со мной. – Но только на первый взгляд. За все годы, на протяжении которых Дьявольский Акр был тюремной петлей, он был приспособлен для того, чтобы удерживать худших из худших. После того, как сюда вернулись твари, они сделали его своим домом. И то, что было тюрьмой, из которой невозможно сбежать, превратилось в крепость, в которую невозможно проникнуть.

– Но у вас есть в нее доступ, – догадалась Эмма.

– Я мог бы его получить с вашей помощью, – кивнул Бентам. – Когда здесь появились Джек и его твари, они похитили сердце моего Панпетлекона. Они заставили меня сломать мое собственное изобретение, скопировать его петли и воспроизвести их внутри крепости, что позволило им продолжать работу в более безопасных условиях.

– Так, значит, есть... еще одна машина? – спросил я.

Бентам кивнул.

– Моя машина оригинал, а у них копия, – ответил он. – Обе машины соединены между собой, и в каждой есть двери, которые позволяют проникать в обоих направлениях.

Эмма резко выпрямилась.

– Вы хотите сказать, что вашу машину можно использовать, чтобы попасть внутрь их машины?

– Вот именно.

– В таком случае, почему вы этого еще не сделали? – спросил я. – Почему вы не сделали этого много лет назад?

– Джек сломал мою машину так основательно, что я думал, мне никогда не удастся ее починить, – пояснил Бентам. – Долгие годы в ней работала всего одна комната – та самая, которая ведет в Сибирь. Но как мы ни искали, мы не смогли найти в ней проход в машину Джека.

Я вспомнил мужчину, всматривавшегося в расщелину. Видимо, он пытался разглядеть дверь, скрытую под глубоким слоем снега.

– Необходимо открыть другие двери, другие комнаты, – продолжал Бентам. – Но для этого мне необходимо восстановить похищенную Джеком деталь – динамо в сердце моего Панпетлекона. Я давно подозревал, что существует нечто, способное ее заменить, – нечто очень мощное и очень опасное. Но хотя это имеется прямо здесь, в Дьявольском Акре, у меня ни разу не было шансов его заполучить. Но теперь это стало возможным.

Он обернулся ко мне:

– Мой мальчик, мне необходимо, чтобы ты привел сюда пустоту.

* * *

Разумеется, я согласился. В тот момент я был готов согласиться на что угодно, если бы считал, что это поможет освободить наших друзей. Но лишь после того, как я ему это пообещал и Бентам обеими руками сжал мои пальцы в крепком рукопожатии, я вдруг понял, что не имею понятия,

где мне взять пустоту. Я был уверен, что в крепости тварей они имеются в изобилии, но мы уже установили, что проникнуть туда невозможно. И тут из тени, уже сгущавшейся в углах комнаты, вышел Харон, сообщивший нам хорошую новость.

– Ты помнишь своего друга, которого раздавил рухнувший мост? – спросил он. – Похоже, он все же уцелел. Несколько часов назад его выловили из канавы.

– Кто? – спросил я.

– Пираты. Они заковали его в цепи и посадили в клетку в конце Кровоточащей улицы. Я слышал, что он произвел фурор.

– Решено, – взволнованно воскликнула Эмма. – Мы похитим эту пустоту и приведем ее сюда. Потом мы запустим машину мистера Бентама, откроем дверь в крепость тварей и выведем из нее наших друзей.

– Все очень просто! – Харон издал свой скрипучий смешок. – Не считая последнего пункта.

– И первого, – добавил я.

Эмма шагнула ко мне.

– Прости, любовь моя. Я решаю за тебя, даже не спрашивая твоего согласия. Как тебе кажется, ты сумеешь управлять этой пустотой?

Я совершенно не был в этом уверен. Да, там, в Канаве, мне удалось заставить ее проделывать удивительные трюки, но добиться того, чтобы она послушно, как собака, шла рядом, привести ее в дом Бентама... мне казалось, что мои в высшей степени несовершенные навыки в укрощении пустот не соответствуют сложности задачи. К тому же последняя катастрофическая встреча с пустотой не оставила камня на камне от моей веры в собственные силы. Но теперь все зависело от моих способностей.

– Конечно, я смогу ею управлять! – пауза, которая потребовалась мне для того, чтобы это произнести, мне и самому показалась слишком долгой. – Когда можно за ней сходить?

– Вот это я понимаю, отношение! – захлопал в ладоши Бентам.

Взгляд Эммы задержался на моем лице. Она почувствовала в моих словах фальшь.

– Вы можете пойти за ней, как только ты будешь готов, – произнес Бентам. – Харон проводит.

– Думаю, ждать не стоит, – произнес Харон. – Полагаю, как только местные наиграются вдоволь и пустота им наскучит, они ее убьют.

Эмма приподняла подол своего пышного платья.

– В таком случае, я думаю, нам нужно переодеться.

– Ну, конечно, – согласился Бентам и поручил Ниму принести нам

одежду, лучше соответствующую стоящей перед нами задаче.

Минуту спустя слуга вернулся с ботинками на толстой подошве и современными рабочими штанами и куртками. Все было черным, водоотталкивающим и даже слегка тянулось.

Мы с Эммой разошлись по разным комнатам, чтобы переодеться, а затем встретились в коридоре. Грубая бесформенная одежда делала Эмму слегка мужеподобной, но она не жаловалась. Она просто завязала волосы в хвост, вытянулась в струнку и выпалила:

– Сержант Блум к службе готов.

– Самый холёсенький сержант, которого я когда-либо видел, – просюсюкал я, пытаюсь имитировать Джона Уэйна.

Между тем, насколько я нервничал, и тем, насколько тупые шутки отпускал, всегда существовала прямая зависимость. А сейчас у меня даже поджилки тряслись, а живот, казалось, наполнился жидкой кислотой.

– Ты и в самом деле считаешь, что мы способны это проверить? – спросил я у нее.

– Конечно, – ответила она.

– Ты когда-нибудь в чем-нибудь сомневаешься?

Эмма затрясла головой.

– Сомнения способны пустить на дно спасательный плот.

Она подошла ближе, мы обнялись, и я почувствовал, что ее тело сотрясает мелкая дрожь. Я понял, что она не так неуязвима, как кажется, и что моя неуверенность начинает подрывать и ее веру в успех. Но именно непоколебимая вера Эммы до сих пор была нашей соломинкой.

Я привык считать ее веру в меня несколько безрассудной. Мне казалось, она думает, что я должен заставить пустоту исполнять все мои желания по щелчку пальцев. Что мои способности блокируются моей внутренней слабостью. Какая-то часть меня возмущалась подобным отношением, но другая часть допускала, что она может оказаться права. Раз и навсегда устранить эту двойственность можно было, лишь подойдя к следующей пустоте с непоколебимой уверенностью в том, что я могу ее себе подчинить.

– Жаль, что я не вижу себя твоими глазами, – прошептал я.

Она обняла меня еще крепче, и я решил попытаться.

В коридор вышли Харон и Бентам.

– Мы готовы, – сообщил им я.

Бентам пожал руку мне, а затем Эмме.

– Я так рад, что вы здесь, – произнес он. – Это доказывает, что звезды наконец-то начинают к нам благоволить.

– Надеюсь, вы правы, – ответила Эмма.

Мы уже собрались отправиться в путь, как вдруг я вспомнил о вопросе, который хотел задать все это время. Теперь же мне пришло в голову, что если события начнут развиваться по самому худшему сценарию, шанса задать его мне может больше не представиться.

– Мистер Бентам, – произнес я, – мы так и не поговорили о моем дедушке. Как вы с ним познакомились? Почему вы его искали?

Брови Бентама взлетели вверх, но он тут же улыбнулся, как будто пытаясь скрыть свое удивление.

– Я по нему скучал, вот и все, – ответил он. – Мы были старыми друзьями, и я надеялся, что когда-нибудь еще его увижу.

Я почувствовал, что он не сказал всей правды, и по прищуренным глазам Эммы понял, что она тоже это поняла. Но копать глубже времени не было. Сейчас будущее было гораздо важнее прошлого.

Бентам поднял руку, прощаясь с нами.

– Будьте осторожны, – попросил он. – Я буду ждать вас здесь и готовить Панпетлекон к его триумфальному восстановлению. – Он захромал обратно в библиотеку, откуда донесся его громкий голос: – ПТ, подъем! У нас много работы!

Харон повел нас по коридору, покачивая деревянным посохом и громко шлепая массивными босыми ступнями по каменным плитам пола. Когда мы подошли к входной двери, он остановился, наклонился к нам и изложил основные правила нашей операции.

– Там, куда мы идем, опасно. Почти все странные дети в Дьявольском Акре кому-нибудь принадлежат, поэтому на вас будут обращать внимание. Вы должны молчать, пока к вам не обратятся. Никому не смотреть в глаза. Идти на некотором удалении от меня, но ни в коем случае не терять меня из виду. Сделаем вид, что вы мои рабы.

– Что? – взвилась Эмма. – Еще чего!

– Так будет безопаснее всего, – пояснил Харон.

– Это унижительно!

– Да, но зато ни у кого не возникнет вопросов.

– Что мы должны делать? – спросил я.

– Просто исполняйте все мои распоряжения, быстро и без колебаний. Ваши глаза должны быть слегка остекленевшими.

– Повинуясссь, хозяин, – как робот произнес я.

– Не так, – поправила меня Эмма. – Помнишь детей в том ужасном доме на Скверной улице?

Я расслабил лицо и вялым голосом произнес:

– Привет, мы все здесь очень счастливы.

Эмма вздрогнула и отвернулась.

– Отлично, – одобрительно кивнул Харон и перевел взгляд на Эмму. – Теперь ты.

– Если уж у нас нет выхода, – вздохнула она, – я лучше притворюсь немой.

Харона это вполне устроило. Он толкнул дверь и увлек нас в сгущающиеся сумерки.

Глава пятая

Воздух снаружи походил на жидкий суп ядовитого желтоватого цвета, и определить местонахождение солнца на небе не представлялось возможным. Впрочем, судя по тому, что свет постепенно убывал, день клонился к вечеру. Мы шли за Хароном, пытаясь не отстать всякий раз, когда он видел кого-то из знакомых и ускорял шаг, чтобы избежать расспросов. Судя по всему, он был фигурой известной и обладал определенной репутацией. Наверное, он опасался, что своим поведением мы можем ее испортить.

Мы прошли по удивительно жизнерадостной Кровоточащей улице с ее ярко раскрашенными фасадами и цветочными горшками на окнах и свернули на Барвинковую улицу, где деревянные тротуары сменились грязью, а дома покосившимися хижинами. В конце подозрительного тупика стояла группа мужчин в надвинутых на глаза шляпах. Похоже, они охраняли вход в одно из зданий, все окна которого были плотно задернуты шторами. Харон велел нам остановиться, и мы замерли, ожидая, пока он о чем-то побеседует с мужчинами.

В воздухе едва уловимо пахло бензином. Издалека донеслись, а затем стихли громкие голоса и смех. Я вспомнил, что так смеются мужчины, увлеченно следящие за матчем в спортивном баре. Это были вполне современные звуки, совершенно невозможные здесь, где не было и быть не могло телевизоров.

Из дома вышел мужчина в забрызганных грязью штанах и с ведром в руке.

Когда дверь распахнулась, голоса зазвучали громче, снова затихнув, как только она захлопнулась. Мужчина перешел на противоположную сторону улицы, и мы проследили за ним взглядом, только сейчас увидев то, чего не заметили раньше. К отпиленному фонарному столбу были прикованы цепью двое медвежат. Вид у них был ужасно грустный, а цепи очень короткими. Они сидели в грязи и смотрели на приближающегося к ним мужчину с выражением ужаса на мохнатых мордочках. Мужчина вытряхнул перед ними на землю какие-то гнилые объедки и, не произнеся ни слова, ушел. Вся эта сцена произвела на меня невыразимо гнетущее впечатление.

– Эти люди дрессируют мрачей, – произнес Харон. Обернувшись, мы увидели, что он стоит у нас за спиной. – На кровавом спорте здесь делают большие деньги, и сражение с мрачведем считается самым увлекательным поединком. Молодым бойцам необходимо к этому каким-то образом готовиться, поэтому они начинают с того, что дерутся с медвежатами.

– Это ужасно, – выдохнул я.

– Во всяком случае, благодаря вашей твари, у медведей сегодня выходной. – Харон показал на покосившийся дом. – Она там. Но прежде чем мы войдем, я должен вас предупредить: это притон амброзии, и там будут нализавшиеся до беспамятства странные люди. Не разговаривайте с ними и, что бы вы ни делали, не смотрите им в глаза. Я знаю людей, которые таким образом ослепли.

– Что значит «ослепли»? – переспросил я.

– Именно то, что я сказал. А теперь идите за мной, и больше никаких вопросов. Рабы не задают хозяину вопросов.

Эмма заскрежетала зубами. Мы побрели за Хароном, который снова подошел к мужчинам, сгрудившимся у входа в дом.

Лодочник заговорил с местными. Я попытался подслушать разговор, держась поодаль, как и пристало рабу, и старательно не глядя в их сторону. Один из них сообщил Харону о том, что бесплатно его никто не впустит, после чего наш проводник извлек из кармана монету и заплатил за вход. Другой мужчина поинтересовался нами.

– Я их еще не назвал, – ответил Харон. – Только вчера их приобрел. Они еще совсем зеленые, и я предпочитаю держать их при себе.

– Это правда? – спросил мужчина, подходя к нам. – У вас нет имен?

Я замотал головой, решив вместе с Эммой прикинуться немым. Мужчина смерил нас взглядом, и у меня по коже поползли мурашки.

– Кажется, я вас уже где-то видел, – пробормотал он, наклоняясь еще ближе.

Я молчал.

– Может, в витрине у Лоррейн? – высказал предположение Харон.

– Неа, – протянул мужчина и махнул рукой. – Неважно, я уверен, что вспомню.

Я решился бросить на него взгляд, только когда он уже отвернулся. Если он и был пиратом, то не одним из тех, с кем мы сражались. Его подбородок и лоб были перебинтованы. У остальных тоже имелись подобные повязки, а у одного был перевязан даже глаз. Мне подумалось, что это результат их боев с мрачами.

Мужчина с повязкой на глазу открыл перед нами дверь.

– Желаю повеселиться, – хмыкнул он, – но на твоём месте в клетку я бы их сегодня не посылал, если только ты не готов отскребать их от пола.

– Мы здесь, чтобы смотреть и учиться, – ответил Харон.

– Вот и правильно.

Он махнул рукой, приглашая нас войти, и мы юркнули вслед за Хароном, спеша укрыться от подозрительных взглядов перебинтованных мужчин. Семифутовому лодочнику пришлось пригнуться, чтобы войти. В помещении, где потолки оказались очень низкими, выпрямиться ему не удалось. Комната была темной и прокуренной, и пока мои глаза не привыкли к этому мраку, я не видел вообще ничего, кроме светящихся там и тут оранжевых точек. Постепенно из темноты проступили очертания узкого и длинного помещения с двухъярусными кроватями, вмурованными в стены, подобно койкам в каютах океанских лайнеров.

Я споткнулся и едва не упал.

– Почему здесь так темно? – пробормотал я, нарушая обещание не

задавать вопросы.

– Когда оканчивается воздействие амбро, глаза становятся очень чувствительными к свету, – пояснил Харон. – Даже пасмурный день вызывает невыносимую резь.

Только теперь я заметил на койках людей. Одни спали, другие сидели в гнездах из скомканных простыней. Они курили и перешептывались, провожая нас безразличными взглядами. Некоторые разговаривали сами с собой, хотя понять их бессодержательные монологи было невозможно. Лица некоторых из них были скрыты под масками или перебинтованы, как и у мужчин у входа. Я хотел спросить об их масках, но еще больше мне хотелось забрать эту пустоту и унести отсюда ноги.

Мы раздвинули портьеру и увидели, что следующая комната освещена лучше и людей тут гораздо больше. На стуле у противоположной стены стоял грузный мужчина, направляя посетителей к двум дверям.

– Бойцы налево, зрители направо! – кричал он. – Ставки делаем в зале!

Откуда-то донеслись крики, и через мгновение толпа расступилась перед двумя мужчинами, которые несли третьего, который был без сознания и истекал кровью. Им вслед неслись свист и улюлюканье.

– Вот как выглядят неудачники! – завопил мужчина на стуле. – А вот так, – продолжал он, показывая в боковую комнатку, – выглядят трусы!

Я заглянул в комнату, где с несчастным видом у всех на виду стояли двое мужчин, покрытых смолой и перьями.

– Это послужит им уроком, – заявил толстяк. – Все бойцы должны провести в клетке не меньше двух минут!

– Кем ты будешь? – спросил у меня Харон. – Бойцом или зрителем?

Я попытался представить себе, что меня ожидает, и ощутил, как у меня в груди все сжалось. Мне предстояло не просто укротить пустоту, но сделать это на глазах у разнузданной и вероятнее всего враждебно настроенной публики. А затем еще и попытаться ее отсюда увести. Я поймал себя на дикой мысли – я надеялся, что пустота здорова. Что-то мне подсказывало, что выйти мы сможем лишь благодаря ее силе, потому что странные люди без борьбы от своей новой игрушки не откажутся.

– Бойцом, – ответил я. – Чтобы взять ее под контроль, необходимо подойти как можно ближе.

Эмма встретилась со мной взглядом и улыбнулась. Ты это можешь, – говорила ее улыбка, и в этот миг я понял, что это действительно так. Воодушевленный этой своей новообретенной уверенностью в собственных силах, я прошел в дверь для бойцов. Харон с Эммой последовали за мной.

Этой уверенности хватило приблизительно на четыре секунды. Именно столько времени ушло на то, чтобы войти в комнату и увидеть кровь, стоявшую лужами на полу и размазанную по стенам. Целая река крови протекала по ярко освещенному коридору, в конце которого

виднелась открытая дверь, а за ней снова толпа и прутья просторной клетки.

До нас донесся пронзительный крик. В клетку приглашали следующего бойца.

Из полутемной комнаты справа от нас вышел мужчина с обнаженным торсом. Его лицо было скрыто простой белой маской. В конце коридора он замер на несколько мгновений, как будто собираясь с духом. Затем откинул голову и поднял руку с зажатым в пальцах маленьким стеклянным флаконом.

– Не смотри, – произнес Харон, пытаясь закрыть от нас бойца.

Но я ничего не мог с собой поделать.

Мужчина медленно вылил черную жидкость в обе пустые глазницы маски. Затем он выпустил из рук флакон, уронил голову и стал стонать. Несколько мгновений он стоял неподвижно, как парализованный, но затем его тело содрогнулось и из глазниц маски ударили два луча белого света, хорошо видимых даже в светлом помещении.

Эмма ахнула. Мужчина, который был уверен, что один, удивленно обернулся. Его глаза-лучи описали полукруг, и стена над нашими головами зашипела.

– Мы просто проходили мимо! – произнес Харон тоном, в котором звучало: – Привет, дружище! и Пожалуйста, не убивай нас этими своими штуками!

– Так проходите! – прорычал боец.

Но его лучи уже начали тускнеть, и в тот момент, когда он отвернулся, они мигнули и погасли. Он зашагал по коридору и исчез за дверью, оставив после себя лишь два завитка дыма. Когда он ушел, я осмелился взглянуть на обои над нашими головами. Две обугленные линии отмечали путь, проделанный его глазами. Слава богу, что он не посмотрел мне в глаза.

– Прежде чем мы сделаем еще хоть шаг, – обернулся я к Харону, – я хотел бы узнать, что это значит.

– Амброзия, – произнес Харон. – Бойцы принимают ее, чтобы улучшить свои возможности. Проблема заключается в том, что ее воздействие очень краткосрочно, и когда оно заканчивается, человек становится слабее, чем прежде. Если ее употребление входит в привычку, твои способности изнашиваются и практически исчезают, снова ненадолго возвращаясь после принятия новой дозы амбро. Вскоре ее принимают уже не для того чтобы драться, но чтобы просто продлить свое существование как странного существа. Человек попадает в полную зависимость от того, кто ее продает. – Он кивнул в сторону комнаты справа от нас. Из нее доносился шепот множества голосов, удивительным образом контрастировавший с многоголосым же ревом в зале с клеткой. – Это самый ловкий ход тварей. Придумав эту дрянь, они полностью застраховали себя от предательства. Те, кто подсел на амброзию, никогда против них не пойдут.

Я заглянул в комнату, чтобы понять, как выглядит распространитель наркотиков среди странных людей, и заметил кого-то в странной бородатой маске под охраной двух вооруженных мужчин.

– Что случилось с глазами того мужчины? – спросила Эмма.

– Вспышка света – это один из побочных эффектов, – пояснил Харон. – Другой заключается в том, что через несколько лет амброзия расплавляет лицо. Поэтому те, кто употребляет ее длительное время, носят маски, скрывая уродство.

Мы с Эммой переглянулись, но тут нас пригласили войти.

– Привет, ребята! – окликнул нас дилер. – Входите, пожалуйста!

– Простите, – ответил я. – Нам надо идти...

Харон ткнул меня в плечо и прошипел:

– Ты забыл, что ты раб?

– Э-э, да, сэр, – отозвался я и, сделав шаг, остановился перед порогом.

Человек в маске сидел на небольшом стуле в комнате, стены которой покрывали фрески. Его правая рука покоилась на столике, одна нога была переброшена через колено другой, и во всей позе ощущалась какая-то пугающая неподвижность. Охранники расположились в противоположных углах комнаты, а в третьем углу был деревянный сундук на колесах.

– Не бойся, – произнес наркоторговец и поманил меня к себе. – Твои друзья тоже могут войти.

Я сделал еще несколько шагов, оказавшись в комнате. Харон и Эмма остановились у меня за спиной.

– Я тебя раньше здесь не видел, – произнес торговец.

– Я его только что купил, – ответил Харон. – У него даже нет...

– Разве я обращался к тебе? – резко перебил его наркоторговец.

Харон умолк.

– Очевидно, что нет, – кивнул наркоторговец.

Поглаживая бороду, он, казалось, изучающе смотрел на меня через пустые глазницы своей маски. Интересно, как он выглядит на самом деле? – подумал я. – И сколько амброзии необходимо вылить на свое лицо, прежде чем оно расплавится? Содрогнувшись от ужаса, я поспешно отогнал эти мысли.

– Ты пришел, чтобы драться, – произнес он.

Я подтвердил, что именно таковы мои намерения.

– Что ж, тебе повезло. Я только что получил партию первоклассной амброзии, так что твои шансы на выживание резко возросли!

– Спасибо, мне это не нужно.

Он оглянулся на своих охранников, ожидая их реакции, но их лица сохраняли прежнее окаменевшее выражение. Тогда он рассмеялся.

– Там тебя ожидает пустота, знаешь ли. Ты что-нибудь слышал о пустотах?

В последнее время я только о них и думал, особенно о той, которая сидела сейчас в клетке. Мне не терпелось к ней войти, но, похоже, этот жутковатый тип тут всем заправлял, и настраивать его против себя было бы неблагоприятно.

– Я о них слышал, – кивнул я.

– И как, по-твоему, ты справишься с одной из них?

– Думаю, нормально.

– Просто нормально? – Он скрестил руки на груди. – Вот что я хотел бы знать – ставить ли мне на тебя деньги? Ты победишь?

Я сказал ему то, что он хотел услышать:

– Да.

– Что ж, если я на тебя поставлю, тебе понадобится помощь. – Он встал, подошел к медицинскому шкафчику и открыл дверцы. На полках внутри сверкали ряды стеклянных флаконов. Все они были до краев заполнены темной жидкостью и закупорены крохотными пробками. Взяв один флакон, он подошел ко мне. – Возьми, – произнес он, протягивая его мне. – Это десятикратно увеличит твои лучшие качества и способности.

– Нет, спасибо, – покачал я головой. – Мне это не нужно.

– Все сначала так говорят, а затем, получив трепку, обязательно начинают этим пользоваться. Разумеется, если остаются в живых.

Он повернул флакон в ладони и поднял его к свету. Маслянистая темная амброзия переливалась и сверкала крохотными серебристыми частицами. Я смотрел на нее как замороженный, не в силах отвести взгляд.

– Из чего это делают? – спросил я.

Он рассмеялся.

– Из всяких обрезков, улиток и щенячьих хвостов. – Он снова протянул мне флакон. – Это подарок, – пояснил он.

– Он уже сказал, что обойдется без этого, – резко произнес Харон.

Я думал, наркоторговец разозлится, но вместо этого он склонил голову

набок и, глядя на Харона, спокойно поинтересовался:

– А я тебя, кажется, знаю.

– Вряд ли, – ответил Харон.

– Конечно, знаю, – кивнул наркоторговец. – Ты был одним из моих лучших клиентов. Куда ты подевался?

– Завязал.

Наркоторговец шагнул к нему.

– Похоже, ты ждал слишком долго, – усмехнулся он и игриво дернул за край его капюшона.

Харон перехватил его кисть. Охранники подняли пистолеты.

– Поаккуратнее, – предостерегающе произнес наркоторговец.

Выждав еще секунду, Харон выпустил его руку.

– Итак. – Наркодилер снова переключил свое внимание на меня. – Ты ведь не станешь отказываться от бесплатной дозы?

Я не собирался откупоривать этот флакон, но мне показалось, что разумнее будет его взять. Я так и сделал.

– Молодец, – похвалил меня наркоторговец и выставил всех за дверь.

– Ты был наркоманом? – зашипела Эмма на Харона. – Почему ты нам не сказал?

– И что бы это изменило? – спросил Харон. – Да, у меня было несколько трудных лет. Затем Бентам взял меня к себе и отучил от этой дряни.

Я обернулся к нему, пытаюсь представить себе, как это было.

– Бентам?

– Я уже сказал, что обязан этому человеку жизнью.

Эмма взяла флакон и подняла его вверх. В более ярком освещении коридора серебристые частицы в черной жидкости сверкали, как крошечные кусочки солнца. Это было завораживающее зрелище, и, несмотря на все побочные эффекты, мне стало любопытно, как несколько капель этого вещества усилили бы мои способности.

– Он так и не сказал, из чего это состоит, – заметила Эмма.

– Из нас, – ответил Харон. – Из крохотных частиц украденных странных душ, раздавленных и скормливаемых нам тварями. Часть каждого похищенного ими странного существа в конце концов оказывается вот в таком флаконе.

Эмма в ужасе отшатнулась. Харон взял из ее пальцев амброзию и сунул ее в складки плаща.

– Никогда не знаешь, где может пригодиться такой флакончик, – заметил он.

– Я не могу поверить в то, что ты согласился принимать это, зная, из чего его делают, – пробормотал я.

– Я никогда не утверждал, что горжусь собой, – ответил Харон.

Весь этот изощренный план был дьявольски безупречен. Твари превратили странных людей Дьявольского Акра в каннибалов, жаждущих своих собственных душ. Зависимость от амброзии обеспечивала им полный контроль над местным населением. Я понял, что если мы в ближайшее время не освободим своих друзей, их души тоже окажутся в подобных флаконах.

Я услышал, как взревела пустота. Этот рев показался мне победоносным. Спустя несколько мгновений мимо нас протащили бойца, который минуту назад принимал амброзию. Он был без сознания и истекал кровью.

Моя очередь, – подумал я и почувствовал, как по моим жилам заструился адреналин.

* * *

Позади амбро-притона был двор, со всех сторон огороженный высокой стеной. В самом его центре находилась клетка площадью около сорока квадратных футов. Ее прутья были такими толстыми и прочными, что меня ничуть не удивило, что конструкция удерживает пустоту. На земле была прочерчена линия. Судя по всему, она указывала расстояние, на которое способны дотянуться языки пустоты. Перед линией толпилось человек сорок – все странные, все изрядно потрепанного вида, – благоразумно стараясь за нее не заступать. У стен двора виднелись клетки поменьше. В них были заперты волк, тигр и, судя по всему, взрослый мрачведь. По сравнению с пустотой эти животные явно особого интереса не представляли, и бои с их участием пока отложили.

Главное развлечение находилось внутри большой клетки, прикованное к толстому железному столбу наброшенной на его шею цепью. Пустота была в таком плачевном состоянии, что я испытал чувство сродни жалости. Ее облили белой краской и измазали грязью, отчего она была видна всем присутствующим. В то же время подобный окрас придавал ей нелепое сходство с далматинцем или мимом. Она сильно хромала, оставляя позади себя черный кровавый след. Ее мускулистые языки, которые в предвкушении схватки должны были со свистом рассекал воздух, безжизненно волочились по полу. Это раненое и униженное существо

ничуть не напоминало кошмарное видение, к которому я привык. Но зрители, видевшие пустоту впервые в жизни, все равно были потрясены и ее обликом и способностями. Даже в своем не самом лучшем состоянии пустота умудрилась победить трех бойцов подряд. Она по-прежнему была очень опасна и совершенно непредсказуема. Видимо, именно поэтому двор был окружен вооруженными людьми. По принципу «Береженого бог бережет».

Мы с Хароном и Эммой начали обсуждать план действий. Сошлись на том, что в клетку с пустотой мне проникнуть несложно. Так же, как и взять ее под контроль (мы исходили из того, что это у меня получится). Проблема заключалась в необходимости ее освободить и увести прочь.

– Как ты думаешь, ты смогла бы расплавить цепь у нее на шее? – спросил я у Эммы.

– Если бы у меня было на это два дня, то да, – кивнула она. – Вряд ли нам удастся объяснить этим людям, что пустота нам нужна на время, а потом мы обязательно ее вернем.

– Тебе не дадут даже закончить предложение, – ответил Харон, обводя взглядом разнузданную толпу. – Эти ничтожества в жизни не видели ничего занятнее. Об этом нечего и думать.

– Следующий боец! – закричала женщина, наблюдавшая за боями из окна второго этажа.

В стороне от толпы небольшая группа мужчин совещалась о том, кто из них будет драться. Земля в клетке уже была красной, и никому не хотелось проливать там еще и свою кровь. Они тянули жребий, и короткую соломинку только что вытянул хорошо сложенный, обнаженный до пояса мужчина.

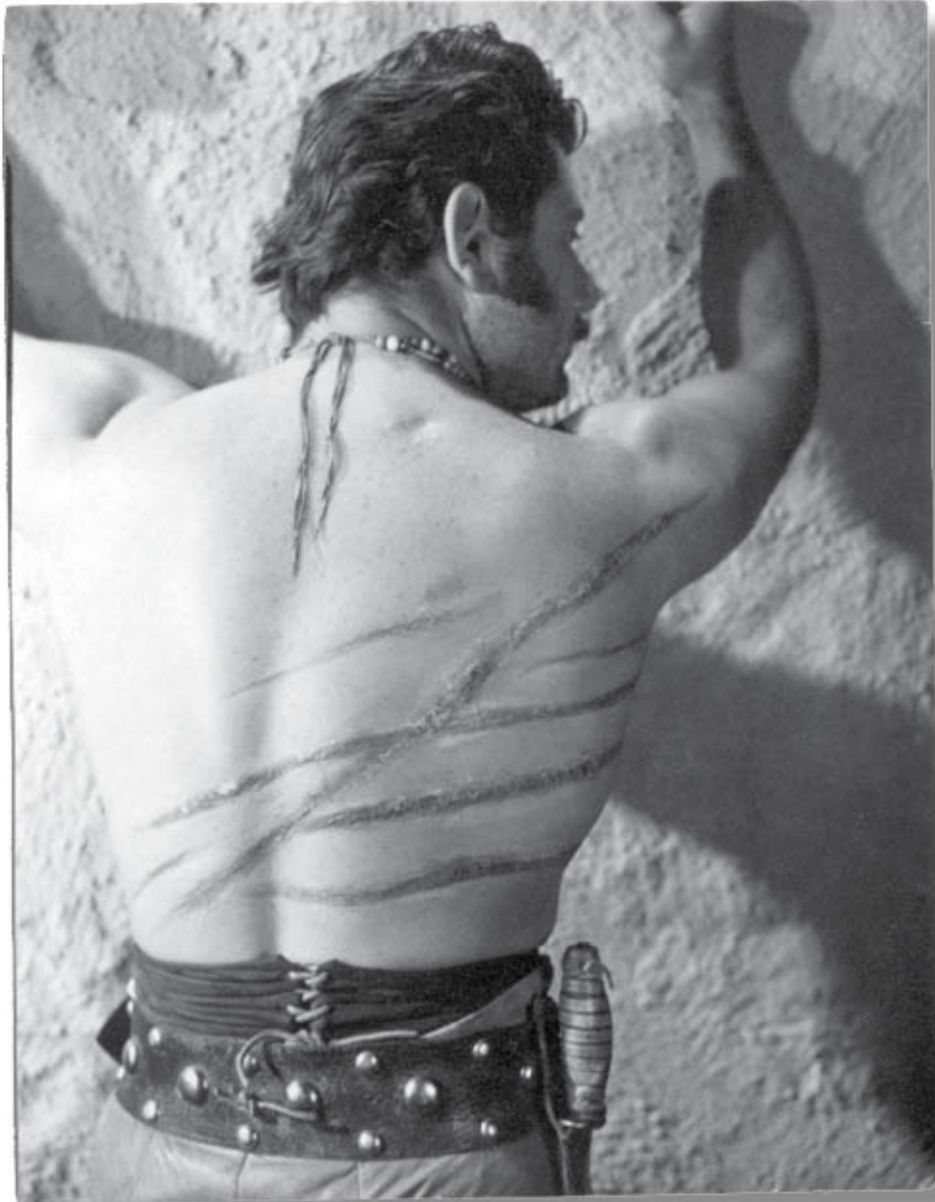
– Он без маски, – произнес Харон, отметив густые усы и почти необезображенное шрамами лицо бойца. – Должно быть, новичок.

Собравшись с духом, мужчина важной поступью направился к толпе. Громким голосом с сильным испанским акцентом он сообщил зрителям, что еще не проиграл ни одного поединка, что он убьет пустоту, а ее голову оставит себе в качестве трофея. Он был уверен, что его странность – способность к сверхбыстрому заживлению ран, не позволит пустоте нанести ему смертельную рану.

– Видите эту красоту? – спросил он, поворачиваясь к зрителям спиной, чтобы продемонстрировать жуткие шрамы, оставленные огромной когтистой лапой. – Это меня на прошлой неделе наградил мрач. Это были раны в дюйм глубиной, – продолжал хвастать он. – И они затянулись в тот же день! – Он ткнул пальцем в сторону пустоты в клетке. – Этому

сморщенному старикану не на что надеяться!

– Я думаю, она точно его убьет! – прошептала Эмма.

Мужчина вылил себе в глаза флакон амброзии. Его тело напряглось, и из зрачков ударили лучи света, оставив на земле обугленные отверстия. Мгновение спустя они погасли. Укрепившись подобным образом, он уверенно зашагал к двери клетки, где уже ожидал охранник с тяжелой

связкой ключей.

– Не теряйте из виду парня с ключами, – прошептал я Эмме и Харону. – Они могут понадобиться.

Харон сунул руку в карман и извлек оттуда извивающуюся крысу.

– Ты слышал это, Хавьер? – спросил он у крысы. – Добудь нам эти ключи.

Он опустил зверька на землю, и тот заспешил прочь.

Хвастливый боец вошел в клетку и начал дуэль взглядов с пустотой. Вытащив из-за пояса короткий нож, он согнул колени и встал в бойцовскую стойку. Приближаться к сопернику он, однако, не спешил. Вместо этого он пытался оправдать свое присутствие в клетке, обрушив на пустоту все свое красноречие профессионального борца.

– Давай, подходи, животное! Я тебя не боюсь! Я отрежу твои языки и сделаю из них ремень, чтобы не падали штаны. Я буду ковыряться в зубах твоими когтями, а твою голову повешу на стену!

Пустота наблюдала за ним со скучающим видом.

Боец демонстративно провел по предплечью лезвием ножа. Когда из пореза выступила кровь, он поднял руку вверх. Рана затянулась прежде, чем хоть одна капля успела упасть на землю.

– Я неуязвим! – закричал он. – Мне нечего бояться!

Внезапно пустота сделала ложный выпад в сторону хвастуна и взревела. Это так его напугало, что он выронил нож и вскинул руки, закрываясь от жуткого противника. Похоже, пустота от него утомилась.

Толпа взорвалась хохотом, впрочем, как и мы. Мужчина, покраснев от смущения, нагнулся за ножом. А пустота уже шла к нему, звеня цепями и вытянув вперед языки, скрученные концы которых напоминали стиснутые кулаки.

Боец осознал, что, если он хочет спасти достоинство, придется вступить в поединок. Он сделал несколько неуверенных шагов вперед, размахивая перед собой ножом. Пустота выстрелила в него одним из своих раскрашенных языков. Мужчина отмахнулся лезвием и попал. Пустота взвизгнула и втянула язык, после чего зашипела на бойца, как разъяренная кошка.

– Будешь знать, как нападать на Дона Фернандо! – закричал боец.

– Этот парень так ничего и не понял, – прошептал я. – Пустот лучше не дразнить.

Похоже, он заставил пустоту отступать. Она пятилась, а мужчина продолжал наступать на нее, непрерывно размахивая ножом. Когда пустоте отступать стало некуда и она остановилась, прижавшись спиной к

прутьям клетки, мужчина снова поднял нож.

– Готовься к смерти, дьявольское отродье! – закричал он, бросаясь вперед.

На мгновение мне почудилось, что я должен вмешаться и спасти пустоту, но вскоре стало ясно, что это была ловушка. Под ногами мужчины извивалась цепь, которой была скована пустота. Внезапно она схватила эту цепь и с остервенением махнула ею в сторону, подсекая ноги Дона Фернандо, который в падении ударился головой о железный столб. Бах! – и он без чувств очутился на земле. Еще один нокаут.

После его бесстыдной похвальбы толпа лишь торжествующе взревела, радуясь поражению.

Несколько охранников с факелами и электрошокерами вбежали в клетку, держа пустоту на безопасном расстоянии, пока вялое тело бойца выволакивали из клетки.

– Кто следующий? – закричала женщина-арбитр из окна.

Оставшиеся бойцы встревоженно переглянулись и снова принялись спорить. Теперь никто не хотел входить в клетку.

Кроме меня.

Нелепое представление, устроенное Доном Фернандо, и хитрость пустоты навели меня на мысль. Я сомневался в том, что план сработает, – он и самому мне не особо нравился, – но это лучше, чем ничего. Мы – то есть мы с пустотой – должны были сыграть ее гибель.

* * *

Собравшись с духом, я ощутил, что мой мозг отделился от тела, как происходило всегда, когда я решался на смелый либо идиотский поступок. Теперь я наблюдал за собой как будто со стороны и увидел, как я махнул арбитру рукой и крикнул:

– Следующий я!

До этого момента я был практически невидимкой. Теперь толпа и все бойцы изумленно смотрели на меня.

– Что ты задумал? – прошептала Эмма.

План у меня имелся, но я так увлекся его обдумыванием, что забыл поделиться им с Эммой и Хароном, а сейчас времени на это уже не осталось. Возможно, и к лучшему. Я опасался, что, если его озвучить, он может показаться нелепым или, того хуже – невозможным, и тогда я наверняка потерял бы присутствие духа, необходимое для его

осуществления.

– Думаю, будет лучше, если я просто вам все покажу, – ответил я. – Но у нас точно ничего не получится, если мы не заполучим вон те ключи.

– Не волнуйся, Хавьер свое дело знает, – заверил Харон. Мы услышали попискивание и, опустив головы, увидели упомянутую крысу с куском сыра в зубах. Харон поднял питомца и начал его ругать: – Я сказал ключи, а не сыр!

– Я добуду ключи, – успокоила меня Эмма. – Только пообещай, что ты выйдешь оттуда целым и невредимым.

Я пообещал. Она пожелала мне удачи и поцеловала в губы. Я перевел взгляд на Харона, который склонил голову набок, как будто спрашивая: Я надеюсь, ты не рассчитываешь, что я тоже тебя поцелую. Я расхохотался и направился к группе бойцов.

Они мерили меня взглядами и, вне всякого сомнения, думали, что я рехнулся. Тем не менее ни один даже не попытался меня остановить. В конце концов, если этот плохо подготовленный парнишка, который даже не желает принимать перед боем амбро, готов броситься на чудовище и хоть немного его утомить, тем лучше. От такого подарка они отказываться не собирались. Даже если бы я погиб, в конце концов, я всего лишь раб. От этой мысли я их всех возненавидел и вспомнил о несчастных странных людях, похищенных тварями. Это их отделенные от тел души плавали теперь во флаконах, которые они все стискивали в пальцах. Я разозлился еще больше, но приложил максимум усилий к тому, чтобы преобразовать эту ярость в непреклонную волю и сосредоточенность. Впрочем, получилось у меня это неважно.

И все же. Пока ключник возился с замком, отпирая клетку, я заглянул в себя и, к своему удивлению и восторгу, обнаружил, что меня не раздрают сомнения, не преследуют видения моей неминуемой смерти и не одолевает ужас. Я уже дважды устанавливал полный контроль над этой пустотой. И сейчас мне предстояло сделать это в третий раз. Несмотря на гнев, я был спокоен и собран. И в этой тишине я обнаружил все необходимые мне слова. Они были готовы к тому, чтобы я их произнес.

Ключник отпер дверь, и я шагнул в клетку. Не успел он ее закрыть, как пустота ринулась ко мне, громяхая цепью, как злобное привидение.

Язык, только не подведи.

Я поднял руку, прикрывая рот, и на гортанном языке пустот произнес:

Остановись.

Пустота остановилась.

Сидеть, – скомандовал я.

Она села.

Я с облегчением вздохнул. Волноваться было не о чем. Восстановить связь оказалось так же легко, как управлять старой и покорной лошадью. Когда я управлял этим чудовищем, мне казалось, я борюсь с кем-то гораздо младше себя. Мой соперник вырывался и извивался, но был настолько слабее, что не представлял для меня никакой опасности. С другой стороны, легкость, с которой я контролировал пустоту, сама по себе представляла серьезную проблему. Я понимал, что не смогу вывести ее из клетки, если только мне не удастся убедить всех присутствующих в том, что она мертва и не представляет ни малейшей опасности. И никто не поверил бы в то, что она умерла, если бы победа досталась мне слишком легко. Я был костлявым пацаном, который даже не воспользовался амброзией. Я не мог убить ее одним ударом кулака. Чтобы мой план сработал, мне было необходимо устроить представление.

Как же мне ее «убить»? – спрашивал я себя. Разумеется, только не голыми руками. Обшарив клетку взглядом в поисках идей, я увидел нож предыдущего бойца, оставшийся лежать возле железного столба. Вот только возле столба сидела пустота. Я набрал пригоршню камней, неожиданно подбежал к пустоте и бросил в нее камни.

Угол, – произнес я, снова прикрыв рот. Пустота повернулась и кинулась в угол, что для зрителей означало только то, что я ее напугал. Бросившись к столбу, я схватил нож и отбежал назад. Этот геройский поступок заслужил мне свист кого-то из зрителей.

Гнев, – произнес я, и пустота взревела, раскачивая языками, как будто моя дерзость ее разъярила. Я нашел глазами Эмму и увидел, что она пробирается к ключнику.

Отлично.

Мне было необходимо поставить себя в затруднительное положение.

Нападай на меня, – приказал я, и когда пустота сделала несколько прыжков в моем направлении, я распорядился, чтобы она метнула язык и схватила меня за ногу.

Она так и сделала. Язык обжег мне кожу, дважды обвившись вокруг голени. Затем я приказал сбить меня с ног и подтащить к себе. Пустота повиновалась, а я старательно изображал попытки ухватиться хоть за что-нибудь.

Оказавшись у железного столба, я обхватил его обеими руками.

– Тяни, – скомандовал я. – Не сильно.

Хотя я выражал свои пожелания в высшей степени схематично, пустота, похоже, отлично понимала, чего я от нее хочу. Казалось, что, рисуя

себе ее действия, а затем произнося вслух пару слов, я был способен передать ей целый параграф информации. Поэтому, когда пустота потянула вверх, поднимая мое тело в воздух, а я прильнул к столбу, это выглядело именно так, как я себе изначально представил.

А я уже неплохо с этим справляюсь, – удовлетворенно подумал я.

Несколько секунд я сопротивлялся и стонал, надеясь, что мои мучения выглядят достаточно натурально, после чего выпустил столб. Толпа, ожидая, что самый короткий за сегодня поединок вот-вот закончится моей смертью, начала улюлюкать и осыпать меня оскорблениями.

Пора было переходить к решительным действиям.

Нога, – пробормотал я. Пустота снова опутала мою ногу.

Тяни.

Она начала подтаскивать меня к себе, а я брыкался и размахивал руками.

Рот.

Она открыла рот, как будто собираясь проглотить меня целиком. Я стремительно извернулся и ударил ножом по языку вокруг моей щиколотки. На самом деле я ее не поранил, но приказал ей выпустить мою ногу и завизжать, как резаной. Пустота повиновалась, издав ужасающий скрежет и втянув языки обратно в пасть. Лично мне все это показалось дурной пантомимой – между моей командой и реакцией пустоты возникла секундная пауза. Но судя по всему, толпа в очередной раз купилась. Презрительное улюлюканье перешло в крики ободрения. Поединок становился все интереснее, и, похоже, зрители решили, что у этого аутсайдера все же есть шансы.

В отчаянной надежде, что разыгрываемый мной спектакль не напоминает боевую сцену из низкобюджетного фильма, я организовал обмен ударами с пустотой. Я бросился на нее, и она повергла меня на землю. Я махнул ножом, и она попятилась. Мы начали кружить по клетке, а она завывала, размахивая языками. Одним из языков она даже подняла меня в воздух и (очень осторожно) трясла, пока я не ударил по языку ножом (понарошку) и она (пожалуй, чересчур осторожно) снова меня не выронила.

Улучив момент, я снова покосился на Эмму. Она стояла в группе бойцов рядом с ключником. Поймав мой взгляд, она провела по горлу ребром ладони.

Хватит валять дурака.

Точно. Пора с этим заканчивать. Я сделал глубокий вдох, собрался с духом и приготовился к грандиозному завершению поединка.

Я бросился на пустоту с поднятым ножом. Она махнула языком, пытаясь исполнить подсечку, но я благополучно через него перепрыгнул. Второй язык уже летел мне в голову, но я успел от него увернуться.

Все по плану.

Далее я собирался перепрыгнуть через очередной язык у меня под ногами и сделать вид, что бью пустоту ножом в сердце. Но вместо этого этот язык ударил меня прямо в грудь с силой профессионального боксера-тяжеловеса, и я отлетел назад, упав на спину. Удар оглушил меня и вышиб из моих легких весь воздух. Толпа ликовала.

Назад, – пытался и не мог произнести я.

В следующую секунду она уже нависла надо мной, распахнув свои ужасные челюсти, из которых рвался жуткий гневный рев. Ей удалось на мгновение сбросить мое ярмо, которое успело ей изрядно надоесть. Мне необходимо было как можно скорее вернуть ситуацию под контроль, но ее языки пригвоздили к земле мои руки и одну ногу, и весь ее арсенал сверкающих зубов уже был готов сомкнуться у меня на лице. Мне едва удалось сделать вдох, и мои легкие наполнились зловонием пустоты. Поэтому вместо того, чтобы заговорить, я поперхнулся.

Она бы меня прикончила, если бы не странная особенность ее анатомии: к счастью, вытянутые языки не позволяли ей сомкнуть челюсти у меня на голове. Как только я ощутил, что язык высвобождает мою руку – ту самую руку, в которой я продолжал сжимать нож, – я сделал единственное, что могло спасти мне жизнь.

Я махнул рукой вверх и вонзил нож пустоте в горло. Она завизжала и покатилась по земле. Языки взвились вверх, хватаясь за нож.

Толпа обезумела от восторга.

Мне наконец-то удалось вдохнуть полной грудью, и я сел, глядя на корчащуюся в нескольких ярдах от меня пустоту. Из раны в ее горле хлестала черная кровь. Я понял, что, скорее всего, убил это существо. Убил его по-настоящему, что настолько расходилось с моими истинными намерениями, что я не испытал ни малейшего удовлетворения, наверняка охватившего бы меня, сделай я это при иных обстоятельствах. Боковым зрением я видел Харона, делавшего мне знаки, на любом языке мира означавшие – ты только что все испортил.

Я вскочил, твердо решив спасти то, что еще подлежало спасению. Снова установив контроль над пустотой, я приказал ей расслабиться. Затем я внушил ей, что она не испытывает боли. Постепенно она успокоилась и ее языки упали на землю. Приблизившись к ней, я вытащил из ее горла свой окровавленный нож и поднял его вверх в знак своей победы. Толпа

взревела, а я изо всех сил попытался изобразить на своем лице торжество победителя, потому что на самом деле я испытывал глубочайшую горечь поражения. При мысли о том, что я только что лишил наших друзей шанса на спасение, у меня все холодело внутри.

Ключник отпер дверь клетки, и двое мужчин подбежали к пустоте, чтобы удостовериться в ее смерти.

Не двигайся, – прошептал я, когда они приступили к осмотру. Один из них целился ей в голову из пистолета, а второй потыкал в нее палкой, после чего поднес ладонь к ее ноздрям.

И не дыши.

Она и не дышала. На самом деле пустота так хорошо притворялась мертвой, что убедила бы в этом и меня, если бы между нами не продолжала сохраняться связь.

Охранники тоже в это поверили. Тот, который тыкал в пустоту палкой, отшвырнул свой инструмент и поднял мою руку вверх, провозглашая меня победителем. Толпа снова взревела, и я увидел, как те зрители, которые сделали ставку на мой проигрыш, разочарованно отсчитывают банкноты, рассчитываясь со своими оппонентами.

Затем клетка наполнилась желающими поближе взглянуть на предположительно мертвую пустоту. Среди них были и Эмма с Хароном.

Эмма подошла и обняла меня обеими руками.

– Не расстраивайся, – прошептала она. – У тебя не было другого выхода.

– Она жива, – прошептал я в ответ. – Но ранена. Я не знаю, сколько она протянет. Необходимо ее отсюда унести.

– Значит, это нам все же пригодится, – прошептала она, суя мне в карман связку ключей.

– Ха! – обрадовался я. – Ты бесподобна!

Но когда я обернулся, чтобы отпереть цепи пустоты, я обнаружил, что ее уже окружила толпа людей и подойти к ней очень трудно. Зрители пытались выдернуть у нее клочок шерсти на память или подобрать пропитанный кровью комок земли. Я начал проталкиваться к ней, но на каждом шагу меня останавливали, чтобы пожать руку или хлопнуть по спине.

– Это было невероятно!

– Да ты, парень, везунчик!

– Ты точно не принимал амбро?

Все это время я шепотом твердил свое заклинание, предписывающее пустоте не шевелиться и притворяться мертвой, потому что я чувствовал,

что она начинает поеживаться, как маленький ребенок, который слишком долго сидел без движения. Она была взвинчена и ранена, и от меня требовалась неимоверная концентрация, чтобы не позволить ей вскочить и наполнить пасть окружившей ее лакомой странной плотью.

Наконец, мне удалось подобраться к цепи, и я принялся искать замок. Но тут рядом со мной вырос амброторговец. Обернувшись, я увидел его жутковатую бородатую маску всего в нескольких дюймах от своего лица.

– Ты думаешь, что я не понимаю, чем ты занимаешься? – произнес он. Оба вооруженных охранника и тут стояли по обе стороны от него. – Ты думаешь, я слепой?

– Я не знаю, о чем вы говорите, – пробормотал я.

На какое-то мгновение я решил, что он действительно меня раскусил и знает, что на самом деле пустота не мертва. Но его люди даже не смотрели на распластавшееся на земле чудовище.

Он схватил меня за воротник куртки.

– Я никому не позволю себя потеснить! – заявил он. – Я тут хозяин!

Люди начали пятиться к выходу. Судя по всему, у этого парня была дрянная репутация.

– Никто никого не теснит, – услышал я у себя за спиной голос Харона. – Успокойся.

– Профессионального ловкача тебе все равно не перехитрить, – обернулся к нему наркоторговец. – Ты явился, утверждая, что он новичок, что он даже с мрачвежатами никогда не дрался, а потом вот это? – Он кивнул на поверженную пустоту. – Этого просто не может быть!

– Она мертва, – возразил я. – Можете проверить, если хотите.

Наркоторговец выпустил мой воротник, вместо этого вцепившись мне в горло.

– Эй! – услышал я возглас Эммы.

Охранники тут же вскинули пистолеты и прицелились в девушку.

– Я только хочу знать, – шипел наркоторговец, – что ты продаешь?

Он начал сжимать мне горло.

– Продаю? – прохрипел я.

Он вздохнул и раздраженно пояснил:

– Ты пришел в мое заведение, убил мою пустоту и убедил моих клиентов, что им незачем покупать мой товар?

Он принял меня за конкурента, пытающегося вытеснить его с рынка. Это было какое-то безумие.

Он еще сильнее сдавил мое горло.

– Отпусти парня, – взмолился Харон.

– Если ты не продаешь амбро, тогда чем ты торгуешь? Что ты продаешь?

Я попытался ответить, но не смог и опустил взгляд на его руки. Он понял намек и слегка ослабил хватку.

– Говори, – великодушно разрешил он.

То, что я произнес, он, наверное, принял за сдавленный кашель.

Тот, который слева, – скомандовал я пустоте. И тут пустота села и выпрямила спину, как ожившее чудовище Франкенштейна. Те немногие зрители, которые еще оставались рядом, с криком бросились бежать. Наркоторговец обернулся, еще не понимая, что произошло. Я ударил его прямо в маску, а охранники растерялись, не зная, в кого стрелять – в меня или пустоту.

Это секундное замешательство стоило им жизни. Не успели они понять, что происходит, как пустота метнула все три языка в ближайшего охранника. Одним языком она его разоружила, а оставшимися двумя схватила поперек туловища, подняла в воздух и, как таран, обрушила на его товарища.

Наркоторговец остался со мной один на один. Видимо, до него дошло, что именно я контролирую пустоту, и, упав на колени, он запросил о пощаде.

– Возможно, это твое заведение, – заявил ему я, – но это моя пустота.

Я велел пустоте обвить языком его шею. Затем я сообщил ему, что мы с пустотой сейчас покинем его заведение, но он останется в живых только в том случае, если позволит нам уйти с миром.

– Да, да, – дрожащим голосом поспешил согласиться он. – Да, конечно...

Я отпер замок и снял с пустоты цепь. Под изумленными взглядами толпы мы с Эммой и Хароном повели хромающую пустоту к выходу из клетки. Наркоторговец шел впереди и, насколько ему позволял язык пустоты вокруг шеи, повторял:

– Не стрелять! Не смейте стрелять!

Мы вышли из клетки и заперли замок. Большинство зрителей так и остались внутри. Затем мы уже знакомым путем покинули притон и вышли на улицу. Мне пришлось бороться с соблазном уничтожить запасы амброзии, но затем я решил не рисковать. Пусть подавятся, – ожесточенно подумал я. Кроме того, сохранялась пусть и очень слабая, но вероятность того, что когда-нибудь эти похищенные души сумеют воссоединиться со своими владельцами.

Мы оставили наркоторговца в ближайшей канаве. Стоя на

четвереньках, он задыхался и пытался поправить болтающуюся на одном ухе маску. Мы уже собирались покинуть это злачное место, как вдруг я услышал тихое рычание и вспомнил о мрачвежатах.

Я растерянно оглянулся на них. Они натянули цепи, пытаюсь пойти за нами.

– Некогда, – произнес Харон, подталкивая меня вперед.

Не встретясь я взглядом с Эммой, я бы его, возможно, послушал. Сделай это, – одними губами произнесла она.

– Одну секунду, – ответил я Харону.

На то, чтобы вырвать из земли железный столб, к которому были прикованы медвежата, у пустоты ушло не одна, а целых пятнадцать секунд, и к этому времени у входа в притон собралась целая толпа разгневанных амброманов. Но я все равно был уверен, что поступил правильно, хотя медвежата, за которыми волочились и столб, и цепи, шли медленно и задерживали наше отступление. Но тут моя пустота по собственной инициативе подхватила их на руки и ускорила шаг.

* * *

Очень скоро стало очевидно, что нас ожидают серьезные проблемы. Мы прошли всего несколько кварталов, но прохожие уже заметили, что нас сопровождает пустота. Для всех, кроме меня, она представляла собой лишь слаборазличимое средоточие пятен краски, но даже это привлекало внимание. И поскольку никто не должен был знать, куда мы идем, нам пришлось искать обходной путь к дому Бентама.

Мы нырнули в боковую улочку. Как только я перестал понукать пустоту, она обессиленно опустилась на корточки, согнувшись и втянув языки в пасть. Истекающее кровью чудовище выглядело хрупким и беззащитным. Медвежата ощутили отчаяние, исходящее от спасшей их пустоты, и принялись обнюхивать ее своими влажными подвижными носами. Пустота тихонько зарычала в ответ, но это прозвучало почти ласково, и меня охватила нежность к этой троице практически родственников и уж точно товарищей по несчастью.

– Мне неудобно это говорить, – подала голос Эмма, – но это так трогательно.

– Ты еще розовую пачку на нее нацепи, – фыркнул Харон. – Это по-прежнему машина для убийства.

Мы принялись решать, как нам попасть в дом Бентама и сохранить

жизнь пустоте.

– Я могла бы закрыть эту рану у нее на шее, – произнесла Эмма, показывая уже начавшую светиться ладонь.

– Слишком рискованно, – покачал головой я. – Боль может вывести ее из-под моего контроля.

– Ей может помочь целительница Бентама, – вмешался Харон. – Главное – поскорее ее к ней доставить.

Моей первой мыслью было добежать до места назначения по крышам. Если бы пустота не была так ослаблена, она без труда подняла бы нас наверх по стене дома. Но в настоящий момент я сомневался, что она сможет хотя бы идти. Поэтому я предложил смыть с нее краску, чтобы, кроме меня, ее больше никто не видел.

– О нет, сэр, ни в коем случае, – ожесточенно затряс головой Харон. – Я этой твари не доверяю. Я должен ее видеть.

– Я ее полностью контролирую, – оскорбленно напомнил ему я.

– Пока что, – возразил Харон.

– Я согласна с Хароном, – кивнула Эмма. – Ты великолепно справляешься со своей задачей, но что будет, если ты выйдешь в другую комнату или уснешь?

– Зачем мне выходить из комнаты?

– Например, чтобы облегчиться, – хмыкнул Харон. – Или ты планируешь посещать туалет вместе со своей ручной пустотой?

– Э-э-э, – задумался я. – Возможно, я что-нибудь придумаю.

– Краску никто смывать не будет, – поставил точку в споре Харон.

– Отлично, – раздраженно отозвался я. – Так что же нам делать?

Совсем рядом хлопнула дверь, и в переулок вылетело целое облако пара. Какой-то мужчина вышел на улицу, толкая перед собой тачку. Прежде чем вернуться, он оставил тачку у стены.

Я понял, что дверь ведет в прачечную, и подбежал, чтобы взглянуть на тачку, которая оказалась наполненной грязным бельем. Она была достаточно вместительной, чтобы в ней смог расположиться некрупный человек – или свернувшаяся клубочком пустота.

Вынужден признаться – я эту тачку украл. Выгрузив содержимое, я заставил пустоту забраться внутрь и прикрыл ее все тем же бельем. Сверху мы посадили медвежат и, никем не замеченные, покатали тачку по улице.

Глава шестая

Когда мы подошли к дому, уже почти стемнело. Ним поспешил впустить нас в вестибюль, где нас в тревоге ожидал Бентам. Он не стал утруждать себя приветствиями, а, уставившись на тачку с бельем, поинтересовался, зачем мы привезли мрачей и где, собственно, пустота.

– Она здесь, – успокоил его я, снимая медвежат и начиная вынимать белье.

Бентам наблюдал за происходящим, держась поодаль. Верхние простыни были белыми, но чем глубже, тем больше крови на них было, на самом дне оказался черный влажный кокон. Я сдернул последнюю, и нашему взгляду предстало маленькое сморщенное существо, скрутившееся в тугой комок. Трудно было поверить, что это создание некогда внушало мне смертельный ужас.

Бентам подошел ближе.

– Боже мой, – произнес он, глядя на окровавленные простыни. – Что они с ней сделали?

– Вообще-то, это сделал я, – произнес я. – Но у меня не было выхода.

– Она собиралась откусить Джейкобу голову, – пояснила Эмма.

– Я надеюсь, ты ее не убил? – вздохнул Бентам. – Мертвая пустота нам ни к чему.

– Не думаю, – ответил я и велел пустоте открыть глаза.

Она медленно повиновалась. Она все еще была жива, но очень ослабела.

– Но она в любую минуту может умереть, – добавил я.

– В таком случае нельзя терять ни секунды, – заторопился Бентам. – Необходимо немедленно послать за моей целительницей и надеяться, что на пустоты ее пыль тоже действует.

Привести целительницу поручили Ниму, и тот тут же убежал. В ожидании его возвращения Бентам провел нас на кухню и предложил подкрепиться печеньем и консервированными фруктами. Но мы с Эммой так перенервничали, что есть нам совершенно не хотелось. Мы из вежливости приняли угощение, внимательно слушая рассказ Бентама обо всем, что произошло в наше отсутствие.

– Так что все готово, – в заключение произнес он. – Остается только подключить к машине пустоту.

– Вы уверены, что это сработает? – поинтересовалась Эмма.

– Насколько можно быть уверенным в чем-то, что еще ни разу не проверяли, – ответил он.

– Это ей повредит? – спросил я.

Я испытывал странное желание защитить пустоту от излишних страданий, хотя бы потому, что мне стоило таких трудов ее спасти.

– Разумеется, нет, – отмахнулся от моего вопроса Бентам.

Пришла целительница, и при виде ее я едва сдержал возглас изумления. Меня удивила не ее внешность, хотя она, несомненно, выглядела очень необычно. Просто я ощутил абсолютную уверенность в том, что уже где-то ее видел, хотя и не мог припомнить, где и при каких обстоятельствах это произошло. Точно так же я не понимал, как мог забыть встречу с таким удивительным человеком.

Все ее тело скрывалось под огромным количеством ткани – шали, шарфы, платье и необъятной ширины юбка. Из-под всего этого виднелись лишь ее левый глаз и кисть левой руки, которую сжимал молодой человек с коричневой кожей и большими блестящими глазами, одетый в щегольскую шелковую сорочку и широкополую шляпу. Он вел женщину так осторожно, как будто она была слепой или немощной. Впрочем, у нее, похоже, не было правой руки.

– Меня зовут Рейналдо, – с грассирующим французским акцентом произнес молодой человек. – Это Матушка Пыль, и я говорю от ее лица.

Матушка Пыль наклонилась к Рейналдо и что-то прошептала ему на ухо. Рейналдо посмотрел на меня и произнес:

– Она надеется, что тебе уже лучше.

Только тут я понял, где ее видел – в моих снах или в том, что я принимал за сны, выздоравливая от своих ран.

– Да, гораздо лучше, – растерянно пробормотал я.

Бентам поспешил перейти к делу.

– Ты сможешь исцелить вот это? – произнес он, подводя Рейналдо и Матушку Пыль к тачке. – Это пустота, видимая нам только в тех местах, где ее кожа испачкана краской.

– Она может исцелить любое существо, в груди которого бьется сердце, – ответил Рейналдо.

– В таком случае займитесь этим существом, – попросил Бентам. – Нам очень важно сохранить ему жизнь.

Матушка Пыль принялась отдавать распоряжения, которые для нас озвучивал Рейналдо. Вначале она приказала вытащить пустоту из тачки, и мы с Эммой вытряхнули ее на пол. Затем нам было велено поместить ее в раковину, и Эмма с Хароном помогли мне поднять ее и положить в узкую и глубокую кухонную мойку. Мы промыли ее раны водой из крана, стараясь по возможности не смывать белую краску. Затем Рейналдо попросил меня указать все ее повреждения, которые тут же осматривала Матушка Пыль.

– Слушай, Марион, – совершенно по-свойски обратился к целительнице Бентам. – Тебе незачем залечивать все ее порезы и ушибы. Перед нами не стоит задача полностью поправить ее здоровье. Она всего лишь нужна нам живой. Ты поняла?

– Да, разумеется, – отмахнулся от него Рейналдо. – Мы свое дело знаем.

Бентам фыркнул и повернулся к ним спиной, всем своим видом демонстрируя недовольство.

– Сейчас она начнет выпускать пыль, – произнес Рейналдо. – Отойдите подальше и постарайтесь ее не вдохнуть, если не хотите мгновенно уснуть.

Мы попятились. Рейналдо прикрыл рот и нос респиратором и развязал шаль, окутывавшую остатки правой руки целительницы. Культия была не более нескольких дюймов в длину и оканчивалась гораздо выше того, что некогда было ее локтем.

Левой рукой Матушка Пыль принялась массировать конец культи, и из

нее посыпался мелкий белый порошок, образовавший целое пыльное облако. Рейналдо затаил дыхание и начал причесывать это облако пальцами, собирая порошок в пригоршню. Мы, как зачарованные, наблюдали за происходящим. Наконец, он собрал приблизительно унцию этого странного вещества, а культа Матушки Пыли соответствующим образом уменьшилась.

Рейналдо высыпал пыль в ладонь своей хозяйки. Она склонилась над пустотой и сдула часть пыли ей на лицо. Я вспомнил, что то же самое она делала и со мной. Пустота вдохнула и внезапно дернулась. Все, за исключением Матушки Пыли, отскочили назад.

Лежи спокойно, – произнес я, но Рейналдо тут же пояснил, что это всего лишь автоматическая реакция на пыль.

– Тело переключается на пониженную передачу, – добавил он.

Матушка Пыль сыпала пылью глубокий порез на горле пустоты, и Рейналдо сообщил нам, что в зависимости от количества пыль залечивает раны и погружает в сон. Пока он это рассказывал, на горле пустоты образовалась и начала светиться белая пена. По словам Рейналдо, Матушка Пыль производила эту пыль из себя, отчего ее запас был весьма ограничен. По сути, всякий раз кого-нибудь исцеляя, она уничтожала часть себя.

– Я надеюсь, мой вопрос не покажется вам бестактным, – произнесла Эмма, – но зачем вы это делаете, если это вам вредит?

Матушка Пыль на мгновение перестала возиться с пустотой, повернулась так, чтобы своим единственным глазом видеть Эмму, и произнесла что-то нечленораздельное, прозвучавшее гораздо громче, чем обычно. Казалось, языка у нее тоже нет, и Рейналдо тут же перевел.

– Я это делаю, – произнес он, – потому что таково мое служение.

– Тогда... спасибо, – робко пробормотала Эмма.

Матушка Пыль кивнула и вернулась к своему занятию.

* * *

Исцеление пустоты не могло произойти мгновенно. Чудовище погрузилось в глубокий сон, из которого ей предстояло выйти лишь после того, как затянутся самые опасные раны. Нам сказали, что, по всей вероятности, этот процесс растянется на всю ночь. Поскольку для того, чтобы «подключить» пустоту к машине, она должна бодрствовать, перейти ко второму этапу спасательной операции мы могли не ранее чем через несколько часов. И все это время нам всем предстояло провести на кухне.

Рейналдо и Матушке Пыли потому, что раны пустоты было необходимо время от времени обрабатывать свежим порошком, а нам с Эммой потому, что я не мог оставить пустоту без присмотра, несмотря на то, что она спала. Ответственность за ее поведение всецело лежала на мне, подобно тому, как отвечает за нового питомца любой, кто принес его в дом. Эмма не отходила от меня, считая себя ответственной за меня (так же, как и я за нее). Когда я засыпал, она принималась меня щекотать или рассказывала истории о том, как хорошо им жилось в доме мисс Сапсан. Время от времени к нам заглядывал и Бентам, но по большей части он был занят тем, что вместе с Хароном и Нимом патрулировал дом, опасаясь нападения со стороны приспешников своего брата.

Мы с Эммой коротали время за разговорами о том, что ожидает нас в ближайшем будущем. Если бы Бентаму удалось запустить свою машину, то спустя всего несколько часов мы могли получить доступ в крепость тварей, а значит, снова увидеть своих друзей и мисс Сапсан.

– Если мы будем очень и очень осторожны, – кивнула Эмма. – И если...

Она заколебалась и умолкла. Мы сидели рядом на длинной деревянной скамье у стены, и теперь она отвернулась, чтобы я не видел ее лица.

– Что если? – спросил я.

Она страдальчески посмотрела на меня и закончила фразу:

– Если они еще живы.

– Живы.

– Нет, я устала делать вид, что все хорошо. Твари уже могли пустить их души на производство амброзии. Или обнаружить, что проку от имбрин никакого, и начать их пытать, или доить их души, или на чьем-нибудь примере предостеречь остальных от попытки к бегству...

– Перестань, – оборвал ее я. – Времени прошло не так уж и много.

– К тому моменту, как мы туда попадем, пройдет уже по меньшей мере двое суток. За сорок восемь часов может произойти все, что угодно.

– Незачем придумывать всякие ужасы. Ты совсем как Гораций. Это он всегда ожидает самого худшего. Нет никакого смысла себя истязать, пока мы не узнаем наверняка, что с ними произошло.

– Нет, есть, – возразила она. – Если мы рассмотрим все самые худшие варианты развития событий и угадаем один из них, то это не станет для нас неожиданностью и нам будет легче справиться с потрясением.

– Я не думаю, что смогу подготовиться к тому, о чем ты говоришь.

Она опустила голову в ладони и судорожно вздохнула. Думать об этом и в самом деле было невыносимо.

Я хотел сказать ей, что я ее люблю. Я надеялся, что это поможет ей отвлечься от предположений, которые давали ощущение зыбкой почвы, уходящей из-под ног. И взамен хотел предложить опору в виде чего-то, в чем мы оба были уверены. Но мы редко говорили о чувствах, и я не мог заставить себя произнести эти слова в присутствии посторонних людей.

Чем больше я думал о своей любви к Эмме, тем хуже мне было именно потому, что наше будущее было столь неопределенным. Я пытался представлять себе, что нас ждет, но понимал, что мы не можем ничего загадать даже на день вперед. Не представляя себе, что готовит для нас завтра, я был обречен на постоянную внутреннюю борьбу. По своей природе я очень осторожен, я все планирую и предпочитаю знать, что ожидает меня за поворотом – да и за следующим тоже. Но вся моя жизнь с момента, когда я вошел в заброшенные развалины дома мисс Сапсан, и до настоящего времени включительно представляла собой затянувшееся падение в бездну. Чтобы не разбиться, мне пришлось стать совершенно другим человеком – умело приспосабливающимся к быстро меняющимся обстоятельствам, уверенным в собственных силах и смелым. Человеком, которым смог бы гордиться мой дед. Но мое преображение не было полным. Этот новый Джейкоб налагался на старого, и временами – довольно часто – я испытывал леденящий ужас, заставлявший сожалеть, что я вообще связался с этой проклятой мисс Сапсан. В такие моменты я мечтал об одном – чтобы мир прекратил вращаться с такой скоростью и хоть на несколько минут все оставили меня в покое. Я с болью в сердце спрашивал себя – который из этих двух Джейкобов любит Эмму. Новый и готовый на все или старый, которому нужна хоть какая-то опора под ногами?

Я решил, что не желаю сейчас об этом думать – именно так решал все свои проблемы старый Джейкоб, – и вместо этого сосредоточился на том, что позволяло полностью отрешиться от этих мыслей – на пустоте и том, что произойдет, когда она проснется. Похоже, Бентам намеревался ее у меня забрать.

– Мне хотелось бы взять ее с собой, – прошептал я. – Она помогла бы нам разделаться с любым, кто встал бы у нас на пути. Но скорее всего, машина не будет без нее работать и ей придется остаться.

– Мне кажется, Джейкоб, ты начинаешь к ней привязываться. – Эмма смотрела на меня, приподняв одну бровь. – Не забывай – стоит тебе зазеваться, и это существо сожрет тебя живьем.

– Да знаю, знаю я, – вздохнул я.

– Кроме того, возможно, разделаться со всеми будет не так уж просто.

Наверняка твари умеют обращаться с пустотами. В конце концов, они сами когда-то ими были.

– Ты обладаешь уникальным даром, – произнес Рейналдо, впервые за последний час обратившись непосредственно к нам.

Он ненадолго покинул свой наблюдательный пост у пустоты и обшарил кухонные шкафчики в поисках еды, после чего они с Матушкой Пылью расположились за столиком, чтобы подкрепиться куском сыра с голубоватыми прожилками.

– Но это очень странный дар, – отозвался я. Я уже некоторое время размышлял над тем, насколько дико выглядят мои способности даже для странных людей. Но до сих пор мне не удавалось отчетливо сформулировать свои размышления. – В идеале не должно быть никаких пустот. И если бы их не было, мне нечего было бы видеть своим особенным зрением, и никто бы не понимал жуткий язык, на котором я умею говорить. Никто даже не догадался бы, что у меня есть какие-то особые способности.

– Что ж, сейчас твое присутствие здесь очень кстати, – ответила Эмма.

– Да, но... Тебе все это не кажется какой-то случайностью? Я мог родиться когда угодно. И мой дед тоже. Пустоты существуют только последние сто лет или около того. Но так уж вышло, что мы оба родились именно сейчас, когда мы нужны. Почему?

– Я думаю, это не могло не произойти, – ответила Эмма. – Или, возможно, всегда существовали люди, способные делать то, что делаешь ты, только они об этом не догадывались. Возможно, очень многие люди проживают свою жизнь, даже не подозревая о том, что они странные.

Матушка Пыль наклонилась к Рейналдо и что-то прошептала.

– Она говорит, что это ни первое, ни второе, – перевел юноша. – Скорее всего, твой истинный дар заключается вовсе не в манипулировании пустотами. Это лишь самое очевидное его применение.

– Что ты хочешь этим сказать? – удивился я. – В чем еще он может заключаться?

Матушка Пыль зашептала снова.

– Все гораздо проще, – вслух произнес Рейналдо. – Точно так же, как одаренный виолончелист рождается не со способностями играть именно на этом инструменте, но к музыке в целом, ты не родился лишь для того, чтобы управлять пустотами. Ни ты, – обратился он к Эмме, – чтобы зажигать огонь.

Эмма нахмурилась.

– Мне больше ста лет. Мне кажется, что за это время я успела изучить

свои странные способности. И я совершенно точно не умею управлять ни водой, ни воздухом, ни землей. Можете поверить, я пробовала это делать.

– Это не означает, что ты действительно на это не способна, – возразил Рейналдо. – С раннего детства мы распознаем некоторые из своих талантов и сосредоточиваемся на них настолько, что исключаем все остальное. Дело не в том, что у тебя нет других способностей, а в том, что ты их не развивала.

– Интересная теория, – хмыкнул я.

– Суть в том, что твой талант управления пустотами не так уж случаен. Твой дар развился в этом направлении, потому что это именно то, что от тебя потребовалось.

– Если это так, почему все остальные не умеют контролировать пустоты? – поинтересовалась Эмма. – То, что делает Джейкоб, пригодилось бы любому из нас.

– Потому что только его талант способен развиваться в этом направлении. Когда не было пустот, таланты странных людей с родственными ему душами, вероятнее всего, проявлялись как-то иначе. Говорят, что в Библиотеке Душ работали люди, способные читать странные души, как книги. Если бы эти библиотекари жили сейчас, возможно, они были бы точно такими, как Джейкоб.

– С чего ты это взял? – спросил я. – Что общего между способностью видеть пустот и талантом читать души?

Рейналдо посоветовался с Матушкой Пылью.

– Похоже, ты умеешь читать сердца, – наконец произнес он. – В конце концов, ты увидел что-то хорошее в Бентаме. Ты предпочел его простить.

– Простить его? – изумился я. – За что мне его прощать?

Матушка Пыль поняла, что сказала лишнее, но идти на попятную было поздно. Она что-то прошептала на ухо Рейналдо.

– За то, что он сделал с твоим дедушкой, – озвучил он.

Я обернулся к Эмме, но она растерялась не меньше моего.

– И что он сделал с моим дедушкой?

– Я ему все расскажу, – раздался голос, а затем в кухню, хромя, вошел и сам Бентам. – Это мой позор, и признаться в нем я должен сам.

Он зашаркал мимо раковины, пододвинул к себе стул и сел лицом к нам.

– Во время войны твоего дедушку очень ценили за его особые способности и умение обращаться с пустотами. Я и еще несколько технологов решили попытаться воспроизвести его способность и наделить ею других странных людей. Создать своего рода вакцину и привить ею всех

остальных. Если бы мы все смогли их видеть и ощущать, они не представляли бы собой угрозу и война против них была бы выиграна. Твой дедушка был очень благородным человеком и пожертвовал очень многим. Но самой большой его жертвой стало согласие участвовать в этом проекте.

Эмма напряженно слушала Бентама, и мне было ясно, что все это она слышит впервые.

– Мы взяли совсем немного, – продолжал Бентам. – Лишь крошечный кусочек его второй души. Мы думали, что это то, чем он может поделиться без вреда для себя. Или что недостающая часть будет быстро восполнена, как при донорстве крови.

– Вы забрали у него душу, – дрогнувшим голосом произнесла Эмма.

Бентам поднял руку и показал ей участок длиной в полдюйма между указательным и большим пальцами.

– Вот столько. Затем мы разделили образец и ввели его нескольким испытуемым. И мы действительно добились желаемого эффекта, но он был слишком кратковременным. Повторные введения материала лишали испытуемых их собственных врожденных способностей. Эксперимент потерпел неудачу.

– Что стало с Эйбом? – спросила Эмма. В ее голосе я уловил ту особую злость, которую она направляла на людей, причинивших вред тем, кого она любила. – Что вы сделали с ним?

– Он ослабел, и его талант рассеялся, – ответил Бентам. – До процедуры он очень напоминал юного Джейкоба. Его способность контролировать пустоты была решающим фактором в нашей войне с тварями. После процедуры стало ясно, что он их больше не контролирует и его второе зрение стало мутным. Я слышал, что вскоре после этого он навсегда покинул странный мир. Он опасался того, что будет представлять опасность для своих друзей, вместо того, чтобы им помогать. Он чувствовал, что уже не способен их защитить.

Я перевел взгляд на Эмму. Она с непроницаемым лицом смотрела в пол.

– Неудавшийся эксперимент – это обычное дело, – произнес Бентам. – Это одно из условий научного прогресса. Но о том, что случилось с твоим дедушкой, я буду сожалеть до конца своей жизни.

– Вот почему он ушел, – произнесла Эмма, поднимая голову. – Вот почему он уехал в Америку. – Она обернулась ко мне. Вместо гнева на ее лице читалось понимание и облегчение. – Ему было стыдно. Он так и написал в одном из писем, но тогда я этого не поняла. Он стыдился того, что перестал быть странным.

– У него отняли его дар, – кивнул я.

Я тоже получил ответ на свой вопрос – как пустота могла победить дедушку в его собственном дворе. Он не выжил из ума, слабым его тоже нельзя было назвать. Но к этому моменту он уже много лет, как утратил способность защищаться от пустот.

– Это не то, о чем тебе надо сожалеть, – вмешался Харон, замерший у двери со скрещенными на груди руками. – Одному человеку не под силу победить в той войне. Хуже всего было то, как твоей технологией воспользовались твари. Ты создал предшественника амброзии.

– Я пытался расплатиться по своим долгам, – произнес Бентам. – Разве я тебе не помог? А тебе? – Он посмотрел на Харона, а затем перевел взгляд на Матушку Пыль. Я догадался, что она, подобно Харону, тоже когда-то принимала амброзию. – Я долгие годы мечтал о возможности попросить прощения, – продолжал он, обращаясь ко мне. – Каким-то образом загладить свою вину перед твоим дедом. Вот почему все это время я ожидал его появления. Я надеялся, что он захочет со мной повидаться и я сумею изыскать способ восстановить его талант.

Эмма засмеялась:

– После того, что вы с ним сделали, вы думали, он еще захочет иметь с вами дело? – с горечью в голосе произнесла она.

– Я считал, что это маловероятно, но не переставал надеяться. К счастью, искупление бывает разным. В этом случае оно пришло ко мне в облике его внука.

– Я здесь не для того, чтобы даровать вам искупление, – заявил я.

– И тем не менее я твой должник. Если я могу что-то для тебя сделать, тебе стоит только попросить.

– Просто помогите нам вернуть своих друзей и вашу сестру.

– С радостью, – ответил он, похоже, испытав облегчение от того, что я не попросил о большем или не начал на него орать.

Я все еще был на это способен. У меня шла кругом голова, и я пока не определился, как мне следует реагировать на все услышанное.

– А теперь, – снова заговорил Бентам, – давайте решим, как мы будем действовать дальше...

– Можно нам с Джейкобом немного посоветоваться? – спросила Эмма.

Мы вышли в коридор, чтобы поговорить наедине. Уходить далеко от пустоты я по-прежнему не решался.

– Давай вспомним все ужасы, за которые несет ответственность этот человек, – предложила Эмма.

– Давай, – согласился я. – Во-первых, он создал пустоты. Хотя и

непреднамеренно.

– Но он это сделал. Кроме этого, он создал амброзию и отнял силы у Эйба. Во всяком случае, большую их часть.

Непреднамеренно. Я едва удержался, чтобы не произнести это вслух. Но речь шла вовсе не о намерениях Бентама. Я знал, куда она клонит: после всех этих открытий я начинал сомневаться в том, что стоит верить ему наши судьбы и судьбы наших друзей. Или участвовать в его планах. Возможно, он искренне хотел нам помочь, но список его достижений и в самом деле ужасал.

– Можем ли мы ему доверять? – спросила Эмма.

– У нас есть выбор?

– Ты не ответил на мой вопрос.

Я на мгновение задумался.

– Думаю, что можем, – наконец произнес я. – Я только надеюсь, что он израсходовал весь запас своего невезения.

* * *

– СКОРЕЕ СЮДА! ОНА ПРОСЫПАЕТСЯ!

Крики донеслись из кухни. Мы с Эммой распахнули дверь и увидели, что все забились в угол и в ужасе смотрят на сонную пустоту, которая попыталась сесть, но сумела лишь привалиться к краю раковины. Никто, кроме меня, не видел ни ее открытого рта, ни безвольно свисающих на пол языков.

Закрой рот, – скомандовал я на языке пустот. Издав громкий чавкающий звук, она втянула языки и захлопнула челюсти.

Сядь ровно.

Это у пустоты не получилось, поэтому я взял ее за плечи и выпрямил спину. Впрочем, она восстанавливалась с удивительной скоростью, и спустя всего несколько минут к ней вернулась координация, достаточная для того, чтобы выбраться из раковины на пол. Она уже не хромала. О ране на шее напоминала лишь тонкая белая полоска, похожая на те, которые быстро исчезали с моего собственного лица. Я все это описал, и Бентам не смог сдержать своего раздражения тем, что Матушка Пыль излечила пустоту так основательно.

– Разве я виновата в том, что моя пыль оказывает такое воздействие? – через Рейналдо спросила она.

Они оба едва держались на ногах и вскоре ушли искать, где бы

прилечь. Мы с Эммой тоже были измучены – приближался рассвет, и за всю ночь мы так и не сомкнули глаз. Но все происходящее внушало надежду, и у нас открылось второе дыхание.

Бентам с сияющими глазами обернулся к нам.

– Момент истины, друзья. Попытаемся снова запустить мою старушку и посмотрим, что из этого получится?

Разумеется, он имел в виду свою машину, так что мы не стали ничего уточнять.

– Не будем терять ни секунды, – кивнула Эмма.

Бентам окликнул своего медведя, а я подозревал пустоту. ПТ появился в дверях, подхватил хозяина на руки, и вместе они повели нас вглубь дома. Если бы за этим мог хоть кто-нибудь наблюдать, его взгляду предстало бы в высшей степени странное зрелище: щегольски одетый джентльмен в лапах медведя, Харон в развевающемся черном плаще, Эмма, непрерывно зевающая и прикрывающая рот дымящейся ладонью, и ничем не выделяющийся на их фоне я, что-то бормочущий своей покрытой белыми пятнами пустоте, которая, несмотря на полностью восстановленное здоровье, шаркала так, как будто не вполне владела собственным телом.

Мы шли по длинным коридорам и спускались по лестницам, все больше углубляясь в недра дома. Мы проходили через комнаты, начиненные лязгающими механизмами, каждая из которых была меньше предыдущей. Наконец, мы очутились перед дверью, войти в которую медведь не мог, и мы остановились. ПТ опустил хозяина на пол.

– Вот оно! – Бентама распирало от гордости за свое детище. – Сердце моего Панпетлекона.

Он отворил. ПТ остался снаружи, а остальные вошли вслед за Бентамом. Маленькую комнату полностью занимало жуткого вида сооружение из железа и стали. Загадочный набор маховиков, поршней и сверкающих машинным маслом клапанов растянулся от стены до стены. Похоже, устройство было способно производить невероятный шум. Но сейчас было холодным и молчаливым. Между двумя гигантскими шестернями стоял мужчина в замасленной робе и что-то подтягивал гаечным ключом.

– Это мой помощник Ким, – представил мужчину Бентам.

Я его узнал – это он гнался за нами в комнате Сибирь.

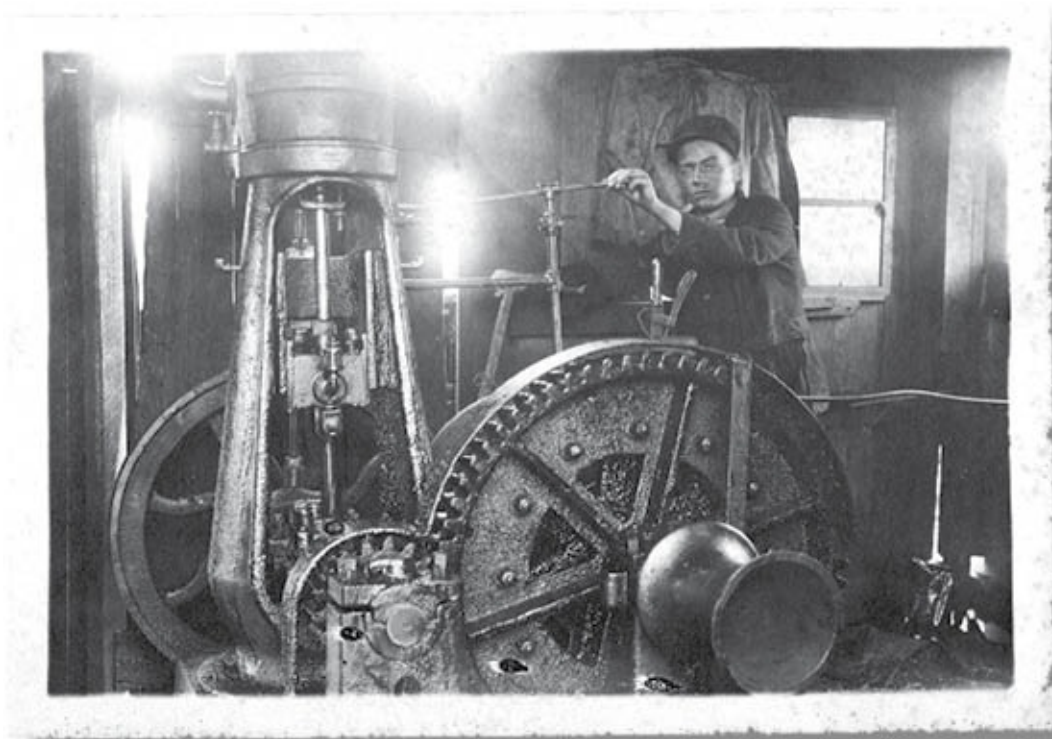
– Я Джейкоб, – произнес я. – Мы вчера видели вас среди снегов.

– Что вы там делали? – спросила Эмма.

– Замерзал до полусмерти, – с горечью ответил мужчина и продолжил затягивать гайки.

– Ким помогает мне искать вход в Панпетлекон моего брата, – пояснил Бентам. – Если в комнате Сибирь этот переход существует, скорее всего он находится на дне глубокой расселины. Я уверен, что Ким будет очень благодарен, если твоей пустоте удастся включить некоторые другие комнаты, где наверняка имеются входы. Более того, в этих комнатах они расположены в гораздо более доступных местах.

Ким что-то проворчал и смерил нас недоверчивым взглядом. Интересно, сколько лет он потратил на прогулки по морозу и прочесывание этих расщелин? – подумалось мне.

Бентам перешел к делу. Он начал отдавать помощнику короткие, но емкие распоряжения, и Ким принялся вращать какие-то настройки, после чего потянул на себя рукоять длинного рычага. Шестерни механизма зашипели и зафыркали, а затем слегка повернулись.

– Подведи сюда это создание, – тихо произнес Бентам.

Пустота ожидала снаружи, и я ее позвал. Она, шаркая, вошла в дверь и хрипло и протяжно зарычала. Казалось, она знала, что с ней произойдет

что-то неприятное.

Помощник уронил гаечный ключ, но тут же подхватил его и взял себя в руки.

– Вот это аккумуляторный отсек, – пояснил Бентам, кивая на большой ящик в углу. – Необходимо усадить в него существо.

Отсек напоминал телефонную будку без окон, отлитую из чугуна. Из крыши будки выходил целый пучок трубок, соединенных с трубами под потолком. Бентам потянул за ручку тяжелой двери, и она с громким скрежетом отворилась. Я заглянул внутрь. Стены будки были изготовлены из гладкого серого металла, покрытого мелкими отверстиями, придающими ей сходство с духовкой. С задней стенки будки свисали толстые кожаные ремни.

– Ей будет больно? – спросил я.

Я сам удивился собственному вопросу, и Бентам тоже.

– Это имеет какое-то значение? – спросил он.

– Я бы предпочел, чтобы она не страдала. Если это возможно.

– Выбора у нас все равно нет, – ответил Бентам, – но она не будет ощущать боли. Прежде чем хоть что-то начнет происходить, отсек наполнится обезболивающим усыпляющим газом.

– А что потом? – спросил я.

Он улыбнулся и похлопал меня по плечу.

– Это чисто технические вопросы. Тебе достаточно знать, что твой питомец выйдет из отсека живым и его состояние практически не изменится. А теперь, если тебе не трудно, заставь его войти внутрь.

Я так и не понял, поверил ли Бентаму. Точно так же я не понимал, почему это имеет для меня такое значение. Пустоты превратили нашу жизнь в ад. К тому же они, судя по всему, были напрочь лишены способности испытывать какие-либо чувства. Поэтому я должен был обрадоваться возможности причинить боль одной из них. Но меня это нисколько не радовало. Я не желал смерти пустоте точно так же, как я не желал бы ее какому-либо животному. В процессе управления этим существом я приблизился к нему достаточно для того, чтобы понять, что внутри что-то есть. Это что-то было крошечной искрой, маленьким шариком души на дне глубокого омута. На самом деле пустота не была пустой.

Подойди, – произнес я, и пустота, которая смущенно жалась в угол, обошла Бентама и остановилась перед будкой.

Входи.

Я ощутил ее нерешительность. Она уже полностью восстановила свое

здоровье, и к ней вернулись силы. Я знал, на что она способна, если моя власть над ней поколеблется хоть на мгновение. Но я был сильнее, и ее сопротивление не стоило принимать всерьез. Я подумал, что она колеблется лишь потому, что колебался я сам.

Прости, – произнес я.

Пустота не шелохнулась. Она не знала, что ей делать со словом «прости». Но я чувствовал, что должен это сказать.

Входи, – повторил я, и на этот раз пустота подчинилась и шагнула в отсек. Поскольку больше никто не решился бы к ней прикоснуться, дальнейшими моими действиями руководил Бентам. Следуя его указаниям, я прижал пустоту спиной к задней стене будки и туго пристегнул ремнями ее грудь, ноги и руки. Мне было ясно, что ремни рассчитаны на то, чтобы удерживать человека, и в моей голове зародились вопросы, ответы на которые я пока слышать не хотел. Единственное, что сейчас имело значение, был наш план, и я хотел выполнить его от начала и до конца.

Я провел в будке считанные секунды, но этого было достаточно для того, чтобы меня охватила паника. Там было слишком тесно, и я поспешил наружу.

– Закрой дверь, – приказал Бентам.

Видя мою нерешительность, помощник шагнул к отсеку, но я преградил ему путь.

– Это моя пустота, – заявил я. – Я сам это сделаю.

Я взялся за ручку двери и – хотя я не хотел этого делать – посмотрел в лицо пустоте. Ее огромные черные глаза были широко раскрыты, и в них плескался ужас. По сравнению с ними ее тело казалось маленьким и сморщенным, как гроздь инжира. Пустота не шевелилась, разумеется, она была отвратительным существом. Но выглядела такой жалкой, что я совершенно неожиданно почувствовал себя просто ужасно. Как будто я собирался усыпить собаку, которая не понимала, за что ее наказывают.

Все пустоты должны умереть, – сказал я себе. Я знал, что поступаю правильно, но легче от этого не было.

Я толкнул дверь, и она с визгом захлопнулась. Помощник Бентама продел огромный висячий замок сквозь ее ручки, а затем отошел к пульту и начал вращать ручки настроек.

– Ты поступил правильно, – прошептала мне на ухо Эмма.

Шестерни начали поворачиваться, поршни задвигались, сама машина ритмично загудела, сотрясая всю комнату. Бентам с довольным видом улыбнулся и радостно хлопнул в ладоши, счастливый, как школьник на каникулах. И тут из отсека раздался крик. Ничего подобного я в своей

жизни не слышал.

– Вы сказали, ей не будет больно! – закричал я на Бентама.

Он обернулся к помощнику и заорал на него:

– Газ! Ты забыл об анестезии!

Помощник поспешил повернуть еще один рычаг. Из-под щели под дверью отсека заструился белый дымок. Крики пустоты мало-помалу затихли.

– Вот теперь она ничего не чувствует, – пробормотал Бентам.

На мгновение я пожалел, что в будке моя пустота, а не Бентам. Постепенно оживали все новые части машины. В трубах над нашими головами слышался плеск. Клапаны под потолком зазвонили, как колокольчики. В недра машины начала капать черная жидкость. Это было не машинное масло, а нечто гораздо более темное и едкое. Это была жидкость, которую пустоты вырабатывали почти непрерывно, которая сочилась из их глаз и стекала с зубов. Их кровь.

С меня было довольно. Меня начало тошнить, и я вышел из комнаты. Эмма поспешила за мной.

– Ты в порядке?

Я даже не надеялся, что она поймет мою реакцию. Я и сам ее не понимал.

– Все нормально, – успокоил я ее. – Это было необходимо.

– У нас не было другого выхода, – кивнула она. – Мы уже так близко.

Бентам, хромая, вышел из комнаты.

– ПТ, вверх! – скомандовал он и упал на подставленные лапы медведя.

– Она работает? – спросила Эмма.

– Скоро узнаем, – ответил Бентам.

Моя пустота была связана, усыплена и заперта в железной будке. Я спокойно мог отлучиться, но прежде, чем уйти, я остановился у двери.

– Спи, – произнес я. – Спи и не просыпайся, пока это не закончится.

Вслед за всеми остальными я прошел через машинное отделение и поднялся по лестницам. Мы оказались в длинном устеленном коврами коридоре, в который выходили двери комнат с экзотическими названиями. Стены гудели энергией. Казалось, дом ожил.

ПТ поставил Бентама на ковер.

– Момент истины! – произнес он.

Подойдя к ближайшей комнате, он распахнул дверь. В коридор пахло влажным ветром.

Я подошел к двери и заглянул внутрь. От того, что предстало моему

взгляду, я весь покрылся гусиной кожей. Подобно комнате Сибирь, это помещение было порталом в другое место и эпоху. Простая мебель спальни – кровать, шкаф, тумбочка – была засыпана песком. Дальняя стена исчезла, позволяя разглядеть изгибающуюся подкову пляжа, отороченного высокими пальмами.

– Перед вами Раротонга, 1752 год! – горделиво провозгласил Бентам. – Привет, Сэмми! Давно не виделись!

Невдалеке на корточках сидел маленький мужчина. До нашего появления он чистил рыбу, а теперь с легким недоумением смотрел на нас.

– Давно, – согласился он и помахал нам рыбой.

– Значит, все в порядке? – спросила Эмма у Бентама. – Это то, чего вы хотели?

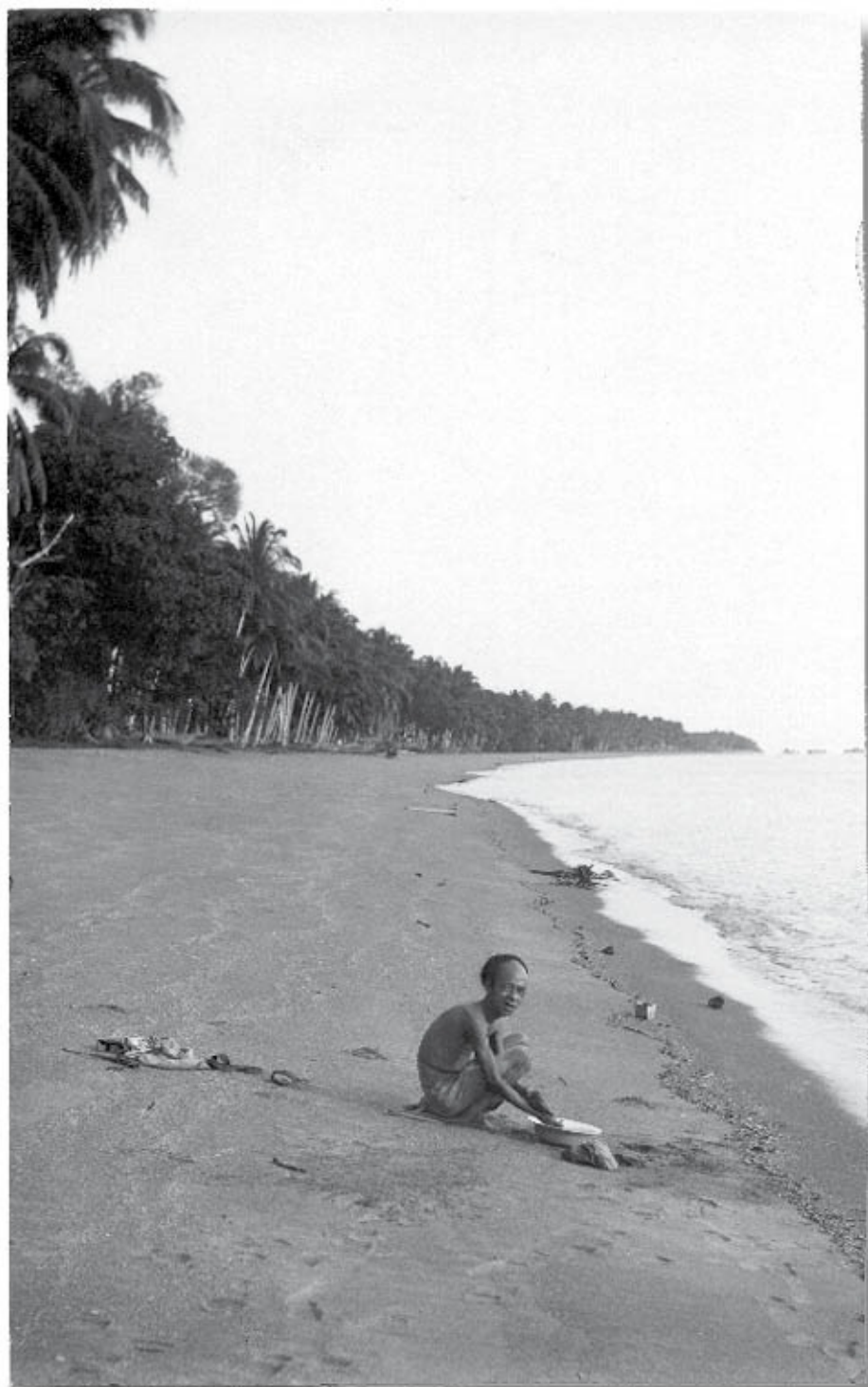
– То, чего я хотел, о чем я мечтал...

Бентам ринулся к другой двери. Внутри оказался бездонный поросший деревьями каньон, через который был переброшен узкий мост.

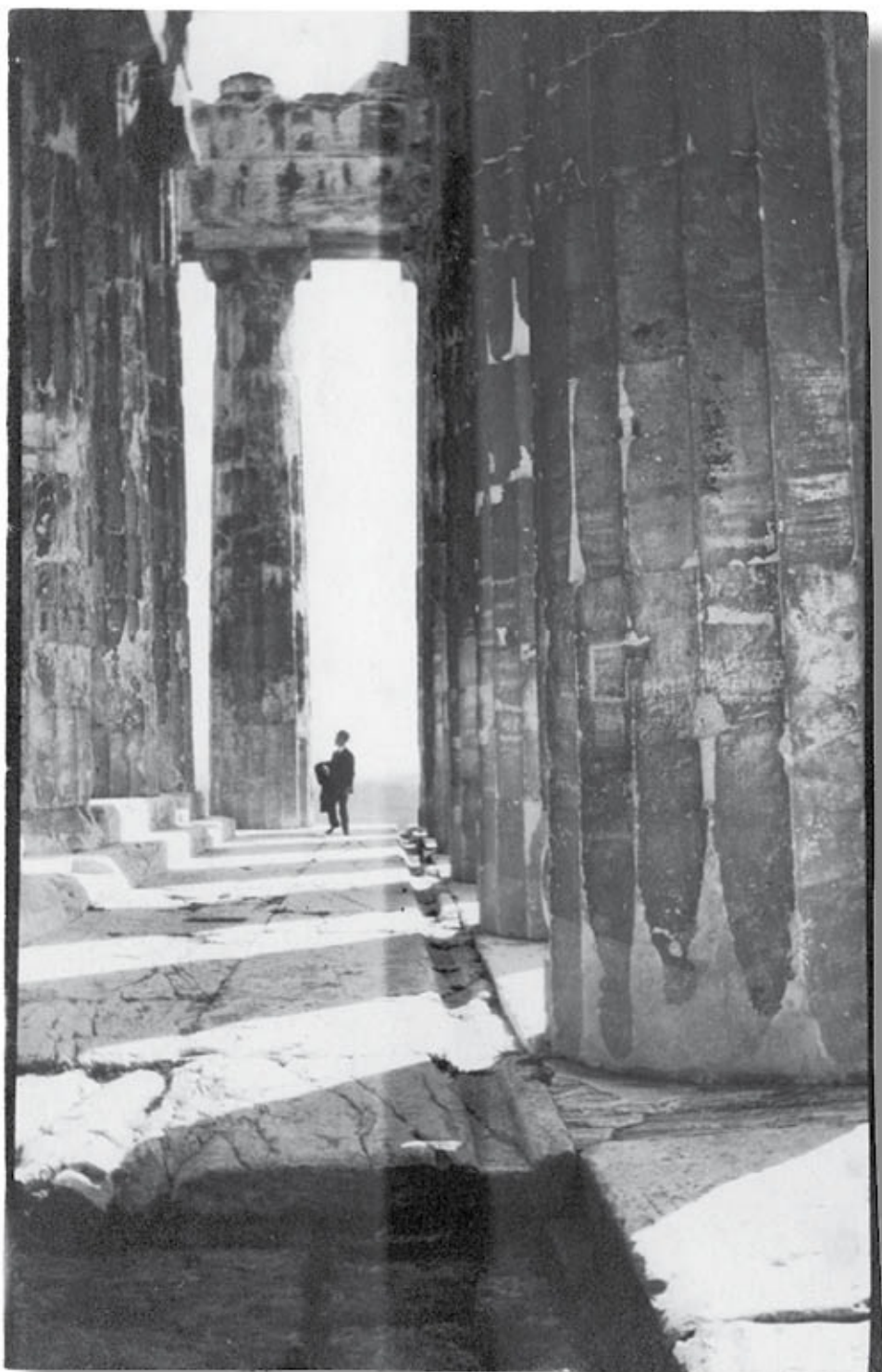
– Британская Колумбия, 1929 год! – проворковал он.

Он с такой скоростью подбежал к третьей двери, что нам пришлось его догонять. Внутри возвышались массивные каменные столбы, пыльные руины древнего города.

– Пальмира! – закричал он, хлопая ладонью по стене. – Ура! Эта чертова штука работает!

Бентам был вне себя от радости.

– Мой обожаемый Панпетлекон, – закричал он, раскинув руки. – Как я по тебе скучал!

– Поздравляю, – произнес Харон. – Я рад, что стал свидетелем его возрождения.

Волнение Бентама передалось и нам. Его машина была удивительным механизмом – один-единственный коридор включал в себя целую вселенную. Взглянув вдаль, я увидел, что за всеми дверями пробудились иные миры. За одной дверью стонал ветер, из-под другой в коридор задувало песок. В любое другое время и при любых других обстоятельствах я бы побежал по коридору, настежь распахивая все эти двери. Но сейчас меня интересовала лишь одна из них.

– Которая из этих комнат ведет в крепость тварей? – спросил я.

– Да, да, к делу, – произнес Бентам, совершая над собой усилие. – Прошу прощения, я немного увлекся. Этой машине я посвятил свою жизнь, и так приятно видеть ее снова работающей.

Внезапно обессилев, он прислонился к стене.

– Отправить вас в крепость совершенно несложно. За этими дверями не меньше полудюжины переходов. Вопрос заключается в том, что вы будете делать, когда туда попадете?

– По обстоятельствам, – пожала плечами Эмма. – Что нас там ожидает?

– В последний раз я был там очень давно, – ответил Бентам, – так что мои сведения устарели. Панпетлекон моего брата выглядит иначе – он расположен вертикально в высокой башне. Узников держат в каком-то другом помещении. Наверняка в отдельных камерах и под усиленной охраной.

– Самой большой проблемой будут охранники, – кивнул я.

– Возможно, я смогу вам с ними помочь, – предложил Харон.

– Ты пойдешь с нами? – спросила Эмма.

– Еще чего! – воскликнул Харон. – Но я хотел бы сделать свой пусть маленький, но вклад. С минимальным риском для себя, разумеется. Я подниму за стенами крепости переполох, который привлечет внимание охранников. Это поможет вам остаться незамеченными.

– Что ты задумал? – спросил я.

– То, что больше всего не любят твари, – акцию гражданского

неповиновения. Я организую этих лежебок с Дымящейся улицы, мы соберем катапульту и начнем забрасывать стены крепости всякой горячей дрянью. Я уверен, что в конце концов все охранники займутся нами, а вы займетесь своим делом.

– С чего им тебе помогать? – спросила Эмма.

– Потому что там много вот таких пузырьков. – Сунув руку в карман плаща, он извлек флакон амбро, отнятый у Эммы. – Стоит им пообещать амброзию, и они готовы практически на все.

– Уберите это немедленно, сэр! – воскликнул Бентам. – Ты же знаешь, я не позволяю приносить это в свой дом.

Харон извинился и сунул флакон обратно в карман.

Бентам посмотрел на циферблат карманных часов.

– Сейчас около половины пятого утра. Харон, я полагаю, что твои нарушители спокойствия сейчас спят. Ты сможешь раззадорить их, скажем, к шести?

– Еще бы! – заверил его Харон.

– Тогда займись этим.

– Счастлив вам помочь.

Харон развернулся и, шурша плащом, заспешил прочь по коридору.

– У вас есть полтора часа на подготовку, – обернулся Бентам к нам. – Все, что у меня есть, в вашем полном распоряжении.

Мы призадумались, потому что сообразить, что нам может понадобиться, было совсем непросто.

– Думай, – приказала Эмма. – Что это может быть?

– У вас есть пистолеты? – спросил я.

Бентам покачал головой.

– Я вполне обхожусь защитой, которую мне обеспечивает ПТ.

– Взрывчатка? – продолжала Эмма.

– Боюсь, что нет.

– Армагеддоновой курицы наверняка тоже, – пошутил я и с надеждой посмотрел на хозяина дома.

– Только чучело в одной из экспозиций.

Я представил себя бросающим чучело курицы в вооруженную пистолетом тварь и фыркнул, не зная, смеяться мне или плакать.

– Возможно, я чего-то не понимаю, – произнес Бентам. – Но зачем вам нужны пистолеты и взрывчатка, если ты можешь контролировать пустот? В крепости их много. Приручи их, и сражение выиграно.

– Это не так просто, – ответил я, не желая вдаваться в подробности. – Даже на то, чтобы взять под контроль хоть одну пустоту, необходимо много

времени...

Это умел делать мой дед, – едва не вырвалось у меня. – До того, как ты его сломал.

– Что ж, тебе виднее, – отозвался Бентам, почувствовав, что наступил на больную мозоль. – Но в любом случае первыми необходимо спасать имбрин. Приведи столько, сколько сможешь, начиная с моей сестры. Они самая желанная добыча, и им угрожает наибольшая опасность.

– С этим я согласна, – кивнула Эмма. – Сначала имбрины, затем наши друзья.

– А что потом? – спросил я. – Как только они заметят, что мы уводим их узников, они на нас набросятся. Куда нам бежать?

Это напоминало ограбление банка: заполучить деньги означало лишь половину дела. Главным суметь благополучно унести награбленное.

– Бегите, куда хотите, – ответил Бентам, обводя рукой коридор. – Выбирайте любую дверь и любую петлю. Только в этом коридоре вас ожидает восемьдесят семь вариантов путей отступления.

– Он прав, – кивнула Эмма. – Им нас никогда не найти.

– Я уверен, что они что-нибудь да придумают, – возразил я. – Все это их только немного задержит.

Бентам поднял вверх палец.

– Именно поэтому я и устрою для них ловушку. Я заставлю их поверить в то, что мы спрятались в комнате Сибирь. У ПТ там полно родственников, и они будут поджидать их сразу за дверью, злые и голодные.

– А если медведям не удастся их прикончить? – засомневалась Эмма.

– Вероятно, это придется сделать нам, – ответил Бентам.

– И дело в шляпе, – фыркнула Эмма.

Возможно, ни я, ни Бентам ее не поняли бы, если бы не выражение лица и сарказм в голосе, явно говорившие: ваша беспечность граничит с безумием. Послушать Бентама, так вся затея не сложнее похода в супермаркет: врываемся, всех спасаем, прячемся, добиваем плохих парней, и дело в шляпе. Безусловно, это был совершенно безумный план.

– Вы понимаете, что нас всего двое? – напомнил я ему. – Мальчик и девочка.

– Да, разумеется, – рассудительно закивал Бентам. – И в этом ваше преимущество. Если твари и ожидают нападения, то со стороны ворот и с помощью армии, никак не со стороны двух детей.

Его оптимизм начинал меня утомлять. Возможно, у нас действительно есть шанс? – подумал я.

– Эй! Эй!

Мы обернулись и увидели Нима. Он, тяжело дыша, бежал по коридору.

– Птица для мистера Джейкоба! – кричал он. – Посыльная птица... для мистера Джейкоба... только что прилетела... ждет внизу!

Подбежав к нам, он сложился вдвое и зашелся в изнурительном приступе кашля.

– Кто мог прислать мне сообщение? – изумился я. – Кто может знать, что я здесь?

– Сейчас мы все выясним, – ответил Бентам. – Ним, води.

Ним свалился к его ногам.

– О боже! – воскликнул Бентам. – Придется нанять тебе личного тренера, Ним. ПТ, подвези беднягу!

* * *

Посыльный ожидал в вестибюле внизу. Им оказался большой зеленый попугай. Несколько минут назад он влетел в дом через открытое окно и начал выкрикивать мое имя. Тут Ним его поймал и посадил в клетку.

Он продолжал выкрикивать мое имя.

– ДЖЕЙЙ-коб! ДЖЕЙЙ-коб!

Его голос напоминал скрип ржавых дверных петель.

– Он не желает разговаривать ни с кем, кроме вас, – пояснил Ним, подводя меня к клетке. – Вот он, тупая птица! Выкладывай, что там у тебя!

– Привет, Джейкоб, – произнес попугай. – Говорит мисс Сапсан.

– Что? – потрясенно пробормотал я. – Теперь она попугай?

– Нет, – успокоила меня Эмма. – Сообщение от мисс Сапсан. Продолжай, попугай, что еще она сказала?

– Я жива и здорова и нахожусь в башне своего брата, – произнесла птица голосом, пугающе похожим на человеческий. – Остальные тоже здесь: Миллард, Оливия, Гораций, Брантли, Енох и остальные.

Мы с Эммой переглянулись. Брантли?

Птица продолжала говорить, напоминая живой автоответчик:

– Собака мисс Королек сообщила мне, где вас можно найти – тебя и мисс Блум. Я хочу отговорить вас от любых попыток нашего спасения. Нам здесь ничего не угрожает, поэтому не стоит рисковать вашими жизнями ради каких-то глупых выходов. Вместо этого мой брат делает вам предложение: сдайтесь охранникам на мосту в конце Дымящейся улицы, и вам не причинят вреда. Я советую вам согласиться. Выбора у нас все равно

нет. Воссоединившись под опекой моего брата, который будет хорошо о нас заботиться, мы все станем частью нового странного мира.

Попугай свистнул, указывая, что сообщение окончено.

Эмма уже трясла головой.

– Это совершенно непохоже на мисс Сапсан. Если только ей не промыли мозги.

– И она никогда не называет своих детей только по фамилии, – добавил я. – Она сказала бы мисс Брантли.

– Вы не верите в то, что это сообщение действительно от нее? – спросил Бентам.

– Я вообще не понимаю, что это было, – ответила Эмма.

Бентам наклонился к клетке и произнес:

– Заверь подлинность!

Птица молчала. Бентам осторожно повторил свое распоряжение и склонил ухо к птице, прислушиваясь. Внезапно он выпрямился.

– О черт!

И тут я тоже отчетливо услышал тихое тиканье.

– БОМБА! – взвизгнула Эмма.

ПТ швырнул клетку в угол, сгреб нас в объятия и повернулся к птице спиной. Последовала ослепительная вспышка и оглушительный взрыв, но боли я не ощутил – весь удар принял на себя медведь. Не считая ударной волны, на мгновение заложившей мне уши и сбившей с Бентама шляпу, и последовавшей сразу вслед за ней волны жара, раскаленной, но, к счастью, краткой, мы не пострадали.

Под дождем облупившейся краски и зеленых перьев мы вывалились в коридор. Все были целы, кроме медведя, который опустился на четыре лапы и, жалобно поскуливая, показал нам спину. На обугленной коже совершенно не осталось шерсти, и когда это увидел Бентам, он издал гневное восклицание и обнял зверя за шею.

Ним бросился будить Матушку Пыль.

– Ты знаешь, что это означает? – спросила Эмма.

Она дрожала и смотрела на меня широко раскрытыми глазами. Я наверняка выглядел не лучше. В конце концов, не каждый день рядом с нами разрывались бомбы, и поверить в то, что мы выжили, было трудно.

– Я совершенно уверен в том, что этого попугая прислала вовсе не мисс Сапсан, – пробормотал я.

– Естественно...

– И Каул знает, где мы находимся.

– Если он не знал этого раньше, то теперь ему все известно. Посыльных птиц учат разыскивать людей, даже если у отправителя нет их точного адреса.

– Это также означает, что он поймал Эддисона.

От этой мысли у меня оборвалось сердце.

– Да, но это означает еще кое-что. Каул нас боится. Иначе он не стал бы пытаться нас убить.

– Возможно, – пожал плечами я.

– Нет, точно. А если он нас боится... – Она прищурилась, глядя на меня. – Джейкоб, это означает, что ему есть чего бояться.

– Он не боится, – вмешался Бентам, поднимая лицо от мохнатой шеи ПТ. – Ему следовало бы бояться, но пока это не так. Этот попугай должен был не убить вас, а только покалечить. Похоже, юный Джейкоб нужен моему брату живым.

– Я? – спросил я. – Зачем?

– Мне в голову приходит только одна причина. До него дошел слух о твоём представлении с пустотой, и это убедило его в том, что ты особенный.

– В чем моя особенность? – спросил я.

– Что-то мне подсказывает, что он считает тебя последним ключом к Библиотеке Душ. Человеком, который способен видеть контейнеры с душами и совершать с ними все необходимые операции.

– Как и сказала Матушка Пыль, – прошептала Эмма.

– Бред какой-то, – пробормотал я. – Неужели это правда?

– Самое главное – что в это верит он, – ответил Бентам. – Но это ничего не меняет. Ты осуществишь всю операцию по спасению своих друзей и имбрин, как мы и задумали, а потом, мой друг, мы позаботимся о том, чтобы вы оказались как можно дальше от моего братца и его безумных замыслов. Но надо спешить – вслед за этим взорвавшимся попугаем в мой дом придут солдаты Джека. Скоро они будут здесь, а значит, ты должен исчезнуть отсюда до их появления. – Он извлек из кармана часы. – Кстати, уже почти шесть.

Мы уже собирались выйти, когда в комнату вбежали Матушка Пыль и Рейналдо.

– Матушка Пыль хочет вам что-то подарить, – произнес юноша, а целительница протянула нам маленький предмет, обернутый в лоскут ткани.

Бентам сказал, что нам некогда принимать подарки, но Рейналдо не отступил.

– На случай, если вы попадете в беду, – произнес он, суя подарок в руку Эмме. – Разверни.

Эмма приоткрыла маленький сверток. Крохотный предмет внутри вначале показался мне кусочком мела, пока Эмма не вытряхнула его себе на ладонь.

У кусочка мела было два сустава и маленький покрашенный ноготь.

Это был мизинец.

– Не стоило, – прошептал я.

– Это палец Матушки, – пояснил Рейналдо при виде нашего замешательства. – Раздавите его и используйте по своему усмотрению.

Глаза Эммы широко раскрылись, а ладонь опустилась, как будто палец вдруг утроил свой вес.

– Я не могу это принять, – произнесла она. – Это слишком много.

Матушка Пыль дотянулась до нее своей целой рукой – хотя и она уже уменьшилась в размерах. Там, где прежде был мизинец, теперь белела повязка. Она сжала пальцы Эммы вокруг своего подарка. Она что-то пробормотала, и Рейналдо перевел:

– Ты и он, возможно, наша последняя надежда. Если бы я могла обойтись без руки, я бы и ее отдала.

– Я не знаю, что сказать, – произнес я. – Спасибо.

– Используйте его экономно, – посоветовал Рейналдо. – Тише едешь, дальше будешь. Ах да, вам еще понадобится вот это. – Он извлек из заднего кармана два респиратора и помахал ими в воздухе. – Иначе вы усыпите не только своих врагов, но и сами уснете вместе с ними.

Я снова его поблагодарил и принял у него респираторы. Матушка Пыль слегка нам поклонилась, и мы поклонились ей в ответ.

– А теперь нам действительно пора, – заторопил нас Бентам, и мы вышли, оставив ПТ в обществе целителей и медвежат, которые всячески жались к своему раненому старшему товарищу.

Мы вернулись наверх, в коридор петель. Когда мы в него вошли, у меня внезапно закружилась голова, как будто я оказался на краю обрыва. Я внезапно осознал, что вот в этом самом месте соединяется восемьдесят семь миров и, чтобы войти в них, достаточно толкнуть любую из восьмидесяти семи дверей. Все эти бесконечные пространства сходились в коридор, как сходятся в ствол головного мозга нервные окончания. Нам предстояло войти в одно из этих пространств с тем, чтобы, возможно, уже никогда не выйти обратно. Я чувствовал, как внутри меня борются старый и новый Джейкоб, потому что на меня поочередно накатывали волны ужаса и восторга.

Бентам быстро шел по коридору, постукивая тростью, и объяснял, какой дверью лучше воспользоваться, и где за этой дверью находится другая дверь, ведущая в крепость Каула, и как вернуться обратно в Панпетлекон. Все это было очень сложно, но Бентам заверил нас в том, что на самом деле путь очень короткий и отмечен знаками.

– Но чтобы вы не заблудились, я поручу своему помощнику вас проводить, – пообещал он.

Помощник, которого оторвали от управления настройками машины, с мрачным видом стоял рядом, пока мы прощались с Бентамом.

– До встречи, удачи, спасибо вам, – говорил Бентам, пожимая нам руки.

– Пока что вам не за что нас благодарить, – ответила Эмма.

Помощник отворил одну из дверей и снова замер в ожидании.

– Заберите у них мою сестру, – произнес Бентам. – А когда доберетесь до тех, кто ее похитил... – Он поднял затянутую в перчатку руку и сжал ее в кулак. – Их чувства можете не щадить.

– И не подумаем, – заверил я его и шагнул в открытую дверь.

Глава седьмая

Вслед за помощником Бентама мы вошли в комнату, прошли мимо уже привычной мебели, затем сквозь отсутствующую четвертую стену и оказались в густых зарослях вечнозеленых растений. Стоял полдень, то ли поздняя осень, то ли ранняя весна. Откуда-то тянуло дымом костра. Мы зашагали по хорошо утоптанной тропинке. Тишину нарушали лишь наши шаги, насвистывание какой-то птицы и отдаленный, но неуклонно приближающийся шум водопада. Помощник Бентама молчал, и нас с Эммой это вполне устраивало. Наши нервы были натянуты до предела, и нам было не до беспредметных разговоров.

Мы вышли из рощи на дорогу, огибавшую высокую гору, и перед нами раскинулся унылый пейзаж из серых скал и языков снега. В отдалении виднелся сосновый лес, похожий на ошкетинившиеся кустарники. Мы перешли на легкий бег, стараясь приберечь силы для того, что ожидало нас впереди. Спустя несколько минут мы обогнули гору и оказались перед грохочущим водопадом.

Тут находился один из обещанных Бентамом знаков. СЮДА было совершенно отчетливо написано на скале.

– Где мы? – спросила Эмма.

– В Аргентине, – ответил помощник.

Следуя знаку, мы пошли по дорожке, которую с каждой секундой все гуще обступали деревья и кусты. Раздвигая колючие ветки, мы пробирались вперед, и шум водопада постепенно стихал у нас за спиной. Тропинка окончилась у небольшого ручья. Пройдя вдоль потока несколько сот ярдов, мы увидели, что ручей тоже окончился. Вода вливалась в отверстие у подножия холма, заросшее папоротниками и мхом. Помощник опустился на колени на берегу ручья, раздвинул эту растительность и замер.

– Что случилось? – прошептал я.

Он вытащил из-за пояса пистолет и трижды выстрелил в отверстие. Раздался холодящий душу крик, и в воду упало какое-то существо. Очевидно, уже мертвое.

– Что это? – спросил я, не сводя глаз с создания, представляющего собой клубок шерсти и когтей.

– Не знаю, – ответил помощник. – Но оно поджидало вас.

Я был не в состоянии определить, что за зверь перед нами. У него

было комковатое тело, острые клыки и огромные глаза навывкате. Но даже их скрывала шерсть. Что, если его посадил сюда Каул? – мелькнула у меня мысль. – Что, если он разгадал замысел брата и снабдил ловушками все входы в свой Панпетлекон?

Ручей уже унес тело неведомого зверя.
– Бентам сказал, что у него нет пистолетов, – заметил я.
– Это правда, – буркнул помощник. – Это мой.
Эмма с надеждой посмотрела на него.
– Может, вы могли бы нам его одолжить?
– Нет. – Он спрятал пистолет и указал на пещеру. – Входите.
Вернитесь туда, откуда мы пришли. Вы окажетесь на территории тварей.
– А вы где будете?
Он сел на снег.
– Здесь.

Мы с Эммой переглянулись, пытаясь скрыть друг от друга то, какими уязвимыми и незащищенными чувствуем себя. Мы пытались заковать свои сердца броней, не представляя, с чем придется столкнуться. Что нам, возможно, придется сделать. Что, возможно, сделают с нами.

Я спустился в ручей и подал руку Эмме. Вода была ледяной, и через секунду я не чувствовал ног. Заглянув в пещеру, я увидел тусклый дневной свет в конце короткого тоннеля. Еще одно превращение тьмы в свет, псевдорожение.

Похоже, тут больше не было зубастых тварей. Я опустил в воду

глубже. Ручей обдал поясницу ледящим холодом, от которого у меня перехватило дыхание. Я услышал за спиной сдвленный возглас Эммы, пригнулся и нырнул в пещеру.

Холодный быстрый поток обжег тело, создавая ощущение, что его беспрерывно колют сотни острых иголок. Любая боль мотивирует, а такая в особенности. Преодолевая тоннель, хватаясь за выступы, поскальзываясь и пригибаясь, захлебываясь плещущей в лицо водой, я развил невероятную скорость. Оказавшись снаружи, я обернулся, чтобы помочь Эмме.

Мы выскочили из ручья и огляделись. Это место было точно таким же, как и с противоположной стороны тоннеля, только здесь не было помощника, гильз от патронов и следов на снегу. Казалось, мы вошли в зеркало и вышли в отражаемый им мир, в котором недоставало лишь нескольких деталей.

– Ты посинел, – заметила Эмма.

Она помогла мне подняться выше по берегу и привлекла к себе. Ее тепло заструилось по моему телу, возвращая чувствительность в отнявшиеся от холода конечности.

Мы зашагали по тропинке, снова пробрались через заросли колючих кустарников, поднялись по холму, миновали водопад – весь пейзаж в точности воспроизводил только что покинутую нами местность, не считая знака СЮДА, который установил для нас Бентам. Его тут не было. Эта петля принадлежала не ему.

Мы снова очутились в роще. Перебегая от дерева к дереву, используя каждое из них как прикрытие, мы подошли к месту, где тропинка окончилась и начались полкомнаты, скрытые парой склонившихся елей. Но это помещение отличалось от комнаты в доме Бентама. Тут не было ни мебели, ни обоев в маках, а пол и стены представляли собой гладкий бетон. Кроме того, здесь было темно, и найти дверь оказалось непростой задачей. Мы шарили ладонями по стенам, пока мне не повезло нащупать небольшую утопленную в стене ручку.

Мы прижались к двери, вслушиваясь в тишину. Я ожидал услышать шаги и голоса, но до моего слуха доносилось лишь какое-то смутное отдаленное эхо.

Я медленно и осторожно приотворил дверь и выглянул в образовавшуюся щель. За дверью был широкий каменный коридор – стерильно чистый и ослепительно-светлый. Его стены испещрили высокие и черные, похожие на надгробия двери. Я насчитал пару десятков, затем коридор резко поворачивал, и дальше уже ничего не было видно.

Вот она – башня тварей, – подумал я. Мы пробрались в самое волчье

ЛОГОВО.

* * *

Я услышал чьи-то приближающиеся шаги и спрятался за дверь. Закрывать ее я уже не успевал.

Мимо промелькнуло что-то белое. Это был мужчина в лабораторном халате. Он быстро шел по коридору, опустив голову и на ходу изучая какой-то документ.

Он меня не заметил.

Я дождался, пока его шаги не стихнут вдали, и сквозь щель протиснулся в коридор. Эмма вышла за мной и плотно закрыла дверь.

Налево или направо? Слева коридор имел уклон вверх, а справа вниз. Если верить Бентаму, мы находились в башне Каула, но узников твари

держали в каком-то другом помещении. Нам было необходимо отсюда выбраться. Значит, вниз. Вниз и направо.

Мы повернули направо и, прижимаясь к стене, начали спускаться по закручивающемуся спиралью коридору. Резиновые подошвы моих ботинок поскрипывали. Раньше я этого звука не замечал, но в абсолютной тишине каменных стен каждый такой скрип заставлял меня морщиться.

Мы прошли совсем немного, когда Эмма напряглась и остановила меня, обхватив рукой мою грудь.

Мы прислушались. Теперь, когда наши шаги затихли, мы слышали голоса. Впереди были люди. Совсем близко. Мы бросились к первой же двери, которая отворилась легко и совершенно бесшумно. Нырнув внутрь, мы закрыли дверь и прижались к ней спиной.

Комната, в которую мы попали, была круглой. Причем это касалось и стен, и потолка. Мы находились внутри огромной дренажной трубы. Ее диаметр составлял не меньше тридцати футов, и она все еще не была окончена. И мы тут были не одни. Сверху лился тусклый свет дождливого дня. Там же, на лесах, сидели рабочие и изумленно глядели на нас. Мы явились во время обеденного перерыва, помешав им спокойно закончить трапезу.

– Эй! Вы как туда забрались? – крикнул один из них.

– Это ребятишки, – заметил другой. – Эй, вы, это не детская площадка!

Они были американцами и, похоже, не понимали, откуда мы взялись. Мы не решались им ответить, опасаясь, что нас услышат твари в коридоре. Кроме того, я опасался, что внимание охраны могут привлечь и крики рабочих.

– Где там тот палец? – прошептал я Эмме. – Похоже, пора его испытать.

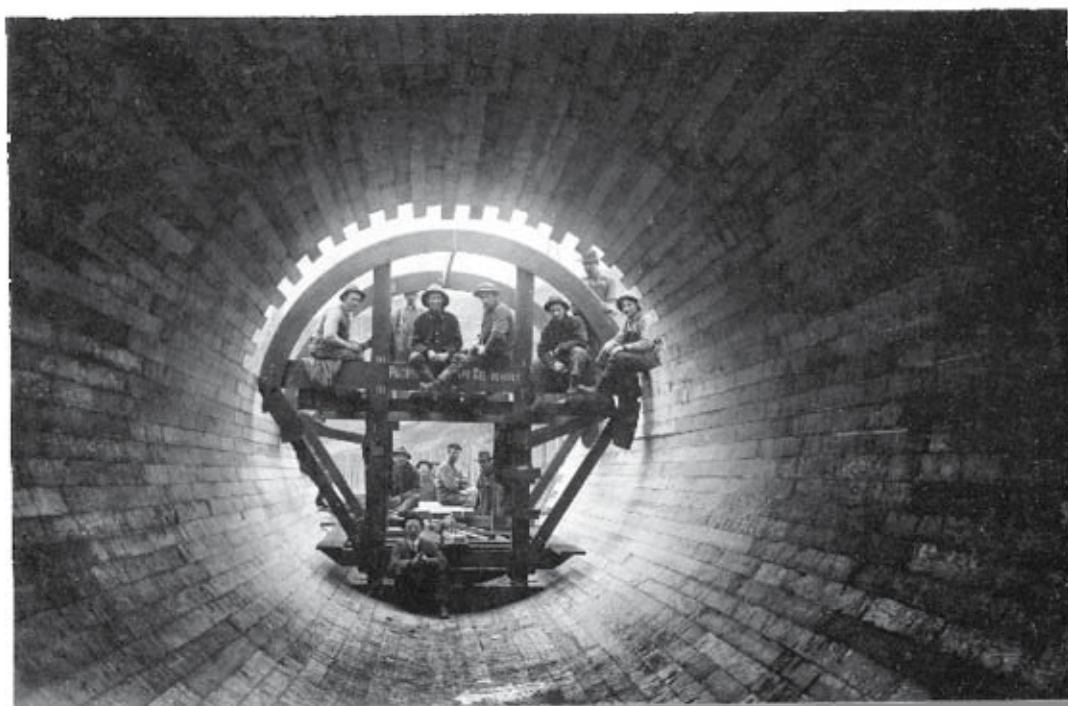
И мы показали им палец. Под этим я понимаю то, что мы надели респираторы (мокрые после ручья, но по-прежнему пригодные к использованию), Эмма раздавила крошечный кусочек мизинца Матушки Пыли, и мы подошли ближе к мужчинам и попытались бросить в них порошок. Сначала Эмма попыталась сдуть его с ладони, но он лишь закружился вокруг наших голов, отчего у меня защемило и онемело лицо. Затем я попытался его бросить, но из этого тоже ничего не вышло. Видимо, пыль была совершенно непригодна в качестве наступательного оружия. Тем временем терпение строителей трубы лопнуло, и один из них прыгнул с лесов, чтобы вывести нас оттуда силой. Эмма спрятала палец и зажгла на ладони огонь. Раздался хлопок. Это воспламенился, тут же превратившись в дым, все еще парящий в воздухе порошок.

– Ого! – воскликнул мужчина.

Он закашлялся и вскоре опустился на пол, провалившись в глубокий сон. Когда его друзья ринулись ему на помощь, они также пали жертвами анестезирующего дыма и свалились на землю рядом с ним.

Оставшиеся рабочие были испуганы, злы и во все горло орали на нас. Мы бросились к двери, не дожидаясь, пока ситуация выйдет из-под контроля. Убедившись, что нам ничего не угрожает, мы выскользнули в коридор.

Как только я закрыл дверь, голоса рабочих стихли, как будто я не просто запер их внутри, но каким-то образом выключил.

Мы продвигались по коридору короткими перебежками, то и дело останавливаясь и прислушиваясь. Мы опускались все ниже, чередуя взрывы активности с абсолютной тишиной и неподвижностью. Мы дважды слышали приближающихся людей и прятались за дверями. За одной оказались влажные, наполненные криками обезьян джунгли, а вторая открылась в глиняную хижину, за стенами которой расстилалась растрескавшаяся равнина с возвышающейся вдали горной цепью.

Пол становился все ровнее, а коридор горизонтальнее. За последним

поворотом мы увидели двойные двери, из-под которых пробивался дневной свет.

– Почему нигде нет охраны? – нервно произнес я.

Эмма пожала плечами и кивнула на двери, которые, похоже, представляли собой единственный выход из башни. Я уже собирался их толкнуть, как вдруг снаружи до нас донеслись мужские голоса. Кто-то рассказывал анекдот. Слов мы не слышали, но это определенно было что-то смешное, потому что, когда он закончил, раздался взрыв хохота.

– А вот и охрана, – произнесла Эмма тоном официанта, предлагающего клиентам какой-то особенный деликатес.

Мы могли подождать в надежде, что они уйдут, или открыть дверь и вступить в прямую конфронтацию. Второй вариант был смелее и быстрее, поэтому я призвал Нового Джейкоба и сообщил ему, что мы собираемся распахнуть дверь и сразиться с тварями, а также попросил не обсуждать этого со Старым Джейкобом, который неизбежно начнет ныть и сопротивляться. Но к тому времени, как я все уладил, Эмма уже приступила к осуществлению нашего плана.

Она стремительно и бесшумно распахнула створку. Перед нами оказались спины пятерых тварей в разной форме и с современными полицейскими пистолетами на поясе. Они смотрели в противоположную от нас сторону, и никто ничего не заметил. Перед ними находился просторный двор, окруженный низкими строениями, похожими на бараки, а еще дальше высилась стена крепости. Я ткнул пальцем в сторону спрятанного в кармане Эммы мизинца и одними губами произнес: спать. Тем самым я предлагал пойти самым легким путем: усыпить этих тварей, а затем затащить их в башню. Она меня поняла, притворила дверь и полезла в карман за мизинцем, а я выдернул из-за пояса респираторы.

В это мгновение некая пылающая масса перелетела через стену крепости и, описав изящную дугу, шмякнулась прямо посреди двора. Горящие головешки разлетелись во все стороны, а охрана пришла в неопишное возбуждение. Двое тут же отправились выяснять, что же там прилетело. Но когда они наклонились над этой пылающей дрянью, второй горящий ком спикировал через стену и угодил в одного из них. От удара тварь упала, и ее одежда загорелась. Судя по едкому и быстро распространившемуся по двору запаху, стреляли смесью бензина и экскрементов.

Остальные охранники бросились тушить. Взревела оглушительная сирена. Спустя несколько секунд из окружающих двор зданий начали выбегать твари. Все спешили к стене. Атака Харона, благослови его

господи, началась как нельзя более вовремя. Это предоставляло нам возможность беспрепятственно искать своих друзей. Во всяком случае, несколько минут в нашем распоряжении точно имелось. Вряд ли тварям понадобилось бы много времени, чтобы разделаться с кучкой вооруженных катапультной амброманов.

Мы осмотрели двор. С трех сторон он был окружен приземистыми и очень похожими друг на друга зданиями. Тут не было ни мигающих стрелок, ни неоновых вывесок, рекламирующих присутствие имбрин. Предстояли поиски, быстрые, но тщательные, и мы надеялись на то, что нам повезет.

Двое охранников побежали к стене, оставив своих товарищей тушить тварь, покрытую пылающим дерьмом. Стоя спиной к нам, они катали его по земле.

Мы наугад выбрали здание слева и подбежали к его двери. Внутри находилось просторное помещение, до отказа набитое каким-то тряпьем – судя по виду и запаху, это была ношенная одежда. Мы бежали по проходу, мимо вешалок со всевозможными костюмами из самых разных эпох и стран. Все было развешано в строгом порядке и снабжено соответствующими ярлыками. Скорее всего, это была гардеробная для посещения всех петель, в которые тварям уже удалось проникнуть. Возможно, вязаный жилет, в котором неизменно принимал меня доктор Голан, тоже некогда висел в этой самой комнате.

Но наших друзей здесь не было, впрочем, как и имбрин, поэтому мы начали искать проход в соседнее здание, чтобы избежать необходимости снова выходить во двор, где нас могли заметить твари.

Не найдя ничего подобного, мы поняли, что рискнуть все же придется.

Выглянув в щель приотворенной двери, мы дождались, пока отставший от товарищей охранник пробежит через двор, по пути натягивая форму. Как только он скрылся за углом, мы выскочили наружу.

Вокруг нас продолжали приземляться разные предметы. Видимо, у импровизированной армии Харона закончились экскременты, и они начали заряжать в катапульту все подряд – кирпичи, мусор, трупы животных. Один из снарядов изверг длинный поток ругательств, и я узнал в сморщенном, вращающемся на земле шарике одну из голов с моста. Если бы мое сердце не колотилось с такой силой, что мне было трудно дышать, я бы, наверное, расхохотался.

Мы перебежали через двор, направляясь к зданию напротив. Его тяжелая металлическая дверь внушала надежду. Наверняка за ней скрывалось что-то важное. К счастью, охранник вместе с остальными

тварями убежал к стене.

Мы открыли дверь и скользнули в маленькую лабораторию. Ее стены были выложены белой плиткой, и в нем стоял сильный запах каких-то химикалий. Мой взгляд упал на шкафчик, в котором сверкали сталью жуткого вида хирургические инструменты. Стены лаборатории вибрировали от доносящегося откуда-то низкого гула, ритмичного стука каких-то механизмов и чего-то еще...

– Ты это услышал? – спросила Эмма, напрягая слух.

Я понял, о чем она говорит. Звук был тихим и дребезжащим, но, вне всякого сомнения, указывал на присутствие людей.

Кто-то смеялся.

Мы удивленно переглянулись. Эмма протянула мне палец Матушки Пыли, и мы надели респираторы. Мы считали, что готовы ко всему, хотя задним числом мне ясно, что мы совершенно не были подготовлены к ожидавшим нас ужасам.

Мы шли через комнаты, которые мне трудно описать, потому что я сделал все, что мог, чтобы стереть их из своей памяти. Каждая была кошмарнее предыдущей. Первая была небольшой операционной, посреди которой стоял стол, полностью оснащенный ремнями для удерживания пациента. Фарфоровые емкости вдоль стен явно предназначались для сбора жидкостей. В следующем помещении занимались исследованиями, и здесь было много крошечных черепов и других костей, подключенных к электрическому оборудованию и всевозможным датчикам. Стены были увешаны полароидными снимками, документирующими эксперименты над животными. Мы шли мимо, прикрывая ладонью глаза и изо всех сил пытаясь не смотреть по сторонам.

Но худшее было впереди.

Войдя в следующую комнату, мы увидели двух медсестер и врача, которые с удивлением смотрели на нас. Мы застали их во время какой-то жуткой процедуры над ребенком. Они растянули малыша между двумя столами, расстелив под ним газеты, чтобы капающие из него жидкости не пачкали пол. Медсестра держала его за ноги, а врач сжимал голову, холодно глядя в глаза.

Услышав шаги, они обернулись и увидели нас в респираторах и заметили горящие руки Эммы. Они начали звать на помощь, но их никто не слышал по той простой причине, что вся охрана убежала. Врач бросился к столу с режущими инструментами, но Эмма его опередила. После короткой схватки он сдался и поднял руки. Мы прижали взрослых к стене и потребовали, чтобы они сказали, где находятся узники. Они молчали,

поэтому я дунул им в лица пылью, и они сползли по стене, свалившись в кучу на полу.

Ребенок находился в полубессознательном состоянии, но, судя по всему, не был ранен. В ответ на наши торопливые вопросы – Ты в порядке? Тут еще есть другие люди? Где они? – он только тихонько постанывал, поэтому мы решили, что будет лучше, если мы его пока что спрячем. Чтобы он не замерз, мы укутали его в простыню и уложили на пол одного из шкафчиков, пообещав за ним вернуться.

Следующая комната была просторной и напоминала больничную палату. Не менее двадцати кроватей были прикованы к стенам, и к ним были привязаны странные люди – взрослые и дети. Все они были без сознания. Из подошв их ног торчали иглы, и темная жидкость медленно стекала по пластиковым трубкам в пакеты на полу.

– Их выкачивают, – дрожащим голосом произнесла Эмма. – У них отнимают души.

Я не хотел видеть их лица, но мы должны были на них посмотреть.

– Кто здесь? Кто вы? – бормотал я, вместе с Эммой перебегая от кровати к кровати.

Мне стыдно в этом признаваться, но я надеялся, что среди этих несчастных нет наших друзей. Некоторых мы узнали. Тут лежала девочка-телекинетик Мелина. Бледных братьев, Джоэла-и-Питера, разделили, чтобы избежать очередного разрушительного взрыва. Лица всех троих были искажены, их мускулы напряглись, а кулаки сжимались даже во сне, как

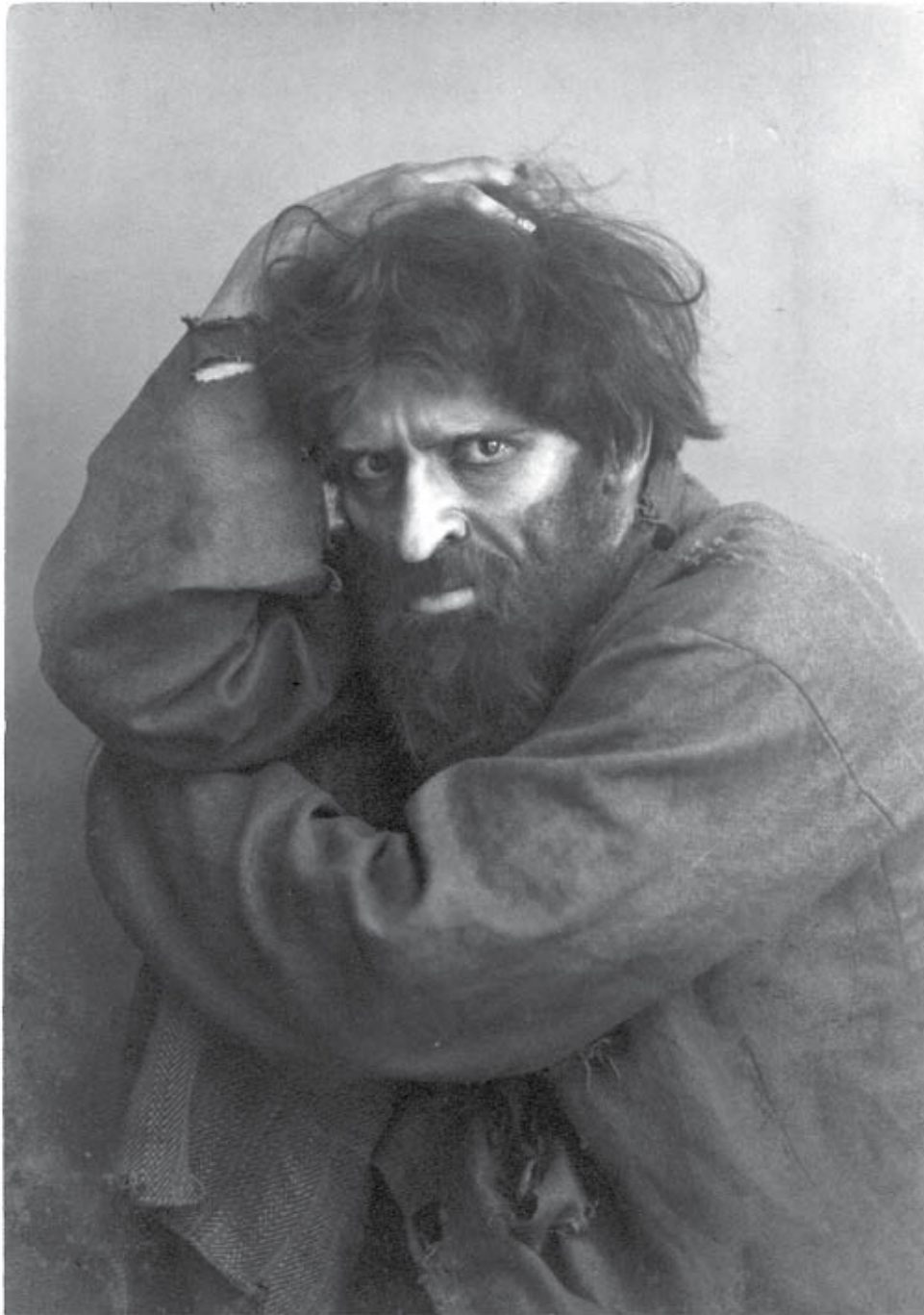
будто оба находились во власти кошмарных сновидений.

– Бог ты мой, – прошептала Эмма. – Они пытаются сопротивляться.

– Значит, надо им помочь, – произнес я и, подойдя к постели Мелины, осторожно извлек иглу из ее стопы. Крошечная капля черной жидкости из раны упала на пол. Спустя мгновение ее лицо расслабилось.

– Привет, – произнес чей-то голос из угла комнаты.

Мы резко обернулись. На полу сидел мужчина. Его ноги были закованы в кандалы, и он раскачивался, свернувшись в клубок. И он смеялся, хотя на его лице не было улыбки, а его глаза напоминали осколки черного льда.

Это его смех мы услышали, едва войдя в здание.

– Где держат остальных? – спросила Эмма, упав перед ним на колени.

– Ну как же, все здесь! – ответил мужчина.

– Нет, есть и другие, – возразил я. – Их должно быть больше.

Он снова засмеялся, и из его рта вылетело облачко пара, как будто в

комнате стоял мороз. Странно, – подумал я, – ведь тут даже не холодно.

– Вы стоите прямо на них, – ответил мужчина.

– Говори понятнее! – закричал я, выходя из себя. – У нас нет времени на всякий вздор!

– Прошу вас, – взмолилась Эмма. – Мы тоже странные. Мы пришли вам помочь, но сначала необходимо найти имбрин. В каком здании их держат?

Он очень медленно повторил:

– Вы. Стоите. Прямо на них.

Его слова дохнули на нас потоком ледяного воздуха.

Я уже собирался схватить его за плечи и начать трясти, как вдруг мужчина поднял руку и показал куда-то нам за спины. Я обернулся и увидел скрытые кафельной плиткой пола ручку и квадратные очертания крышки люка.

Прямо на них. Именно так, как он сказал.

Мы подбежали к люку, повернули ручку и потянули на себя крышку. Перед нами была металлическая лестница, нижняя часть которой скрывалась в темноте.

– Откуда нам знать, что вы говорите правду? – спросила Эмма.

– Ниоткуда, – последовал ответ, и это точно было правдой.

– Давай попытаем счастья, – предложил я.

В конце концов, единственное, что нам оставалось, вернуться.

Эмма замерла в нерешительности, переводя взгляд с лестницы на окружающие нас кровати. Я знал, о чем она думает, но она не стала ни о чем меня спрашивать, понимая, что у нас просто нет времени отсоединять всех и что им придется подождать. Я только надеялся, что, когда мы вернемся, нам еще будет кого спасать.

* * *

Эмма поставила ногу на металлическую ступеньку и начала спускаться в темную дыру в полу. Прежде чем последовать за ней, я встретился взглядом с безумцем и приложил палец к губам. Он ухмыльнулся и повторил мой жест. Я надеялся, что он сделал это осмысленно. Скоро вернутся охранники. Если он будет сидеть тихо, возможно, они не полезут за нами вниз, – подумал я, начиная спускаться, и закрыл за собой крышку люка.

Мы с Эммой прижимались друг к другу, стоя в начале узкого цилиндра

винтовой лестницы, и всматривались вниз. Нашим глазам потребовалось несколько секунд для того, чтобы после ярко освещенной комнаты наверху приспособиться к этому вырубленному в сплошной скале и погруженному в полумрак подземелью.

Она сжала мою руку и прошептала мне на ухо:

– Камеры.

Я посмотрел туда, куда она показывала. Из темноты проступила решетка тюремной камеры.

Мы начали спускаться и постепенно понимать, куда попали. Мы находились в самом начале длинного подземного коридора с камерами по обеим его сторонам. И хотя мы пока не видели, кто в них, в моей груди вспыхнула надежда. Вот оно. То самое место, которое мы стремились отыскать.

Вдруг до нашего слуха донесся звук шагов. Адреналин заставил мое сердце гулко забиться. По коридору с ружьем на плече и пистолетом на поясе шел часовой. Он нас еще не заметил, но это могло произойти в любую секунду. Мы находились слишком далеко от люка, чтобы быстро подняться, и слишком далеко от пола, чтобы спрыгнуть и напасть. Поэтому мы присели и прижались к стене в надежде, что нас скроют тонкие перила лестницы.

Но это было невозможно. Мы находились почти на уровне его глаз. Нас разделяло всего двадцать шагов... вот уже пятнадцать... Мы должны были что-то предпринять.

И я решился.

Я выпрямился и начал спускаться по лестнице. Разумеется, он тут же меня увидел, но я заговорил прежде, чем он успел присмотреться. Громким начальственным голосом я произнес:

– Ты что, не слышал сигнал тревоги? Почему ты еще не защищаешь стену?

Когда он понял, что я не вхожу в число людей, отдающих ему приказы, я уже спрыгнул на пол, а когда он наконец схватился за оружие, я уже мчался на него, как квотербэк. Я ударил его плечом в тот самый момент, когда он нажал на спусковой крючок. Грохнул выстрел, пуля срикошетила где-то позади меня. Мы рухнули на пол. Я допустил ошибку, пытаясь помешать ему выстрелить в меня еще раз, одновременно доставая палец, спрятанный глубоко в правом кармане. Сил на оба занятия одновременно у меня не хватило, и он меня сбросил и вскочил. Тут бы он меня наверняка и прикончил, если бы на него не налетела Эмма с пылающими руками.

Он попытался в нее выстрелить, но не успел прицелиться, и пуля

просвистела у нее над головой. Тем временем я воспользовался его растерянностью и, поднявшись на ноги, снова на него напал. Я сделал подсечку, и мы рухнули поперек коридора. В падении он ударился спиной о решетку одной из камер. В ту же секунду он сильно двинул меня локтем в лицо, и я покатился по полу. Он снова поднял пистолет, целясь в меня, и мы с Эммой были слишком далеко, чтобы ему помешать.

Внезапно из темноты показались чьи-то мускулистые руки. Сквозь прутья решетки они дотянулись до охранника и схватили его за волосы. Его голова резко дернулась назад, и от удара решетка зазвенела, как колокол.

Охранник обмяк и сполз на пол. И вот уже Бронвин, улыбаясь, прижимает лицо к прутьям и зовет нас:

– Мистер Джейкоб! Мисс Эмма!

Еще никогда и ничему я так не радовался, как ее большим добрым глазам, ее сильному подбородку, ее прямым каштановым волосам. Это была Бронвин! Мы просунули руки сквозь решетку и, как могли, обняли ее. Мы были так взволнованы и обрадованы, что просто несли какой-то вздор.

– Бронвин, Бронвин, – лепетала Эмма, – неужели это действительно ты?

– Это вы, мисс? – вторила ей Бронвин. – Мы молились и надеялись и... о, я так боялась, что твари вас схватят...

Бронвин с такой силой прижимала нас к решетке, что мне показалось, я сейчас лопну. Толстые, как кирпичи, прутья были сделаны из чего-то более прочного, чем железо. Я понял, что в противном случае Бронвин бы уже вырвалась из клетки.

– Мне нечем... дышать, – простонала Эмма, и Бронвин выпустила нас, сконфуженно извиняясь.

Теперь, когда мне удалось к ней присмотреться, я заметил на щеке Бронвин кровоподтек и темное пятно, которое могло быть запекшейся кровью на боку ее блузы.

– Что они с тобой сделали? – спросил я.

– Ничего серьезного, – отмахнулась она. – Хотя пытались угрожать.

– А остальные, – испуганно спохватилась Эмма. – Где остальные?

– Здесь! – донесся до нас голос из одной из камер.

– И здесь! – послышалось из другой.

Мы обернулись и увидели прижавшиеся к прутьям решеток лица наших друзей. Они все были тут – Гораций и Енох, Хью и Клэр. Оливия смотрела на нас сверху вниз, прижавшись спиной к потолку своей камеры.

Все были целы и невредимы, живы и здоровы, не считая бедняжки Фионы, разбившейся в падении со скалы в зверинце мисс Королек. Но пока

что мы не могли позволить себе оплакивать ее смерть.

– О, слава птицам! Чудесным чертовым птицам! – воскликнула Эмма, подбегая к камере Оливии и протягивая ей руку. – Вы и представить себе не можете, как мы переживали!

– Ну, уж точно не так, как мы! – хмыкнул Хью.

– Я говорила им, что вы нас спасете! – чуть не плача, твердила Оливия. – Я им говорила, и говорила, но Енох все время спорил и говорил, что только идиот может на это надеяться...

– Да ладно, главное, что они здесь! – заявил Енох. – Что вас так задержало, черт подери?

– Как, Перплексус вас дерит, вы смогли нас найти? – спросил Миллард.

Он был единственным, кого твари обрядили в арестантскую робу – полосатый комбинезон, который позволял его видеть.

– Мы вам все расскажем, – ответила Эмма, – но сначала необходимо найти имбрин и вывести вас всех отсюда!

– Они там, в конце коридора! – сообщил нам Хью. – За большой дверью!

И в самом деле, коридор заканчивался огромной металлической дверью. Она выглядела достаточно тяжелой, чтобы запирать банковское хранилище или выдержать натиск пустоты.

– Вам понадобится ключ, – подсказала Бронвин, показывая на связку на поясе лежащего без чувств охранника. – Большой золотой ключ. Я знаю, потому что наблюдала за ним!

Я подбежал к охраннику и сорвал ключи с его пояса. Затем я застыл с ключами в руках, переводя взгляд с Эммы на камеры и обратно.

– Скорее выпусти нас отсюда, – заторопил меня Енох.

– Каким ключом? – спросил я.

Ключей были десятки. И все они были одинаковыми, за исключением большого золотого ключа.

– О нет!

У Эммы вытянулось лицо.

Мы понимали, что скоро сюда ворвется охрана и, открывая все камеры, мы потеряем драгоценное время. Поэтому мы подбежали к двери в конце коридора, отперли ее и сунули ключи Хью, камера которого была ближе других.

– Отопри себя, а затем выпусти остальных, – скомандовал я.

– И ждите здесь, пока мы за вами не вернемся, – добавила Эмма.

– Еще чего! – фыркнул Хью. – Мы сами пойдем за вами!

Времени на споры не было, и в глубине души я был рад услышать

такой ответ. Мы так долго сражались в одиночку, что мне не терпелось заполучить подкрепление.

Мы с Эммой налегли на тяжелую дверь, в последний раз оглянулись на своих друзей и переступили через порог.

* * *

Мы оказались в просторной прямоугольной комнате, заставленной канцелярской мебелью и освещенной расположенными под потолком зеленоватыми флюоресцентными лампами. Все это очень походило на офис, но я еще не видел офисов, двери которых были способны выдержать ядерный взрыв. Кроме того, никто и никогда не покрывал стены офисов звукоизолирующей пеной.

Мы слышали, что в дальнем конце комнаты кто-то ходит, но от источника звука нас отделял огромный архивный шкаф. Я коснулся руки Эммы и кивнул – пойдём. Мы осторожно пробирались между столами, заваленными документами и картами, надеясь незаметно подкрасться к находящемуся в комнате человеку, кем бы он ни был.

Я заметил белый халат и лысеющую мужскую голову. Это однозначно была не имбрина. Неужели он не услышал, как открылась дверь? Нет, не услышал, и тут я понял почему. Он слушал музыку. Женский голос исполнял мелодичную рок-балладу. Это была старая песня, и я ее уже слышал раньше, но забыл название. В этом подzemелье она казалась совершенно неуместной.

Мы крались вперед, и тихая музыка едва заглушала наши шаги. На стене я заметил стеллаж, заставленный лабораторными стаканами. Внутри стаканов серебрилась черная жидкость. Я остановился, заметив, что на каждую емкость наклеен ярлык с именами жертв, чьи души были использованы для изготовления каждой порции амброзии.

Выглянув из-за шкафа, мы увидели мужчину в лабораторном халате. Он сидел за столом спиной к нам и перекладывал какие-то бумаги. Со всех сторон его окружало настоящее шоу ужасов. Рядом лежала рука, с которой содрали кожу и обнажили мышцы и сухожилия. На стене, как охотничий трофей, висел позвоночник. По столу подобно частям пазла были разбросаны высушенные внутренние органы. Мужчина принялся что-то писать, кивая головой и подпевая певице. Песня была о любви и каких-то чудесах.

Мы вышли из-за шкафа и направились к нему. Я вспомнил, где в последний раз слышал эту песню – у стоматолога, когда металлический

крючок ковырялся в мягкой розовой плоти моих десен.

«You Make Loving Fun».

Нам оставалось преодолеть всего несколько ярдов. Эмма протянула руку, готовясь ее зажечь. Но прежде, чем мы вплотную приблизились к мужчине, он с нами заговорил:

– Ну, здравствуйте. Я вас ждал.

Этот скользкий голос я запомнил на всю жизнь. Каул.

Эмма вызвала пламя, которое выстрелило из ее ладоней с треском, напоминающим свист хлыста.

– Говори, где имбрины, и, возможно, я не стану тебя убивать!

Мужчина испуганно развернулся на стуле. То, что мы увидели, напугало и нас: под широко раскрытыми глазами его лицо представляло собой сплошное месиво расплавленной плоти. Перед нами был не Каул – этот человек даже не был тварью – и обращался к нам тоже не он. В одной руке он держал механический карандаш, а во второй – небольшой пульт дистанционного управления. Губы мужчины были плотно спаяны, а приколотый к халату жетон сообщал его имя.

Уоррен.

– О, вы же не станете обижать старину Уоррена, верно? – снова услышали мы голос Каула, доносившийся оттуда же, откуда звучала и музыка, – из встроенного в стену динамика. – Хотя лично мне все равно – он всего лишь мой интерн.

Уоррен ссутулился на своем вращающемся стуле и испуганно смотрел на огонь в руке Эммы.

– Где ты? – озираясь вокруг, крикнула Эмма.

– Это не имеет значения, – ответил динамик голосом Каула. – Самое главное то, что вы ко мне пришли. Я счастлив! Это все упрощает, потому что теперь мне незачем вас выслеживать и ловить.

– За нами идет целая армия странных людей! – Эмма решила блефовать. – Толпа у твоих ворот – это лишь наконечник копья. Скажи нам, где находятся имбрины, и, возможно, все удастся уладить мирным путем!

– Армия! – расхохотался Каул. – В Лондоне осталось так мало странных людей, способных сражаться, что вам не набрать даже пожарной бригады, не говоря уже об армии. Что касается ваших жалких имбрин, то оставьте ваши пустые угрозы при себе. Я с удовольствием покажу вам, где они находятся. Уоррен, эту честь я доверяю тебе.

Уоррен нажал на какую-то кнопку на пульте, и часть одной из стен с громким свистом отъехала в сторону. За ней оказалась еще одна стена, изготовленная из толстого стекла и позволявшая заглянуть в просторную,

погруженную в полумрак комнату.

Мы прижались к стеклу, козырьком сложив руки вокруг глаз, чтобы рассмотреть хоть что-нибудь. Постепенно нам удалось различить очертания помещения, похожего на заброшенный подвал, в котором мебель и тяжелые портьеры соседствовали с человеческими фигурами, застывшими в неестественных позах. Многие из людей внутри, похоже, подобно частям тел на столе Уоррена, были лишены кожи.

О боже, что он с ними сделал...

Мои глаза обшаривали сумрачный подвал, а мое сердце бешено колотилось.

– Это мисс Глассбилл! – воскликнула Эмма, и тут я тоже ее увидел.

Слегка мужеподобная женщина сидела на стуле, повернувшись в нашу сторону, и смотрела на нас совершенно бесстрастным взглядом. Ее лицо обрамляли абсолютно симметричные косы. Мы начали колотить по стеклу и окликать ее, но она продолжала смотреть на нас, никак не реагируя на наши крики.

- Что ты с ней сделал? – закричал я. – Почему она не отвечает?
- Мы взяли у нее часть души, – ответил Каул. – Обычно это парализует мозг.
- Мерзавец! – закричала Эмма и снова ударила по стеклу. Уоррен

вместе со стулом откатился в дальний угол. – Ты презренный и трусливый негодяй...

– О, успокойся, – проворковал Каул. – Я взял у нее совсем маленькую часть души, а остальные ваши нянюшки сохраняют великолепное здоровье, чего нельзя сказать об их настроении.

За стеклом вспыхнул яркий свет, и мы вдруг поняли, что большая часть фигур – это всего лишь манекены. Было совершенно очевидно, что это не люди, а что-то вроде анатомических моделей. Своими позами они напоминали статуи с натянутыми сухожилиями и вздувшимися мышцами. Но среди них были и настоящие живые люди с кляпами во рту, привязанные к стульям и деревянным столбам, сморщившиеся и зажмурившиеся от внезапно вспыхнувшего света. Женщины. Их было восемь или десять... Мне некогда было их пересчитывать. В большинстве своем они были немолоды и взъерошены, при этом умудряясь сохранять благородный вид и достоинство.

Наши имбрины.

– Джейкоб, это они! – закричала Эмма. – Ты видишь мисс...

Свет выключился прежде, чем мы успели отыскать мисс Сапсан, и во внезапно погрузившейся в темноту комнате мои глаза теперь не могли различить вообще ничего.

– Она тоже там, – устало вздохнув, сообщил нам Каул. – Ваша добродетельная птица, ваша кормилица...

– Твоя сестра, – уточнил я, надеясь, что это пробудит в нем хоть каплю человечности.

– Мне очень не хочется ее убивать, – отозвался Каул, – и возможно, я сохраню ей жизнь... при условии, что вы дадите мне то, что мне нужно.

– И что же тебе нужно? – спросил я, отворачиваясь от стекла.

– Да немного, – небрежно ответил он. – Лишь маленький кусочек твоей души.

– Что?! – рявкнула Эмма.

Я громко расхохотался.

– Ну, ну, выслушайте меня! – попытался урезонить нас Каул. – Мне не нужна вся душа. Совсем чуть-чуть – не больше пипетки. Это гораздо меньше, чем я взял у мисс Глассбилл. Да, ты ненадолго осоловеешь, но всего через несколько дней полностью восстановишь все свои способности.

– Тебе нужна моя душа, потому что ты думаешь, это позволит тебе получить доступ к библиотеке, – произнес я. – А заодно власть.

– Я вижу, что ты побеседовал с моим братом, – отозвался Каул. – Что

ж, почему бы тебе не узнать, что я уже у цели. После долгих поисков, которым я посвятил всю свою жизнь, я наконец нашел Абатон, а имбрины – это идеальное сочетание имбрин – отперли мне его дверь. Увы, только после этого я узнал, что мне нужна еще одна составляющая. Этот компонент – странный человек с совершенно особым талантом, который встречается крайне редко. Я почти отчаялся отыскать такого человека, когда внезапно понял, что внук одного из странных людей вполне соответствует всем необходимым характеристикам. Что касается этих имбрин, то хотя они мне уже не нужны и совершенно бесполезны, на роль приманки они вполне годятся. И с этой задачей они справились превосходно! Это, вне всякого сомнения, судьба, мой мальчик! И мы с тобой вместе войдем в историю странного мира.

– Никуда мы вместе не пойдем, – сообщил ему я. – Если тебе в руки попадет такая власть, мир превратится в ад.

– Ты меня неправильно понял, – продолжал он. – Это неудивительно, меня многие не понимают. Да, мне пришлось сделать адом жизнь тех, кто стоял у меня на пути, но теперь, когда я почти достиг цели, я готов проявлять снисходительность. Великодушие. Благородство.

Мелодия, продолжавшая служить фоном голосу Каула, сменилась. Теперь это была спокойная инструментальная музыка. Она так противоречила охватившему меня ужасу, что я похолодел.

– Мы наконец-то сможем жить в мире и гармонии, – уверенным и ободряющим тоном вещал Каул. – Я буду вашим королем, вашим богом. Это самая естественная иерархическая система странного мира. Мы не способны существовать в нынешнем рассредоточенном и беспомощном состоянии. Да еще и под управлением женщин. Когда я возьму бразды правления в свои руки, никто больше не будет прятаться под юбки имбрин. Эти жалкие порядки останутся в прошлом. Странные люди займут положенное им место во главе человечества. Мы будем править землей и ее населением. Мы наконец вступим в свои законные права!

– Если ты думаешь, что мы согласимся в этом участвовать, – ответила Эмма, – то у тебя не все в порядке с головой.

– От тебя я ничего иного и не ожидал, девчонка, – произнес Каул. – Ты типичная воспитанница имбрин – никакого честолубия, да вообще ничего, кроме чувства долга. Закрой рот, я разговариваю с мужчиной.

Лицо Эммы стало красным, как пламя на ее ладони.

– Продолжай, – коротко бросил я, думая о спешащей на помощь Каулу охране и о наших друзьях, все еще пытающихся выбраться из заточения.

– Мое предложение заключается в следующем, – произнес Каул. –

Позволь моим специалистам провести с тобой необходимую процедуру, а когда я получу то, что мне необходимо, я отпущу тебя и твоих друзей – да, и ваших имбрин тоже. В любом случае они уже не будут представлять для меня ни малейшей опасности.

– А если я откажусь?

– Если ты не позволишь мне получить твою душу легким и безболезненным путем, мои пустоты будут счастливы мне помочь. Впрочем, они не отличаются хорошими манерами, и, когда они покончат с тобой, боюсь, мне не удастся помешать им заняться вашими имбринами. Так что, как видишь, я в любом случае получаю желаемое.

– Ничего не выйдет, – ответила Эмма.

– Ты имеешь в виду фокусы, на которые способен этот мальчишка? Я слышал, что он сумел взять под контроль одну пустоту, но как насчет двух пустот одновременно? А может, даже трех или пяти.

– Да мне все равно, сколько их будет, – невозмутимо ответил я.

– Я бы очень хотел на это посмотреть, – усмехнулся Каул. – Как мне следует это понимать? Это и есть твой ответ?

– Да понимай, как хочешь, – отозвался я. – Я не собираюсь тебе помогать.

– О, чудесно, – протянул Каул. – Так будет даже забавнее!

Мы услышали в динамике хохот Каула, а затем раздалось громкое жужжание, заставившее меня вздрогнуть.

– Что теперь? – спросила Эмма у Каула.

Я ощутил резкую боль в животе. Мне были не нужны разъяснения Каула, чтобы понять, что происходит. В тоннеле под комнатой имбрин находилась пустота. Она приближалась, карабкаясь к решетке в полу, которая тоже со скрипом отъехала в сторону. Я знал, что вскоре она окажется среди имбрин.

– Он выпустил пустоту! – ответил я. – И она идет в комнату имбрин!

– Мы начнем с одной пустоты, – произнес Каул. – Если ты с ней справишься, я представлю тебя ее друзьям.

Я начал колотить по стеклу.

– Впусти нас!

– С удовольствием, – хмыкнул Каул. – Уоррен?

Уоррен нажал еще одну кнопку на пульте. Часть стены скользнула в сторону, открывая перед нами проход размером с дверь.

– Я пошел! – сказал я Эмме. – Останься здесь и охраняй вот этого!

– Если мисс Сапсан там, то я иду с тобой.

Мне стало ясно, что отговорить ее не удастся.

– Значит, его мы берем с собой.

Уоррен бросился наутек, но Эмма поймала его, схватив за халат.

Я вбежал в темную захламленную комнату. Эмма успела юркнуть за мной, держа за воротник извивающегося безротого интерна.

Стеклянная дверь с грохотом захлопнулась.

Эмма выругалась.

Я оглянулся.

Пульт остался на полу по ту сторону стены. Мы были заперты внутри.

* * *

Мы провели в комнате всего несколько секунд, когда интерн вывернулся и шарахнулся куда-то в темноту. Эмма хотела погнаться следом, но я ее остановил. Он нам не был нужен. Гораздо важнее было то, что пустота добралась до конца тоннеля и вот-вот появится в комнате.

Ее явно давно не кормили. Я ощущал терзающий ее голод, как если бы его испытывал я, и понимал, что, если ей не помешать, уже спустя несколько мгновений она начнет пожирать имбрин. Если я ее не остановлю. Но сначала ее необходимо было найти, а комната была так завалена хламом и заполнена тенями, что от моей способности видеть пустот толку было немного.

Я попросил Эмму добавить освещения. Она усилила пламя на своих ладонях, насколько это было возможно, но от этого тени лишь удлинились.

Чтобы ей не угрожала опасность, я попросил ее не отходить от двери. Она отказалась, заявив:

– Я буду рядом с тобой.

– Тогда будь рядом со мной у меня за спиной, – попросил я. – И пусть это рядом будет подальше.

На это она согласилась. Пройдя мимо по-прежнему пребывающей в оцепенении мисс Глассбилл и продолжая углубляться в хаос этого помещения, я убедился, что Эмма отстала на несколько шагов. Одну руку она подняла высоко вверх, освещая дорогу. Повсюду валялись разобранные на части человеческие тела, отчего окружающее напоминало бескровный полевой госпиталь.

Я зацепил носком ноги за руку. Она с глухим стуком откатилась прочь – гипс. Тут на столе лежал торс. Там в наполненной жидкостью банке плавала голова с широко открытыми глазами и ртом. Голова наверняка была настоящей, но, вероятнее всего, очень старой. Похоже, это помещение

служило Каулу одновременно лабораторией, камерой пыток и чуланом. Как и его брат, он испытывал склонность к коллекционированию странных и отвратительных экспонатов. Только Бентам был организован до педантизма, а Каул отчаянно нуждался в горничной.

– Добро пожаловать в игровую комнату пустот, – раздался в динамиках голос Каула, эхом отразившийся от стен этого жуткого помещения. – Тут мы ставим на них опыты, кормим их и наблюдаем за тем, как они рвут свою еду на части. Интересно, какие части ваших тел они съедят первыми? Некоторые пустоты начинают с глаз... в виде небольшой амюз-буш, так сказать...

Я споткнулся о чье-то тело и услышал возглас. Наклонившись, я разглядел насмерть перепуганное лицо немолодой женщины. Это была незнакомая мне имбрина. Я на ходу наклонился еще ниже и прошептал:

– Не беспокойтесь, мы вас отсюда вытащим.

Но нет, думал я, никого мы не вытащим. Этот хаос смутных очертаний и безумных теней станет местом нашей гибели. Это поднял голову Старый Джейкоб. Он продолжал вещать, пророча несчастья, и мне никак не удавалось заткнуть ему рот.

Я услышал какое-то движение в комнате впереди, и тут же раздался влажный звук распаивающегося рта пустоты. Она была здесь, среди нас. Я нацелился на нее и бросился бежать, спотыкаясь и с трудом удерживая равновесие. Эмма бежала рядом, твердя:

– Джейкоб, скорее!

Каул насмешливо хохотал в динамиках, повторяя:

– Джейкоб, скорее!

Он включил громкую ритмичную музыку, и этот грохот сводил меня с ума.

Мы пробежали мимо трех или четырех имбрин. Все были связаны и отчаянно пытались высвободиться. И тут я ее увидел.

Я остановился, с трудом переводя дыхание и едва веря своим глазам. Эта пустота была гигантской – на несколько голов выше той, которую приручил я. Несмотря на сутулость, она почти касалась головой потолка. До нее оставалось двадцать футов, и она смотрела на нас, широко раскрыв пасть и размахивая всеми тремя языками. Эмма сделала еще несколько шагов и, остановившись впереди меня, вытянула руку. Она куда-то показывала, одновременно освещая пространство перед собой.

– Вон там! Смотри!

Разумеется, она увидела не пустоту, но то, к чему приближалось чудовище. Это была женщина. Она висела вниз головой и вращалась, как

говяжья грудинка в мясной лавке. Черные юбки развевались у ее головы. Даже в темноте и в таком положении я ее узнал. Это была мисс Королек. Рядом с ней висел Эддисон. У обоих во рту были кляпы, и они не оставляли попыток освободиться от пут. Пустота находилась всего в нескольких футах от них, и ее языки уже обвили плечи мисс Королек, увлекая ее в раскрытую пасть.

СТОЙ! – вскрикнул я сначала по-английски, затем на хриплом языке пустот. Я продолжал выкрикивать это слово, пока чудовище действительно не остановилось. Впрочем, оно не повиновалось моим командам. Просто внезапно я показался ей гораздо более занятной добычей.

Пустота выпустила имбрину, и та качнулась в сторону, как маятник. Пустота устремила свои языки ко мне.

– Освободи мисс Королек, пока я отвлеку пустоту, – приказал я Эмме.

Я пошел прочь от мисс Королек, не переставая говорить с пустотой в попытке привлечь ее внимание и увести от имбрины.

Закрой рот. Сидеть. Лежать.

Она отвернулась от мисс Королек, следуя за мной. – Хорошо, молодец. – Я продолжал пятиться, и она сделала шаг ко мне.

Так. Это все хорошо. Что дальше?

Я сунул руки в карманы. В одном лежали остатки пальца Матушки Пыли, а в другом – мой секрет. Проходя через предыдущую комнату, я улучил момент и, когда Эмма смотрела в другую сторону, украл флакон амброзии. Я прихватил его потому, что моя уверенность в своих силах на мгновение поколебалась. Что, если у меня не получится? Что, если мне понадобится помощь? – подумал я.

Сидеть, – произнес я. – Остановись.

Пустота метнула в меня один из языков. Я нырнул за манекен, и вместо меня язык обвинил его. Подняв манекен вверх, она швырнула его о стену. На пол посыпались обломки.

Я увернулся от второго языка. Ударился ногами о перевернутый стул. Язык врезался в пустое место на полу, где я стоял секунду назад. Я понимал, что пустота решила со мной поиграть, но нисколько не сомневался, что ей это быстро наскучит. Я должен был что-то предпринять, и у меня был выбор.

Флакон или палец.

Я знал, что ни за что не сумею взять эту пустоту под контроль, не усилив свои способности с помощью амбро. Но бросить в нее раздавленный палец Матушки Пыли у меня бы все равно не получилось. Кроме того, я потерял респиратор. Попробуй я пустить в ход пыль, я бы

усыпил только себя. Палец не просто был бесполезен – он представлял собой опасность.

Еще один язык ударился об пол рядом со мной, и я поспешно нырнул под стол, выхватывая из кармана флакон. Дрожащими руками я начал теревить пробку. Что сделает со мной эта жидкость? – спрашивал я себя. – Стану я героем либо рабом? Достаточно ли одного флакона, чтобы до конца жизни попасть в зависимость от этого вещества? Что хуже – быть амброманом и рабом или погибнуть в животе вот этой пустоты?

Стол отлетел в сторону, лишив меня видимости укрытия. Я вскочил на ноги и с криками: стоять, стоять, – начал пятиться, а точнее отпрыгивать назад, уворачиваясь от языков.

Я ударился спиной о стену. Отступить дальше было некуда.

Удар пришелся мне в живот, а затем ударивший меня язык развернулся и двинулся к моей шее. Я должен был бежать, но удар меня оглушил. Я сложился пополам, не в силах даже сделать вдох. Тут я услышал злобное рычание, но издавала его не пустота. Затем раздался громкий басистый лай.

Эддисон.

Внезапно язык, тянувшийся к моей шее, задрожал, как будто от боли, и метнулся в другую сторону. Пес, этот смелый маленький боксер, ее укусил. Я слышал, как он ворчит и тявкает, ведя бой с невидимым существом, в двадцать раз превосходящим его размерами.

Скользя спиной по стене, я опустился на пол. Я снова обрел способность дышать и наконец решился. Я поднял флакон в полной убежденности, что без него мне не справиться. Вытащив пробку, поднял пузырек еще выше и запрокинул голову назад.

И тут я услышал, как кто-то произнес мое имя.

– Джейкоб, – тихо раздалось в темноте совсем рядом со мной.

Я обернулся. Рядом на полу среди обломков манекенов лежала мисс Сапсан. Она была избита, связана, и она говорила, с трудом преодолевая то ли воздействие наркотиков, то ли боль. Но это была она, и на меня был устремлен пронизывающий взгляд ее зеленых глаз.

– Не надо, – прошептала она. – Не делай этого, – еле слышно, почти одними губами добавила имбрина.

– Мисс Сапсан!

Я опустил флакон, закупорил его пробкой и на четвереньках подполз к ней. Эта странная и святая женщина стала мне второй матерью. И она лежала передо мной раненая и обессиленная. Возможно, она умирала.

– Скажите мне, что вы в порядке, – попросил я.

– Выбрось это, – произнесла она. – Тебе это не нужно.

– Нет, нужно. Я не такой, как он.

Мы оба знали, кого я имею в виду – своего деда.

– Нет, такой, – возразила она. – Все, что тебе необходимо, уже находится внутри тебя. Выбрось этот флакон. Лучше возьми вот это.

Она кивнула на какой-то предмет на полу между нами. Это был обломок стула – расколотая ножка со зловеще торчащим концом.

– Я не могу. Этого недостаточно.

– Достаточно, – заверила меня она. – Главное – целься в глаза.

– Не могу, – повторил я, но сделал то, что она мне сказала.

Я поставил на пол флакон и взял ножку.

– Молодец, – прошептала она. – А теперь пойд и сделай что-нибудь ужасное.

– Хорошо, – ответил я.

Она улыбнулась и обессиленно уронила голову на пол.

Я поднялся, исполненный решимости, сжимая в руке обломок стула. В другом конце комнаты Эддисон вцепился зубами в один из языков пустоты и скакал на нем, как ковбой на родео. Он отважно прильнул к языку и свирепо рычал, не разжимая зубов, несмотря на то, что пустота хлестала языком во все стороны. Эмма сняла мисс Королек с веревки, на которой имбрина висела, и теперь охраняла ее, размахивая перед собой пылающими руками.

Пустота ударила Эддисона о деревянный столб, и пес оторвался, отлетев в сторону.

Я бросился бежать к пустоте со всей скоростью, которую мне позволяли развить разбросанные по полу обломки. Но подобно летящей на огонь бабочке, пустота, похоже, больше заинтересовалась Эммой. Она уже нависла над девушкой, и я закричал сначала по-английски:

– Эй ты! – а затем на пустотном: – Эй, мерзкая тварь, иди сюда!

Подхватив с пола первый попавшийся предмет, оказавшийся рукой, я метнул его в пустоту. Рука отскочила от спины пустоты, заставив ее развернуться в мою сторону.

Иди сюда, иди сюда.

На мгновение пустота растерялась, и это позволило мне подбежать совсем близко, избежав опасности быть пойманным одним из ее языков. Я ткнул ее в грудь своей обломанной ножкой – раз и второй раз. Она отреагировала на это как на укусы пчелы – не более того, а затем хлестнула меня языком, свалив на пол.

Стой, стой, стой, – кричал я на пустотном языке, надеясь достучаться до ее мозга. Но тварь была совершенно невосприимчива к моим

внушениям. И тут я вспомнил о пальце, о маленьком пыльном обломке у меня в кармане. Я попытался его достать, и тут пустота обвила меня языком и подняла в воздух. Я слышал, как кричит Эмма, требуя, чтобы она немедленно меня опустила. К ней присоединился и Каул, визжа из динамиков:

– Не смей его есть! Он мой!

Я выхватил палец из кармана, но пустота уже уронила меня в свои распахнутые челюсти.

Мое тело от коленей до груди теперь находилось у нее в пасти. Я чувствовал, как ее зубы все сильнее впиваются в мою плоть, а челюсти быстро растягиваются, готовясь меня проглотить.

Я понял, что настало мое последнее мгновение, и решил, что должен совершить хоть что-то полезное. Раздавив палец в ладони, я сунул его куда-то вниз, надеясь, что он упал пустоте в горло. Эмма колотила пустоту кулаками и жгла ее ладонями. Но тут, за мгновение до того, как сомкнуть челюсти и разрезать меня пополам своими зубами, чудовище начало задыхаться. Оно, спотыкаясь, шарахнулось от Эммы и начало пятиться к дыре в полу, из которой выползло. Обожженная пустота уже едва держалась на ногах и спешила вернуться в свое логово, чтобы сожрать меня не спеша и с наслаждением.

Я пытался ей помешать и кричал: Отпусти меня! – но она продолжала сжимать зубы, и от невообразимой боли у меня все плыло перед глазами. А потом мы оказались возле самой решетки и свалились вниз. Ее пасть была занята мною, и это не позволило ей схватиться за ступени в стене колодца. Она просто упала. Мы летели вниз, и пустота продолжала задыхаться, а я все еще каким-то совершенно непостижимым образом был жив.

Когда мы рухнули на дно, удар оказался настолько сильным, что вышиб весь воздух из наших легких. Снотворная пыль, которую я бросил в глотку пустоты, взлетела в воздух, окружив нас белым облаком. Она медленно оседала на нас, и я уже ощущал ее воздействие. Вся боль ушла, а мой мозг начал отключаться. Похоже, точно так же она действовала и на пустоту, потому что она перестала меня сдавливать и разжала челюсти.

Мы лежали рядом, оглушенные и расслабленные, стремительно погружаясь в сон. Перед тем, как окончательно потерять сознание, я успел заметить за завесой белого порошка сырой и темный тоннель, заваленный горами костей. Последним, что я увидел, была толпа пустот. Чудовища с любопытством смотрели на нас и, ссутулившись, подходили все ближе.

Глава восьмая

Я очнулся. С учетом всех обстоятельств, я думаю, это само по себе заслуживает упоминания.

Я лежал в норе пустот, и вокруг меня валялись их тела. Возможно, они были мертвы, хотя вероятнее всего, они просто надышались остатками мизинца Матушки Пыли, и результатом стала зловонная каша из похрапывающих во сне чудовищ.

Я мысленно поблагодарил Матушку Пыль, а затем с всевозрастающей тревогой подумал о том, что я понятия не имею, сколько времени пролежал здесь без сознания. Час? День? Что случилось со всеми, кто остался наверху?

Я должен был спешить обратно. Некоторые пустоты, как и я, уже начали подавать признаки жизни, но все еще были одурманены снотворным. Я с трудом поднялся на ноги. Судя по всему, мои раны были не так уж серьезны, а мои кости не так уж переломаны. Я покачнулся, но не упал, и начал перебираться через месиво пустот.

Я случайно зацепился ногой за голову одной из них. Она, заворчав, проснулась и открыла глаза. Я застыл, думая о том, что, если я побегу, она все равно меня догонит. Похоже, она отметила мое присутствие, но не в качестве угрозы или потенциального обеда, а затем снова закрыла глаза.

Я продолжал идти, стараясь ступать как можно осторожнее, пока наконец не пересек ковер из пустот, оказавшись у стены. Это был конец тоннеля. Выход находился над моей головой – шахта не менее ста футов высотой, ведущая в захлавленную комнату. Стена шахты была снабжена скобами, но эти скобы находились слишком далеко друг от друга, поскольку предназначались для акробатических языков пустот, а не для человеческих рук и ног. Я стоял, глядя на мутный круг света в вышине, в надежде на то, что там появится дружеское лицо, но не решаясь позвать на помощь.

Я в отчаянии подпрыгнул, оцарапавшись о шероховатую стену и попытавшись ухватиться за первую скобу. Каким-то образом мне удалось до нее дотянуться, а затем и подтянуться. Внезапно я оказался более чем в десяти футах над землей. (Как мне это удалось?) Я снова подпрыгнул и схватился за следующую скобу, а затем за следующую. Я карабкался вверх по шахте, и мои ноги подбрасывали меня выше, а руки дотягивались дальше, чем это было возможно. Я осознавал это совершенно отчетливо.

Этого не может быть, – думал я. А затем я оказался на самом верху. Я выглянул из люка и, подтянувшись на руках, выбрался в комнату.

И я даже не особенно запыхался.

Я огляделся, увидел огонь Эммы и бросился к ней по заваленному хламом полу. Я пытался ее позвать, но не мог произнести ни слова. Но это не имело значения – я видел ее в офисе, по другую сторону открытой стеклянной двери. Уоррен остался здесь – его привязали к стулу, на котором сидела мисс Глассбилл. Когда я подошел совсем близко, он испуганно замычал и упал вместе со стулом. Тут же в двери показались настороженные лица моих друзей и имбрин. Я увидел Эмму, мисс Сапсан, Горация... Все были здесь, живые, здоровые и прекрасные. Они освободились из своих камер только для того, чтобы снова стать пленниками здесь. Каул запер огромную дверь, и они оказались в ловушке, хотя пока что им ничего не угрожало.

На их лицах был написан страх, сменявшийся ужасом по мере моего приближения к ним. Это я, – попытался произнести я, но слова прозвучали неотчетливо, и мои друзья отскочили от двери.

Это я, Джейкоб!

Вместо английской речи из моего рта вырвалось хриплое рычание, и передо мной закачались три длинных жирных языка. И тут я услышал, как один из моих друзей... Енох, это был Енох... озвучил ужасную догадку, осенившую меня мгновением раньше.

– Это пустота!

Нет, – попытался сказать я, – я не пустота, – но все указывало именно на то, что я каким-то образом стал одним из них. Меня искусили, и я превратился в пустоту, подобно вампиру. Или же меня убили, съели, переработали, переродили... О боже, о боже, о боже... этого не может быть...

Я потянулся к ним руками, пытаюсь сделать жест, который можно было бы истолковать как движения человека, раз уж мне не повиновалась речь, но вместо рук вперед вытянулись языки.

Простите, простите, простите, я не знаю, как управлять этими штуками.

Эмма наугад махнула ладонью. Она попала по языку, и все мое тело пронзила жгучая боль.

И я проснулся.

Еще раз.

Если точнее, от боли я вернулся обратно в свое тело – мое раненое человеческое тело, все еще лежащее в темноте в расслабленных челюстях

спящей пустоты. Но в то же время я оставался и пустотой наверху. Втянув обожженный язык в рот, я попятился от двери. Каким-то образом я присутствовал одновременно в своем собственном мозгу и в теле пустоты. Я обнаружил, что теперь способен контролировать оба тела – поднять свою руку и руку пустоты, поворачивать свою голову и голову чудовища, и проделывать все это, не произнося ни слова вслух, а всего лишь думая об этом.

Сам того не понимая, не предприняв ни единой сознательной попытки, я овладел пустотой до такой степени (глядя ее глазами, ощущая окружающее ее кожей), что какое-то время мне казалось, что я и есть пустота. Но постепенно разница становилась все отчетливее. Я был беззащитным израненным юношей, лежащим на дне колодца в окружении сонных чудовищ. Но они уже начинали просыпаться – все, за исключением пустоты, которая свалилась сюда, держа меня в своих челюстях (в ее организм попало столько пыли, что она, наверное, могла проспать еще не один год). Вокруг меня сидели пустоты, встряхиваясь в попытке прийти в себя и вернуть чувствительность в онемевшие конечности.

Но они, похоже, совершенно не стремились меня убить. Они тихо и сосредоточенно за мной наблюдали, расположившись полукругом и напоминая хорошо воспитанных детей в ожидании обещанной сказки. Они ожидали приказаний.

Я выкатился из челюстей пустоты на пол. Я обнаружил, что могу сесть, но слишком изранен для того, чтобы стоять. Но зато могли стоять они.

Встаньте.

Я этого не произнес. Я об этом даже не подумал. Мне показалось, я это сделал. Вот только вместо меня это сделали они. Одиннадцать пустот совершенно синхронно поднялись на ноги передо мной. Разумеется, это было невероятно, и все же я ощущал, как всем моим существом овладевает глубочайшая безмятежность. Я расслаблялся, погружаясь в самую суть своего таланта. Что-то привело меня и всех этих существ в полную и абсолютную гармонию. Возможно, это стало результатом нашего одновременного отключения, а затем включения. Произошла своего рода коллективная перезагрузка наших сознаний, и это позволило мне дотянуться до бессознательного ядра своих способностей, а также до сознаний пустот – в тот самый момент, когда они были полностью расслаблены и беззащитны.

И теперь они были моими. Они превратились в марионеток, которыми я мог управлять посредством невидимых нитей. Но на что именно я мог их

подвигнуть? Где проходила граница моих возможностей? Каким количеством этих существ я мог командовать одновременно, не подвергая себя опасности?

Чтобы найти ответы на эти вопросы, я начал играть.

В комнате наверху я уложил пустоту на пол.

Он лег.

(Для себя я решил, что все они мужского рода.)

Тех, которые стояли передо мной, я заставил подпрыгнуть.

Они подпрыгнули.

Образовались две разные группы, состоящие из одиночки наверху и группы пустот передо мной. Я попытался управлять ими по отдельности, заставив поднять руку лишь одного из них. Это напоминало попытку подвигать только одним пальцем на ноге – трудно, но возможно. Мне потребовалось совсем немного времени, чтобы понять, как это делается. Чем меньше я напрягался, тем лучше получалось. Все происходило как бы само собой, когда я просто представлял себе выполняемое действие.

Я предложил им углубиться в заваленный костями тоннель, затем заставил поднимать кости языками и бросать их друг другу. Сначала одну кость, затем две, затем три и четыре. Я наращивал требования, пока не дошел до бросания шести костей одновременно. Только после того, как я заставил пустоту наверху встать и начать прыгать вразножку, мои метатели костей начали ронять снаряды.

Не думаю, что с моей стороны будет хвастовством сказать, что мне это давалось очень легко. Я бы даже сказал, совершенно естественно. Я чувствовал, что, если бы у меня было достаточно времени на тренировки, у меня были все шансы стать виртуозом. Я смог бы играть в баскетбол сразу за две команды пустот. Я бы заставил их исполнять все партии «Лебединого озера». Но времени не было, поэтому приходилось ограничиться уже освоенными навыками. Поэтому я собрал их вокруг себя, заставил самого сильного обернуть меня языком и посадить себе на плечи, после чего моя маленькая армия чудовищ начала подниматься по шахте в расположенную наверху комнату.

* * *

В захламленном помещении уже включили верхний свет, и я увидел, что валяющиеся на полу тела принадлежат только манекенам – всех имбрин освободили и вывели из этого ужасного помещения. Стекло

дверь была закрыта. Я предложил пустотам остановиться поодаль, а сам приблизился к стене на плечах пустоты, вынесшей меня из подземного тоннеля. Я окликнул друзей, на этот раз своим собственным голосом и по-английски.

– Это я, Джейкоб! – крикнул я.

Они бросились к двери, и я увидел лицо Эммы в окружении остальных.

– Джейкоб! – еле слышно донеслось из-за стекла. – Ты жив!

Но, присмотревшись ко мне, она переменялась в лице. Казалось, она не может понять, на что она смотрит. Я понял, что, сидя на плечах пустоты, я кажусь Эмме парящим в воздухе.

– Все в порядке, – успокоил я ее. – Я приехал верхом на пустоте!

Я хлопнул пустоту по плечу, чтобы доказать, что подо мной находится нечто твердое и мясистое.

– Я полностью его контролирую. И вот этих ребят тоже.

Я приказал всем одиннадцати пустотам подойти ближе и потопать ногами, обозначая свое присутствие. Рты моих друзей превратились в изумленно вытянутые овалы.

– Джейкоб, это действительно ты? – спросила Оливия.

– Что значит, ты их контролируешь? – поинтересовался Енох.

– У вас рубашка в крови! – заметила Бронвин.

Они приоткрыли стеклянную дверь, чтобы нам было проще разговаривать. Я рассказал, как свалился в яму с пустотами, как меня едва не перекусили пополам, как я уснул, а когда проснулся, понял, что окружен дюжиной полностью повинующихся мне чудовищ. В качестве доказательства я приказал пустотам поднять Уоррена вместе со стулом, к которому он был привязан, и несколько раз бросить его друг другу. Глядя на то, как кувыркается стул с Уорреном, дети начали хлопать в ладоши, а Уоррен стонать. Заподозрив, что его тошнит, я приказал поставить стул на пол.

– Если бы я не увидел это своими собственными глазами, – произнес Енох, – я никогда бы в это не поверил. Никогда и ни за что!

– Ты чудо! – пролепетал тоненький голосок, и я увидел Клэр.

– Позволь, я взгляну на тебя поближе! – улыбнулся я.

Но когда я приблизился к открытой двери, она отшатнулась. Мое искусство произвело на них неизгладимое впечатление, но преодолеть ужас странных людей перед пустотами было нелегко. Думаю, запах пустоты тоже имел отношение к испытываемому ими отвращению.

– Это совершенно безопасно, – произнес я. – Можете мне поверить.

Оливия подошла к самой двери.

– А мне не страшно, – заявила она.

– Мне тоже, – поддержала ее Эмма. – Дай-ка я войду первой.

Переступив через порог, она пошла мне навстречу. Я заставил пустоту опуститься на колени, неловко потянулся и сумел кое-как обнять Эмму.

– Прости, я пока не могу стоять самостоятельно, – пояснил я, прижавшись лицом к ее щеке и касаясь глазами ее мягких волос.

Мне хотелось большего, но я понимал, что пока придется ограничиться этим.

– Ты ранен. – Она отстранилась и встревоженно осмотрела меня. – Ты весь покрыт порезами. Глубокими.

– Я их не чувствую. Я с ног до головы покрыт этой пылью.

– Это может быть результатом обезболивания, но не исцеления.

– У меня еще будет время об этом побеспокоиться. Сколько я там пролежал?

– Несколько часов, – прошептала она. – Мы думали, что ты умер.

Я прижался лбом к ее лбу.

– Разве ты забыла, что я тебе пообещал?

– Ты должен дать мне новое обещание. Прекрати пугать меня насмерть.

– Я постараюсь.

– Нет. Пообещай.

– Когда все это закончится, я пообещаю тебе все, что ты захочешь.

– Я тебе напомню, – кивнула она.

В дверях появилась мисс Сапсан.

– Вам лучше войти сюда. Ты не мог бы оставить это создание за дверью?

– Мисс Сапсан! – воскликнул я. – Вы уже на ногах!

– Да, я уже восстанавливаюсь, – кивнула она. – Меня спасло то, что я попала сюда довольно поздно, а также фаворитизм моего братца. Не всем моим подругам-имбринам так повезло.

– Не обольщайся, сестрица, – загудел из динамиков над головой голос Каула. – Ничего личного. Я всего лишь приберегал самое вкусное напоследок!

– А ты вообще заткнись! – крикнула Эмма. – Когда мы до тебя доберемся, пустоты Джейкоба тобой позавтракают.

Каул расхохотался.

– А вот в этом я сомневаюсь. Ты оказался гораздо сильнее, чем я думал, парень, но надеяться тебе не на что. Вы окружены, и вам удалось

лишь отсрочить неизбежное. Но если вы сдадитесь прямо сейчас, я, возможно, сохраню некоторым из вас...

По моей команде пустоты сорвали динамики с потолка и разнесли их об пол. Провода и запчасти разлетелись во все стороны, а голос Каула умолк.

– Когда мы его найдем, – произнес Енох, – я хотел бы, прежде чем мы его убьем, поковырять у него ногти. Никто не возражает?

– При условии, что я сначала загоню ему в нос эскадрилью пчел, – кивнул Хью.

– Это не наши методы, – вмешалась мисс Сапсан. – Когда все это закончится, по закону имбрин его отправят в одну из петель для наказаний, где он будет гнить до конца своей противоестественной жизни.

– Ну и что тут прикольного? – поинтересовался Енох.

Мисс Сапсан лишь смирила его уничтожающим взглядом.

Я заставил пустоту опустить меня на пол и, хромая, вышел в комнату для наблюдений. Эмма поддерживала меня под руку. Здесь были все мои друзья, за исключением Фионы. Со всех сторон на меня смотрели бледные и испуганные лица незнакомых женщин. Имбрины.

Но прежде чем я успел к ним подойти, меня окружили друзья. Они обнимали меня, одновременно поддерживая. Я не сопротивлялся. Я уже очень давно не ощущал такой всеобщей любви и благодарности. Затем, стараясь ступать как можно благороднее, насколько это позволяли две раненые лапы, к нам подошел Эддисон. Я отстранился от друзей, чтобы поприветствовать отважного пса.

– Ты спас меня уже дважды, – произнес я, кладя руку ему на голову. – Не знаю, сумею ли я когда-нибудь тебе отплатить.

– Можешь начать благодарить меня, выведя нас из этой чертовой петли, – проворчал он. – Зачем я вообще полез на этот мост?

Те, кто его услышал, рассмеялись. Возможно, такова была его собачья природа, но Эддисон никогда не лицемерил – он всегда говорил именно то, что думал.

– Я никогда не видел ничего более отчаянного, чем тот трюк с грузовиком, который ты там исполнил, – произнес я.

– Меня поймали, как только я попал в крепость. Боюсь, что я всех вас подвел.

С обратной стороны тяжелой двери раздался грохот, сотрясший всю комнату. С полок попадали мелкие предметы.

– Твари пытаются взорвать дверь, – пояснила мисс Сапсан. – Они уже давно с ней возятся.

– Мы с ними разберемся, – кивнул я. – Но сначала я хочу понять, кого здесь не хватает. Когда мы откроем эту дверь, события будут развиваться непредсказуемо, поэтому, если на этой территории есть и другие странные люди, которые нуждаются в спасении, я хотел бы знать об этом прежде, чем мы вступим в бой.

В комнате было так темно, а людей было так много, что мы решили прибегнуть к поименной перекличке. Чтобы точно удостовериться, что все мои друзья здесь, я дважды называл имя каждого из них. Затем я спросил, что случилось со странными людьми, которых похитили из ледяного дома мисс Королек одновременно с нами. Судорожно всхлипывая, Оливия рассказала, что клоуна сбросили в пропасть за то, что он отказался подчиняться приказам тварей. Складывающегося человека мы оставили в метро в состоянии, представляющем угрозу его жизни. Телекинетика Мелину мы уже видели наверху – она была без сознания, и из нее уже выкачали часть души. Та же судьба постигла бедных братьев. Кроме того, были еще дети, спасенные мисс Королек, – некрасивый мальчик в широкополой шляпе и кудрявая заклинательница змей. Бронвин сказала, что видела, как их вели в другую часть крепости, где тоже держали странных людей.

Последними мы пересчитали имбрин. Разумеется, тут была и мисс Сапсан, от которой дети не отходили ни на шаг. Мне тоже очень хотелось с ней поговорить обо всем, что случилось с нами с тех пор, как мы видели ее в последний раз. Обо всем, что случилось с ней. Но хотя на беседы у нас не было времени, что-то происходило между нами в те мимолетные мгновения, когда наши взгляды встречались. Она смотрела на нас с Эммой с какой-то гордостью и изумлением. Я в вас верю, – говорили ее глаза.

Мы были до глубины души счастливы видеть мисс Сапсан, но она была не единственной имбриной, о которой мы должны были позаботиться. Их было двенадцать. Она представила нам своих подруг. Мисс Королек, которую Эмма сняла с веревки, была ранена, но сохранила ясность мышления. Мисс Глассбилл продолжала бездумно смотреть в пространство. Самая старшая – мисс Зарянка, вместе с мисс Сапсан похищенная на Кэрнхолме, сидела на стуле у двери. Вокруг нее суеились, поправляя плед на плечах, мисс Овсянка, мисс Пищуха и еще несколько имбрин.

Почти все они выглядели испуганными, что для имбрин было совершенно не характерно. Они были старейшинами странного сообщества, и предполагалось, что именно они должны нами руководить. Но они провели в плену много недель и насмотрелись ужасных вещей. То,

что с ними делали, также было кошмаром, отчего все они были теперь контужены. Кроме того, они не разделяли уверенности моих друзей в моей способности контролировать дюжину пустот и держались как можно дальше от моих подопечных – во всяком случае, насколько это позволяли размеры комнаты.

Среди нас также находился один человек, с которым меня до сих пор никто не познакомил. Невысокий бородатый мужчина молча стоял рядом с имбринами, наблюдая за нами сквозь стекла темных очков.

– Кто это? – спросил я. – Тварь?

– Нет! – вспыхнул мужчина.

Сорвав очки, он показал нам свои глаза, в которых пылал гнев.

– Я это ооон! – с сильным итальянским акцентом протянул он.

На столе рядом с ним лежала большая книга в кожаном переплете, и незнакомец показал на нее, как будто это каким-то образом обозначало его личность.

Я ощутил на своем локте чью-то руку. Это был Миллард. Сбросив свой полосатый костюм, он снова стал невидим.

– Позволь представить тебе крупнейшего темпорального картографа в истории земли, – высокопарно произнес он. – Джейкоб, это Перплексус Аномалус.

– Buongiorno, – произнес Перплексус. – Как поживаете?
– Знакомство с вами для меня большая честь, – отозвался я.

– Да, – согласился он, задирая нос. – Это так.

– Что он здесь делает? – шепотом спросил я у Милларда. – Я вообще не знал, что он до сих пор жив.

– Каул нашел его в какой-то петле четырнадцатого века в Венеции, о существовании которой никто не подозревал. Но он здесь уже два дня, а это значит, что ему угрожает стремительное старение.

Насколько я понял, стремительное старение угрожало Перплексусу потому, что петля, в которой он жил, была значительно старше той, в которой он находился теперь, и временной разрыв между этими эпохами не мог его не настичь.

– Я ваш горячий поклонник! – обратился Миллард к Перплексусу. – У меня есть все ваши карты...

– Да, ты мне уже говорить, – оборвал его Перплексус. – Grazie.

– Все это не объясняет того, что он здесь делает, – прошептала Эмма.

– В своих дневниках Перплексус писал об обнаружении Библиотеки Душ, – пояснил Миллард. – Поэтому Каул его выследил, похитил и заставил рассказать, где она находится.

– Я принес кровавую клятву никогда не разглашать эту тайну, – с несчастным видом пробормотал Перплексус. – Теперь я навеки проклят!

– Я хочу вернуть Перплексуса обратно в его петлю, пока он не состарился, – произнес Миллард. – Я не хочу быть виноватым в утрате величайшего живого сокровища странного мира!

Из-за двери донесся еще один взрыв, еще сильнее и громче предыдущего. Комната задрожала, и с потолка дождем посыпались камни.

– Мы сделаем все, что будет в наших силах, милый, – утешила его мисс Сапсан. – Но прежде необходимо позаботиться о другом.

* * *

Мы быстро составили план действий, решив распахнуть большую дверь и при помощи моих пустот расчистить себе дорогу. Их не жалко, они находились в отличном состоянии, и моя связь с ними крепла с каждой минутой. Я старался не думать о том, что что-то может нам помешать. Конечно, было бы неплохо найти Каула, но главной задачей было живыми и невредимыми покинуть здание.

Я завел пустот в маленькую комнату. Все попятились и прижались спиной к стенам, одновременно зажимая руками нос. Чудовища прошествовали мимо и столпились у тяжелой двери. Самая высокая

пустота опустилась на колени, и я снова ее оседлал, отчего стал таким высоким, что был вынужден пригнуться, чтобы не касаться головой потолка.

Из коридора до нас доносились голоса тварей. Вне всякого сомнения, они подкладывали очередную бомбу. Мы решили дожидаться взрыва и замерли в безмолвном ожидании.

Наконец, Бронвин нарушила повисшее в воздухе напряжение:

– Я думаю, мистер Джейкоб должен нам всем что-то сказать.

– Например? – удивился я, разворачивая пустоту так, чтобы видеть остальных.

– Но ведь вы сейчас поведете нас в бой, – пояснила Бронвин. – Что-то руководящее.

– Что-то вдохновляющее, – поддержал ее Хью.

– Что-то, от чего нам станет не так страшно, – пробормотал Гораций.

– Мы все испытываем на себе огромное давление, – немного смущаясь, заговорил я. – Я не знаю, станет ли от этого кому-нибудь легче или нет, но вот о чем я думал. Я знаком с вами всего несколько недель, но мне кажется, что на самом деле гораздо дольше. Вы мои самые лучшие друзья. И мне странно думать о том, что всего пару месяцев назад я был у себя дома и даже не знал, что вы и в самом деле существуете. И еще у меня был дедушка.

Из коридора послышался шум, приглушенные голоса, а затем лязг чего-то тяжелого и металлического об пол.

Я повысил голос и заговорил громче:

– Я каждый день думаю о своем дедушке, и мне его очень не хватает. Но один очень умный друг когда-то сказал мне, что в жизни не бывает ничего случайного. На все есть своя причина. Если бы я не потерял его, я никогда не нашел бы вас. Поэтому, наверное, я должен был потерять одну часть своей семьи, чтобы найти другую. Во всяком случае, именно так я себя среди вас чувствую. Как в семье. Как один из вас.

– Ты действительно один из нас, – произнесла Эмма. – И мы твоя семья.

– Мы тебя любим, Джейкоб, – пропищала Оливия.

– Знакомство с вами, мистер Портман, это нечто, – произнесла мисс Сапсан. – Ваш дедушка мог бы вами гордиться.

– Спасибо, – взволнованно и смущенно ответил я.

– Джейкоб? – подал голос Гораций. – Можно я тебе что-то подарю?

– Конечно, – ответил я.

Остальные, почувствовав, что между нами происходит что-то очень

личное, начали перешептываться.

Гораций подошел к пустоте настолько близко, насколько смог, и, слегка дрожа, протянул мне свернутую ткань. Я принял подарок, дотянувшись до него со своего возвышения на спине пустоты.

– Это шарф, – пояснил Гораций. – Мисс Сапсан сумела передать мне спицы, и я вязал, сидя в камере. Думаю, что это не позволило мне сойти с ума.

Я поблагодарил его и развернул шарф. Он был совсем простым и серым, с бахромой на концах, но вязка была очень ровной, а в одном углу даже виднелась моя монограмма – ДжП.

– Ничего себе! Гораций, это...

– Это далеко не произведение искусства. Если бы у меня была моя книга узоров, я бы связал кое-что получше.

– Это потрясающий подарок, – произнес я. – Но откуда ты знал, что вообще сможешь меня еще увидеть?

– Мне приснился сон, – скромно улыбнувшись, признался он. – Ты его наденешь? Я знаю, что сейчас не холодно, но... на удачу?

– Конечно, – воскликнул я и неуклюже обернул шарфом шею.

– Нет, это ни за что не будет держаться. Надо вот так.

Он показал мне, как сложить шарф вдвое, затем накинуть его на шею и продеть концы в образовавшуюся петлю. Теперь он был аккуратно завязан прямо на горле, а концы опускались на рубашку. Не самое боевое убранство, но я решил, что хуже мне точно не будет.

К нам бочком пододвинулась Эмма.

– Тебе приснилось еще что-нибудь, кроме показов мужской моды? – спросила она у Горация. – Например, где может скрываться Каул?

Гораций покачал головой и принялся рассказывать сон.

– Нет, но мне действительно приснилось нечто удивительное. Это были почтовые марки...

Но прежде, чем он успел произнести еще хоть одно слово, из коридора донесся грохот, как будто в стену врезался огромный грузовик. Этот звук сотряс наши тела до костного мозга. Огромная дверь в конце комнаты распахнулась, а ее сорванные петли и еще какие-то обломки долетели до противоположной стены. К счастью, все стояли в стороне. Пока рассеивался дым и все медленно поднимались с корточек и выпрямлялись, царил тишина. Затем сквозь звон в ушах я услышал чей-то усиленный громкоговорителем голос:

– Отдайте мальчишку, и мы не тронем остальных.

– Почему-то я им не верю, – буркнула Эмма.

– Им нельзя верить, – согласился с ней Гораций.

– Мистер Портман, даже не думайте об этом! – воскликнула мисс Сапсан.

– Я и не думал, – отозвался я. – Все готовы?

Услышав подтверждение, я расположил пустот с их распахнутыми огромными челюстями и раскачивающимися языками по обе стороны двери. Я уже приготовился послать их в атаку, как из расположенного в коридоре динамика донесся голос Каула.

– Они взяли пустот под контроль! Немедленно отступайте! Занимайте оборонительные позиции!

– Будь он проклят! – закричала Эмма.

Из коридора донесся грохот сапог разбегающихся тварей. Наше внезапное наступление было сорвано.

– Это не имеет значения! – воскликнул я. – Когда за вас сражается двенадцать пустот, фактор неожиданности вам не нужен.

Пора было пускать в ход мое секретное оружие. Вместо нарастания напряжения перед битвой я ощущал нечто прямо противоположное. Моя личность и мое сознание расслабились и разделились, распределяясь между пустотами. И тут, пока мы с друзьями стояли в ожидании, чудовища ринулись в изуродованный взрывом дверной проем. Они мчались, рыча и разинув пасти, своими невидимыми телами прокладывая тоннели в клубящемся в коридоре дыму. Твари попытались отстреливаться, но побежали. Пули со свистом влетали в распахнутую дверь и в комнату, где прятались мы с друзьями, и впивались в дальнюю стену.

– Скажи нам когда! – закричала Эмма. – Мы ждем только твоего сигнала!

Мой мозг разделился на двенадцать частей, и я не мог выдавить из себя ни слова. Я был ими, этими пустотами в коридоре, и моя плоть страдала от каждого выстрела, разрывающего их тела. Первыми наши языки настигли тех тварей, которые бежали слишком медленно, а также безрассудных храбрецов, пытавшихся отбиваться. Мы трепали их, разбивали головы о стены, а некоторые из нас остановились... тут я попытался отключить свою собственную чувствительность... чтобы запустить в них зубы, проглотить их пистолеты, заглушить их крики и оставить позади себя их растерзанные тела.

Столпившись у лестницы, которая была слишком узкой, твари снова начали стрелять. Сквозь нас прошла вторая волна пуль, болью пронзая наши тела, но мы продолжали бежать, размахивая языками.

Некоторые твари выбрались через люк. Другим повезло меньше, и,

когда они перестали кричать, мы отшвырнули их тела от лестницы. Я почувствовал, как умирают две мои пустоты: их сигналы в моем мозгу смолкли, наша связь оборвалась. Но коридор был свободен от тварей.

– Пора! – сказал я Эмме.

Это была самая сложная конструкция, на которую я в данный момент был способен.

– Пора! – закричала Эмма, оборачиваясь к остальным. – Сюда!

Я вывел свою пустоту в коридор, хватаясь за ее шею, чтобы не слететь на пол. Эмма шла за мной, используя свои пылающие руки как сигнальные огни в густом дыму. За ней бросились остальные. Вместе мы промчались по коридору. Мой батальон чудовищ впереди, а армия странных людей позади. Первыми бежали самые сильные и смелые – Эмма, Бронвин и Хью, затем имбрины и что-то недовольно бормочущий Перплексус, который настоял на том, что Карту Дней необходимо забрать с собой. Шествие замыкали младшие дети, а также раненые и самые робкие.

В коридоре стоял сильный запах пороха и крови.

– Не смотрите! – услышал я голос Бронвин, когда нам начали попадаться тела мертвых тварей.

Я считал их потери: пять, шесть, семь тварей против двух моих павших пустот. Это соотношение ободряло, но я не знал, сколько всего тварей в крепости. Сорок? Пятьдесят? Меня беспокоило то, что их может оказаться слишком много и что мне придется защищать слишком многих. На открытом месте нас было совершенно нетрудно окружить, рассеять и подавить наше сопротивление. Я должен был убить как можно больше тварей, находясь в здании, не допустив неравного боя во дворе.

Мое сознание снова переместилось в пустоты. Первая уже взлетела по лестнице и вынырнула из люка. Тут же последовала жгучая боль, и контакт оборвался.

Как оказалось, наверху уже поджидала засада.

Я заставил вторую пустоту поднять тело первой и прикрыться им, как щитом. Она приняла на себя град пуль, но остальные пустоты уже выпрыгнули из люка за ее спиной. Необходимо было срочно вытеснить тварей из этой комнаты, прочь от кроватей со странными людьми, которые были тут повсюду. Языками сбив с ног тех, кто был ближе всех, мы обратили в бегство остальных.

Я послал своих пустот в погоню, а мы, странные люди, выбрались из люка. Теперь нас было так много и у нас было столько рук, что остановить утечку душ из наших братьев было легко. Мы разбежались по комнате и быстро отсоединили все трубки. Что касается закованного безумца и

мальчика в шкафу, то здесь они были в большей безопасности, чем с нами. Нам все равно было необходимо сюда возвращаться.

Тем временем мои уцелевшие пустоты преследовали тварей, спешащих покинуть здание. Твари отстреливались на бегу. Нам удалось языками сделать нескольким из них подсечки, они упали, и их конец был быстрым, хотя и ужасным. Какая-то тварь спрятался за шкафом, готовясь взорвать бомбу. Одна из пустот выхватила его оттуда, и вместе с бомбой швырнула в боковую комнату. Несколько мгновений спустя раздался взрыв. Еще одна пустота погасла в моем сознании.

Твари рассыпались по зданию, и более чем половине удалось спастись через окна и боковые двери. Обстановка менялась не в нашу пользу. Мы уже закончили отсоединять дренажные трубки от ног прикованных к постелям странных людей и почти догнали моих пустот. Не считая той, на которой ехал я, их осталось семь. Мы находились в комнате с ужасными инструментами, недалеко от выхода, и у нас был выбор. Я задал вопрос тем, кто был ко мне ближе остальных, – Эмме, мисс Сапсан, Еноху, Бронвин.

– Мы можем использовать пустот как прикрытие и добежать до башни, – крикнул я, обнаружив, что по мере сокращения количества пустот, которыми необходимо управлять, ко мне возвращалась речь. – Или будем драться?

К моему удивлению, они были единодушны в необходимости продолжать сражение.

– Это надо закончить, – произнес Енох, вытирая окровавленные руки.

– Если мы убежим, они никогда не перестанут нас преследовать, – покачала головой Бронвин.

– Перестанем! – пробормотала лежащая на полу раненая тварь. – Мы подпишем мирный договор!

– Мы уже подписали один договор в 1945 году, – фыркнула мисс Сапсан. – Он не окупил даже расходов на туалетную бумагу, на которой был написан. Дети, мы должны продолжать этот бой. Такая возможность может больше не представиться.

– Давайте сожжем это место дотла, – предложила Эмма, поднимая над головой пылающую руку.

* * *

Пустоты под моим руководством выбежали из лабораторного здания,

преследуя оставшихся тварей. Здесь снова ждала засада, убившая еще одну пустоту. Не считая той, на которой ехал я, остальные получили уже как минимум по одной пуле. Но, несмотря на раны, они по-прежнему сохраняли силу и боеспособность. Как мне пришлось убедиться на собственном опыте, пустоты были весьма выносливыми существами и справиться с ними было трудно. С другой стороны, твари в страхе бежали, но это не означало, что их можно списать со счетов. Мы не знали, где они находятся, и это делало их вдвойне опасными.

Я попытался удержать своих друзей в здании, послав на разведку пустот. Но странные люди были на взводе, и им не терпелось вступить в бой.

– С дороги! – крикнул Хью, пытаясь оттолкнуть нас с Эммой от двери и выбежать наружу.

– Это нечестно, что все делает только Джейкоб! – заявила Оливия. – Ты уже убил почти половину тварей, но я ненавижу их так же сильно, как и ты! Если уж на то пошло, то я ненавижу их гораздо дольше – почти сто лет! Так что вперед!

Она была права – этим детям было необходимо выплеснуть из себя почти столетие ненависти к тварям, а я прибирал к рукам всю славу. Это была и их война, и я не имел права запрещать им действовать.

– Если ты на самом деле хочешь помочь, – сказал я Оливии, – то вот что ты можешь сделать...

Уже через тридцать секунд мы были во дворе. Оливия парила в воздухе, а Хью и Гораций удерживали ее за веревку, обвязанную вокруг талии. Ее глаза мгновенно превратились в бесценный источник информации, которую ни за что не смогли бы собрать мои приземленные пустоты.

– Парочка тварей прячется за небольшим белым сараем справа! – кричала она. – Еще несколько человек бежит к большой стене!

Твари не разбежались на все четыре стороны, а в основном оставались во дворе. Я понял, что теоретически их всех можно переловить. Я отозвал пустот, которых в моем распоряжении осталось всего шесть. Четыре пустоты выстроились в фалангу перед нами, а две прикрывали наш отряд сзади, на случай нападения с тыла. Это позволило мне и моим друзьям прочесывать территорию и ловить тварей, которым удалось бы прорваться сквозь оборонительные порядки пустот.

Мы начали двигаться к краю двора. Верхом на своей личной пустоте я чувствовал себя генералом, командующим своими войсками, сидя в седле. Эмма держалась рядом, а остальные странные люди сразу позади нас.

Бронвин собирала разбросанные кирпичи, готовясь использовать их как метательные снаряды. Гораций и Хью вцепились в веревку, на которой парила Оливия. Миллард не отходил от Перплексуса, изрыгающего ни на секунду не прерывающийся поток итальянских ругательств и прикрывающегося своей Картой Дней. Имбрины свистели и издавали громкие птичьи крики в попытке привлечь к нашему наступлению своих крылатых друзей. К сожалению, Дьявольский Акр представлял собой такую мертвую зону, что дикие птицы тут почти не водились. Мисс Сапсан взяла под свою опеку престарелую мисс Зарянку и еще нескольких имбрин, которым пока не удалось прийти в себя после перенесенных испытаний. Мы не знали, где их можно оставить, и поэтому они шли в бой вместе с нами.

Мы добрались до самого края двора, за которым раскинулся пустырь около пятидесяти ярдов в длину. Здесь стояло лишь одно небольшое здание. Больше между нами и внешней стеной ничего не было. Это было очень странное сооружение с крышей, как у пагоды, и высокими резными дверями. Я успел заметить, что именно в этом строении скрылись многие твари. По словам Оливии, почти все оставшиеся твари собрались там. Так или иначе, но их необходимо было оттуда выкурить.

Над крепостью воцарилась тишина. Нигде не было видно ни одной твари. Мы затаились за углом одного из зданий, чтобы решить, что предпринять.

– Что они там делают? – поинтересовался я.

– Пытаются выманить нас на открытую местность, – предположила Эмма.

– Это не проблема. Я пошлю туда пустот.

– А мы останемся без защиты?

– Похоже, у нас нет выбора. Оливия насчитала не меньше двадцати тварей, скрывшихся в этом сооружении. Если я пошлю только часть пустот, их атака наверняка захлебнется – их просто перебьют раньше, чем они успеют разделаться с тварями.

Я глубоко вздохнул, обводя взглядом напряженные лица вокруг. Я приказал пустотам приближаться к зданию по одной, ступая на цыпочках, почти бесшумно, в надежде, что это позволит им окружить его, оставшись незамеченными.

Это, похоже, сработало: в здании было три двери, и мне удалось беспрепятственно разместить у каждой по две пустоты. Чудовища подобно часовым замерли у дверей, а через их уши я прислушивался к доносящимся изнутри звукам. Я слышал чей-то высокий голос, но не мог различить

слова. Затем раздался птичий свист, и у меня внутри все похолодело.

В здании находились имбрины. Мы не знали, что здесь есть и другие имбрины.

Заложники.

Но если это было так, почему твари до сих пор не попытались вступить в переговоры?

Изначально я планировал выломать все три двери одновременно и ворваться внутрь. Но если там находились заложники, и в особенности если этими заложниками были имбрины, подобные действия были слишком рискованными.

Я решил поручить одной из пустот заглянуть внутрь. Но все окна были закрыты ставнями, и это означало, что ей придется открыть дверь.

Я выбрал самую маленькую пустоту. Размотал ее основной язык. Он лизнул дверную ручку, затем взялся за нее.

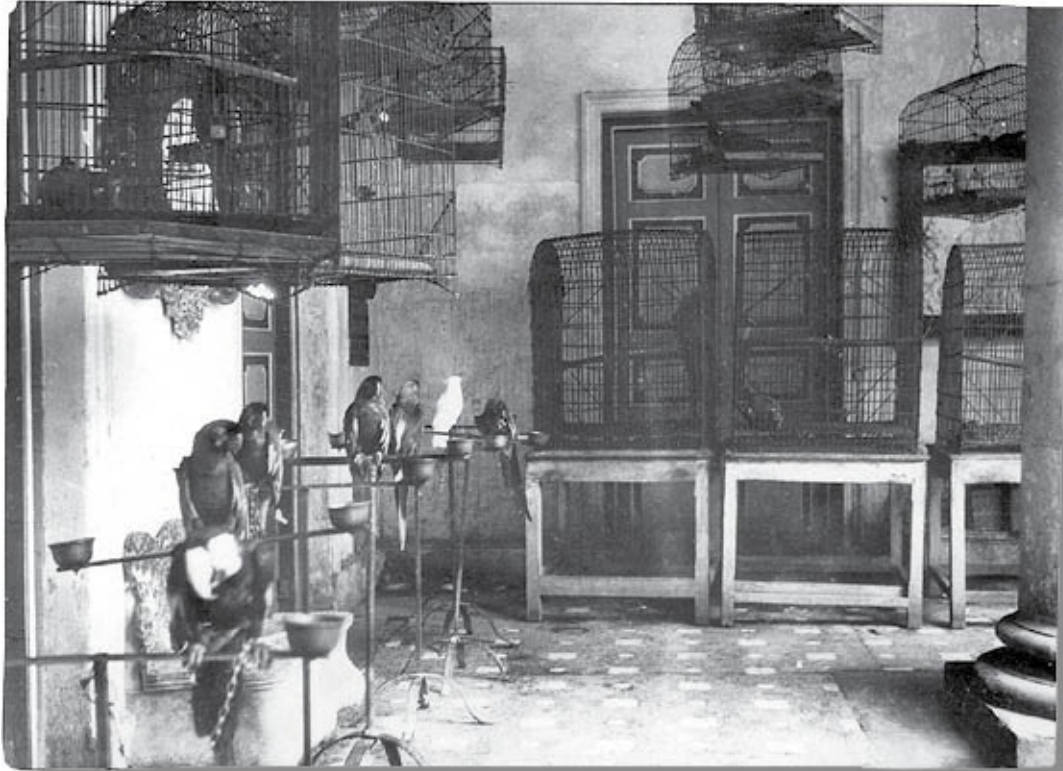
– Я посылаю одну из пустот в здание, – сообщил я друзьям. – Всего одну, только осмотреться.

Пустота медленно повернула ручку. Я мысленно сосчитал до трех, и на счет три пустота отворила дверь.

Наклонившись вперед, она прижала к щели свой черный глаз.

– Я смотрю внутрь.

Глазом пустоты я видел часть стены, вдоль которой стояли клетки. Тяжелые черные птичьи клетки самых разных форм и размеров.

Пустота приоткрыла дверь чуть шире. Я увидел и другие клетки, а также птиц – в клетках и снаружи, прикованных к жердочкам.

Тварей там не было.

– Что ты видишь? – спросила Эмма.

Времени на объяснения не оставалось, потому что было необходимо действовать. По моей команде пустоты распахнули все три двери и ворвались внутрь.

Испуганные птицы, которые были тут повсюду, подняли крик.

– Птицы! – произнес я. – Комната полна имбрин!

– Что? – изумилась Эмма. – А где твари?

– Я не знаю.

Пустоты озирались, принюхиваясь и исследуя все углы и закоулки.

– Этого не может быть! – возразила мисс Сапсан. – Все похищенные имбрины здесь.

– Тогда что это за птицы? – спросил я.

Тут я услышал, как один из них скрипучим голосом пропел:

– Беги, кролик, беги! Беги, кролик, беги!

И тут я понял – это не имбрины. Все эти птицы были попугаями. И они тикали.

– СПАСАЙСЯ! – закричал я, и мы все упали на землю за стеной двора. Пустота тоже рухнула на землю, увлекая за собой и меня.

Мои пустоты бросились к двери, но все десять попугаев-бомб взорвались прежде, чем они успели до них добежать, уничтожив здание и всех пустот. Земля, кирпичи взлетели в воздух и посыпались на нас. Одновременно исчезли сигналы всех пустот, и у меня в голове воцарилась тишина.

Вслед за обломками по двору распространилось облако дыма вперемешку с перьями. Странные люди и имбрины были засыпаны землей. Они кашляли и осматривали друг друга, чтобы убедиться, что никто не ранен. Я находился в состоянии шока и не мог отвести взгляд от кровавых останков одной из пустот. Целый час мой мозг вмещал двенадцать других существ, и от их внезапной смерти у меня в голове возник странный вакуум и неожиданное ощущение утраты. У меня кружилась голова, и мне было трудно ориентироваться в происходящем. Но кризис имеет свойство мобилизовать все ресурсы, и то, что произошло вслед за этим, заставило резко выпрямиться и меня, и последнюю оставшуюся в живых пустоту.

Из-за стены донеслись крики. Это был мощный боевой клич множества людей одновременно. Сразу вслед за ним послышался топот. Все замерли и обратили ко мне искаженные ужасом лица.

– А это что такое? – спросила Эмма.

– Сейчас узнаем, – ответил я и отполз от пустоты, чтобы выглянуть из-за края стены.

По дымящемуся пустырю на нас бежала толпа тварей. Двадцать человек, вооруженных винтовками и пистолетами. Они потрясали оружием в воздухе и сверкали белыми глазами и зубами. Они не пострадали от взрыва, видимо, спрятавшись в каком-то подземном убежище. Нас заманили в ловушку, и попугаи-бомбы были лишь первым ее компонентом. Теперь, когда у нас из рук вырвали наше лучшее оружие, твари пошли в последнюю атаку.

Я услышал шорох. Это мои друзья спешили собственными глазами взглянуть на бегущую на нас толпу.

– Что нам делать? – воскликнул Гораций.

– Будем драться! – заявила Бронвин. – Будем сопротивляться до последнего!

– Нет, надо бежать! – возразила мисс Зарянка, чья согбенная спина и морщинистое лицо не позволяли даже представить себе, как именно она будет это делать. – Мы не можем больше терять странные жизни!

– Прошу прощения, но я спрашивал Джейкоба, – ответил Гораций. – В

конце концов, до сих пор нами руководил он...

Я невольно посмотрел на мисс Сапсан, которую считал высшим авторитетом во всем, что касалось полномочий. Она встретилась со мной взглядом и кивнула.

– Да, – произнесла она, – я думаю, что решать должен мистер Портман. Только сделайте это поскорее, или твари все решат за вас.

Я чуть было не запротестовал. Все мои пустоты, за исключением одной, были мертвы. Но тут я понял, что этими словами мисс Сапсан хочет сказать, что она в меня верит независимо от того, есть у меня пустоты или нет. Как бы то ни было, мне было совершенно ясно, как нам следует действовать. За все сто лет странные люди еще ни разу не были так близки к уничтожению угрозы, которую представляли для них твари. Я понимал, что если мы убежим, такой шанс может нам больше не представиться. Лица моих друзей были испуганными, но решительными. Я видел, что они готовы рискнуть жизнью ради того, чтобы окончательно стереть с лица земли иго тварей.

– Мы будем драться, – произнес я. – Мы зашли слишком далеко, чтобы сдаваться.

Если и был среди нас кто-то, кто предпочел бы уклониться от схватки, он промолчал. Не стали возражать даже имбрины, приносившие присягу заботиться о нашей безопасности. Они знали, какая судьба ожидает тех, кто снова попадет в руки тварей.

– Командуй, – прошептала Эмма.

Я вытянул шею, выглядывая из-за стены. Твари быстро приближались. Теперь нас разделяло каких-то сто футов. Но я хотел подпустить их поближе – достаточно близко для того, чтобы мы смогли вышибить у них из рук оружие.

Раздались выстрелы. Сверху донесся пронзительный крик.

– Оливия! – закричала Эмма. – Они стреляют в Оливию!

Мы забыли о парящей над нами девчужке. Твари по ней стреляли, а она визжала и размахивала руками и ногами, похожая на морскую звезду. Опускать ее на землю у нас не было времени, но мы не могли допустить, чтобы твари продолжали упражняться в стрельбе по ней.

– Нужно предоставить им мишень поинтереснее, – решил я. – Готовы?

Ответ был громким и утвердительным. Я вскарабкался на плечи сидящей рядом на корточках пустоты.

– ПОШЛИ! – закричал я.

Пустота вскочила на ноги, едва не стряхнув меня на землю, и бросилась вперед, как скаковая лошадь по сигналу стартового пистолета.

Мы выбежали из-за стены – впереди я верхом на пустоте, а за мной все мои друзья и имбрины. Я издал отчаянный боевой клич – не столько для того, чтобы напугать тварей, сколько в попытке унять снедающий меня страх, и мои друзья последовали моему примеру.

Твари заколебались. Несколько мгновений они, казалось, никак не могли решить, продолжать бежать или остановиться и стрелять. Это позволило нам с пустотой выиграть время и преодолеть большую часть расстояния, отделяющего нас от врагов.

Твари определились довольно быстро. Они остановились, прицелились, как расстрельная команда, и выпустили тучу пуль. Пули свистели мимо, взрывали землю, воспаляли мои болевые окончания, попадая в пустоту. Молясь о том, чтобы они не попали в жизненно важные для нее органы, я сполз как можно ниже, прячась за ее спиной, и побуждал ее бежать все быстрее, пользуясь языками как дополнительными ногами.

Мы с пустотой в считанные секунды покрыли оставшееся расстояние, но и мои друзья от нас не отставали. Вскоре мы уже сошлись в ближнем бою, и тут преимущество было на нашей стороне. Я занялся выбиванием оружия из рук тварей, а мои друзья пустили в ход все свои странные таланты. Эмма прокладывала себе путь, размахивая руками, как пылающими дубинками. Бронвин обрушила на них собранные ею камни, а затем начала избивать тварей голыми руками. Одинокaя пчела Хью недавно обзавелась друзьями, и по его команде (Цельтесь в глаза, друзья!) они кружились над головами наших врагов, и при каждом удобном случае пикировали, жалея их лица. То же самое делали имбрины, при первых же выстрелах превратившиеся в птиц. Самой страшной из них была мисс Сапсан. Ее огромный клюв и когти обращали тварей в бегство. Но польза была даже от крошечной и яркой мисс Овсянки. Она атаковала одну из тварей, выдергивая ей волосы и долбя клювом по голове, отчего та никак не могла прицелиться. Это в свою очередь позволило Клэр подпрыгнуть и укунить ее за плечо своим большим и острозубым задним ртом. Внес свой вклад и Енох, который извлек из-под рубахи трех глиняных человечков с вилками вместо ног и ножами вместо рук, поручив им сечь щиколотки тварей. Все это время парящая в небе Оливия не прекращала выкрикивать подсказки:

– Сзади, Эмма! Хью, он достает пистолет!

Все же, несмотря на всю присущую нам изобретательность, силы были неравны, а твари сражались, как если бы от этого зависела их жизнь. Впрочем, скорее всего, так оно и было.

Что-то твердое врезалось мне в висок, и на мгновение я обмяк на

спине пустоты, пытаюсь остановить вращающийся вокруг меня мир. Мисс Овсянку поймали и швырнули на землю. Вокруг царил хаос, ужасающий и кровавый хаос. Твари постепенно брали верх и теснили нас во двор.

И тут откуда-то сзади донесся знакомый рев. Ко мне уже вернулось ускользающее сознание.

Обернувшись, я увидел Бентама, мчащегося в гущу битвы верхом на своем мрачведе. Оба насквозь промокли, пройдя через Панпетлекон тем же путем, который ранее преодолели мы с Эммой.

– Привет, юноша! – поприветствовал он меня, подъезжая ближе. – Помощь нужна?

Прежде чем я успел ответить, в мою пустоту снова выстрелили. Пуля прошла через край ее шеи и чиркнула меня по бедру, прочертив кровавую полосу на моих разорванных брюках.

– Не помешает! – крикнул в ответ я.

– ПТ, ты слышал, что сказал мальчик! – обратился к медведю Бентам. – УБЕЙ ИХ!

Медведь ринулся в свалку, размахивая своими огромными лапами и сбивая тварей на землю, как кегли в боулинге. Один из врагов подбежал к зверю и выстрелил в него в упор, целясь в грудь. Медведя это, похоже, раздосадовало. Он поднял тварь и швырнул в сторону. Вскоре, объединив усилия моей пустоты и мрачведа, мы заставили тварей перейти к обороне. Когда мы вышибли столько их бойцов, что их осталось не больше десятка, они повернулись и побежали.

– Не дать им уйти! – закричала Эмма.

Мы бросились в погоню – кто бежал, кто летел, кто скакал на медведе или на пустоте. Мы гнались за ними по дымящимся развалинам домика попугаев, а затем по земле, усеянной грызунами, катапультированными сюда в ходе организованных Хароном беспорядков. Твари явно спешили к арке ворот в массивной внешней стене крепости.

Мисс Сапсан с криками летала над ними, пикируя на бегущих тварей. Она заставила одну из них упасть, сильно клюнув ее в затылок. Но это, а также атаки пчел Хью лишь подстегивали девятерых оставшихся бежать еще быстрее. Мы начинали отставать, а моя пустота шаталась все сильнее. Из полудюжины ран на ее теле лилась черная жидкость.

Твари мчались, не разбирая дороги. Когда они подбежали к воротам, железная решетка поползла вверх.

– Остановите их! – закричал я в надежде, что меня услышат Харон и его буйная толпа.

И тут меня осенило: мост! Внутри моста оставалась еще одна пустота.

Если бы мне удалось своевременно взять ее под контроль, возможно, я смог бы остановить тварей.

Но нет. Они были уже за воротами и неслись к мосту, а я безнадежно отстал. Когда я миновал ворота, пустота уже перебросила пятерых из них на Дымящуюся улицу, где топталась лишь небольшая кучка амброманов, явно неспособная воспрепятствовать побегу тварей. Четверо тварей ожидали своей очереди на краю моста.

Мы из последних сил бежали к мосту, и тут я ощутил в своем сознании пустоту, сидящую внутри. Она уже сгребла троих из четверых оставшихся тварей и переносила через пропасть.

Стой, – вслух произнес я на языке пустот.

Во всяком случае, я был уверен, что сказал именно это, хотя, возможно, что-то исказилось в процессе перевода, или стой на языке пустот очень похоже на брось. Вместо того чтобы остановить языки и вернуть брыкающихся перепуганных тварей на нашу сторону моста, пустота их просто бросила. (Удивительно!)

Все странные люди по нашу сторону пропасти и все наркоманы на противоположной стороне подбежали к краю, провожая взглядами падающих сквозь желто-зеленый туман тварей. Они выли и махали руками и ногами, пока с громким плеском не погрузились в кипящую реку и не исчезли из виду.

По обе стороны моста началось ликование, и хриплый знакомый мне голос произнес:

– Так им и надо! Все равно никогда не давали чаевых!

Это изрекла одна из двух все еще торчащих на пиках голов.

– Разве ваша мама никогда вам не говорила, что нельзя плавать на полный желудок? – хохотнула вторая голова. – НАДО ПОДОЖДАТЬ ДВАДЦАТЬ МИНУТ!

Одинокая тварь, оставшаяся на нашей стороне, бросила пистолет и подняла руки вверх, показывая, что сдается. Пятерка, преодолевшая мост, быстро исчезала в туче пепла, поднятого с земли порывом ветра.

Мы стояли, глядя им вслед и понимая, что их уже не догнать.

– Проклятье! – выругался Бентам. – Даже пять тварей способны серьезно нам вредить.

– Я с тобой полностью согласна, брат, хотя если честно, не знала, что тебе не наплевать на судьбу остальных странных людей.

Мы обернулись и увидели, что к нам, целомудренно завернувшись в шаль, идет мисс Сапсан, уже снова превратившаяся в человека. Она сверлила Бентама взглядом, и выражение ее лица было угрюмым и

недружелюбным.

– Привет, Алма! Как я счастлив снова тебя видеть! – с несколько преувеличенным радушием произнес он. – И конечно же мне не напле... – Он неловко откашлялся. – Ну как же, ведь именно благодаря мне ты не сидишь до сих пор в тюремной камере! Ну же, дети, скажите им!

– Мистер Бентам нам очень помог, – признал я, хотя на самом деле мне совершенно не хотелось вступать в разборки между братом и сестрой.

– В таком случае, прими мою благодарность, – холодно ответила мисс Сапсан. – Я позабочусь о том, чтобы Совет Имбрин узнал о той роли, которую ты здесь сыграл. Вдруг они сочтут возможным смягчить твой приговор.

– Приговор? – резко обернулась к Бентаму Эмма. – Какой приговор?

Он горько скривил губы.

– Изгнание. Уж не считаете ли вы, что я стал бы жить в этой дыре, если бы мог поселиться где-то еще? Меня подставили и несправедливо обвинили в...

– ...пособничестве, – закончила за него мисс Сапсан. – В сотрудничестве с врагом. В многочисленных предательствах.

– Алма, я работал как двойной агент, выуживая у нашего брата информацию. Я уже тебе это объяснял! – Он умолял, протянув к ней руки и униженной позой напоминая нищего. – Ты же знаешь, что у меня есть все основания ненавидеть Джека!

Мисс Сапсан подняла руку, останавливая излияния брата. Она уже слышала эту историю и не желала выступления на бис.

– Последней каплей стало предательство твоего деда, – обернулась она ко мне.

– Это был несчастный случай! – возмущенно задохнувшись, воскликнул Бентам.

– Но что же тогда произошло с суул, который ты у него взял? – спросила мисс Сапсан.

– Я сделал его инъекции несколькими испытуемым!

Мисс Сапсан покачала головой.

– Мы переконструировали твой эксперимент и выяснили, что испытуемым ввели суул крупных рогатых животных, что может означать лишь одно – суул Эйба ты приберег для себя.

– Какое абсурдное и совершенно голословное обвинение! – воскликнул он. – Так вот почему я тут гнию! – Я не мог понять, он притворяется или искренне удивлен. – Я знал, что мой интеллект и выдающиеся лидерские способности представляют для тебя угрозу. Но не

знал, что ты падешь так низко ради того, чтобы убрать меня с дороги... Тебе известно, сколько лет я посвятил борьбе с распространением амброзии? Зачем мне присваивать суул этого бедняги?

– Затем же, зачем нашему брату нужен юный мистер Портман, – ответила мисс Сапсан.

– Это обвинение я не собираюсь даже опровергать. Я надеюсь лишь на то, что туман предубеждения рассеется и ты увидишь правду. Правда заключается в том, что я на твоей стороне, Алма, и всегда на ней был.

– Ты на той стороне, которая в данный момент соответствует твоим интересам.

Бентам вздохнул и униженно посмотрел на нас с Эммой.

– Прощайте, дети. Я был очень рад знакомству с вами. А сейчас я вернусь домой. Спасение ваших жизней не лучшим образом отразилось на этом старом теле. Но я надеюсь, что когда-нибудь ваша директриса придет в себя и мы еще увидимся.

Он приподнял шляпу и вместе со своим медведем зашагал прочь, направляясь к расположенной в крепости башне.

– Вот истеричка, – пробормотал я, хотя на самом деле мне было его немного жаль.

– Имбрины! – окликнула подруг мисс Сапсан. – Не спускать с него глаз!

– Неужели он на самом деле похитил душу Эйба? – спросила Эмма.

– У нас недостаточно доказательств, чтобы утверждать это наверняка, – ответила мисс Сапсан. – Но совокупность остальных его преступлений обеспечит ему как минимум пожизненное изгнание. – Она проводила его взглядом, и постепенно ее лицо смягчилось. – Мои братья преподали мне жестокий урок. Никто не способен ранить тебя так сильно, как люди, которых ты любишь.

* * *

Ветер сменил направление и направил облако, позволившее скрыться тварям, в нашу сторону. Оно прилетело так быстро, что мы ничего не успели предпринять. Обжигающий наши щеки и руки вихрь с воем закружил вокруг, и дневной свет померк. Мы слышали, как захлопали крылья.

Это имбрины вновь стали птицами и взлетели над бурей. Моя пустота упала на колени, склонила голову и заслонила лицо двумя свободными

языками. Она уже привыкла к пепельным бурям. В отличие от наших друзей, которые, оказавшись в темноте, запаниковали.

– Стойте где стоите! – крикнул я. – Это ненадолго!

– Дышите через рубашки! – добавила Эмма.

Когда буря начала немного стихать, из-за моста донеслись звуки, от которых у меня по коже поползли мурашки.

– Бам-бам стучат молоты!

Шмяк!

– Бам-бам по шляпкам гвоздей!

– Ааа, мои ноги!

– Как здорово строить виселицы...

– Отпустите, отпустите!

– ...нет ничего веселей!

– Пожалуйста, не надо! Я сдаюсь!

Когда пепельная туча рассеялась, мы увидели Харона и троих его мощных кузенов, каждый из которых волочил по упирающейся твари.

– Доброе утро честной компании! – крикнул Харон. – Вы ничего не потеряли?

Протерев глаза от пепла, наши друзья увидели, что произошло, и начали громко аплодировать.

– Харон, ты гений! – крикнула Эмма.

Внезапно одна из тварей вырвалась и побежала. Вместо того чтобы за ней гнаться, плотник спокойно выбрал среди висящих у него на поясе инструментов небольшой молоток, встал поудобнее и метнул. Молоток, кувыркаясь, летел прямо в голову беглецу, но тут тварь бросилась в сторону. Еще мгновение, и она скрылась бы между покосившимися хижинами, но вдруг по дороге пробежала трещина, изрыгнувшая язык желтого пламени и поглотившая чудовище.

Это было жуткое зрелище, но все захлопали в ладоши и восторженно закричали.

– Вот видите! – усмехнулся Харон. – Даже сам Акр хочет от них избавиться.

– Все это хорошо, – кивнул я, – но как насчет Каула?

– Я согласна, – поддержала меня Эмма. – Все эти победы не имеют значения, если мы не сможем его поймать. Верно, мисс Сапсан?

Я огляделся, но нашей имбрины нигде не было. Эмма тоже вытягивала шею, общаривая взглядом толпу.

– Мисс Сапсан? – испуганно пробормотала она.

Я заставил свою пустоту выпрямиться во весь рост, чтобы осмотреть

окрестности.

– Кто-нибудь видит мисс Сапсан? – закричал я.

Теперь уже ее искали все, глядя в небо в надежде, что она еще там, и на землю, допуская, что она приземлилась, но еще не вернулась в человеческое тело.

Вдруг где-то сзади раздался высокий ликующий голос, и мы тут же притихли.

– Можете больше не искать ее, дети! – Я несколько секунд пытался вспомнить, где я его слышал. И тут он зазвучал снова: – Делайте, что я вам скажу, и с ней ничего не случится!

Я увидел, как из-под ветвей приземистого, засыпанного пеплом дерева, растущего у самых ворот внутри крепости, появилась знакомая фигура.

Каул. Низкорослый человечек без оружия и охраны. Его бледное лицо искажала неестественная улыбка. В черных выпуклых очках, прикрывающих глаза, он походил на какое-то насекомое. На нем был щегольской наряд: плащ с пелериной, украшенный золотыми цепями, и завязанный пышным бантом шейный платок. Он выглядел вызывающе безумным, как какой-нибудь чокнутый доктор из готического романа, поставивший на себе слишком много опытов. Думаю, именно это очевидное помешательство, а также понимание, что этот человек способен на все, не позволило нам броситься на него и разорвать на части. Такой, как Каул, никогда не был беззащитен, хотя и казался таковым.

– Где мисс Сапсан? – закричал я, и этот же вопрос на разные лады повторил хор имбрин и странных людей у меня за спиной.

– Там, где ей и место, – ответил Каул. – В семье.

Остатки пепельной тучи над крепостью развеялись, и мы увидели Бентама и мисс Сапсан в ее человеческом облике. Нашу имбрину сжимал в лапах медведь Бентама. Хотя в ее глазах сверкала ярость, она понимала, что с раздражительным мрачведем бороться не стоит.

Все это напоминало непрекращающийся кошмар, который мы были обречены смотреть снова и снова. Мисс Сапсан снова похитили, и на этот раз это сделал Бентам. Он стоял немного позади медведя, опустив глаза, как будто ему было стыдно встречаться с нами взглядом.

В толпе странных людей и имбрин послышались гневные возгласы.

– Бентам! – крикнул я. – Отпусти ее!

– Ты предатель и негодяй! – воскликнула Эмма.

Бентам посмотрел на нас.

– Всего десять минут назад, – надменно вскинув голову, заговорил он, – я был вам всецело предан. Я давным-давно мог выдать вас брату, но я этого не сделал. – Он прищурился и посмотрел на мисс Сапсан. – Я выбрал тебя, Алма, потому что верил, и, похоже, напрасно, что, если я помогу тебе и твоим подопечным, ты, возможно, поймешь, что была ко мне несправедлива. Я рассчитывал, что ты сможешь подняться над нашими разногласиями и больше никогда не поминать того, что было, да быльем поросло.

– За это тебя сошлют в Безжалостную Пустыню! – закричала мисс Сапсан.

– Я больше не боюсь твоего жалкого Совета! – произнес Бентам. – Тебе меня больше не подавить! – Он ударил тростью о землю. – ПТ, намордник!

Медведь прижал лапу к лицу мисс Сапсан.

Каул с улыбкой раскинул руки и зашагал к брату и сестре.

– Бенни решил за себя постоять, и лично я его с этим поздравляю! Что может быть лучше воссоединения семьи!

Внезапно какая-то невидимая сила рванула Бентама назад. У его горла сверкнул нож.

– Скажи медведю выпустить мисс Сапсан, а не то пожалеешь! – прокричал знакомый голос.

– Миллард! – ахнул кто-то из нас, и остальные шепотом повторили это имя.

Это был Миллард, невидимый без одежды. На лице Бентама отразился ужас, но Каул со скучающим видом достал из глубокого кармана плаща древнего вида револьвер и прицелился в голову Бентама.

– Если ты еепустишь, тебя убью я, братец.

– Но мы же заключили договор.

– Уступив требованиям голого парня с тупым ножом, ты сам нарушишь этот договор. – Каул взвел курок, сделал несколько шагов, пока дуло револьвера не уперлось в висок Бентама, и обратился к Милларду: – Если ты заставишь меня убить моего единственного брата, считай, что твоя имбрина тоже мертва.

Миллард несколько мгновений колебался, затем бросил нож и отскочил в сторону. Каул попытался его перехватить, но промахнулся.

Бентам взял себя в руки и поправил костюм. От хорошего настроения Каула не осталось и следа. Теперь он целился в мисс Сапсан.

– А теперь слушайте меня! – рявкнул он. – Эй, вы там, за мостом! Отпустите этих людей!

Им не оставалось ничего иного, кроме как исполнить его требование. Харон и его кузены выпустили тварей и попятились, а тварь, которая стояла на нашей стороне моста, опустила руки и подняла с земли свой пистолет. Прошло всего несколько секунд, но расстановка сил полностью изменилась. Теперь на нас было направлено четыре пистолета. Дуло еще одного смотрело на мисс Сапсан. Каул мог делать все, что ему вздумается.

– Мальчик! – произнес он, указывая на меня. – Сбрось эту пустоту в пропасть!

Его пронзительный голос острыми иглами вонзился в мои барабанные перепонки.

Я подвел пустоту к краю пропасти.

– Пусть он прыгнет!

Похоже, выбора у меня не было. Мне было его ужасно жаль, но я подумал, что так будет даже лучше, потому что жить моей пустоте оставалось недолго. Он очень страдал, и из его ран струилась черная кровь.

По моей команде он разматал язык, удерживавший меня на его спине, и я спустился на землю. Я окреп достаточно для того, чтобы самостоятельно держаться на ногах, но силы пустоты стремительно убывали. Как только я с него слез, он тихонько замычал, втянул языки в рот и опустился на колени, являя собой покорную жертву.

– Спасибо тебе, кем бы ты ни был, – произнес я. – Я уверен, что если бы ты когда-нибудь стал тварью, в тебе было бы и что-то хорошее.

Я уперся ногой ему в спину и толкнул. Пустота качнулась вперед и

молча упала в туманную бездну. Спустя несколько секунд я ощутил, как ее сигнал погас в моем сознании.

Твари с противоположной стороны моста переехали на языках пустоты к нам. Мне было запрещено вмешиваться под страхом смерти мисс Сапсан. Оливию опустили. Охранники начали сгонять нас в плотную группу, которую им было легко контролировать. Затем Каул потребовал привести меня, и один из охранников выволок меня из толпы.

– На самом деле живым нам нужен только он, – сообщил Каул подчиненным. – Если вам придется стрелять в него, стреляйте по ногам. Что касается остальных... – Каул повел дулом пистолета в сторону странных людей и имбрин и выстрелил. Раздались крики, и толпа шарахнулась в сторону. – Стреляйте куда хотите!

Он расхохотался и закружился, разведя руки в стороны, как приземистая балерина. Я был готов на него броситься и голыми руками вырвать у него глаза, и будь что будет, но тут в моем поле зрения появился длинноствольный револьвер.

– Не надо, – пробормотал мой немногословный охранник – широкоплечая тварь со сверкающей лысиной.

Каул выстрелил в воздух и потребовал тишины. Воцарилось молчание, не считая плача того, кого он ранил.

– Не плачьте, у меня для вас радостная новость! – заявил он, обращаясь к толпе. – Сегодня исторический день. Мы с братом вот-вот достигнем кульминации в работе всей нашей жизни. Годы борьбы и изобретений не прошли даром, и мы собираемся короновать себя, став двумя королями странного мира. Но что за коронация без свидетелей? Мы возьмем вас с собой. Если вы будете вести себя хорошо, вы удостоитесь чести увидеть то, чего никто не видел уже больше тысячи лет – экспроприацию Библиотеки Душ!

– Ты должен мне кое-что пообещать, если хочешь, чтобы я тебе помог, – обратился я к Каулу. Рычагов влияния на него у меня почти не было, но он считал, что я ему нужен, и я намеревался выжать из этого обстоятельства максимум. – Как только ты получишь то, что тебе нужно, ты отпустишь мисс Сапсан.

– Боюсь, что ничего не получится, – ответил Каул. – Но я не стану ее убивать. Пусть живет. Станным миром будет интереснее управлять, если в нем будет моя сестра. Я подрежу тебе крылья и сделаю тебя своей персональной рабыней, Алма. Как тебе такая идея?

Она попыталась ответить, но ее слова заглушала мясистая медвежья лапа.

Каул приложил ладонь к уху и расхохотался.

– Что ты сказала? Я тебя не слышу!

Затем он развернулся и зашагал к башне.

– Пошли! – закричали охранники, и вскоре мы все брели туда, куда гнали нас твари.

Глава девятая

Нас гнали к высокой светлой башне, жестокими пинками подгоняя отстающих. Оставшись без своей пустоты, я с трудом переставлял ноги и вообще представлял собой жалкое зрелище. На груди и спине у меня зияли раны от укусов, а воздействие обезболивающей пыли уже начинало ослабевать. Но я подстегивал себя, заставляя идти вперед и обдумывая варианты спасения, один невероятнее другого. Без пустот мы с нашими странными талантами не могли тягаться с тварями и их пистолетами.

Мы прошагали мимо разрушенного здания, где погибли мои пустоты, спотыкаясь о кирпичи, забрызганные кровью попугаев и тварей. Мы вошли в огороженный стеной двор, а затем в двери башни и по закручивающемуся спиралью коридору начали подъем мимо десятков совершенно одинаковых черных дверей. Каул вышагивал перед нами, как помешанный руководитель оркестра. Он то высоко поднимал колени и размахивал руками, то обрушивал на нас проклятья и оскорбления. Позади него, переваливаясь, шел медведь. На одной передней лапе у него сидел Бентам, а второй он придерживал переброшенную через плечо мисс Сапсан.

Она умоляла братьев одуматься.

– Вспомните древние легенды об Абатоне и бесславном конце всех, кто похищал из библиотеки души! Ее сила – это проклятье!

– Алма, я уже не ребенок, и сказки старых имбрин меня не пугают, – фыркнул Каул. – А теперь прикуси свой язык! Разумеется, если он тебе еще нужен!

Вскоре она отказалась от попыток их переубедить и просто молча смотрела на нас через плечо медведя. Ее лицо излучало силу. Не бойтесь, – казалось, говорила нам она. – Мы справимся и с этим.

Меня беспокоило то, что не все из нас сумеют добрести хотя бы до вершины башни. Обернувшись, я попытался понять, кого ранил Каул. В тесной группе у меня за спиной Бронвин несла на руках чье-то обмякшее тело – мне показалось, это была мисс Зарянка, – но тут чья-то мясистая ладонь ударила меня по голове.

– Смотри вперед или попрощаешься с коленной чашечкой, – рявкнул охранник.

Наконец, мы поднялись на вершину башни и остановились у последней двери. Изгибающуюся стену коридора озарял дневной свет. Перед нами была открытая терраса – факт, который я отложил в свою

память для дальнейшего использования.

Каул сияя стоял перед дверью.

– Перплексус! – окликнул он. – Синьор Аномалус! Да, вы там, в задних рядах! Поскольку этим открытием я отчасти обязан вашим экспедициям и упорной работе – должен отдать вам должное! – я думаю, что честь распахнуть эту дверь принадлежит вам.

– Оставь, у нас нет времени на все эти церемонии, – заторопил брата Бентам. – Территория осталась без охраны...

– Не будь таким нытиком, – оборвал его Каул. – Это займет лишь несколько секунд.

Один из охранников выволок Перплексуса из толпы и подтащил его к двери. С тех пор как я видел его в последний раз, его волосы и борода стали абсолютно седыми, спина сгорбилась, а на лице залегли глубокие морщины. Он провел слишком много времени за пределами своей петли, и теперь его догонял истинный возраст. Перплексус уже хотел было открыть дверь, как вдруг его скрутил приступ кашля. С трудом отдышавшись, он обернулся к Каулу, глубоко всхрипнул, набирая полные легкие воздуха, и выплюнул лоснящийся комок слизи на его плащ.

– Ты невежественная свинья! – воскликнул Перплексус.

Каул поднял револьвер и взвел курок. Раздался крик:

– Джек, не надо!

Это кричал Бентам. Перплексус вскинул руки и отвернулся, но единственным звуком, который издал пистолет, был сухой щелчок.

Каул открыл пистолет и заглянул в магазин, затем пожал плечами.

– Он такой же древний, как и ты, – сообщил он Перплексусу, стволom смахивая на пол плевков. – Рука судьбы, не иначе. Ну и ладно. Лучше увидеть, как ты рассыплешься в прах, чем наблюдать, как ты истекаешь кровью.

Он сделал знак охранникам увести картографа, и те потащили бормочущего итальянские проклятия Перплексуса к толпе пленников.

Каул обернулся к двери.

– Ну и черт с ним, – пробормотал он, открывая ее. – Входите все, быстро!

Внутри уже знакомой комнаты с серыми стенами недостающая четвертая вытянулась в длинный темный коридор. Охранники пинками заставили нас войти в него. Гладкие стены стали шероховатыми и неровными, а затем расширились, и мы оказались в очень простом, освещенном дневным светом помещении. Оно было высечено в скале, и я бы назвал его пещерой, если бы не почти прямоугольная дверь и два окна.

Кто-то вручную выдолбил все это в мягкой скалистой породе.

Нас вывели наружу, в жаркий и сухой день, и перед нами открылся совершенно головокружительный вид. Горный ландшафт, который вполне мог принадлежать иному миру. Над нами и вокруг нас возвышались горбы и пики из странного красноватого минерала. Такие же пики покрывали уходящие вдаль холмы. Стены этих красноватых скал были сплошь, как сотами, покрыты грубо высеченными дверями и окнами. Между ними гулял ни на секунду не стихающий ветер, издавая почти человеческие стоны, казалось, исходящие из самой земли. Хотя солнце стояло высоко, небо сияло оранжевым заревом, словно сразу за горизонтом назревал конец света. И, несмотря на все признаки наличия здесь цивилизации, кроме нас, никого не было. Меня охватило гнетущее ощущение, что за нами наблюдают. Мне казалось, что на нас устремлен чей-то тяжелый и неодобрительный взгляд. Мы вторглись на чужую территорию, нам здесь не место.

Бентам слез со своего медведя и в благоговейном ужасе снял шляпу.

– Так вот он какой, – глядя вдаль, прошептал он.

Каул широким братским жестом обнял его за плечи.

– Я говорил тебе, что этот день обязательно настанет. Но на пути сюда мы выпили друг у друга очень много крови.

– Это точно, – согласился с ним Бентам.

– Но хорошо все, что хорошо кончается, потому что я наконец достиг своей цели. – Он повернулся к нам. – Друзья! Имбрины! Странные дети! – его голос эхом разнесся по этим удивительным стонущим каньонам. – Сегодняшний день войдет в историю. Добро пожаловать в Абатон!

Он помолчал, ожидая аплодисментов, и, не дождавшись, продолжил:

– Вы находитесь в древнем городе, который некогда охранял Библиотеку Душ. До недавнего времени его никто не видел на протяжении четырехсот лет и не покорял уже целое тысячелетие. Пока я снова его не открыл! И вот теперь в вашем присутствии...

Он замолчал, несколько мгновений смотрел себе под ноги, а затем расхохотался.

– Перед кем я распинаясь? Вам, обывателям, никогда не оценить значения этого достижения. Вы только полюбуйте на себя! Совсем как ослы, созерцающие Сикстинскую капеллу! – он потрепал Бентама по плечу. – Ну что, брат? Пойдем и возьмем то, что принадлежит нам по праву.

– И нам тоже! – раздался голос у меня за спиной. Один из охранников. – Вы ведь нас не забудете, верно, сэр?

– Конечно, не забуду, – откликнулся Каул. Он попытался улыбнуться,

но у него ничего не вышло. Ему не удалось скрыть свое раздражение вмешательством рядовой твари. – Ваша верность окупится сполна.

Они с Бентамом начали спускаться по одной из тропинок. Охранники погнались нас за ними.

* * *

Растрескавшаяся на солнце тропа ветвилась, разбегаясь по остроконечным холмам. Каул с высокомерием колонизатора вел нас по заросшим колючими кустарниками дорожкам, вне всякого сомнения, уже неоднократно пройдя этим путем, который он испытал у Перплексуса. Ощущение, что за нами наблюдают, непрерывно усиливалось. Казалось, грубые отверстия в скалах представляют собой колонию полуприкрытых глаз, оставленных в этих камнях какой-то древней разведкой и теперь пробуждающихся от тысячелетнего сна.

Меня лихорадило от тревоги, и мои мысли путались. Дальнейшие события зависели только от меня. В конце концов, твари во мне нуждались. Что, если я откажусь передавать им души? Что, если мне удастся их перехитрить?

Я знал, чем это закончится. Каул убьет мисс Сапсан. Затем он начнет

убивать других имбрин, всех по очереди, пока я не дам ему то, что он желает. А если я этого не сделаю, он убьет Эмму.

Я был недостаточно силен. Я знал, что сделаю все что угодно, лишь бы ее не тронули. Даже вручу Каулу ключи от невообразимого могущества.

И тут мне в голову пришла мысль, перепугавшая меня до полусмерти. Что, если я не смогу этого сделать? Что, если Каул ошибается и я не способен видеть сосуды с душами? Или, возможно, я их увижу, но у меня не получится их передать? Он мне не поверит. Он решит, что я лгу. Он начнет убивать моих друзей. И даже если мне каким-то образом удастся убедить его в том, что я говорю правду о своих ограниченных возможностях, он может прийти в ярость и все равно всех убить.

Я начал молиться своему покойному дедушке. Можно ли молиться покойникам? Неважно, я это делал, и я просил его, чтобы если он меня сейчас видит, то помог выдержать это испытание и сделал меня таким же сильным и могущественным, каким некогда был он сам. Дедушка Портман, – молился я, – я знаю, что это покажется безумием, но Эмма и остальные друзья для меня все, мир без них прекратит для меня свое существование, и я с радостью обменяю его весь без остатка на их жизни. Да, я готов отдать его Каулу. Это делает меня пособником Зла? Я не знаю, но я надеюсь, что ты меня понимаешь. Прошу тебя, дедушка.

Подняв глаза, я с удивлением заметил, что мисс Сапсан наблюдает за мной из-за плеча медведя.

Как только наши взгляды встретились, она отвела глаза и я увидел на ее почерневших от пепла бледных щеках следы слез. Казалось, она меня услышала.

Наш путь пролегал по древнему лабиринту извивающихся тропинок и вырубленных в скалах лестниц со стертыми до полумесяцев ступенями. В некоторых местах тропинка почти исчезала в зарослях высокой травы. Я услышал, как Перплексус сетует, что у него ушли годы на поиски пути к Библиотеке Душ. То, что теперь к ней так бездумно и беспечно шел этот неблагодарный вор, он воспринимал как личное и ужасающее оскорбление!

И тут я услышал голос Оливии.

– Почему никто никогда не говорил нам о том, что эта библиотека действительно существует?

– А потому, моя дорогая, – ответила одна из имбрин, – что это запрещено. Гораздо безопаснее сказать... – имбрина замолчала, переводя дух, – что это просто легенда.

Просто легенда. Одним из определяющих открытий моей жизни стало то, что некоторые легенды не желают оставаться в оковах книг, как бы я ни

пытался их расплющить, сделать двухмерными, заковать в бумагу и чернила. Библиотека Душ никогда не была просто легендой. Кому, как не мне, это знать. Одна такая легенда уже поглотила всю мою жизнь.

Мы несколько минут шли вдоль стены. Зловещий стон ветра то усиливался, то стихал. Затем Каул поднял руку и приказал всем остановиться.

– Мы зашли слишком далеко? – спросил он. – Я готов поклясться, что грот был где-то здесь. Где картограф?

Перплексуса снова вытащили из толпы.

– Не правда ли здорово, что ты его не пристрелил? – пробормотал Бентам.

– Где грот? – рявкнул Каул прямо в лицо Перплексусу, не обращая внимания на реплику брата.

– Ах, возможно, он от тебя спрятался, – поддразнил его Перплексус.

– Не испытывай мое терпение, – предостерег его Каул. – Я сожгу все экземпляры твоей «Карты Дней», и уже через год о тебе никто даже не вспомнит.

Перплексус сплел пальцы и вздохнул.

– Там, – произнес он, указывая назад.

Мы его пропустили.

Каул подошел к увитому растительностью участку стены, за которым находилось отверстие настолько небольшое и искусно скрытое, что заметить его было крайне сложно. Это и дверью нельзя было назвать, скорее нора какая-то. Он раздвинул плети лиан и сунул голову в отверстие.

– Да! – услышал я его возглас.

Вынырнув, он принялся раздавать указания.

– Дальше пойдут только те, кого я назову. Брат, сестра. – Он указал на Бентама и мисс Сапсан. – Мальчик. – Он показал на меня. – Двое охранников. И... – он обвел взглядом толпу. – Там темно, нам понадобится свет. Ты.

Он показал на Эмму.

У меня внутри все оборвалось. Эмму вытащили из толпы.

– Если у вас возникнут с ними проблемы, – обратился Каул к охранникам, остающимся снаружи, – вы знаете, что делать.

Каул поднял револьвер и прицелился в толпу. Раздались крики, и люди пригнулись, пряча головы. Каул зашелся в приступе хохота.

Охранник Эммы втолкнул ее в отверстие в стене. Медведь Бентама ни за что бы туда не пролез, поэтому мисс Сапсан опустили на землю, и моему охраннику к приказу следить за мной добавилась задача не сводить глаз с

имбрины.

Младшие дети начали плакать, думая, что они больше никогда ее не увидят.

– Мужайтесь, дети! – крикнула мисс Сапсан. – Я вернусь!

– Вот именно, дети! – насмешливо протянул Каул. – Слушайте свою директрису! Имбринам виднее!

Нас с мисс Сапсан втокнули в отверстие вместе. Я улучил момент и, выпутываясь из лиан, незаметно прошептал ей на ухо:

– Что мне делать, когда мы туда попадем?

– Все, что он потребует, – тоже шепотом ответила она. – Если мы не будем его злить, возможно, нам удастся выжить.

Выжить, ну да, конечно – но какой ценой?

В следующую секунду мы ввалились в какое-то необычное помещение: каменную комнату под открытым небом. На мгновение я задохнулся от ужаса – настолько меня шокировало гигантское изуродованное лицо, безучастно наблюдавшее за нами из противоположной стены. Собственно, это лицо и было стеной, открытая дверь которой представляла собой рот, два неправильной формы глаза служили окнами, два отверстия напоминали ноздри, а заросли густой травы заменяли лицу волосы и косматую бороду. Ветер стонал здесь еще громче, как будто похожая на рот дверь пыталась нас о чем-то предостеречь на каком-то древнем языке, состоящем из одних гласных длиной в неделю.

– Библиотека ждет, – произнес Каул, указывая на дверь.

Бентам снял шляпу.

– Невероятно, – благоговейным шепотом произнес он. – Мне кажется, она нам поет. Как будто все отдыхающие здесь души просыпаются и говорят нам «Добро пожаловать».

– Вот уж в чем я сомневаюсь, – заметила Эмма.

Охранники подтолкнули нас к двери. Нырнув в низкий проем, мы очутились в очередной похожей на пещеру комнате. Как и остальные помещения, которые мы успели увидеть в Абатоне, она была выдолблена в мягкой скальной породе. Потолок здесь был низким, и, не считая рассыпанной соломы и нескольких черепков, комната была абсолютно пустой. Самыми примечательными были стены, в которых виднелись десятки маленьких ниш. Верхняя часть этих углублений была овальной, а дно ровным, и их размеры позволяли разместить внутри бутылку или свечу. Несколько дверных проемов в глубине комнаты вели куда-то в темноту.

– Ну что, мальчик? – спросил Каул. – Ты их видишь?

Я огляделся.

– Что я должен увидеть?

– Не пытайся играть со мной в свои игры. Сосуды с душами. – Подойдя к стене, он пошарил рукой в одной из ниш. – Подойди и возьми один из них.

Я медленно повернулся, осматривая стены. Ниши казались мне совершенно пустыми.

– Я ничего не вижу, – ответил я. – Может быть, здесь ничего нет?

– Ты лжешь.

Каул кивнул моему охраннику. Тварь ударила меня в живот.

Эмма и мисс Сапсан вскрикнули, а я со стоном упал на колени. Опустив глаза, я увидел, что моя рубашка взмокла от крови. Не от удара, но от укуса пустоты.

– Прошу тебя, Джек! – взмолилась мисс Сапсан. – Он ведь всего лишь мальчик!

– Всего лишь мальчик! Всего лишь мальчик! – передразнил ее Каул. – В этом вся проблема! Их необходимо наказывать, как мужчин, периодически пускать им кровь, и вот тогда росток начинает распускаться. Растение взрослеет. – Он подошел ко мне, вращая дулом своего странного древнего пистолета. – Выпрямите ему ногу. Я хочу получше прицелиться в коленную чашечку.

Охранник толкнул меня на пол и схватил за ногу. Мое лицо было повернуто к стене, а щека касалась земляного пола.

Я услышал щелчок взводимого курка. Женщины умоляли Каула пощадить меня, но тут мне показалось, что в углублениях стены и в самом деле что-то есть, хотя раньше я этих очертаний не видел...

– Подождите! – закричал я. – Я что-то вижу!

Охранник развернул меня лицом вверх.

– Ага, все-таки одумался? – Каул стоял надо мной, глядя на меня сверху вниз. – Что ты видишь?

Я снова присмотрелся... моргнул, приказал себе успокоиться и сфокусировать зрение.

Там, в стене, постепенно проявляясь подобно полароидному снимку, смутно виднелся каменный сосуд. Это была совсем простая и лишенная украшений цилиндрической формы емкость с узким горлышком, плотно запечатанным пробкой. Сосуд был того же красноватого цвета, что и странные холмы Абатона.

– Это сосуд, – произнес я. – Всего один. Он лежит на боку, поэтому я его сперва не заметил.

– Встань, – приказал Каул. – Я хочу, чтобы ты его взял.

Я подтянул колени к груди, качнулся вперед и поднялся на ноги, ощущая жгучую боль в пояснице. Затем я медленно зашаркал вперед и, подойдя к стене, потянулся к нише. Обхватив пальцами горлышко сосуда, я вздрогнул и отдернул руку.

– Что случилось? – спросил Каул.

– Он ледяной, – ответил я. – Я не ожидал.

– Невероятно, – прошептал Бентам.

Все это время он топтался у двери, как будто сомневаясь в целесообразности всего этого мероприятия, но теперь сделал шаг вперед.

Я снова сунул руку в углубление, на этот раз зная, чего ожидать, и вытащил сосуд.

– Это очень неправильно, – произнесла мисс Сапсан. – Внутри находится странная душа, и к ней необходимо относиться с надлежащим почтением.

– Я ее съем, – ответил Каул, – и тем самым продемонстрирую самое большое почтение, на которое только может рассчитывать чья-либо душа. – Он подошел и остановился рядом со мной. – Опиши мне его.

– Он очень простой. Каменный. – Моя правая ладонь занемела от

холода, поэтому я переложил сосуд в левую руку и собрался продолжить. Но тут я заметил на обратной стороне сосуда высокие тонкие буквы... слово.

Асвиндан.

Я не собирался об этом упоминать, но Каул наблюдал за мной, как коршун, и понял, что я что-то заметил.

– Что там? – тут же поинтересовался он. – Я тебя предупреждаю, не вздумай ничего скрывать!

– Это слово, – ответил я. – Асвиндан.

– Назови по буквам.

– А-с-в-и-н-д-а-н.

– Асвиндан, – нахмурившись, повторил Каул. – Это, кажется, на древнестранном языке?

– Однозначно, – подтвердил Бентам. – Или ты забыл все, чему нас учили?

– Ничего я не забыл! Это ты, кажется, не помнишь, что я схватывал все гораздо быстрее тебя. Асвиндан. Корень винд. Что не имеет ни малейшего отношения ни к каким винтам, а обозначает скорость, ускорение... что-то вроде укрепления, усиления!

– Я в этом не уверен, брат.

– О, еще бы! – саркастически отозвался Каул. – Полагаю, ты хочешь, чтобы он достался тебе!

Каул протянул руку и попытался вырвать из моих рук сосуд. Ему удалось обхватить его пальцами, но как только сосуд покинул мою ладонь, его пальцы сжались в кулак, как будто в них совершенно ничего не было, а сосуд упал на пол и разбился.

Каул выругался и растерянно посмотрел вниз, на образовавшуюся у наших ног синюю, излучающую яркий свет лужицу.

– Теперь я ее вижу! – взволнованно произнес он, показывая на синюю лужицу. – Я это вижу!

– Да... да, я тоже, – подхватил Бентам, и охранники в свою очередь утвердительно закивали головами.

Все они были способны видеть жидкость, но не емкость, в которую она была заключена, что надежно защищало души от грабителей.

Один из охранников наклонился и потрогал жидкость пальцем. Не успел он ее коснуться, как с криком отскочил назад, тряся рукой в попытке избавиться от капли на кончике пальца. Если ледяным был даже сосуд, то температуру этого синего вещества я и представить себе не мог.

– Какая жалость, – произнес Каул. – Я бы хотел соединить это с

некоторыми другими душами на свой выбор.

– Асвиндан, – снова произнес Бентам. – Корень свинд. Это означает сжаться. Радуйся брат, что ты это не принял.

Каул нахмурился.

– Нет. Нет, я уверен, что перевел правильно.

– Вовсе нет, – подала голос мисс Сапсан.

Его взгляд подозрительно заметался между братом и сестрой, как будто он пытался понять, не сговорились ли они против него. Затем он, похоже, решил выбросить это из головы.

– Это всего лишь первая комната, – заявил он. – Я уверен, что чем дальше, тем лучше будут души.

– Я согласен, – кивнул Бентам. – Чем глубже, тем старше будут души, а чем старше душа, тем большей мощностью она наделена.

– В таком случае, мы извлечем из этой горы самую сердцевину, – заявил Каул, – и съедем ее.

* * *

Ткнув в спину дулами пистолетов, нас втолкнули в один из зияющих дверных проемов. Следующая комната выглядела почти так же, как первая. Тут были испещренные сотами стены и ведущие во мрак двери. Вот только окон уже не было, и лишь единственный луч клонящегося к горизонту солнца вонзался в земляной пол. Дневной свет остался позади.

Каул приказал Эмме зажечь огонь, а мне произвести осмотр всех ниш. Я добросовестно доложил о трех сосудах, но моего слова ему оказалось недостаточно. Он заставил меня постучать ногтями по каждому из них в доказательство их существования и провести рукой по доброй дюжине пустых ниш, прежде чем он убедился в том, что там действительно ничего нет.

Затем он заставил меня прочесть вслух все надписи. Хеолстор. Унгесевен. Миган-вундор. Для меня это была полная бессмыслица, а его эти слова не обрадовали.

– Души жалких рабов, – пожаловался он Бентаму. – Если мы хотим быть королями, нам нужны души королей.

– Тогда пошли дальше, – предложил Бентам.

Мы углубились в путаный и, похоже, бесконечный лабиринт пещер. Дневной свет давно остался позади, а пол неуклонно понижался. Воздух здесь был заметно холоднее. Коридоры, извиваясь, беспрерывно ветвились

во мраке. Каул, похоже, руководствовался каким-то шестым чувством, уверенно сворачивая то налево, то направо. Его помешательство не вызывало у меня ни малейших сомнений. Точно так же я был уверен, что мы уже давно заблудились и что даже если нам удастся от него сбежать, мы никогда не сумеем выбраться из этих пещер.

Я попытался представить себе битвы за эти души – величественных древних странных людей, сражающихся среди пиков и долин Абатона, но это давалось мне с трудом. Я ни на чем не мог сосредоточиться, преследуемый одной-единственной мыслью – как ужасно было бы остаться здесь без света.

Чем дальше мы углублялись, тем больше ниш было заполнено сосудами. Казалось, мародеры давно уже прошли по внешним залам, но что-то не позволило им зайти слишком далеко. Возможно, здоровый инстинкт самосохранения. Каул постоянно ожидал от меня описания сосудов, но давно перестал требовать, чтобы я показал, какие ниши заполнены, а какие пусты, и лишь изредка приказывал прочесть надпись на сосуде вслух. Его интересовала серьезная добыча, и он, похоже, решил, что не стоит тратить время на эту часть библиотеки.

Мы двигались в молчании. Комнаты становились все просторнее и, на свой грубоватый манер, величественнее – потолки поднимались все выше, а стены как будто раздвигались. Теперь сосуды были повсюду. Они стояли во всех нишах и углах, заполняли трещины и расщелины, и исходящий от них холод еще сильнее понижал окружающую температуру. Я дрожал, обхватив себя руками, а каждый выдох сопровождался облачком пара. К тому же ранее преследовавшее меня ощущение того, что за нами наблюдают, вернулось с новой силой. Эта так называемая библиотека представляла собой бескрайний подземный мир, катакомбы и убежище для вторых душ всех странных людей, когда-либо живших на земле до начала последнего тысячелетия. А это означало – многие сотни тысяч душ. Это огромное скопление душ начинало оказывать на меня странное давление, сжимая мою голову и легкие, как будто я погружался глубоко под воду.

Не по себе было не только мне. Даже охранники стали пугливыми и вздрагивали от малейшего шороха, то и дело оглядываясь через плечо.

– Ты это слышал? – спросил тот, который шел за мной.

– Голоса? – уточнил второй.

– Нет, скорее похоже на шум воды...

Пока они беседовали, я быстро покосился на мисс Сапсан. Неужели ей тоже страшно? Но нет – похоже, она выжидала и наблюдала. Меня это несколько утешило, как и то, что она уже давно могла превратиться в птицу

и упорхнуть от своих похитителей, но не сделала этого. Я понял, что, пока мы с Эммой находимся в руках тварей, она нас не покинет. Я надеялся, что это объясняется чем-то бóльшим, чем ее инстинктивная потребность нас опекать, и что у нее есть какой-то план.

Воздух становился все холоднее, и выступающий у меня на шее пот постепенно превращался в ледяную воду. Мы вошли в пещеру, настолько заставленную сосудами, что мне приходилось лавировать, чтобы не переворачивать их ногами, хотя остальные проходили прямо сквозь них. Я задыхался от такого количества мертвых вокруг. Их было так много, как людей на платформе метро в час пик или на Таймс-сквер в канун Нового года, и при этом все окружающие были крайне недовольны нашим появлением. (Я их не видел, но явственно чувствовал и их присутствие, и их отношение.) Наконец, не выдержал даже Бентам.

– Брат, погоди. – Он, задыхаясь, догнал Каула и схватил его за руку, пытаясь остановить. – Тебе не кажется, что мы зашли достаточно далеко?

Каул медленно обернулся и посмотрел на него. Половина его лица была озарена светом, вторая половина находилась в глубокой тени.

– Нет, не кажется, – ответил он.

– Но я уверен, что души здесь достаточно...

– Мы ее еще не нашли, – резко и раздраженно перебил его Каул.

– Что мы не нашли, сэр? – осмелился поинтересоваться охранник.

– Когда я ее найду, я сразу это пойму! – отрезал Каул.

Вдруг он замер, а затем взволнованно бросился куда-то в темноту.

– Сэр! Погодите! – закричали охранники, торопя нас за ним.

Всего через несколько секунд Каул снова появился в дальнем конце зала, озаренный слабым голубым свечением. Он стоял, наполовину окутанный этим сиянием и, похоже, чем-то зачарованный. Когда мы его догнали и повернули за угол, то увидели, куда он смотрит. Перед нами простирался длинный тоннель, мерцающий голубым светом. Квадратный проем в конце тоннеля буквально полыхал. Я тоже услышал какие-то звуки, смутный белый шум, напоминающий журчание ручья.

Каул захлопал в ладоши и торжествующе воскликнул:

– Клянусь Богом, мы почти у цели!

Он, как сумасшедший, поскакал по коридору, и нам пришлось, спотыкаясь, бежать за ним.

В конце коридора мы погрузились в такое ослепительное зарево, что были вынуждены остановиться.

Эмма потушила свой огонь. Здесь в нем не было необходимости. Я щурился, пытаясь смотреть сквозь пальцы, и окутанный вибрирующим

синим сиянием окружающий мир медленно обретал очертания. Мы стояли у входа в самую большую пещеру из всех, которые здесь увидели, – огромное, похожее на улей круглое пространство около ста футов в диаметре, но сужающееся в одну точку на взметнувшемся на высоту нескольких этажей потолке. Кристаллы льда сверкали на всех поверхностях, во всех нишах и на всех сосудах. А сосудов здесь были тысячи. Составленные друг на друга, они возвышались вдоль стен невообразимой высоты колоннами.

Несмотря на мороз, здесь струилась вода, вытекающая из крана в форме головы сокола. Она стекала в небольшой желоб, опоясывающий все помещение, и впадала в мелкий, окруженный гладкими черными камнями бассейн в дальнем конце зала. Эта вода и была источником небесного света в этом подземелье. Подобно содержимому сосудов она излучала призрачное синее сияние, то тускнеющее, то снова вспыхивающее с новой силой, причем с такой ритмичностью, что казалось – комната дышит. Это напоминало некий нордический спа-курорт и могло бы даже убаюкивать, если бы сквозь приятное журчание воды до нас не доносились также отчетливые человеческие стоны. Это в точности напоминало стоны, которые мы уже слышали снаружи и которые я принял за завывания ветра в пустых дверных проемах. Но здесь ветра не было, и снаружи до нас не доносилось ни единого звука. Это было что-то другое.

Бентам, хромая, вошел в зал вслед за нами. Он задышался и прикрывал глаза ладонью. Тем временем Каул выбежал на середину зала и закричал:

– ПОБЕДА! – Похоже, он наслаждался звуком собственного голоса, отражающегося от этих величественных стен. – Вот она, наша сокровищница! Наша тронная зала!

– Она бесподобна! – тихо пробормотал Бентам, с трудом подходя к брату. – Теперь я понимаю, почему так много людей было готово попрощаться с жизнью, сражаясь за право обладания ею...

– Вы совершаете ужасную ошибку, – произнесла мисс Сапсан. – Вы не должны осквернять это священное место.

Каул демонстративно вздохнул.

– Скажи, тебе обязательно все портить своими нравоучениями! Ты ведешь себя как школьная училка! Или тебе просто завидно и ты оплакиваешь конец своей эпохи более одаренной сестры? Посмотрите на меня, я умею летать! Я умею создавать временные петли! Всего через одно поколение никто даже не вспомнит о таких бесполезных существах, как имбрины!

– Ты ошибаешься! – закричала Эмма, будучи не в силах больше

сдерживаться. – Кого забудут, так это вас обоих!

Охранник Эммы замахнулся, чтобы ее ударить, но Каул приказал ему оставить девушку в покое.

– Пусть говорит, – заявил он. – Возможно, это ее последняя возможность высказаться.

– Вообще-то вас не забудут, – продолжала Эмма. – Мы впишем в «Истории» новую легенду, которая будет называться «Жадные братья». Или «Жуткие предатели, которые получили по заслугам».

– Хмм, так не пойдет, – возразил Каул. – Я думаю, название будет гласить: «Как великолепные братья преодолели все предрассудки и по праву стали богами-королями Странного мира», ну или что-нибудь в этом роде. И тебе повезло, девочка, что я сейчас в таком великолепном расположении духа.

Он переключил свое внимание на меня.

– Мальчик! Расскажи мне обо всех находящихся здесь сосудах, причем в мельчайших деталях, ничего не упуская.

Он требовал исчерпывающего описания каждого сосуда, и я вслух прочел несколько десятков надписей, сделанных от руки на стенках. Я сожалел, что не знаю древнестранного языка, что не позволяло мне солгать о том, что там написано, и, возможно, перехитрить Каула, заставив его выбрать какую-нибудь слабую и бесполезную душу. Но я был идеальным исполнителем – наделенным способностями и ограниченным собственным невежеством. Единственное, что я мог предпринять – это отвлечь его внимание от самых многообещающих сосудов.

Большинство емкостей были маленькими и простыми, но среди них были также и большие и тяжелые сосуды с замысловатыми орнаментами на стенках. Они имели форму песочных часов и были снабжены двумя ручками. Серебристые крылья, нарисованные на этих сосудах, похоже, указывали на то, что в них заключены души могущественных и важных (или просто важничавших) странных людей. Но их присутствие выдавали более просторные ниши, а когда Каул заставлял меня стучать по ним костяшками пальцев, они издавали низкий гул.

Будучи не в силах ему помешать, я уже смирился с тем, что Каул получит то, к чему стремится.

Но тут он совершил поступок, который показался нам настолько благородным, что все открыли рты от удивления. Обернувшись к охранникам, он спросил:

– Ну что? Кто хочет попробовать это первым?

Охранники в замешательстве переглянулись.

– Что ты хочешь этим сказать? – всполошился Бентам, хромя к брату. – Я думал, это предназначается только для нас. Мы столько работали...

– Не будь жадиной, брат! Разве не обещал я им, что их преданность многократно окупится? – Он снова посмотрел на охранников, сияя улыбкой, как ведущий игрового шоу. – Так кто из вас будет первым?

Оба одновременно вскинули руки.

– Я, сэр, я!

– Я хочу быть первым!

Каул ткнул пальцем в тварь, которая охраняла меня.

– Ты! – заявил он. – Мне нравится твой дух. Иди сюда!

– Благодарю вас, сэр! О, благодарю вас.

Каул направил на меня дуло револьвера, тем самым освободив охранника от возложенной на него ответственности.

– Скажи, которую из этих душ тебе хотелось бы приобрести? – Он запомнил то, что я читал на сосудах, и начал вслух перечислять их свойства. – Йет-Фару. Это что-то связанное с водой, с наводнениями. Неплохой выбор, если ты когда-либо мечтал жить на дне моря. Волсенвирсенд. Если не ошибаюсь, это некое кентавроподобное существо – наполовину лошадь, наполовину человек, контролирующее облака? Бен, тебе это ничего не напоминает?

Бентам что-то пробормотал в ответ, но Каул его не слушал.

– Стил-хайд, вот это очень недурно. Металлическая кожа. В бою совсем не мешает, хотя, возможно, тебе придется себя смазывать...

– Сэр, вы позволите мне спросить, – робко заговорил охранник, – как насчет одной из урн побольше?

Каул погрозил ему пальцем.

– Мне нравятся честлюбивые парни, но большие урны я приберегу для себя и своего брата.

– Да, сэр, разумеется, – кивнул охранник. – Тогда... э-э... а больше ничего нет?

– Я перечислил тебе лучшее из того, что здесь есть. – В голос Каула вкрались угрожающие нотки. – Выбирай.

– Да, конечно, сэр, простите, сэр... – на лице охранника отразилась внутренняя борьба. – Я выбираю Йет-Фару.

– Отлично! – рявкнул Каул. – Мальчик, подай сосуд.

Я сунул руку в нишу, на которую указал Каул, и извлек урну. Она была такой холодной, что я натянул рукав рубашки на пальцы, как перчатку, но мне казалось, что даже через ткань сосуд похищает все остатки тепла из

моего тела.

Охранник уставился на мою руку.

– Что мне с этим делать? – спросил он. – Принять его, как амброзию?

– Этого я не знаю, – ответил Каул. – Что скажешь ты, брат?

– Я тоже не знаю, – покачал головой Бентам. – Ни в одном из древних текстов об этом не говорится ни слова.

Каул почесал подбородок.

– Я думаю... да, я думаю, тебе следует принять это как амброзию. – Он кивнул, внезапно исполнившись уверенности. – Да, это то, что нужно. Именно как амброзию.

– Вы уверены? – нерешительно поинтересовался охранник.

– На сто процентов, – заверил его Каул. – Не волнуйся ты так. За это ты войдешь в историю. Ты первопроходец!

Охранник посмотрел мне в глаза.

– Без шуточек, – предостерег он меня.

– Без шуточек, – подтвердил я.

Я вытащил из сосуда пробку. Из нее ударил луч синего света. Охранник обхватил пальцами мою руку, поднял ее вместе с кувшином у себя над головой и запрокинул голову.

Он сделал глубокий судорожный вздох и, прошептав:

– Ну, была не была! – наклонил мою руку.

Из кувшина полилась вязкая жидкость. Как только она коснулась его глаз, он так стиснул мою руку, что мне показалось, мои пальцы сейчас сломаются. Вырвав у него руку, я отскочил назад. Сосуд упал на землю и разбился вдребезги.

Лицо охранника дымилось и синело. Он закричал и упал на колени. По его телу пробежала дрожь, а затем он упал вперед. Когда его голова ударилась о землю, она разбилась, как стекло. Осколки замороженного черепа отлетели мне под ноги. А затем он затих. Он не шевелился и был абсолютно мертв.

– О господи! – воскликнул Бентам.

Каул поцокал языком, как будто кто-то пролил дорогое вино.

– Вот проклятье, – произнес он. – Все же, наверное, души надо принимать иначе, чем амброзию. – Он обвел взглядом комнату. – Что ж, теперь это должен попробовать еще кто-нибудь...

– Я очень занят, милорд! – воскликнул второй охранник, державший на мушке одновременно Эмму и мисс Сапсан.

– Да, я вижу, Джоунс, что у тебя дел неуворот. Тогда, возможно, кто-то из наших гостей? – Он посмотрел на Эмму. – Девочка, сделай это

для меня, и я назначу тебя своим придворным шутом!

– Иди к дьяволу! – оскалилась Эмма.

– Это можно устроить! – в ответ оскалился он.

Тут мы услышали громкое шипение и один из углов комнаты внезапно озарился еще более ярким светом. Мы обернулись, не понимая, что происходит. Синяя жидкость из разбитого сосуда стекала в желоб у стены, и там, где она смешивалась с водой, происходила какая-то реакция. Вода пузырилась и бурлила, а сияние все усиливалось.

– Вы только посмотрите на это! – ликующе воскликнул Каул, подпрыгивая на подушечках пальцев.

Стремительный поток быстро разнес яркую пузырящуюся воду по всему желобу, окружив ею комнату. Мы поворачивались, следя за ее перемещением. Наконец, она достигла мелкого бассейна в дальнем конце пещеры. И тут сам бассейн начал бурлить и сиять. От воды до самого потолка вдруг выросла колонна яркого синего света.

– Я знаю, что это такое, – дрожащим голосом пробормотал Бентам. – Это лагуна духов. Ее посредством древние вызывали духов мертвых и общались с ними.

Над самой поверхностью лагуны в этой колонне света колыхалось призрачное облако белого пара. Оно постепенно сгущалось, обретая очертания человека.

– Но если во время вызова духа в лагуну войдет живой человек...

– Он поглотит вызываемый дух, – закончил за него Каул. – Полагаю, мы нашли ответ!

Дух неподвижно парил над водой. Он был одет в простую тунику, позволяющую разглядеть чешуйчатую кожу и торчащий из спины плавник.

Это была душа Йет-Фару, избранный охранником водяной. Похоже, колонна света являлась чем-то вроде тюрьмы, которую он не мог покинуть.

– Ну что? – спросил Бентам, делая жест рукой в сторону лагуны. – Ты идешь?

– Меня не интересуют чьи-то объедки, – заявил Каул. – Я хочу вот это. – Он показал на сосуд, по которому я уже стучал и который был здесь самым большим. – Мальчик, вылей то, что там находится, в воду. – Он приставил к моей голове дуло револьвера. – Быстро.

Я исполнил приказ. Дотянувшись до огромной ниши, я взялся за обе ручки урны и очень осторожно, чтобы ничего не расплескать и ненароком не уничтожить себе лицо, наклонил ее. Ярко-синяя жидкость потекла по стене в желоб. Вода обезумела. Она зашипела и забурлила, вспыхнув таким ярким светом, что мне пришлось зажмуриться.

Пока жидкость из урны растекалась по желобу, я бросил быстрый взгляд на мисс Сапсан и Эмму. Это был наш последний шанс остановить Каула. К тому же в его распоряжении оставалась всего одна тварь. Но охранник продолжал держать женщин на прицеле и ни на секунду не отводил от них глаз, в то время как Каул целился в голову мне. Похоже, мы по-прежнему находились в их полной власти.

Жидкость из огромной урны достигла лагуны духов. Вода вспенилась и заколыхалась, как если бы из нее готовилось показаться какое-то морское существо. Вздвигающаяся к потолку колонна света стала еще ярче, и Йет-Фару испарился.

Внутри колонны снова начало сгущаться облако пара, значительно больше того, которое оно вытеснило. Если оно собиралось принять очертания человека, то это был настоящий гигант – вдвое выше любого из нас с грудной клеткой в два раза шире. Его руки представляли собой клешни и были подняты вверх кверху ладонями, что подразумевало огромное и страшное могущество.

Каул посмотрел на это существо и улыбнулся.

– Ну, как говорится, это знак, что мне пора. – Он сунул свободную руку в карман плаща, извлек из него сложенный листок бумаги и встряхнул его, чтобы расправить. – Прежде чем я официально сменю свое положение, я хотел бы сказать пару слов.

Бентам захромал к нему.

– Брат, я думаю, нам лучше поспешить...

– Что я слышу! – закричал Каул. – Мне что, уже нельзя насладиться моментом своей славы?

– Слушай! – зашипел Бентам.

Мы прислушались. Какое-то мгновение я ничего не слышал, но затем издалека донесся высокий резкий звук. Я увидел, что Эмма напряглась и широко раскрыла глаза.

Каул нахмурился.

– Это что... собака?

Да! Собака! Это был собачий лай, далекий и многократно повторенный эхом.

– У странных была с собой собака, – напомнил Каулу Бентам. – Если она идет по нашему следу, я сомневаюсь, что она делает это в одиночестве.

Это могло означать лишь одно – наши друзья перебили охрану и ведомые Эддисоном шли нам на выручку.

Ну да, к нам приближались силы быстрого реагирования! Но до захвата власти Каулу оставались считанные секунды, и никто не знал, с

какой скоростью в этих пещерах распространяется эхо. Друзья могли подоспеть через несколько минут, а значит, опоздать.

– Ну что ж, – вздохнул Каул. – Полагаю, моей речи придется обождать.

Он сунул листок бумаги обратно в карман. Было совершенно не похоже, чтобы он спешил, и это доводило Бентама до белого каления.

– Давай, Джек! Бери свой дух, а потом я возьму свой!

Каул вздохнул.

– Насчет твоего духа... Ты знаешь, я об этом думал и пришел к выводу, что тебе с таким могуществом просто не справиться. Видишь ли, ты слишком малодушен. То есть я не отрицаю того, что ты умен. Как раз наоборот – ты гораздо одареннее меня! Но ты мыслишь, как слабый человек. Твоя воля слаба. Понимаешь, быть умным недостаточно. Необходимо быть еще и жестоким!

– Нет, брат! Не делай этого! – взмолился Бентам. – Я буду твоим вторым номером, твоим верным другом и доверенным лицом... тем, кем ты пожелаешь меня видеть...

Так тебе и надо, – подумал я. – Говори, говори...

– Вот это заискивание – как раз то, что я имел в виду, – качая головой, ответил Каул. – Но оно способно заставить передумать только слабого человека. Такого, как ты. На меня подобные мольбы не действуют.

– Нет, на самом деле это месть, – с горечью произнес Бентам. – Как будто того, что ты переломал мне ноги и долгие годы держал в рабстве, тебе недостаточно.

– О нет, мне этого вполне хватило, – возразил Каул. – Ты прав, я был очень зол на тебя за то, что ты превратил нас всех в пустот, но в конце концов мне очень пригодилась личная армия чудовищ. Но если начистоту, то дело не в твоём слабом характере. Просто... пожалуй, я всего лишь плохой брат. Алма может это подтвердить. Я не люблю делиться.

– В таком случае сделай это! – презрительно произнес Бентам. – Давай, пристрели меня!

– Я бы мог это сделать, – ответил Каул. – Но я думаю, будет гораздо лучше, если я застрелю... его.

С этими словами он прицелился мне в грудь и нажал на спусковой крючок.

* * *

Я ощутил удар пули едва ли не прежде, чем слышал звук выстрела.

Как будто огромный невидимый кулак отшвырнул меня назад, сбив с ног. Я плохо воспринимал все, что происходило после этого. Я смотрел на потолок, и мое зрение сузилось до размеров крошечного отверстия. Кто-то выкрикивал мое имя. Снова раздался выстрел, затем еще один.

Снова крики. Я смутно осознавал, что мое тело страдает от острой боли. Что я умираю.

Затем Эмма и мисс Сапсан упали возле меня на колени. Они что-то кричали мне, и охранник им почему-то не мешал. Я не понимал их слов, как будто мои уши находились под водой. Они пытались тащить меня к двери, обхватив за плечи, но мое тело было вялым и тяжелым. Затем со стороны лагуны духов донесся вой, напоминающий приближение урагана. Несмотря на невыносимую боль, мне удалось повернуть голову и посмотреть, что там происходит.

Каул стоял в лагуне, вода доходила ему до середины голени. Он раскинул руки в стороны, запрокинул голову назад и выглядел полностью парализованным. Тем временем пар окружал его, смешиваясь с ним. Он входил во все отверстия его лица – струился в горло и нос, плотными облаками садился на глаза и уши. Спустя всего несколько секунд он исчез. Озарявший пещеру синий свет потускнел, как если бы Каул поглотил и его силу тоже.

Я слышал, как кричит мисс Сапсан. Эмма подняла с пола пистолет одного из охранников и разрядила его в Каула. Расстояние было совсем небольшим, а стрелять она умела. Она не могла промахнуться, но Каул даже не моргнул. Вместо того чтобы упасть, он сделал нечто прямо противоположное – начал расти. Он рос очень быстро, всего за несколько секунд вдвое увеличившись. Он издал звериный рев, когда его кожа начала лопаться и заживать, лопаться и заживать. Вскоре он представлял собой башню израненной розовой плоти и изорванной одежды. Его гигантские синие глаза сверкали. Похищенная душа наконец-то заполнила его старое тело. Но хуже всего были его руки. Они стали огромными и узловатыми, покореженными, как корни деревьев, и каждая из них оканчивалась десятью пальцами.

Эмма и мисс Сапсан снова попытались тащить меня к двери, но Каул уже шел к нам. Он вышел из лагуны духов и взревел голосом, от которого задрожали стены пещеры:

– АЛМА, ВЕРНИСЬ!

Каул поднял свои жуткие руки. Какая-то невидимая сила оторвала от меня мисс Сапсан и Эмму и подняла их в воздух. Они, барахтаясь, висели в десяти футах над землей, пока Каул не повернул ладони вниз. В ту же

секунду они рухнули.

– Я РАЗОТРУ ТЕБЯ ЗУБАМИ! – взвыл Каул, шагая к ним, каждым своим шагом сотрясая пол пещеры.

Видимо, адреналин помог мне сфокусировать зрение и обострил слух. Худшей смерти я и представить себе не мог. Я не желал провести свои последние мгновения, наблюдая за тем, как рвут на части моих любимых женщин. И тут раздался собачий лай и я понял, что мне уготована еще горшая судьба. Мне предстояло стать свидетелем смерти еще и всех своих друзей.

Эмма и мисс Сапсан бросились бежать. Им больше ничего не оставалось. Вернуться за мной они не могли.

Из тоннеля появились остальные. Дети и имбрины, все вперемешку. Тут же находились Харон и плотники. Наверное, их привел сюда Эддисон, точно так же, как и всех остальных, освещая себе путь зажатым в зубах светильником.

Они понятия не имели, против чего идут. Мне хотелось крикнуть им – не вздумайте драться, бегите – но они бы все равно меня не послушали. Увидев гигантское чудовище, они начали бросать в него все, что только могли. Плотники метнули свои молотки. Бронвин швырнула обломок стены – изогнувшись, а затем вытолкнув его, как метательница ядра. У некоторых детей были пистолеты, отобранные у тварей, и они принялись стрелять в Каула. Имбрины превратились в птиц и стали клевать ему голову.

Все это не возымело ни малейшего воздействия. Пули от него отскочили. Отбросив кусок стены, он поймал молотки зубами и презрительно сплюнул ими на землю. Имбрины просто раздражали его подобно туче гнуса.

А затем он развел в стороны руки и растопырил узловатые пальцы, с которых свисали похожие на корни отростки. Вот только эти корни извивались, как живые. Каул медленно соединил ладони. Как только он это сделал, роящихся у него над головой имбрин отбросило в сторону, а всех странных людей швырнуло друг на друга.

Он начал совершать ладонями движения, как будто сминая лист бумаги. Имбрины и странные люди поднялись над полом в виде сферы, в которой чудовищным образом сплетались руки, ноги и крылья. Только я остался на полу. Не было в этой сфере и Бентама. Кстати, где это Бентам? – подумал я.

Я попытался встать и сделать хоть что-то, но мне удалось лишь приподнять голову. Бог ты мой, их растирало в порошок, и жуткие крики

отражались от стен. Я подумал, что все кончено, и уже через мгновение кровь брызнет, как сок из раздавленного плода. Но затем одна из рук Каула взлетела вверх и начала трепыхаться перед его лицом, как будто пытаясь что-то отогнать.

Это были пчелы. Рой пчел Хью вылетел из давки, и теперь они лезли Каулу в глаза и нещадно их жалили. Он взревел, в очередной раз сотрясая всю гору, и имбрины и странные люди упали на землю. Образованный их телами шар рассыпался. Слава Богу, он не успел их раздавить.

Мисс Сапсан, оставаясь в теле птицы, хлопала крыльями и кричала, побуждая всех подниматься на ноги и подталкивая их к выходу. Бегите! Бегите! Скорее!

Затем она взмыла и ринулась на Каула. Он разогнал пчел и снова развел руки, готовясь скомкать всех одновременно, а затем раздавить о стену. Прежде чем он успел это сделать, мисс Сапсан упала ему на лицо, распарывая его когтями. Он сбил ее с такой силой, что она пролетела через всю комнату, ударилась о стену, упала и замерла без движения.

Когда он обернулся, чтобы разделаться с остальными, они уже почти скрылись в коридоре. Каул протянул руку с раскрытой ладонью в их сторону, сжал пальцы и потянул кулак к себе. Но, видимо, они уже покинули зону, на которую распространялись его возможности телекинеза. Взревев в бессильной ярости, он бросился за ними, затем упал на живот и попытался вползти в тоннель. Ему удалось в него втиснуться, но это стоило больших усилий.

Только теперь я увидел Бентама. Прячась от брата, он упал в желоб с водой, а теперь выбрался из него, вымокший до нитки, но в остальном целый и невредимый. Он согнулся вдвое, и я не видел, что он делает.

Мне казалось, что я медленно возвращаюсь к жизни. Боль в груди стихала. Я попытался в виде эксперимента пошевелить руками и обнаружил, что мне это удастся. Я провел ладонями по своему телу и прижал их к груди, ожидая обнаружить пару отверстий и много крови. Но я был сухим. Вместо отверстий мои пальцы нащупали кусочек металла, плоский, как монета. Зажав его в ладони, я поднес находку к глазам, чтобы разглядеть, что это такое.

Это была пуля. Она не пронзила мое тело. Я не умирал. Пуля запуталась в шарфе.

В шарфе, который связал для меня Гораций.

Каким-то образом он знал, что это произойдет, и связал мне этот шарф из шерсти странных овец. Благослови его Боже...

Я заметил какую-то вспышку и приподнял голову, что стоило мне

неимоверных усилий. Глаза Бентама пылали, и из его глазниц били лучи раскаленного белого света. Он уронил что-то на пол, и я услышал звон стекла.

Он принял флакон амброзии.

Собравшись с силами, я повернулся на бок, свернулся калачиком и попытался сесть. Бентам спешил вдоль стены, глядя на сосуды в нишах и внимательно осматривая каждый из них. Казалось, он их видит.

И тут я понял, что он сделал. Что он принял. Все эти годы он хранил украденную душу моего дедушки и использовал ее только сейчас.

Он действительно видел сосуды. Он мог делать то же, что и я. Я уже стоял на коленях, упираясь ладонями в пол. Я подтянул под себя одну ногу и медленно выпрямился. Я вернулся, восстав из мертвых.

К этому времени Каул вполз в коридор и продолжал двигаться дальше. Издалека эхом доносились голоса моих друзей. Они еще не спаслись. Возможно, они не хотели оставлять мисс Сапсан (а может, и меня). Они не отказались от борьбы.

Бентам уже бежал, насколько это позволяло ему его тело. Он заметил еще одну большую урну и направлялся к ней. Я, прихрамывая, шагнул к нему. Он дотянулся до урны и наклонил ее к себе. Синяя жидкость с шипением вылилась в желоб и начала свое движение к лагуне духов.

Бентам обернулся и увидел меня.

Он, хромя, побрел к лагуне, а я заковылял следом. Жидкость достигла лагуны. Вода вскипела, и столб синего света взметнулся к потолку.

– КТО БЕРЕТ МОИ ДУШИ? – заревел из коридора Каул и начал, извиваясь, протискиваться обратно.

Я схватил Бентама. Или, если угодно, упал на него. Меня шатало от слабости, а он был старым и хрупким, так что наши силы были примерно равны. Борьба была короткой, и когда ему стало ясно, что я его одолел, он сдался.

– Послушай меня, – произнес он. – Я должен это сделать. Я ваша единственная надежда.

– Заткнись! – приказал ему я, хватая его за руки, которыми он все еще пытался отбиваться. – Я не желаю слушать твою ложь.

– Если ты меня не отпустишь, он вас всех убьет!

– Ты с ума сошел? Если я тебя отпущу, ты просто начнешь ему помогать!

Мне наконец удалось схватить его за запястья. Он пытался что-то достать из кармана.

– Нет, не буду! – закричал он. – Я совершил так много ошибок... но я

могу все исправить, если ты позволишь мне тебе помочь.

– Помочь мне?

– Посмотри, что у меня в кармане!

Каул медленно пятился из коридора и ревел что-то о своих душах.

– В кармане жилета! – закричал Бентам. – Там лист бумаги. На всякий случай я всегда ношу его с собой.

Я выпустил одну из его рук и сунул пальцы ему в карман. Там лежал маленький листок бумаги, сложенный вчетверо. Я встряхнул листок и увидел текст на древнестранном языке, которого я не понимал.

– Что это?

– Это рецепт. Покажи его имбринам. Они поймут, что надо делать.

Чья-то рука протянулась через мое плечо и выхватила у меня листок. Я развернулся и увидел мисс Сапсан, избитую, но в человеческом теле.

Она прочитала текст и сверкнула глазами на Бентама.

– Ты уверен, что это сработает?

– Один раз уже сработало. Почему бы не попытаться повторить опыт?

А когда у вас будет больше имбрин...

– Отпусти его, – приказала она мне.

– Что? – потрясенно пробормотал я. – Но он собирается...

Она положила руку мне на плечо.

– Я знаю.

– Он украл душу моего дедушки! Он ее принял... Она в нем, вот прямо сейчас!

– Я знаю, Джейкоб. – Она смотрела на меня, и ее лицо было добрым и решительным одновременно. – Это все так, и это ужасно. И это очень хорошо, что ты его в этом уличил. Но сейчас ты должен его отпустить.

И я выпустил его руку и с помощью мисс Сапсан поднялся на ноги. И тогда Бентам тоже поднялся, грустный и согбенный старик со сверкающими на щеках черными каплями души моего деда. На мгновение мне почудилось, что в его глазах вспыхнул взгляд Эйба – что в них сверкнула часть его духа.

Бентам повернулся и побежал к столбу света и лагуне духов. Пар сгущался, принимая очертания гиганта почти равного с Каулом роста, только с крыльями. Если бы Бентам успел войти в лагуну, у Каула появился бы достойный соперник.

Каул уже почти высвободился из коридора, и он был вне себя от ярости.

– ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ? – ревел он. – Я ТЕБЯ УБЬЮ!

Мисс Сапсан толкнула меня на пол и сама упала рядом.

– Мы не успеем спрятаться, – прошептала она. – Притворись мертвым.

Бентам ввалился в лагуну, и пар тут же начал проникать в его тело. Каул окончательно высвободился и тяжело поднялся на ноги, а затем побежал к Бентаму. Он чуть не раздавил нас, когда его огромные стопы прошли совсем рядом с нашими головами. Но Каул подошел к лагуне слишком поздно и не успел помешать Бентаму впитать древнюю и великую душу, находившуюся в избранной им урне. Младший и более слабый из братьев мисс Сапсан уже стремительно вытягивался, удваивая свой первоначальный рост.

Мы с мисс Сапсан помогли друг другу подняться на ноги. У нас за спиной Каул вступил в битву с Бентамом, и их удары напоминали разрывы бомб. Меня не нужно было подгонять. Я бросился бежать.

Мы уже были на полпути к входу в тоннель, когда из него навстречу нам выскочили Эмма и Бронвин. Схватив за руки, они потащили нас прочь гораздо быстрее, чем мы сумели бы сделать это самостоятельно. Мы не разговаривали, спеша убежать как можно дальше. Чтобы услышать друг друга на бегу, нам пришлось бы кричать, а это было исключено. Но при виде меня лицо Эммы озарилось таким изумлением и облегчением, что слова были не нужны.

Нас обступил мрак. Теперь мы были спасены. Я в последний раз оглянулся на разворачивавшуюся позади битву. Сквозь тучи пыли и клубы пара я увидел, как два исполинских существа пытаются убить друг друга. Каул одной когтистой рукой душил Бентама, а второй выдавливал ему глаза. У Бентама была голова насекомого, так что он спокойно мог пожертвовать хоть тысячей глаз. Не обращая внимания на усилия брата, он грыз его шею длинными подвижными челюстями и избивал его огромными кожистыми крыльями. Они как будто танцевали, сплетаясь конечностями, ударяясь о стены, и пещера начинала рушиться, сияющим дождем расплескивая содержимое бесчисленных разбитых сосудов с душами.

Кратко ознакомившись с содержанием моих будущих ночных кошмаров, я позволил Эмме увлечь себя в темноту.

* * *

Мы обнаружили друзей в ближайших комнатах и в полном мраке, рассеиваемом лишь тускнеющим светом фонаря в зубах Эддисона. Эмма зажгла на ладони огонь. Увидев, что мы бежим к ним, потрепанные, но целые и невредимые, они издали дружный торжествующий крик. Они и

сами были избиты и окровавлены, а некоторые с трудом держались на ногах из-за растяжений или переломов. Увидев их в таком состоянии, я ощутил, как у меня сжимается сердце.

На мгновение грохот, доносившийся из оставшейся позади пещеры, стих, и Эмме наконец-то удалось меня обнять.

– Я видела, как он тебя застрелил! Каким чудом ты остался жив?

– Благодаря чудесной шерсти странных овец и чудесным снам Горация! – ответил я.

Поцеловав Эмму, я оторвался от нее, чтобы отыскать в толпе Горация. Когда я его нашел, я обнял его так сильно, что его туфли из патентованной кожи оторвались от земли.

– Надеюсь, когда-нибудь я смогу вернуть тебе этот долг, – произнес я, дернув себя за шарф.

– Я так рад, что это он тебе помог! – просиял Гораций.

Разрушение пещеры возобновилось вместе с невероятной мощи громовыми ударами. Из коридора в нашу сторону полетели обломки каменных стен и потолка. Хотя Каул и Бентам и не могли теперь до нас добраться, они вполне были способны обрушить на наши головы всю гору. Необходимо было поскорее выбраться из библиотеки, а затем из этой петли.

Мы бросились прочь, хромая и в кровь сдирая кожу о стены. Половина из нас не могла идти самостоятельно, и остальные служили им костылями. Благодаря собачьему нюху Эддисон уверенно вел нас к выходу из лабиринта тем же путем, которым мы сюда пришли. Звуки битвы между Каулом и Бентамом как будто преследовали нас, становясь только громче по мере нашего удаления. Казалось, исполины все еще продолжают расти. Каких размеров они могут достичь? – спрашивал я себя – И какова будет в этом случае их сила? Что, если души из всех разбитых ими сосудов, стекаясь в лагуну, отдадут им свою силу, делая их все чудовищнее?

Похоронит ли их под своими обломками Библиотека Душ? Или же она расколется, как яичная скорлупа, и выпустит эти ужасы в мир?

Добежав до выхода из грота, мы вывалились обратно в оранжевый день. Рокот позади не прекращался ни на секунду, сотрясая крупной дрожью окружающие холмы.

– Не останавливаться! – закричала мисс Сапсан. – Скорее к выходу из петли!

Мы уже преодолели полпути и, спотыкаясь, брели через какую-то поляну, когда земля под ногами вздрогнула так сильно, что удержаться на ногах не удалось никому. Я никогда не видел собственными глазами, как

извергается вулкан, но не верю, что это зрелище смогло бы напугать меня больше, чем громоподобный гул, эхом отразившийся от оставшихся позади холмов. Мы обернулись, потрясенно наблюдая за взлетевшими в воздух тоннами превратившихся в мелкий порошок скал, а затем отчетливо слышали крики Бентама и Каула.

Они высвободились из библиотеки, вырвались наружу сквозь потолок пещеры и невообразимую толщу скал.

– Нельзя терять ни секунды! – воскликнула мисс Сапсан. Она вскочила на ноги и подняла над головой смятый клочок бумаги, который ей дал Бентам. – Сестры, пора закрыть эту петлю!

Только теперь я понял, что он нам дал и почему мисс Сапсан его отпустила. Он назвал это рецептом. Один раз уже сработало...

Именно эту процедуру он заставил проделать Каула и его последователей в далеком 1908 году. Это обрушило петлю, в которой они находились, вместо того, чтобы переустановить, как они рассчитывали, их внутренние часы. На этот раз обрушение будет преднамеренным. Существовала лишь одна проблема...

– А это не превратит их в пустот? – спросила мисс Королек.

– Пустоты – это не проблема, – ответил я, – но, если мне не изменяет память, в последний раз, когда кто-то подобным образом обрушил петлю, взрывом снесло чуть ли не пол-Сибири.

– Имбрины, которых мой брат уговорил им помочь, были юными и неопытными, – произнесла мисс Сапсан. – Мы все сделаем гораздо аккуратнее.

– Да уж, надо постараться, – кивнула мисс Королек.

Над холмом поднялось гигантское лицо, как будто второе солнце выглянуло из-за горизонта. Это был Каул, огромный, как десять домов. Жутким голосом, от которого загудели холмы, он заревел:

– АЛМААААААААА!

– О, мисс, он гонится за вами! – заплакала Оливия. – Надо спастись! Скорее!

– Одну секунду, дорогая.

Мисс Сапсан отогнала всех странных детей (а также Харона и его кузенов) в сторону, после чего собрала вокруг себя имбрин. Они напоминали какую-то мистическую тайную секту, готовящуюся к отправлению древнего ритуала. Собственно, так это и было. Прочитав все, что было написано на клочке бумаги, мисс Сапсан сказала:

– Если верить вот этому, после того, как мы запустим реакцию, у нас останется одна минута на то, чтобы покинуть петлю.

– А мы успеем? – спросила мисс Зарянка.
– Придется успеть, – с угрюмой решимостью ответила мисс Королек.
– Возможно, лучше сначала подойти поближе к выходу и предпринять нашу попытку там? – предложила мисс Глассбилл, которая лишь недавно окончательно пришла в себя.

– У нас нет времени, – ответила мисс Сапсан. – Нам нужно...

Остаток ее слов поглотил далекий громовой крик Каула. Только теперь он нес какую-то тарабарщину. Видимо, его мозг расплавился, не выдержав стремительного роста. Спустя несколько секунд после того, как стихли последние раскаты, до нас долетело его дыхание – зловонный желтый ветер, убивающий на своем пути все живое.

Но мы уже несколько минут не слышали Бентама. Я подумал, что он, возможно, погиб.

– Пожелайте своим старшим товарищам удачи! – крикнула нам мисс Сапсан.

– Удачи! – закричали мы.

– Надеюсь, мы не взлетим на воздух! – добавил Енох.

Мисс Сапсан обернулась к своим сестрам. Все двенадцать имбрин стали в тесный круг и взялись за руки. Мисс Сапсан заговорила на древнестранном языке. Остальные вторили ей в унисон, и все их голоса сливались в жутковатую мелодичную песню. Это продолжалось около тридцати секунд. К этому времени Каул начал выбираться из образовавшегося кратера, и там, где его ручищи хватались за край горы, по холмам покатались осколки скал и валуны.

– Что ж, это все очень увлекательно, – заявил Харон, – и вы вольны остаться и посмотреть, чем все кончится, но мне и моим кузенам, пожалуй, пора. – Он зашагал прочь, затем увидел, что дорога разделилась на пять тропинок и наших следов на твердой земле не осталось. – Э-э, – произнес он, оборачиваясь к нам, – кто-нибудь помнит дорогу?

– Тебе придется обождать, – прорычал Эддисон. – Никто не уйдет отсюда раньше имбрин.

Наконец они разняли руки, и круг распался.

– Это и все? – спросила Эмма.

– Это и все! – ответила мисс Сапсан, спеша к нам. – А теперь побежали. Будет лучше, если через пятьдесят четыре секунды нас здесь не будет!

Там, где стояли имбрины, земля уже раскололась, и комья глины посыпались в стремительно расширяющуюся трещину, из которой доносился громкий, почти механический гул. Обрушение началось.

Несмотря на крайнюю усталость и полученные раны, мы бежали на подгибающихся ногах, подгоняемые ужасом и жуткими апокалиптическими звуками, а также гигантской неуклюжей тенью, заслонившей от нас заходящее солнце. Мы бежали по земле, которая продолжала трескаться, спускались по осыпающимся у нас под ногами древним лестницам, спеша к первому дому, из которого мы сюда вышли, и давясь красной пылью от рассыпающихся стен. Наконец, мы нырнули в коридор, ведущий в башню Каула.

Мисс Сапсан вошла в трескающийся у нас на глазах тоннель последней, а когда мы через него пробежали, затолкала нас в башню. Оглянувшись, я увидел, как тоннель рухнул под тяжестью обрушившегося на его крышу гигантского кулака.

– Куда подевалась дверь? – отчаянно закричала мисс Сапсан. – Мы должны ее закрыть, иначе разрушение может перекинуться и на эту петлю!

– Ее вышибла Бронвин! – тут же наябедничал Енох. – Дверь сломана!

Бронвин первой подбежала к двери, и для нее было легче вынести дверь, чем поворачивать ручку.

– Простите! – закричала она. – Я нас всех погубила?

Дрожание только что покинутой нами петли перекинулось на башню. Она закачалась, швыряя нас от одной стены коридора к другой.

– Нет, если мы успеем покинуть башню, – ответила мисс Сапсан.

– Мы слишком высоко! – воскликнула мисс Королек. – Мы ни за что не успеем спуститься вниз!

– Прямо над нами открытая площадка, – подсказал я.

Я и сам не понял, зачем это сказал. Неужели разбиться, спрыгнув с огромной высоты, лучше, чем погибнуть под обломками рухнувшей башни?

– Да! – воскликнула Оливия. – Мы спрыгнем!

– Ни за что! – возразила мисс Королек. – Нам, имбринам, это, может, и подойдет, но вам, детям...

– Я могу всех спустить! – ответила Оливия. – Я сильная!

– Ну, нет! – заявил Енох. – Ты слишком маленькая, а нас слишком много!

Башня тошнотворно закачалась. На нас с потолка посыпалась кафельная плитка, а пол покрылся трещинами.

– Ну и ладно! – фыркнула Оливия. – Оставайтесь!

Она начала подниматься. Башня еще раз покачнулась, и всем хватило секунды, чтобы понять, что Оливия – это наша единственная надежда.

Теперь наши жизни находились в руках самой миниатюрной из нас. Да

поможет нам птица!

Промчавшись по наклонному коридору, мы выскочили на открытый воздух в уже сгущающиеся сумерки. Перед нами раскинулся захватывающий вид на весь Дьявольский Акр – крепость с ее бледными стенами, клубящаяся паром пропасть с разомкнутым мостом, обугленная Дымящаяся улица и теснящиеся кварталы за ней и, наконец, Канава, извивающаяся вдоль края петли, подобно кольцу грязной накипи. Что бы ни произошло, – подумал я, – уцелеем ли мы или погибнем, я все равно буду счастлив навсегда покинуть это место.

Мы подошли вплотную к круглому ограждению. Эмма сжала мою руку.

– Не смотри вниз, хорошо?

Имбрины начали превращаться в птиц и усаживаться на перила, готовясь помогать, насколько это возможно. Оливия обеими руками взялась за перила и сбросила туфли. Ее ноги тут же взлетели, и она исполнила стойку на руках.

– Бронвин, возьми меня за ноги, – попросила она. – Мы образуем цепочку. Эмма возьмется за ноги Бронвин, а Джейкоб – за ноги Эммы, Хью – за ноги Джейкоба, а Гораций – за ноги Хью...

– У меня ранена левая нога! – пожаловался Хью.

– Значит, Гораций возьмется за твою правую ногу! – ответила Оливия.

– Это безумие! – вмешался Харон. – Мы слишком тяжелые!

Оливия хотела что-то ему возразить, но внезапная дрожь встряхнула башню с такой силой, что нам пришлось схватиться за перила, чтобы не упасть.

Либо Оливия, либо смерть. Другого выхода не было.

– Вы все поняли? – закричала мисс Сапсан. – Делайте, что вам говорит Оливия, и, самое главное, не разжимайте рук, пока мы не коснемся земли!

Малышка Оливия согнула колени и опустила ногу, предлагая Бронвин за нее схватиться. Бронвин обхватила ее щиколотку, затем дотянулась до второй ноги и сделала то же самое. Оливия выпустила из рук перила и встала в руках Бронвин, устремляясь в небо, как пловец, оттолкнувшийся от стенки бассейна.

Бронвин оторвалась от пола. Эмма быстро схватила ее за ноги и тоже приподнялась вверх. Скрежеща зубами, Оливия тянулась все выше. Наступила моя очередь, но, похоже, подъемная сила Оливии иссякла. Она стонала и загребала руками, но подняться выше ей не удавалось. Тут мисс Сапсан превратилась в птицу, захлопала крыльями, подцепила когтями платье Оливии и потянула ее вверх.

Мои ноги оторвались от пола. В них вцепился Хью, а на нем в свою очередь повис Гораций, за которого ухватился Енох и так далее, пока не дошла очередь до Перплексуса, Эддисона и Харона с кузенами.

Мы взмыли в воздух, похожие на странного извивающегося воздушного змея, невидимым хвостом которого служил Миллард. Все остальные имбрины, поменьше, тоже вцепились когтями в нашу одежду и, яростно хлопая крыльями, помогали поднимать.

Последний из нас едва покинул площадку башни, как все огромное сооружение начало рушиться. Я посмотрел вниз и успел увидеть ее последние мгновения. Все произошло быстро. Верхняя часть сложилась, будто ее затянула в себя обрушивающаяся петля. Все остальное покачнулось и переломалось посередине, осыпавшись огромной тучей пыли и обломков. Все сопровождалось таким грохотом, словно кто-то высыпал в каменоломню миллион кирпичей. Но силы мисс Сапсан стали таять, и мы стали медленно падать на землю. Имбрины что было сил тянули нас в сторону, чтобы мы не приземлились на обломки, а совершили мягкую и безопасную посадку.

Мы коснулись плит двора. Первым опустился Миллард, а последней – Оливия. Она так устала, что упала на спину и осталась лежать, с трудом переводя дыхание, как будто только что пробежала марафон. Мы собрались вокруг и благодарили ее радостными криками и громкими аплодисментами.

Ее глаза расширились, и она показала куда-то вверх.

– Смотрите!

В воздухе у нас за спиной, там, где несколько мгновений назад находилась вершина башни, вращалась мерцающая серебристая воронка, напоминающая миниатюрный ураган. Это были остатки обрушивающейся петли. Мы, как замороженные, наблюдали за ее все более стремительным вращением. Она неуклонно уменьшалась в размерах, а когда стала настолько крошечной, что разглядеть ее уже было невозможно, из нее вырвался звук, похожий на сверхзвуковой хлопок:

– АЛМАААААААААА...

В следующее мгновение воронка исчезла, унося с собой голос Каула.

Глава десятая

Петля обрушилась, башня упала. Пришлось сделать усилие и стряхнуть охватившее всех оцепенение, вызванное только что пережитым потрясением. Казалось, худшее позади и большинство наших врагов повержено, но вокруг царил хаос, и нам предстояло много работы. Несмотря на усталость, ушибы и растяжения связок, имбрины принялись за то, что у имбрин получается наилучшим образом, – наводить порядок. Вернувшись в человеческие тела, они развили кипучую деятельность. Крепость тщательно осмотрели в поисках тварей. Двое сдались сами, а третью – жалкого вида женщину – обнаружил в какой-то яме Эддисон.

Она выбралась с поднятыми руками, умоляя о пощаде. Кузенам Харона было поручено соорудить для наших немногочисленных узников временную тюрьму, и они с удовольствием принялись за работу, сопровождая удары молотков песнями. Мисс Сапсан и мисс Зарянка допросили Харона. Им хватило нескольких минут, чтобы убедиться в том, что он всего лишь наемник, а не тайный агент и не предатель. Похоже, предательство Бентама потрясло Харона не меньше, чем нас.

Вскоре мы опустошили лаборатории и камеры тварей, вдребезги разнеся все их чудовищные приспособления. Мы вывели во двор и осмотрели жертв их жутких экспериментов. Обнаружив еще одну тюрьму, мы выпустили из нее десятки узников. Исхудавшие и оборванные люди медленно выходили из подземного здания, в котором их держали твари. Некоторые, казалось, плохо ориентировались в происходящем и за ними необходимо было присматривать, чтобы они не ушли и не заблудились. Остальные были так потрясены своим неожиданным спасением, что беспрестанно нас благодарили.

Одна маленькая девочка целых полчаса ходила между нами, по очереди обнимая каждого из нас.

– Вы не знаете, что вы для нас сделали, – повторяла она. – Вы не знаете, что вы сделали.

Это не оставило равнодушным никого. Окруженные всхлипывающими и вздыхающими людьми, мы, как могли, их утешали. Я и представить не мог, через что прошли мои друзья, не говоря уже о тех, кто провел в тюрьме Каула недели или даже месяцы. По сравнению с этим мои синяки и ушибы казались несущественными.

Среди всех спасенных мне больше всего запомнились три брата. Они

выглядели вполне здоровыми, но были так потрясены пережитым, что не могли говорить. При первой же возможности они отошли в сторону, уселись на какую-то кучу мусора и устремили в пространство свои невидящие взгляды. Старший из братьев крепко обнимал за плечи младших. Казалось, происходящее никак не укладывается у них в головах, не соответствуя тому кошмару, с которым они успели смириться как с реальностью.

Мы с Эммой подошли к ним.

– Вам больше ничто не угрожает, – мягко произнесла она.

Они посмотрели на нее так, как будто не поняли ни слова из того, что она им сообщила.

Енох увидел, что мы с ними разговариваем, и вместе с Бронвин подошел к нам. Она тащила за собой полуживую тварь со связанными руками. Это был лаборант в белом халате. Мальчишки отшатнулись.

– Он больше не может причинить вам вред, – сказала Бронвин. – Никто из них больше ничего вам не сделает.

– Может, оставить его ненадолго с вами, – с недоброй усмешкой предложил Енох. – Думаю, вам найдется о чем потолковать.

Тварь подняла голову. Когда лаборант увидел мальчиков, его окруженные кровоподтеками глаза широко раскрылись.

– Прекрати, – покачал головой я. – Не мучай их.

Пальцы самого младшего мальчика сжались в кулаки, и он попытался встать, но старший удержал, прошептав ему что-то на ухо. Мальчик закрыл глаза и кивнул, как будто приняв какое-то решение, после чего сунул кулаки подмышки.

– Нет, благодарю вас, – с мягким южным акцентом вежливо ответил он.

– Пошли, – сказал я.

Оставив братьев в покое, мы зашагали прочь, а за нами, спотыкаясь, брела тварь, которую волочила за собой Бронвин.

В ожидании дальнейших указаний от имбрин мы разбрелись по территории крепости. Как все же здорово наконец-то переложить на кого-то ответственность за все происходящее, – думал я. Мы были измучены, но испытывали прилив энергии, и, несмотря на крайнюю усталость, нас распирало ликование от осознания того, что мы выжили.

Отовсюду доносились взрывы смеха, радостные возгласы и песни. Миллард и Бронвин танцевали на искореженной земле. Оливия и Клэр льнули к мисс Сапсан, которая носила их на руках, одновременно занимаясь наведением порядка. Гораций беспрестанно себя щипал, подозревая, что смотрит сон о прекрасном будущем, которое на самом деле еще не наступило. Хью бродил в одиночестве, наверняка тоскуя по Фионе, отсутствие которой остро ощущали мы все. Миллард суетился вокруг своего кумира, Перплексуса, чье ускоренное старение остановилось, как только мы вошли в Абатон и, как ни странно, до сих пор не возобновилось. Но Миллард заверил, что это лишь вопрос времени, а теперь, когда башня Каула рухнула, было непонятно, как Перплексус сможет вернуться в свою старую петлю. (Разумеется, еще существовал Панпетлекон Бентама, но которая из его сотни дверей ведет в нужном направлении?)

Кроме этого, были еще мы с Эммой. Мы были неразлучны и все же с момента приземления не перекинулись ни одним словом. Думаю, мы боялись разговаривать друг с другом, зная, о чем нам предстоит говорить.

Что будет дальше? Что нас ждет? Я знал, что Эмма не может покинуть Странный мир и что ей придется всю жизнь провести в какой-нибудь петле – будь то Дьявольский Акр или какое-нибудь другое место получше. Но я был свободен. У меня была семья и дом, где меня ждали. Жизнь или ее бледное подобие. Но у меня была семья и здесь. И у меня была Эмма. И еще был этот новый Джейкоб, которым я стал, которым я продолжал становиться. Выживет ли он, вернувшись во Флориду?

Мне нужно было все сразу. Обе семьи, оба Джейкоба, вся Эмма. Я знал, что придется выбирать, и боялся, что это меня разорвет на две части.

Это было слишком тяжело. После всех испытаний я еще не был к этому готов. Я хотел забыть об этом выборе хоть на несколько часов, хоть на день. Поэтому мы с Эммой ходили плечом к плечу, не глядя друг на друга, и хватаясь за все, что поручали имбрины.

Будучи по своей природе склонными к гиперопеке, имбрины решили, что мы уже и без того исстрадались и теперь нуждаемся в отдыхе. Кроме

того, они заявили, что к некоторым делам странные дети не должны иметь вообще никакого отношения. Когда башня рухнула, она погребла под собой другое здание поменьше, но они не хотели, чтобы мы разбирали завалы в поисках выживших. Где-то в крепости хранилась амброзия, которую было необходимо изъять. Но они не желали, чтобы мы и близко подходили к этому веществу. Интересно, что они собираются с ней делать? – думал я. – Возможно ли, чтобы эти похищенные души когда-либо воссоединились со своими законными владельцами?

Я думал о флаконе, в котором находилась душа моего дедушки. Когда Бентам ею воспользовался, мне показалось, что надо мной совершилось насилие. И все же если бы он этого не сделал, мы бы никогда не вышли из Библиотеки Душ. Так что, в конце концов, именно душа деда помогла нам спастись. Я радовался, думая о том, что она не пропала даром.

За стенами крепости тварей тоже было много работы. На Скверной улице и в других местах Дьявольского Акра было много странных детей, которых твари превратили в рабов. Их было необходимо освободить, но имбрины настаивали на том, что сделают это сами с помощью нескольких странных взрослых. В итоге они не встретили ни малейшего сопротивления – рабовладельцы и другие перевертыши сбежали из Акра, как только пала башня тварей. Детей предстояло собрать и привести в безопасное место. Предателей ловили, чтобы судить. Нам сказали, что все это не наше дело. В настоящий момент мы нуждались в месте для отдыха, где смогли бы набраться сил. Предстояло также решить, с чего начать восстановление Странного мира, и никто из нас не хотел оставаться в насквозь пропитанной ужасом крепости дольше, чем это было необходимо.

Я предложил отправиться в дом Бентама. Там было полно места, кровати, удобства, целительница и Панпетлекон (который тоже мог нам для чего-нибудь пригодиться). Уже стемнело, когда мы наконец тронулись в путь, посадив всех, кто не мог идти самостоятельно, в один из грузовиков тварей. Остальные шли позади. Пустота на мосту сначала перенесла через пропасть грузовик, а затем и остальных – группами по три человека. Некоторые из детей боялись пустоты, и их пришлось уговаривать. Другим не терпелось прокатиться, и даже оказавшись на другой стороне, они принялись упрашивать о повторном заезде. Я доставил им это удовольствие. Контроль над пустотами стал для меня второй натурой, и это не могло не радовать, хотя у этой радости был горьковатый привкус. Теперь, когда пустоты практически прекратили свое существование, мои странные способности выглядели рудиментарными – во всяком случае, это их проявление. Но я не возражал. Я не стремился к демонстрации

могущества и был бы счастлив, если бы пустот в принципе никогда не существовало. Теперь это было для меня лишь развлекательным трюком.

Мы медленной процессией двигались по Дьявольскому Акру. Те из нас, кто шел пешком, окружали автомобиль, как движущуюся платформу во время парада, остальные ехали на бамперах и крыше. Это выглядело как круг почета, и странные люди Акра высыпали на улицу из своих домов и лачуг, чтобы посмотреть на наше шествие. Они видели падение башни. Они знали, что теперь все будет иначе. Многие аплодировали. Некоторые отдавали честь. Кое-кто прятался в тени, стыдясь своей роли во всем, что тут происходило.

Когда мы прибыли в дом Бентама, Матушка Пыль и Рейналдо встретили нас у двери. Они тепло нас поприветствовали и сказали, что дом в нашем полном распоряжении. Матушка Пыль тут же занялась ранеными, укладывая их в постели, хлопоча вокруг них, присыпая их раны пылью. Она хотела первым делом заняться моими ушибами и ранами от укуса на груди и животе, но я сказал ей, что могу и подождать. Состояние других было куда более тяжелым.

Я рассказал, как использовал ее палец. Как он спас мою жизнь и жизни остальных. Она пожала плечами и вернулась к работе.

Но я не отставал.

– Вы заслуживаете медаль, – сообщил ей я. – Я не знаю, дают ли медали в Странном мире, но если дают, я позабочусь о том, чтобы вы ее получили.

Похоже, это ее потрясло. Судорожно всхлипнув, она поспешила уйти.

– Я что-то сказал не так? – спросил я у Рейналдо.

– Я не знаю, – ответил он и побежал догонять целительницу.

Ним бродил по дому, как пришибленный, не в силах поверить в то, что сделал Бентам.

– Это какая-то ошибка, – беспрестанно твердил он. – Мистер Бентам ни за что бы нас так не предал.

– Прекрати! – рявкнула Эмма. – Твой хозяин был мерзавцем.

Я считал, что правда несколько сложнее, но никто бы меня не понял, если бы я затеял дискуссию о неоднозначности натуры Бентама. Никто не заставлял Бентама отдать нам рецепт или вступить в бой с чудовищем, в которое превратился его брат. Он сделал этот выбор сам. В итоге он обрек себя на смерть, чтобы спасти остальных.

– Ему просто необходимо время, – заметил Харон, кивая на Нима. – Такое принять очень трудно. Бентам обманул многих.

– И даже тебя? – спросил я.

– Особенно меня. – Он пожал плечами и покачал головой. Лодочник был грустен, и было ясно, что его раздражают противоречивые эмоции. – Он отучил меня от амброзии, избавил от зависимости и спас жизнь. В нем было много хорошего. Видимо, это заставило меня закрыть глаза на плохое.

– Как минимум один человек его знал хорошо, – вмешалась в разговор Эмма. – Тут был его приспешник. Некто Игорь.

– Его помощник! – воскликнул я. – Его кто-нибудь видел?

Мы обыскали весь дом, но правая рука Бентама, инженер, бесследно исчез. Мисс Сапсан собрала всех и попросила нас с Эммой подробно описать этого человека, на тот случай, если он вернется.

– Его следует считать опасным, – пояснила она. – Если вы его увидите, не вступайте в разговоры. Вместо этого скорее позовите кого-нибудь из имбрин.

– Кого-нибудь из имбрин, – пробормотал Енох. – Она совсем не отдает себе отчета в том, что это мы спасли их?

Мисс Сапсан это услышала.

– Да, Енох. Вы были бесподобны. Все до одного. И вы заметно повзрослели. Но даже у взрослых есть старейшины, которым виднее.

– Да, мисс, – пристыженно буркнул он.

Улучив момент, я спросил у мисс Сапсан, считает ли она, что Бентам с самого начала собирался нас предать.

– Прежде всего, мой брат был очень беспринципным человеком, – ответила она. – Думаю, какая-то его часть стремилась поступать хорошо, и когда он помог тебе и мисс Блум, он сделал это из самых лучших побуждений. В то же время он допускал, что предательство может принести ему больше выгод, и был готов его совершить. И когда я высказала ему все, что о нем думаю, он решился.

– Мисс Сапсан, вы в этом не виноваты, – произнесла Эмма. – После того что он сделал с Эйбом, я бы тоже его не простила.

– И все же я могла быть добрее. – Она нахмурилась, глядя в сторону. – Отношения между братьями и сестрами бывают очень сложными. Иногда я спрашиваю себя, как мое собственное поведение повлияло на путь, который избрали мои братья. Возможно, я была недостаточно хорошей сестрой? Полагаю, что, будучи молодой имбриной, я была слишком сосредоточена на себе.

– Мисс Сапсан, но это... – начал было я, но вовремя остановился и не произнес слово «смешно».

У меня никогда не было ни брата, ни сестры, так что, возможно, ничего смешного в этом не было.

Позже мы проводили мисс Сапсан и других имбрин в подвал, чтобы показать им сердце сооруженного Бентамом Панпетлекона. Я ощутил в отсеке питания свою пустоту. Она ослабела, но все еще была жива. Мне было ее ужасно жаль, и я спросил, можно ли мне ее выпустить, но мисс Сапсан ответила, что пока машину останавливать нельзя. Возможность войти из-под одной крыши в такое количество петель позволяла быстро распространить известие о нашей победе по всему Странному миру, а также оценить степень причиненного тварями вреда и приступить к восстановлению разрушенного.

– Я надеюсь, мистер Портман, что вы меня понимаете, – добавила мисс Сапсан.

– Понимаю...

– Джейкоб привязался к этой пустоте, – сообщила ей Эмма.

– Ну, – смутился я, – это моя первая пустота.

Мисс Сапсан как-то странно на меня посмотрела, но пообещала сделать все, что возможно.

Боль от укуса на животе становилась нестерпимой, поэтому мы с Эммой встали в очередь на прием к Матушке Пыли. Эта очередь, извиваясь, тянулась по коридору и упиралась в дверь превращенной в клинику кухни. Было удивительно наблюдать за тем, как в эту дверь по очереди, с трудом передвигая ноги, входят избитые и израненные люди – кто с перебитым пальцем на ноге, кто с легким сотрясением мозга или, как в случае с мисс Зарянкой, с пулей из древнего пистолета Каула в плече – и спустя всего несколько минут выходят оттуда как новенькие. На самом деле они все выглядели настолько хорошо, что мисс Сапсан отвела Рейналдо в сторону и попросила его напомнить Матушке Пыли, что ее ресурсы не относятся к возобновляемым, а значит, ей нельзя расходовать себя на легкие раны, которые и без ее вмешательства затянутся без всяких проблем.

– Я и сам ей это уже говорил, – ответил юноша, – но она перфекционистка. Она и слушать меня не стала.

Поэтому мисс Сапсан отправилась в кухню, чтобы лично переговорить с Матушкой Пылью. Через пять минут она вышла оттуда со смущенным видом. Несколько порезов на ее лице исчезли, а рука, поврежденная после того, как Каул швырнул сестру о стену пещеры, свободно двигалась в плече.

– Какая упрямая женщина! – воскликнула она.

Когда наступила моя очередь, я едва не отказался от лечения – на ее целой руке оставались только большой и указательный пальцы. Но она бросила один-единственный взгляд на рваные, покрытые запекшейся кровью раны у меня на животе и практически толкнула меня на койку, которую они установили у раковины. Через Рейналдо она сообщила, что мои раны начали гноиться. Зубы пустот кишат отвратительными бактериями, и, если меня не лечить, мне угрожает серьезная опасность. Я сдался. Матушка Пыль присыпала мой торс своим порошком, и уже через несколько минут я чувствовал себя гораздо лучше.

Прежде чем уйти, я снова попытался рассказать ей, как много значила ее жертва и как кусочек себя, который она мне дала, спас нас всех.

– Честное слово, без этого пальца я никогда не смог бы...

Но как только я начал говорить, она отвернулась, как будто слова благодарности жгли ей уши.

Рейналдо поспешно вытолкнул меня за дверь.

– Извини, у Матушки Пыли еще очень много пациентов.

Эмма встретила меня в коридоре.

– Ты выглядишь прекрасно! – заявила она. – Слава птицам! Этот укус уже не на шутку меня беспокоил...

– Не забудь сказать ей о своих ушах, – перебил ее я.

– Что?

– О своих ушах, – повторил я уже громче и для верности показал на ее уши. После библиотеки у Эммы в ушах стоял беспрестанный звон. Во время нашего бегства ей приходилось руками освещать дорогу, что не позволяло ей зажимать уши, спасаясь от ужасающего грохота, который в буквальном смысле слова был оглушительным. – Главное, ничего не говори о пальце!

– О чем?

– О пальце! – повторил я, показывая ей свой палец. – Это ее очень задевает. Я не каламбурю...

– Почему?

Я пожал плечами.

– Понятия не имею.

Эмма вошла в кухню. Три минуты спустя она вышла оттуда, щелкая пальцами возле ушей.

– Потрясающе! – воскликнула она. – Все так отчетливо слышно!

– Слава богу, – вздохнул я. – Я уже устал кричать.

– Ха. Кстати, я упомянула палец.

– Что? Зачем?

– Из любопытства.

– И?

– У нее задрожали руки. Потом она что-то пробормотала. Рейналдо отказался мне переводить и практически выгнал меня за дверь.

Я подумал, что было бы неплохо попытаться с этим разобраться. Но в настоящий момент мы так устали и проголодались, что запах пищи, достигший нашего обоняния, заставил нас забыть обо всем на свете.

– Идите есть! – закричала с противоположного конца коридора мисс Королек, и на этом наш разговор оборвался.

* * *

Наступила глубокая ночь. Чтобы поесть, мы собрались в библиотеке Бентама, потому что только в этом просторном помещении мы все могли расположиться достаточно комфортно и не чувствовать себя в тесноте. В камине потрескивал огонь, а стол ломился от угощений, которые принесли благодарные местные жители. Тут была жареная курица, картошка, дичь и рыба (которой я избегал, опасаясь, что ее могли поймать в Канаве). Мы ели, беседовали и вспоминали приключения нескольких последних дней. Мисс Сапсан еще почти ничего не слышала о нашем путешествии с Кэрнхолма в разбомбленный Лондон и поисках мисс Королек, и ее интересовало все, до мельчайших подробностей. Она была великолепным слушателем и всегда смеялась, если рассказывали что-то смешное, и ахала, восхищаясь нашей смелостью и находчивостью.

– А потом бомба упала прямо на пустоту и разнесла ее на мелкие кусочки! – воскликнула Оливия, взлетая над стулом. – Но мы были одеты в странные свитера мисс Королек, и поэтому шрапнель нас не убила!

– О боже! – прошептала мисс Сапсан. – Какое счастье!

Когда наши истории подошли к концу, мисс Сапсан какое-то время сидела молча, глядя на нас со смешанным выражением грусти и восхищения на лице.

– Я так вами горжусь, – наконец произнесла она, – и мне так жаль, что с вами все это произошло. Вы и представить себе не можете, как мне хотелось бы, чтобы рядом с вами была я, а не мой вероломный брат.

Мы помолчали, вспоминая Фиону. Хью начал уверять, что она не умерла, а просто потерялась. Деревья смягчили ее падение, – сказал он, – и теперь она, вероятно, бродит где-то в лесу неподалеку от зверинца мисс Королек. Возможно, падая со скал, она ударилась головой и забыла, кто она

и откуда. Или просто прячется...

Он обвел наши лица взглядом, полным надежды, но мы избегали смотреть ему в глаза.

– Я уверена, что она найдется, – заверила его Бронвин.

– Зачем подавать ложную надежду? – спросил Енох. – Это жестоко.

– Да уж, ты по части жестокости специалист, – презрительно заметила Бронвин.

– Давайте сменим тему, – предложил Гораций. – Я хочу знать, как собака спасла Джейкоба и Эмму из подземки.

Эддисон с готовностью вскочил на стол и начал повествование, которое он приукрасил таким количеством лирических отступлений, описывающих его героизм, что Эмме пришлось перехватить у него инициативу. Мы вместе рассказали друзьям о том, как нашли дорогу в Дьявольский Акр и как с помощью Бентама организовали свое мини-вторжение в крепость тварей. И тут на меня посыпались вопросы. Все хотели что-то узнать о пустотах.

– Как ты обучился их языку? – спросил Миллард.

– Что ты чувствуешь, когда их контролируешь? – поинтересовался Хью. – Ты представляешь себя одним из них, как это делаю я со своими пчелами?

– Это щекотно? – хотела знать Бронвин.

– Тебе хотелось бы держать пустоту вместо домашнего животного? – спросила Оливия.

Я отвечал, как мог, но, боюсь, мои ответы были маловразумительными, потому что описывать связь с пустотами было необычайно трудно – все равно что вспоминать сон, приснившийся накануне. И еще меня отвлекали мысли о предстоящем разговоре с Эммой. Когда я закончил, я встретился с ней взглядом и кивнул на дверь. Извинившись перед друзьями, мы встали из-за стола. Идя рядом с Эммой к двери, я спиной чувствовал взгляды всех присутствующих без исключения.

Мы нырнули в тускло освещенную гардеробную, битком набитую плащами, шляпами и зонтиками. Это место не было ни просторным, ни удобным, но, во всяком случае, мы могли уединиться здесь без опасения, что нас кто-то увидит или подслушает. Внезапно я ощутил, как меня охватывает беспричинный ужас. Мне предстоял трудный выбор, и я сколько мог отодвигал момент принятия решения, но он все равно наступил.

Мы смотрели друг на друга и молчали. Было так тихо, что мне казалось, я слышу, как бьются наши сердца.

– Итак, – заговорила Эмма, потому что, конечно же, она неизменно все разговоры начинала первой. Эмма всегда была прямолинейной и никогда не пыталась обходить острые углы. – Ты останешься?

Я не знал, что скажу, пока слова не сорвались у меня с губ. Я произнес их не задумываясь, совершенно автоматически:

– Я должен повидать родителей.

Это, несомненно, было правдой. Они были испуганы и страдали, и это было нечестно. Я и так слишком долго держал их в неизвестности.

– Конечно, – согласилась Эмма. – Я понимаю. Конечно, ты должен их повидать.

Незаданный вопрос повис в воздухе. Повидать родителей – это полумера, но никак не ответ. Да, конечно, увидеть их. А что потом? Что я им скажу?

Я попытался представить себе, как говорю родителям правду. В этом смысле телефонный звонок отцу из метро был анонсом ожидающего меня представления. Он чокнулся. Наш сын безумен. Или принимает наркотики. Или, возможно, у него ломка.

Нет, правда тут не сработает. Но тогда что? Я увижусь с ними, заверю их в том, что жив и здоров, придумаю историю об осмотре достопримечательностей Лондона, а потом сообщу, что им придется вернуться домой без меня? Ха. Они попытаются меня поймать. Возле места нашей встречи в кустах будут сидеть копы. А еще мужчины в белых халатах с сетями, которые Джейкобу будут как раз впору. Мне придется сбежать. Сказав им правду, я все усугублю. Встретившись с ними, а затем сбежав, я лишь причиню им новые, еще худшие страдания. Но я и представить себе не мог, что больше никогда не увижу родителей и никогда не вернусь домой. Потому что, если говорить начистоту, то, какую бы боль ни причиняла мне мысль о разлуке с Эммой и друзьями, и этим миром, какая-то часть меня всегда хотела вернуться домой. Мои родители и их мир символизировали возвращение к разумной жизни, которой после всего этого безумия мне очень не хватало. Я хотел какое-то время побыть нормальным. Перевести дух. Хоть ненадолго.

Я вернул свой долг странным людям и мисс Сапсан. Я стал одним из них. Но я был не только одним из них. Я также был сыном своих родителей. При всем их несовершенстве мне их очень не хватало. Я скучал по дому. Я даже скучал по своей дурацкой обычной жизни. Я не сомневался, что Эммы мне будет не хватать гораздо больше, чем всего этого. Проблема заключалась в том, что я хотел слишком много. Я хотел жить обеими жизнями. Мне было необходимо двойное гражданство. Я

мечтал быть странным и узнать все, что можно узнать о странном мире, а еще быть с Эммой и исследовать все петли, которые Бентам включил в Панпетлекон. Но кроме этого я хотел заниматься всеми дурацкими обыденными делами, которыми занимаются все тинейджеры, пока я все еще нахожусь в этом возрасте. Получить водительские права. Завести друзей из числа сверстников. Окончить школу. А потом мне исполнится восемнадцать и я смогу отправиться туда, куда захочу, – будь то другой материк или другая эпоха. Я мог бы вернуться.

Правда заключалась в том, что я не хотел всю свою жизнь провести во временной петле. Я не хотел на всю жизнь остаться странным ребенком. Но, может быть, когда-нибудь я захотел бы стать странным взрослым.

Возможно, если очень постараться, все это можно совместить? – спрашивал себя я.

– Я не хочу уходить, – ответил я, – но я думаю, что мне придется на какое-то время уйти.

Лицо Эммы окаменело.

– Тогда уходи, – произнесла она.

Я почувствовал себя уязвленным. Она даже не спросила, что означает «на какое-то время».

– Я буду приезжать в гости, – быстро уточнил я. – Я в любой момент могу вернуться.

Теоретически это было правдой. Теперь, когда угроза тварей устранена, то с птичьего благословения у меня всегда есть место, куда я мог бы возвращаться. Но мне трудно представить, что родители дадут согласие на мои повторные путешествия в Соединенное Королевство. Я лгал себе – лгал нам обоим, – и Эмма это знала.

– Нет, – ответила она. – Я этого не хочу.

У меня оборвалось сердце.

– Что? – тихо спросил я. – Почему?

– Потому что это то, что делал Эйб. Каждые несколько лет он возвращался. И каждый раз он был старше, а я оставалась прежней. А потом он с кем-то познакомился и женился...

– Я этого не сделаю, – возразил я. – Я люблю тебя.

– Я знаю, – отворачиваясь, произнесла она. – Он тоже меня любил.

– Но мы не... с нами все будет иначе...

Я пытался найти нужные слова, но у меня в голове все перемешалось.

– Не будет. Ты знаешь, что, если бы я могла, я бы пошла с тобой, но я не могу – я стремительно состарюсь. Поэтому я буду просто тебя ждать. Как будто застыв в капле янтаря. Я так больше не смогу.

– Это ненадолго! Всего на пару лет. А потом я смогу делать все, что захочу. Я смогу куда-нибудь уехать и поступить в колледж. Может быть, здесь, в Лондоне!

– Может быть, – повторила она. – Может быть. Но сейчас ты даешь обещания, которые, возможно, не сможешь сдержать, и именно так любящим людям наносят самые глубокие раны.

Мое сердце бешено колотилось. Меня охватило отчаяние. Я и сам понимал, насколько я жалок. К черту все, ну и пусть я больше никогда не увижу родителей. Переживу. Я не мог потерять Эмму.

– Я сам не понимал, что говорю, – произнес я. – Я не это хотел сказать. Я остаюсь.

– Нет, я думаю, что ты был честен, – покачала головой Эмма. – Я думаю, что ты не будешь счастлив, если останешься. И со временем начнешь меня за это ненавидеть. И это будет еще хуже.

– Нет. Нет, я ни за что не...

Но я показал ей свои карты, и забирать их со стола было слишком поздно.

– Ты должен уйти, – сказала она. – У тебя есть жизнь и семья. С самого начала было ясно, что ты здесь временно.

Я сел на пол, затем откинулся назад, на стену пальто, и позволил им поглотить меня. Несколько долгих секунд я пытался убедить себя в том, что всего этого на самом деле нет, что я вообще не здесь, что весь мой мир на самом деле шерстяной и черный и пахнет нафталином. Когда я начал задыхаться и вынырнул наружу, Эмма, скрестив ноги, сидела рядом со мной на полу.

– Я тоже этого не хочу, – произнесла она. – Но я думаю, я понимаю, почему так должно быть. Тебе предстоит восстанавливать свой мир, а мне свой.

– Но этот мир теперь и мой тоже, – возразил я.

– Верно, – согласилась она и на мгновение задумалась, поглаживая подбородок. – Это так, и я очень надеюсь на то, что ты вернешься, потому что ты стал одним из нас и наша семья без тебя не будет полной. Но когда это произойдет, я думаю, мы с тобой должны быть просто друзьями.

Я задумался над этим. Друзьями. Это прозвучало так блекло и безжизненно.

– Я думаю, это лучше, чем больше никогда в жизни не увидеть друг друга.

– Я согласна, – кивнула она. – Этого я, наверное, не выдержала бы.

Я подполз к ней и обнял ее одной рукой за талию. Я ожидал, что она

отстранится, но она не сопротивлялась. Спустя какое-то время она уронила голову мне на плечо.

Мы очень долго сидели там и молчали.

* * *

Когда мы с Эммой в конце концов выбрались из гардеробной, почти все уже спали. Дрова в камине почти прогорели, и теперь там приглушенно рдели угли, тарелки были завалены объедками, а от высокого потолка библиотеки эхом отражалось похрапывание и посапывание наших спящих друзей. Дети и имбрины вытянулись на кушетках, свернулись калачиком на ковре, несмотря на то, что наверху было много удобных спален. Едва не утратив друг друга, они не были готовы сразу же расстаться, пусть и на одну ночь.

Мы решили, что я уйду утром. Теперь, когда я знал, что должно случиться между мной и Эммой, откладывать расставание не имело смысла. Это лишь продлило бы наши мучения. Но сейчас необходимо поспать. Сколько времени прошло с тех пор, как нам удалось закрыть глаза хотя бы на пару минут? Еще никогда в жизни я не чувствовал себя настолько измученным.

Мы набросали в угол подушек и уснули, обнявшись. Это была наша последняя ночь вместе, и я прижимал ее к себе так крепко, как будто пытался запомнить ее всеми органами чувств. Запомнить прикосновения к ней, ее запах, звук ее дыхания. Но я стремительно погружался в сон, и мне показалось, что я едва успел закрыть глаза, как уже в следующую секунду в них ударил яркий дневной свет из ряда высоких окон.

Все уже проснулись и бродили по комнате, разговаривая шепотом, чтобы не разбудить нас. Мы поспешно разомкнули руки и отстранились друг от друга, чувствуя себя неловко без спасительного покрывала темноты. Но не успели мы прийти в себя, как в комнату впорхнула мисс Сапсан с большим кофейником в руках. За ней шел Ним с подносом кружек.

– Доброе утро всем! Надеюсь, вы хорошо отдохнули, потому что у нас много...

Мисс Сапсан увидела нас и замолкла на полуслове, вопросительно подняв брови.

Эмма закрыла лицо руками.

– О нет.

Накануне вечером я был так измучен физически и эмоционально, что мне и в голову не пришло, что не следует спать в одной постели с Эммой (хотя мы на самом деле всего лишь спали), чтобы не оскорбить викторианскую добропорядочность мисс Сапсан.

– Мистер Портман, на одно слово.

Мисс Сапсан поставила кофейник и поманила меня пальцем.

Кто бы мог подумать, что мне придется за это отдуваться. Я встал и торопливо оправил свою помятую одежду, ощущая, как мои щеки заливаются жарким румянцем. Мне совершенно не было стыдно, но в такой ситуации было трудно не смутиться.

– Пожелай мне удачи, – прошептал я Эмме.

– Ни в чем не признавайся! – прошептала она в ответ.

Проходя через комнату, я услышал хихиканье, и кто-то пропел:

– Тили-тили тесто... Джейкоб и Эмма жених и невеста!

– О, Енох, сколько тебе лет? – фыркнула Бронвин. – Ты просто ревнуешь.

Я вышел в коридор вслед за мисс Сапсан.

– Между нами ничего не было, – произнес я. – Можете не сомневаться.

– Меня это не интересует, – ответила она. – Вы нас сегодня покидаете, верно?

– Как вы узнали?

– Я, может быть, говоря начистоту, и пожилая женщина, но голова у меня все еще имеется. Я знаю, что ты разрываешься между своими родителями и нами, своим старым и своим новым домом... или тем, что от него осталось. Ты хочешь найти баланс без необходимости выбирать и причинять боль людям, которых ты любишь. Но это нелегко. Или даже невозможно. Я права?

– Э-э... ага. В целом, да, все именно так.

– И о чем вы договорились с мисс Блум?

– Мы друзья, – ответил я, с трудом выговорив это слово.

– И тебя это не слишком радует.

– Ну... да. Но я понимаю... кажется.

Она склонила голову набок.

– Понимаешь?

– Она защищается.

– И защищает тебя, – уточнила мисс Сапсан.

– Этого я не понимаю.

– Ты еще очень юн, Джейкоб. Ты еще очень многого не можешь понять.

– Я не понимаю, какое отношение имеет к этому мой возраст.

– Прямое! – Она рассмеялась, коротко и резко. Затем она увидела, что я действительно не понимаю, и немного смягчилась. – Мисс Блум родилась в начале прошлого века, – пояснила она. – Ее сердце старое и постоянное. Возможно, тебя волнует, что она скоро тебя забудет, что ей вскружит голову какой-нибудь странный Ромео. Я нахожу это маловероятным. Она сосредоточена на тебе. Я никогда и ни с кем не видела ее такой счастливой. Даже с Эйбом.

– Правда? – пробормотал я, ощущая, как тепло разливается по моему телу.

– Правда. Но как мы только что установили, ты юн. Тебе всего лишь шестнадцать. Первые шестнадцать лет твоей жизни. Твое сердце только просыпается, и мисс Блум – твоя первая любовь. Я угадала?

Я смущенно кивнул. Ну да, несомненно. Это было видно невооруженным глазом.

– У тебя еще может быть и другая любовь, – продолжала мисс Сапсан. – Молодым сердцам, как и молодым головам, трудно долгое время удерживать внимание на одном объекте.

– Я не такой, – возразил я.

Я знал, что это запальчивый ответ импульсивного подростка, но в этот момент я был уверен в своем чувстве к Эмме, как никогда и ни в чем не был уверен.

Мисс Сапсан медленно кивнула.

– Я рада это слышать, – произнесла она. – Возможно, мисс Блум и позволила тебе разбить ей сердце, но я тебе своего согласия на это не дам. Она очень важна для меня, и совсем не такая крепкая, какой хочет казаться. Я не могу допустить, чтобы она погрузилась в тоску и начала поджигать все вокруг себя, случись тебе увлечься жалкими чарами какой-нибудь нормальной девчонки. Я уже все это проходила, и у нас просто не осталось лишней мебели. Ты понимаешь?

– Э-э, – замялся я, не зная, что ответить, – думаю, да...

Она сделала шаг ко мне и повторила свой вопрос, на этот раз тихим и ледяным голосом:

– Ты понимаешь?

– Да, мисс Сапсан.

Она резко кивнула, затем улыбнулась и похлопала меня по плечу.

– Вот и хорошо. Славно мы с тобой побеседовали. – И прежде, чем я успел ответить, она уже вернулась в библиотеку с протяжным объявлением: – Завтрак!

Я ушел через час. Эмма, мисс Сапсан и все наши друзья и имбрины проводили меня до дока. Харон ожидал в новой лодке, брошенной пиратами. Последовали долгие объятия и слезные прощания, завершившиеся тем, что я пообещал вернуться в гости – хотя я не очень понимал, как мне удастся это сделать в ближайшем будущем, с учетом стоимости международных перелетов и необходимости уговорить родителей.

– Джейкоб, мы тебя никогда не забудем! – шмыгая носом, произнесла Оливия.

– Я запишу твою историю, чтобы увековечить ее, – пообещал Миллард. – Это будет мой новый проект. И я позабочусь о том, чтобы его включили в новое издание «Историй». Ты станешь знаменит!

Затем ко мне подошел Эддисон, за которым плелись два мрачвежонка. Я не понимал, кто кого усыновил – он их или они его.

– Ты четвертый из самых смелых людей, которых мне довелось встретить, – сообщил мне он. – Я надеюсь, мы еще увидимся.

– Я тоже на это надеюсь, – совершенно искренне ответил я.

– О, Джейкоб, можно мы приедем к тебе в гости? – взмолилась Клэр. – Я всегда хотела увидеть Америку.

Я не решился напомнить ей, почему это невозможно.

– Конечно, можете, – ответил я. – Я буду очень рад.

Харон постучал шестом по борту лодки.

– Прошу на борт!

Я неохотно шагнул в лодку. Эмма и мисс Сапсан последовали за мной. Они настояли на том, чтобы быть рядом, пока я не встречу с родителями, и я не стал с ними спорить. Мне казалось, прощаться постепенно будет легче.

Харон отвязал судно и оттолкнулся от стены дока. Наши друзья кричали и махали руками нам вслед. Я махал в ответ, но видеть, как они скрываются вдаль, было слишком больно, поэтому я прикрыл глаза, и вскоре они исчезли за поворотом Канавы.

Разговаривать никому не хотелось. Мы молча наблюдали за проплывающими мимо покосившимися зданиями и шаткими мостами. Спустя какое-то время мы приблизились к переходу. Течение мощно увлекло нас в тот же тоннель, через который мы проникли в Дьявольский Акр, и выплонуло с противоположной стороны в душный и влажный

современный день. Исчезли трущобы Дьявольского Акра. Вместо них на берегах выросли сверкающие офисные башни и застекленные фасады многоквартирных домов. Мимо прожужжал катер.

Отовсюду в мое сознание лились звуки активной, полной дел и забот, жизни в настоящем. Звонок мобильного телефона. Разнузданная поп-музыка. Мы проплыли мимо открытого ресторана на набережной канала, но благодаря чарам Харона обедающие на площадке люди нас не заметили. Интересно, что бы они подумали, увидев двух подростков в черном, женщину в строгом викторианском платье и Харона в плаще от старухи с косой, выплывающих из преисподней. Кто знает, может, современный мир уже так пресытился развлечениями, что никто и глазом не моргнул бы.

Кроме того, теперь, когда мы вернулись в настоящее, меня все больше беспокоили мысли о том, что именно я расскажу родителям. Пока что они успели решить, что я сошел с ума или подсел на сильные наркотики. Мне очень повезет, если они не упекут меня в психлечебницу. Даже если они этого не сделают, терапия на долгие годы мне обеспечена. Они больше никогда не будут мне доверять.

Но это была моя борьба, и я знал, что справлюсь. Лично для меня проще всего было бы сказать им правду. Но это было исключено. Я знал, что родителям ни за что не понять этой части моей жизни. А если бы я попытался заставить их поверить и понять, то оказаться в психлечебнице имели все шансы уже они.

Отец уже знал о странных детях больше, чем ему было положено. Он видел их на Кэрнхолме, хотя и решил, что ему это приснилось. Затем Эмма оставила ему письмо и фотографию, на которой она была вместе с моим дедушкой. И как будто всего этого было недостаточно, когда я позвонил отцу из метро, я сам сказал ему, что я странный. Теперь я уже понимал, что это было очень эгоистично и я совершил ошибку. А теперь я еще и направлялся на встречу с ними в обществе Эммы и мисс Сапсан.

– Я тут подумал, – произнес я, оборачиваясь к ним. – Может, вам не стоит со мной идти?

– Почему? – спросила Эмма. – За это время мы точно не успеем стремительно состариться...

– Не думаю, что будет здорово, если родители увидят меня с вами. Мне и без того будет очень трудно им все объяснить.

– Я тоже об этом думала, – ответила мисс Сапсан.

– О чем? О моих родителях?

– Да. Если хочешь, я могу тебе помочь.

– Как?

– Среди множества обязанностей имбрин имеется и обязанность общаться с нормальными людьми, которые проявляют излишнее любопытство, создавая нам проблемы, или беспокоят нас каким-то иным образом. У нас имеются средства, способные потушить их любопытство и заставить их забыть о том, что они видели что-то необычное.

– Ты об этом знала? – спросил я у Эммы.

– Конечно. Если им не стирать память, странные люди только и делали бы, что попадали в газеты.

– Так это... действительно стирает людям память?

– Это скорее похоже на изъятие определенных неудобных воспоминаний, – пояснила мисс Сапсан. – Это совершенно безболезненно и не имеет побочных эффектов. Все же тебе это может показаться чересчур радикальным. Так что я оставляю выбор за тобой.

– Хорошо, – кивнул я.

– Что хорошо? – спросила Эмма.

– Хорошо, пожалуйста, сотрите память моих родителей. Это просто потрясающая возможность. А заодно... был один случай... когда мне было двенадцать лет, я врезался на маминой машине в двери гаража...

– Вас заносит, мистер Портман.

– Я пошутил, – буркнул я, хотя это было не совсем так.

Как бы то ни было, я испытал огромное облегчение, узнав, что мне не придется еще много лет только тем и заниматься, что просить прощения за то, что я сбежал, заставил их поверить в то, что я умер, и чуть не сломал им жизни. И это не могло не радовать.

Глава одиннадцатая

Харон высадил нас на той же темной, облюбованной крысами пристани, где мы увидели его впервые. Выходя из лодки, я испытал приступ ностальгии. Да, на протяжении последних нескольких дней мне беспрестанно угрожала опасность, я страдал от самых экзотических ран и был по уши в грязи. Но я знал, что таких приключений у меня не будет больше никогда. Я понимал, что мне этого будет не хватать. Разумеется, не столько пережитых испытаний, сколько того человека, которым я был, когда их преодолевал. Теперь я знал, что внутри меня скрывается железная воля, и надеялся, что смогу сохранить ее, как бы ни размягчала меня моя нормальная жизнь.

– Пока, – произнес Харон. – Я был рад знакомству с тобой, несмотря на все бесконечные проблемы, которые ты на меня навлек.

– Да, я тоже, – ответил я, пожимая ему руку. – Было интересно.

– Обождите нас здесь, – попросила его мисс Сапсан. – Мы с мисс Блум вернемся через пару часов, а то и раньше.

Отыскать моих родителей оказалось легко. Это было бы еще проще, сохрани я свой телефон. Но даже без него все, что мне пришлось сделать, это явиться в первый попавшийся полицейский участок. Я был известной разыскиваемой личностью, и всего через полчаса после того, как я сообщил полицейскому свое имя и уселся в ожидании на скамью, в двери ворвались родители. Их одежда была помята и не вызывала сомнений относительно того, что они спали, не раздеваясь. Обычно идеальный мамин макияж был размазан по лицу, отец зарос трехдневной щетиной, и оба держали стопки объявлений с надписью РАЗЫСКИВАЕТСЯ и моим фото. Меня охватило ужасное раскаяние за то, что я заставил их пережить. Но когда я начал извиняться, они уронили объявления и с двух сторон заключили меня в объятия. Свитер отца заглушил все, что я пытался сказать.

– Джейк, Джейк, о боже, мой малыш Джейк, – плакала мама.

– Это он, это действительно он, – твердил отец. – Мы так переживали, мы так переживали...

Сколько же меня не было? Неделю? Что-то около того, хотя мне это время показалось вечностью.

– Где же ты был? – спросила мама. – Чем ты занимался?

Объятия разомкнулись, но мне по-прежнему не удавалось вставить ни слова.

– Почему ты взял и убежал? – хотел знать отец. – О чем ты только думал, Джейкоб?

– Я из-за тебя поседела! – воскликнула мама, а затем обхватила меня обеими руками во второй раз.

Отец окинул меня взглядом.

– Где твоя одежда? Что это на тебе?

Я все еще был в своем черном рейнджерском костюме. Ой! Впрочем, это объяснить было легче, чем одеяние девятнадцатого века, и, к счастью, Матушка Пыль залечила порезы на моем лице...

– Джейкоб, скажи хоть что-нибудь, – потребовал отец.

– Мне и в самом деле очень и очень жаль, – произнес я. – Я никогда не заставил бы вас так страдать, если бы это зависело от меня. Но теперь все хорошо. И все будет хорошо. Вы не поймете, и это тоже нормально. Я вас очень люблю.

– В чем ты прав, – заметил папа, – так это в том, что мы ничего не понимаем.

– Но это не нормально, – добавила мама. – Ты должен нам все объяснить.

– И нам тоже, – вмешался полицейский, все это время стоявший рядом. – И еще мы сделаем тебе тест на наркотики.

Ситуация начинала выходить из-под моего контроля. Пора было дергать за кольцо раскрытия парашюта.

– Я вам все расскажу, – пообещал я, – но сначала я хочу познакомить вас со своим другом. Мама, папа, это мисс Сапсан.

Я увидел, как отец перевел взгляд с мисс Сапсан на Эмму. Должно быть, он ее узнал, потому что вид у него был такой, как будто он увидел привидение. Но это меня не взволновало, потому что я знал – скоро он обо всем забудет.

– Мне очень приятно с вами познакомиться, – произнесла мисс Сапсан, пожимая руки моим родителям. – У вас потрясающий сын, просто превосходный мальчик. Джейкоб не только настоящий джентльмен, он еще одареннее своего деда.

– Своего деда? – переспросил отец. – Откуда вы...

– Кто эта эксцентричная женщина? – спросила мама. – Как вы познакомились с нашим сыном?

Мисс Сапсан сжала их руки и пристально посмотрела им в глаза.

– Алма Сапсан, Алма ЛеФей Сапсан. Насколько я поняла, здесь, на Британских островах, вам пришлось нелегко. Жуткое путешествие. Думаю, будет лучше для всех, если вы просто забудете обо всем, что тут

произошло. Вы со мной согласны?

– Да, – пробормотала мама, глядя на нее с отсутствующим видом.

– Я согласен, – произнес отец слегка загипнотизированным голосом.

Мисс Сапсан остановила их мозговую деятельность.

– Замечательно, великолепно, – воскликнула она. – А теперь взгляните, пожалуйста, на это.

Она выпустила их руки и извлекла из кармана длинное соколиное перо, покрытое голубыми пятнышками. Но тут на меня жаркой волной нахлынуло чувство вины и я ее остановил.

– Погодите, – произнес я. – Мне кажется, я все-таки не хочу, чтобы вы это делали.

– Ты уверен? – несколько разочарованно поинтересовалась она. – У тебя могут возникнуть серьезные проблемы.

– Мне кажется, это сродни лжи, – ответил я.

– В таком случае что ты им скажешь? – спросила Эмма.

– Я пока не знаю. Но мне кажется, это неправильно – просто... стереть у них память.

Я считал, что, сказав им правду, я поступлю ужасно эгоистично. Но еще хуже было просто удалить потребность в объяснениях. Да и вообще – как насчет полиции? И что скажут остальные мои родственники? Друзья моих родителей? Наверняка они все знают о том, что я пропал, и если мои родители забудут о том, что произошло... Нет, это невозможно было себе даже представить.

– Как знаешь, – отозвалась мисс Сапсан. – Но я думаю, необходимо удалить хотя бы последние две или три минуты, чтобы они забыли о нас с мисс Блум.

– Ну ладно... удаляйте, – согласился я. – Главное, чтобы они не забыли английский язык.

– Я всегда работаю очень аккуратно, – ответила мисс Сапсан.

– Что это за разговоры о стирании памяти? – вдруг поинтересовался полицейский. – Кто вы такая?

– Алма Сапсан, – мисс Сапсан подскочила к нему и энергично пожала ему руку. – Алма Сапсан, Алма ЛеФей Сапсан.

Голова полицейского опустилась на грудь. Казалось, его внезапно заинтересовало что-то на полу.

– Вы могли бы проделать это кое с кем из тварей, – заметила Эмма.

– К сожалению, это работает только со слабым рассудком нормальных людей, – покачала головой мисс Сапсан. – Кстати, о нормальных людях.

Она подняла вверх соколиное перо.

– Погодите, – остановил я ее и протянул ей руку. – Прежде, чем вы их разбудите, я хочу вас за все поблагодарить. Мисс Сапсан, мне будет вас очень не хватать.

Не обращая внимания на мою руку, мисс Сапсан меня обняла.

– Взаимно, мистер Портман. И это я должна вас благодарить. Если бы не ваш с мисс Блум героизм...

– Ну, – протянул я, – если бы много лет назад вы не спасли моего дедушку...

Она улыбнулась.

– Значит, мы в расчете.

Осталось попрощаться только с одним человеком. И это было самое сложное. Я обеими руками обнял Эмму, и она изо всех сил прижалась ко мне.

– Мы сможем переписываться? – спросила она.

– Ты уверена, что этого хочешь?

– Конечно. Друзья не должны теряться.

– Хорошо, – с облегчением кивнул я. – По крайней мере мы могли...

И тут она меня поцеловала. Это был настоящий долгий поцелуй в губы, от которого у меня пошла кругом голова.

– Я думал, мы просто друзья! – произнес я, удивленно отстраняясь.

– Э-э, да, – смущенно ответила она. – Теперь друзья. Мне просто нужно было это на память о тебе.

Мы одновременно расхохотались, и наши сердца парили в небе и разбивались одновременно.

– Дети, прекратите немедленно! – зашипела мисс Сапсан.

– Фрэнк, – еле слышно произнесла моя мама, – кто эта девушка, которую целует Джейк?

– Понятия не имею, – пробормотал отец. – Джейкоб, кто эта девушка и почему ты ее целуешь?

Мои щеки вспыхнули.

– Э-э, это моя... подруга. Эмма. Мы просто прощаемся.

Эмма озорно помахала им.

– Вы обо мне забудете, но... привет!

– Немедленно перестань целовать посторонних девушек и пойдем отсюда, – продолжала мама.

– Хорошо, – кивнул я мисс Сапсан. – Думаю, пора с этим заканчивать.

– Не думай, что мы прощаемся, – покачала головой мисс Сапсан. – Теперь ты один из нас. И так просто тебе от нас не отделаться.

– Я надеюсь, – усмехнулся я, хотя на душе у меня было невыносимо

тяжело.

– Я буду писать, – срывающимся голосом пообещала Эмма, пытаясь улыбнуться. – Желаю тебе успехов в... в том, чем занимаются нормальные люди.

– До свидания, Эмма. Я буду скучать.

Это заверение мне самому показалось неадекватным, но в такие минуты адекватных слов просто не существовало.

Мисс Сапсан обернулась к моим родителям, чтобы закончить свою работу. Подняв соколиное перо, она пощекотала обоих под носом.

– Прошу прощения! – произнесла мама. – Что, по-вашему, вы делаа-АААААА-ПЧХИ!

А затем они с отцом принялись безудержно чихать, и, пока они чихали, мисс Сапсан пощекотала полицейского, и он тоже расчихался. Когда наконец приступ чихания прошел и все трое принялись утирать носы и слезящиеся глаза, мисс Сапсан и Эмма уже выскользнули за дверь и исчезли.

– Так вот, как я говорил, – начал было отец, продолжая свою фразу, как будто последних нескольких минут вообще не было, – погодите... а что я, собственно, говорил?

– Что мы могли бы просто вернуться домой и поговорить обо всем позже? – с надеждой в голосе подсказал я.

– Не раньше, чем вы ответите на несколько вопросов, – вмешался полицейский.

Несколько минут мы провели, беседуя с ним. Я отвечал туманно, перемежая объяснения извинениями и клялся-божился, что меня не похищали, что я не подвергался насилию и не употреблял наркотики. (Благодаря стараниям мисс Сапсан, полицейский и думать забыл о тесте на наркотики.) Когда родители объяснили ему насчет смерти бабушки и «проблем», которые у меня из-за этого возникли, полицейский, похоже, окончательно удостоверился, что перед ним самый заурядный случай – беглец, забывший принять лекарство. Нас заставили подписать несколько бланков и отправили восвояси.

– Да, да, пожалуйста, давайте поедem домой, – вздохнула мама. – Но мы обязательно обо всем поговорим, молодой человек. И очень подробно.

Домой. Это слово стало для меня чужим. Это была какая-то далекая страна, которую мне не удавалось себе даже представить.

– Если мы поспешим, – кивнул папа, – мы можем успеть на вечерний рейс.

Он так крепко обхватил меня за плечи, будто боялся, что я сбегу, как

только он меня отпустит. Мама не сводила с меня глаз, в которых светилась благодарность, и моргала, смахивая слезы.

– Все хорошо, – заверил их я. – Честное слово.

Я знал, что они мне не верят и еще очень долго не поверят.

Выйдя на улицу, мы остановили черный кеб. Когда машина притормаживала у обочины, я заметил два знакомых лица, наблюдавших за мной из парка напротив. В резной тени дуба стояли Эмма и мисс Сапсан. У меня сжалось сердце, и я поднял руку, прощаясь с ними.

– Джейк? – Отец отворил дверцу такси и ожидал, пока я сяду в машину. – Что случилось?

Я сделал вид, что поднял руку для того, чтобы почесать голову.

– Ничего, папа.

Я сел в такси. Папа обернулся, глядя на парк. Когда я выглянул в окно, то под дубом уже никого не было. Лишь прыгала по земле какая-то птица, да ветер сдувал листья.

* * *

Мое возвращение домой не было ни триумфальным, ни легким. Я разрушил доверие родителей и понимал, что восстанавливать его придется долго и трудно. Они были убеждены, что я в любой момент могу сбежать, и ни на минуту не упускали меня из виду. Я никуда не ходил один, даже если речь шла о прогулке вокруг квартала. В доме установили замысловатую систему безопасности, не столько для того, чтобы помешать проникнуть внутрь вору, сколько для того, чтобы не позволить мне выскользнуть наружу. Меня снова отправили на терапию. Мне пришлось пройти бесчисленные психологические тесты, после чего мне прописали новые, еще более сильные лекарства (которые я прятал под язык, а затем выплевывал). Но этим летом мне пришлось пережить куда более страшные лишения, и если за увлекательные события, новых друзей и необычайную жизнь, которая теперь тоже была моей, мне приходилось расплачиваться временной утратой свободы, мне это не казалось высокой ценой. Это стоило всех трудных разговоров с родителями, всех одиноких ночей, которые я проводил в мечтах об Эмме и своих новых друзьях, и всех визитов к моему новому психиатру.

Это была невозмутимая пожилая дама по имени доктор Спэнджер, и четыре часа в неделю я проводил в сиянии улыбки, как будто приклеенной к ее физиономии с явными следами вмешательства пластического хирурга.

С этой неизменной улыбкой она беспрерывно допрашивала меня, почему я сбежал с острова и как я провел все последующие дни. (Кстати, ее глаза были мутновато-карими, с абсолютно нормальными зрачками. И это точно не были контактные линзы.) История, которую я изобрел, опиралась на гипотезу о временном помутнении рассудка, приправленную щепоткой потери памяти. Таким образом, проверить что-либо не представлялось возможным. Она гласила: испуганный тем, что на Кэрнхолме якобы объявился убивающий овец маньяк, я сломался, спрятался на судне, идущем в Уэльс, ненадолго забыл, кто я такой, и автостопом добрался до Лондона. Я спал в парках, ни с кем не разговаривал, ни с кем не знакомился, не употреблял изменяющих сознание веществ и несколько дней бродил по городу в состоянии амнезии. Что касается телефонного звонка отцу, во время которого я признался в том, что я «странный»... э-э, какой телефонный звонок? Я не помнил ни о каком звонке.

В конце концов доктор Спэнджер списала все на маниакальный эпизод, характеризующийся галлюцинациями и вызванный стрессом, горем и неразрешенными проблемами с дедушкой. Другими словами – я слегка чокнулся, но скорее всего это был лишь отдельный эпизод и мне уже значительно лучше, благодарю вас. Все же мои родители были как на иголках и все время ожидали, что я снова сорвусь, совершу какой-нибудь безумный поступок или снова убегу. Но мое поведение было безупречным. Я исполнял роль примерного ребенка и покаявшегося сына так мастерски, как будто хотел заслужить «Оскар». Я, не дожидаясь просьб, помогал по дому. Я вставал задолго до полудня и все время держался в поле зрения своих бдительных родителей. Я смотрел с ними телевизор, выполнял все поручения и после еды не спешил выйти из-за стола, участвуя в бессодержательных беседах о ремонте ванной, деятельности ассоциации домовладельцев, модных диетах и птицах, которые обожали вести мои родители. (Дедушка, остров или мой «эпизод» если и упоминались, то вскользь.) Я был учтивым, добрым, терпеливым – другими словами, совершенно не тем сыном, которого они знали раньше. Должно быть, они считали, что меня похитили пришельцы, впоследствии заменив меня клоном или чем-то в этом роде. Но они не жаловались. Спустя несколько недель они отважились пригласить в гости родственников, и к нам по очереди стали заглядывать тетушки-дядюшки, пить кофе и вести чопорные разговоры, что позволяло мне лично продемонстрировать, насколько я вменяем.

Самым странным было то, что папа никогда не упоминал письмо, которое он получил на острове от Эммы, а также вложенную в него

фотографию. Возможно, он был не готов иметь с этим дело или же опасался, что, заговорив об этом, спровоцирует у меня рецидив. Каковы бы ни были причины его молчания, но вел он себя так, как будто этого никогда не было. Что касается личной встречи с Эммой, Миллардом и Оливией, я был уверен, что он давно квалифицировал ее как причудливый сон.

Прошло еще несколько недель, и родители начали успокаиваться. Они повелись на мою историю и трактовку моего поведения доктором Спэнджер. Возможно, они могли бы копнуть глубже, задать больше вопросов, обратиться ко второму или даже к третьему психиатру. Но им очень хотелось верить в то, что мне на самом деле гораздо лучше. Что лекарства, прописанные мне доктором Спэнджер, сотворили чудо. Больше всего на свете они желали, чтобы наша жизнь вернулась в свою колею, и чем дольше я находился дома, тем больше они верили в то, что именно это и происходит.

Но что касается меня, все это стоило мне огромных усилий. Я был одинок и очень скучал. Дни казались бесконечными. Я думал, что после испытаний нескольких последних недель домашняя обстановка покажется мне раем, но очень скоро наскучили и китайская кухня, и свежие простыни. Моя постель была слишком мягкой. Моя пища – слишком сытной. Всего было слишком много, и я стыдился этих излишеств. Порой, блуждая вслед за родителями по рядам торговых центров, я вспоминал людей, живущих на краю Дьявольского Акра, и меня охватывал гнев. Почему у нас так много всего, что мы не знаем, куда это девать, а у них гораздо меньше, чем необходимо для элементарного выживания?

Я плохо спал. Я просыпался среди ночи, и передо мной снова и снова прокручивались эпизоды моей жизни среди странных людей. Хотя я дал Эмме свой адрес и по несколько раз в день проверял почтовый ящик, я не получал писем ни от нее, ни от остальных. Время шло – две недели, затем три – и все, что со мной произошло, начинало казаться нереальным и абстрактным. Было ли это на самом деле? Или все привиделось? Иногда меня охватывало отчаяние и я спрашивал себя – а не сошел ли я и в самом деле с ума?

Поэтому я вздохнул с огромным облегчением, когда спустя месяц после моего возвращения домой я наконец получил письмо от Эммы. Оно было коротким и беззаботным. Она рассказывала, как идет процесс восстановления, и интересовалась, как дела у меня. Обратным адресом был почтовый ящик в Лондоне, который, как пояснила Эмма, находился достаточно близко к входу в Дьявольский Акр, что позволяло проверять его довольно часто, ненадолго выбираясь в настоящее. Я ответил в тот же день,

и вскоре мы уже обменивались двумя или тремя письмами в неделю. Обстановка дома становилась все более удушающей, и переписка превратилась для меня в глоток свежего воздуха.

Я не мог допустить, чтобы хоть одно из писем попало в руки родителей, поэтому каждый день подстерегал почтальона и выбегал ему навстречу, как только он появлялся в конце подъездной дорожки. Я предложил Эмме переписываться по электронной почте, что было бы безопаснее и быстрее, и исписал несколько страниц, пытаясь объяснить, что такое Интернет и как найти общественное интернет-кафе и создать электронный адрес, но это было безнадежно – она никогда в жизни даже не видела клавиатуру. Но письма от нее стоили того риска, которому я себя подвергал. Кроме того, я начал получать удовольствие от писем, написанных от руки. Держа в руках предмет, к которому прикасался и на котором писал любимый человек, я испытывал какие-то совершенно особые чувства.

В одно из писем она вложила несколько снимков и написала:

Дорогой Джейкоб, у меня снова интересные новости. Помнишь людей, которых мы видели в шкафах? Бентам сказал, что это восковые куклы. Ну так вот, он солгал. Он похитил их в разных петлях и с помощью порошка Матушки Пыли поддерживал в состоянии анабиоза. Мы предполагаем, что он пытался запустить свою машину, используя в качестве батарей разные виды странных людей, но это не срабатывало, пока ты не привел свою пустоту. Как бы то ни было, Матушка Пыль призналась, что обо всем знала, и это объясняет ее странное поведение. Думаю, Бентам каким-то образом ее шантажировал или угрожал причинить какой-то вред Рейналдо, если она ему не поможет. В любом случае, она помогала нам их всех разбудить и вернуть в родные петли. Это просто безумие какое-то!

Мы также используем Панпетлекон для того, чтобы исследовать разнообразные места и знакомиться с новыми людьми. Мисс Сапсан считает, что нам полезно узнать, как живут другие странные люди в разных уголках мира. В доме Бентама я нашла фотоаппарат и во время нашей последней вылазки взяла его с собой. Вкладываю в письмо несколько фотографий. Бронвин говорит, что из меня может получиться неплохой фотограф!

Я безумно по тебе скучаю. Я знаю, что мне не следует такого писать... от этого только хуже. Но иногда я ничего не могу с собой поделать. Может, ты смог бы как-нибудь приехать в гости? Мне так бы этого хотелось. Или может быть.

Она зачеркнула или может быть и написала: Ой, меня зовет Харон. Он

уезжает, а я хотела, чтобы это письмо ушло с сегодняшней почтой. Пиши!

С любовью, Эмма.

Что означало это «или может быть»? – спрашивал я себя.

Я начал перебирать присланные ею фотографии. На обороте каждой из них было короткое описание. На первом снимке две викторианские леди стояли на фоне полосатой палатки под вывеской ДИКОВИНКИ. На обороте Эмма написала: Мисс Боболинк и мисс Гагара организовали передвижную выставку некоторых артефактов Бентама. Теперь, когда странные люди получили возможность путешествовать, эта выставка пользуется огромным успехом. Большинство из нас почти не знакомо с нашей собственной историей...

Далее шла фотография нескольких человек, спускающихся по узкой лестнице на пляж, где их ожидала весельная лодка. На берегу Каспийского моря есть очень милая петля, – писала Эмма, – и на прошлой неделе Ним и некоторые имбрины отправились туда покататься на лодке. Хью, Гораций и я тоже были с ними, но предпочли подождать их на берегу. Спасибо, но мы сыты лодками по горло.

На последнем фото были изображены две соединенные друг с другом девочки с огромными белыми бантами в длинных волосах цвета воронова крыла. Они сидели рядом, раздвинув руками одежду на животе, чтобы продемонстрировать часть их общего торса. Карлотта и Карлита соединены друг с другом, – прочитал я на обороте. – Но это не самая странная их черта. Их тела производят вязкий клей. Когда он высыхает, то становится тверже цемента. Енох сел на этот клей, и его задница на целых два дня приклеилась к стулу! Я думала, что он лопнет от злости. Жаль, что ты этого не видел...

ДИКОВИНКИ

Я тут же написал в ответ: Что ты имела в виду, написав «или может быть»?

Прошло десять дней, но ответа не было. Я волновался, думая о том, что, возможно, она сочла, что в своем последнем письме зашла слишком далеко, нарушив наше соглашение о дружбе, и теперь пытается отстраниться. Я боялся, что ее следующее письмо уже не будет подписано «С любовью, Эмма». А ведь я так ждал этих трех коротких слов. Еще через две недели я начал сомневаться, что следующее письмо вообще когда-нибудь придет.

А затем нам перестали приносить почту. Я как одержимый ждал появления почтальона и, не дождавшись его четыре дня подряд, понял, что что-то не так. Мои родители всегда получали тонны каталогов и счетов. Я как можно небрежнее заметил, что мне кажется странным, что нам перестали доставлять почту. Отец пробормотал что-то об общегосударственном празднике и сменил тему. Вот тут я начал беспокоиться по-настоящему.

Загадка разрешилась уже на следующее утро на сеансе у доктора Спэнджер, на который, к моему удивлению, она также пригласила и моих родителей. Они сидели молча, с напряженными и посеревшими от тревоги лицами. Спэнджер начала, как обычно, с разминки. Как я себя чувствовал? Не приснилось ли мне что-нибудь интересное? Я знал, что она клонит к чему-то серьезному, и наконец не выдержал.

– Почему здесь мои родители? – спросил я. – И почему у них такой вид, как будто они только что вернулись с похорон?

В первый раз за все время улыбка сползла с лица доктора Спэнджер. Она раскрыла лежавшую на столе папку и извлекла из нее три конверта.

Это были письма от Эммы. Все они были вскрыты.

– Нам необходимо об этом поговорить, – произнесла она.

– Мы договаривались о том, что больше никаких тайн не будет, – вмешался отец. – Это плохо, Джейк. Очень плохо.

У меня начали дрожать руки.

– Это личное, – произнес я, пытаясь контролировать свой голос. – Это адресовано мне. Вы не должны были читать эти письма.

Что было в этих письмах? Что увидели мои родители? Это была катастрофа, самая настоящая катастрофа.

– Кто такая Эмма? – спросила доктор Спэнджер. – Кто такая мисс Сапсан?

– Это нечестно! – закричал я. – Вы украли мои письма, а теперь используете их, чтобы загнать меня в угол!

– Потихше! – вмешался отец. – Все вскрылось, так что просто расскажи все, как есть, и всем будет легче.

Доктор Спэнджер показала мне фотографию, которую Эмма, видимо, вложила в один из конвертов.

– Кто эти люди?

Я наклонился вперед, чтобы рассмотреть снимок. Это была фотография двух престарелых леди в кресле-качалке. Одна из них держала вторую на коленях, как маленького ребенка.

– Понятия не имею, – коротко ответил я.

– Тут на обороте кое-что написано, – сообщила мне Спэнджер и начала читать: – «Нам удалось открыть новые методы помощи тем, у кого была изъята часть души. Тесный контакт, похоже, творит чудеса. Всего через несколько часов мисс Калао полностью преобразилась».

– Кто такие имбрины? – поинтересовалась доктор Спэнджер, положив фото на стол и домиком сложив пальцы под подбородком.

Задним числом я понимаю, что это было глупо, но в тот момент мне показалось, что меня приперли к стене и единственное, что мне остается, – это сказать правду. У них были письма и фотографии, и все истории, которыми я до сих пор их потчевал, развеялись как дым.

– Они нас охраняют, – ответил я.

Доктор Спэнджер бросила взгляд на моих родителей.

– Всех нас?

– Нет. Только странных детей.

– Странных детей, – медленно повторила доктор Спэнджер. – И ты считаешь себя одним из них?

Я протянул руку.

– Будьте добры, верните мне мои письма.

– Я их тебе отдам. Но сначала нам надо поговорить, хорошо?

Я сложил руки на груди. Она разговаривала со мной, как с умственно недоразвитым ребенком.

– Так что же дает тебе основания полагать, что ты странный?

– Я могу видеть то, чего не видят другие люди.

Боковым зрением я видел, что родители бледнеют все сильнее. От моих откровений им было дурно.

– В письмах ты упоминаешь какой-то э-э... Пан...петлекон? Что ты можешь рассказать мне об этом?

– Эти письма написал не я, а Эмма, – ответил я.

– Ну да, конечно. Тогда поговорим о ней. Расскажи мне об Эмме.

– Доктор, – вмешалась мама. – Мне кажется, не стоит поощрять...

– Прошу вас, миссис Портман. – Доктор Спэнджер подняла ладонь. – Джейк, расскажи мне об Эмме. Это твоя девушка?

Я увидел, как поползли вверх брови отца. У меня еще никогда не было не то что девушки, но даже настоящего свидания.

– Думаю, она была моей девушкой. Но сейчас мы вроде как... расстались.

Доктор Спэнджер что-то записала, затем начала постукивать кончиком ручки по подбородку.

– А когда ты ее себе представляешь, как она выглядит?
Я отшатнулся, вжавшись спиной в спинку кресла.
– Что вы имеете в виду – я ее себе представляю?
– Ой! – Доктор Спэнджер поняла, что дала маху, и поджала губы. – Я хотела сказать...

– Ладно, все это чересчур затянулось, – вмешался отец. – Джейк, мы знаем, что эти письма написал ты.
Я чуть не выпрыгнул из кресла.
– Что вы знаете? Это даже не мой почерк!
Отец извлек из кармана еще одно письмо – то, которое написала ему Эмма.
– Это ведь написал ты, сознайся? Это тот же почерк.
– Это тоже была Эмма! Смотри, тут даже имя ее стоит!
Я попытался выхватить у него письмо, но отец отдернул руку.
– Иногда нам чего-то хочется так сильно, что мы начинаем фантазировать и верим в то, что наши фантазии реальны, – произнесла доктор Спэнджер.
– Вы думаете, я чокнутый! – закричал я.
– Мы такое слово не употребляем, – ответила доктор Спэнджер. – Прошу тебя, Джейк, успокойся.
– Как насчет почтовых марок на конвертах? – напомнил им я, показывая на письма на столе доктора Спэнджер. – Они пришли из Лондона!
Отец тяжело вздохнул.
– В прошлом семестре ты в школе изучал фотошоп, Джейки. Может, я и старый, но я знаю, как легко все это подделать.
– А снимки? Я и их подделал?
– Это фотографии твоего дедушки. Я уверен, что уже их видел.
У меня шла кругом голова. Меня предали и выставили на посмешище. Я сгорал от стыда. А потом я вообще перестал отвечать, потому что все, что я говорил, только еще больше убеждало их в том, что я утратил рассудок.
Я с трудом сдерживал негодование, пока они говорили обо мне так, как будто меня там вообще не было. Новый диагноз доктора Спэнджер заключался в том, что я страдаю «радикальным отрывом от реальности» и что все эти «странные дети» – часть замысловатой системы галлюцинаций, сконструированной моим мозгом, включая мифическую девушку. Будучи очень умным, я сумел на протяжении долгих недель дурачить окружающих, заставляя их считать себя нормальным. Но теперь письма доказали, что до исцеления еще очень далеко и я даже могу

представлять угрозу для себя самого. Она порекомендовала безотлагательно поместить меня в «клинику» для «реабилитации и наблюдения». Насколько я понял, так у психиатров называется психушка.

Оказалось, что у них все было спланировано заранее.

– Это всего на неделю, от силы на две, – успокоил меня отец. – Это очень хорошее место, супердорогое. Считай это небольшими каникулами.

– Отдайте мне письма.

Доктор Спэнджер сунула письма в папку.

– Прости, Джейк. Мы решили, что будет лучше, если они останутся у меня.

– Вы мне солгали! – воскликнул я.

Бросившись к ее столу, я попытался их схватить, но Спэнджер оказалась проворной и успела отскочить вместе с папкой. Отец что-то крикнул и схватил меня, а секунду спустя в кабинет ворвались двое моих дядьев. Все это время они ожидали в коридоре, чтобы не позволить мне сбежать, попытайся я это сделать.

Они вывели меня на парковку и усадили в машину. Мама нервно пояснила, что дяди несколько дней проживут у нас, пока в клинике не освободится для меня место.

Они боялись оставаться со мной наедине. Мои собственные родители. Кроме того, они не хотели нести за меня ответственность и поэтому решили умыть руки, отправив в клинику. Как будто речь шла о необходимости перебинтовать травмированный локоть. Давайте уж называть вещи своими именами, – думал я, – речь идет о дурдоме, каким бы дорогим он ни был. Там у меня не получится делать вид, что я глотаю лекарства. Выплюнуть их мне уже никто не позволит. И уж точно мне не удастся одурачить врачей рассказами об амнезии и бессознательном бродяжничестве. Они будут пичкать меня нейролептиками и тиопенталом, пока я не выложу им все, что знаю о Странном мире. Получив доказательство того, что мое безумие не поддается коррекции, они будут вынуждены запереть меня в палате, обитой войлоком, до конца моих дней.

Я понял, что мне конец.

* * *

На протяжении последующих нескольких дней с меня не спускали глаз, как если бы я был преступником. В соседней со мной комнате всегда находился кто-то из родителей или дядьев. Все ожидали звонка из клиники.

Видимо, это было весьма популярное место, потому что меня собирались захватить туда, как только там освободится место, что могло произойти в любой день.

– Мы будем навещать тебя каждый день, – заверяла меня мама. – Джейки, я обещаю тебе, что это всего на несколько недель.

Всего на несколько недель. Ну да, так я и поверил.

Я пытался с ними беседовать. Я их уговаривал. Я умолял их найти графолога, который подтвердил бы, что письма написаны не мной. Так ничего и не добившись, я сменил тактику. Я признался в том, что действительно написал эти письма (хотя, разумеется, это было не так). Я сказал, что понял, что сам все это придумал, и на самом деле не существует ни странных детей, ни имбрин, ни Эммы. Это их обрадовало, но решимости не поколебало. Позже я случайно услышал, как они шепчутся друг с другом, и узнал, что ради того, чтобы забронировать мне место в очереди на лечение в этой дорогущей клинике, они заранее заплатили за первую неделю моего там пребывания. Пути назад не было.

Я задумался о побеге. Я мог схватить ключи от машины и попытаться уехать. Но меня все равно бы поймали, и это лишь усугубило бы мое положение.

Я фантазировал о том, как мне на помощь приходит Эмма. Я даже написал ей письмо, рассказав обо всем, что со мной произошло, но не мог его отправить. Даже если бы мне удалось незаметно выскользнуть к почтовому ящику, почтальон возле нашего дома больше не показывался. Но даже если бы она и получила письмо, что бы это изменило? Я находился в настоящем, далеко от петли. Она все равно не смогла бы приехать.

На третий вечер я в отчаянии стащил папин телефон (мне телефон уже не полагался) и с его помощью отправил Эмме электронное письмо. Прежде чем я успел понять, насколько бесполезно пытаться объяснить ей концепцию компьютеров и Интернета, я открыл для нее почтовый ящик – firegirl1901@gmail.com, но она отнеслась к моей идее с таким безразличием, что я ни разу ей не написал. Более того, я только потом понял, что даже не удосужился сообщить ей пароль. У записки в бутылке, брошенной в море, было и то больше вероятности попасть к ней в руки, но это был мой единственный шанс, и я его использовал.

На следующий вечер нам позвонили из клиники – у них появилось свободное место. Мои вещи были собраны еще несколько дней назад. Не имело ровным счетом никакого значения даже то, что уже было девять часов вечера и что дорога в клинику заняла бы у нас два часа, – было решено немедленно меня в нее доставить. Мои родители сидели впереди, а

я оказался зажат на заднем сиденье между своими дядьями, как будто бы они считали, что я способен на ходу выпрыгнуть из автомобиля. На самом деле я действительно мог бы это сделать. Но когда загрохотала дверь гаража и отец завел двигатель, последние остатки надежды в моей груди начали стремительно таять. Деваться было некуда. Я не мог ни убедить родителей остановиться, ни сбежать. Для этого мне понадобилось бы добраться до Лондона, а значит, требовался паспорт, деньги и еще много всего, что было мне совершенно недоступно. Я смирился с неизбежностью, утешая себя тем, что странным людям приходилось терпеть еще худшие лишения.

Микроавтобус начал сдавать назад, выползая из гаража. Отец включил фары, затем радио. Бесперывная болтовня диджея заполнила салон. За пальмами на краю двора вставала луна. Я опустил голову и зажмурился, пытаюсь справиться с нахлынувшей на меня волной ужаса. Может быть, я смогу усилием воли перенестись в какое-то другое место? – мелькнула мысль. Может быть, я способен исчезнуть?

Мы тронулись с места, и под колесами захрустели битые ракушки, которыми была усыпана наша подъездная дорожка. Дяди поверх моей головы обсуждали какие-то спортивные события в попытке поднять общее настроение. Я заблокировал их голоса, не впуская их в свое сознание.

Меня здесь нет.

Мы еще не успели выехать на дорогу, как вдруг машина, резко дернувшись, остановилась.

– Это еще что такое? – услышал я голос отца.

Он резко засигналил, и я распахнул глаза. Впрочем, то, что я увидел, убедило меня в том, что мне удалось заставить себя уснуть. Прямо перед нашей машиной поперек подъездной дорожки, выстроившись в шеренгу и сияя в свете наших фар, стояли все мои странные друзья. Эмма, Гораций, Енох, Оливия, Клэр, Хью и даже Миллард. А перед ними в дорожном пальто на плечах и с кофровой сумкой в руках стояла мисс Сапсан.

– Какого черта тут происходит? – поинтересовался один из моих дядьев.

– Да, Фрэнк, что это, черт возьми, такое? – поддержал его второй.

– Я не знаю, – ответил отец и опустил окно. – Убирайтесь с моей дорожки! – закричал он.

Мисс Сапсан решительно подошла к его двери.

– И не подумайте. Будьте добры, покиньте транспортное средство.

– Кто вы, черт побери, такая? – изумился отец.

– Алма ЛеФей Сапсан, временно исполняющая обязанности

председателя Совета Имбрин, а также опекун этих странных детей. Мы уже встречались, хотя я не думаю, что вы об этом помните. Дети, поздоровайтесь.

Нижняя челюсть отца отвисла, а мама начала часто-часто дышать, глядя на то, как левитирует Оливия, открывает и закрывает свой задний рот Клэр, кружится Миллард – костюм без тела, – а Эмма с горящим на ладони огоньком подходит к открытому окну отца.

– Привет, Фрэнк! – произнесла она. – Меня зовут Эмма. Я близкий друг вашего сына.

– Вот видите? – воскликнул я. – Я говорил вам, что они существуют на самом деле!

– Фрэнк, поехали отсюда! – взвизгнула мама и ударила отца по плечу.

Отец, до этого момента сидевший совершенно неподвижно, налег на клаксон и нажал на педаль газа. Из-под задних колес полетели ракушки, и машина рванулась вперед, туда, где стояли мои друзья.

– СТОЙ! – в ужасе закричал я.

Странные бросились врассыпную – все, кроме Бронвин, которая просто покрепче уперлась ногами, вытянула руки и подхватила передок нашего автомобиля. Мы снова резко остановились. Колеса тщетно молотили воздух, а мама и дядя в ужасе подвывали в такт двигателю.

Впрочем, он вскоре умолк, колеса перестали вращаться, а фары погасли. Когда мои друзья окружили микроавтобус, я попытался успокоить родственников:

– Все хорошо, это мои друзья, они не причинят вам вреда.

Дядьки отключились, уронив головы мне на плечи. Мамины крики тоже постепенно стихли до еле слышного поскуливания. Папа продолжал смотреть на происходящее широко раскрытыми глазами и был весь на нервах.

– Это бред это бред это полный бред, – без умолку бормотал он.

– Посиди в машине, – сказал ему я и, дотянувшись через бессознательное тело дяди до ручки, открыл дверь и выбрался наружу, для чего мне пришлось проползти все по тому же бессознательному телу.

Мы с Эммой врезались друг в друга и закружились в умопомрачительном объятии. От радости я почти потерял дар речи.

– Что ты... Как вы... – только и удалось выдавить из себя мне.

Я покрылся гусиной кожей и был уверен, что продолжаю спать.

– Я получила твое электрическое письмо! – ответила она.

– Мое... электронное письмо?

– Да, называй как хочешь! Не получая от тебя писем, я начала

волноваться, а потом вспомнила махинационный почтовый ящик, который ты для меня сделал. Горацию удалось подобрать пароль, и...

– Мы приехали, как только обо всем узнали, – закончила за нее мисс Сапсан и покачала головой, глядя на моих родителей. – Вы меня очень разочаровали, хотя не могу сказать, чтобы особенно удивили.

– Мы приехали, чтобы тебя спасти! – объявила Оливия. – Как ты спас нас!

– И я так рад вас видеть! – кивнул я. – Но разве вам не надо спешить? Вы начнете стремительно стареть!

– Разве ты не читал моих последних писем? – спросила Эмма. – Я все объяснила...

– Родители их забрали. Поэтому они и перепугались.

– Что? Какой ужас! – Она возмущенно посмотрела на моих родителей. – Это воровство, знаете ли! Как бы то ни было, можешь за нас не волноваться. Мы сделали потрясающее открытие!

– Ты хочешь сказать, я сделал потрясающее открытие, – раздался голос Милларда. – И все благодаря Перплексусу. У меня ушло несколько дней на то, чтобы понять, как посредством криволинейного аппарата Бентама отправить его обратно в родную петлю. За это время Перплексус должен был стремительно состариться. Но этого не произошло. Более того, его седые волосы снова почернели! Тут-то я и понял, что когда он был с нами в Абатоне, с ним что-то произошло: его истинный возраст как будто перезапустился. Когда имбрины обрушили петлю, это, упрощенно говоря, отмотало его часы назад. Таким образом, его телу стало ровно столько лет, на сколько оно выглядело, вместо его реального возраста в пятьсот семьдесят один год!

– Оказалось, что отмотались назад не только часы Перплексуса, – взволнованно добавила Эмма. – Это произошло со всеми нами! Со всеми, кто в тот день был в Абатоне!

– Похоже, это побочный эффект схлопывания петли, – пояснила мисс Сапсан. – Крайне опасный Источник Молодости.

– Так, значит... стремительное старение вам больше не угрожает? Никогда?

– Не более чем тебе! – смеясь, ответила Эмма. – На один день за один день!

– Это... потрясающе! – пробормотал я, пытаюсь осознать все, что мне рассказали. – Вы уверены, что я не сплю?

– Абсолютно уверены, – заверила меня мисс Сапсан.

– Джейкоб, можно мы немного у тебя погостим? – подбегая ко мне,

спросила Клэр. – Ты говорил – приезжайте, когда хотите!

– Я подумала, что можно совместить это со своего рода каникулами, – поддержала ее мисс Сапсан, прежде чем я успел что-то ответить. – Дети почти ничего не знают о двадцать первом веке, а кроме того, этот дом выглядит гораздо комфортабельнее старой крысоловки Бентама. Одни сквозняки чего стоят! Сколько спален?

– Э-э... кажется, пять.

– Да, этого достаточно. Более чем достаточно.

– Но как же мои родители? И мои дяди?

Она взглянула на машину и махнула рукой.

– Твоим дядьям мы сотрем память. Никаких проблем. А что касается родителей, то, как говорится, тайное стало явным. Некоторое время нам придется за ними понаблюдать, поддержать их на коротком поводке. Но если нормальных людей и можно склонить к нашей точке зрения, так это именно родителей великого Джейкоба Портмана.

– А также сына и невестку великого Абрахама Портмана! – добавила Эмма.

– Вы... вы знали моего отца? – робко произнес отец, выглядывая в окно автомобиля.

– Я любила его, как сына, – ответила мисс Сапсан. – Так же, как Джейкоба.

Папа моргнул, а затем медленно кивнул, хотя я сомневаюсь, что он хоть что-то понял.

– Они немного у нас погостят, – сообщил я отцу. – Хорошо?

Он снова широко раскрыл глаза и слегка отпрянул.

– Это... э-э... думаю, лучше спросить у мамы...

Она лежала на пассажирском сиденье, свернувшись калачиком и зажимая ладонями уши.

– Мама? – позвал я.

– Уходите, – простонала она. – Просто уходите! Вы все!

Мисс Сапсан наклонилась к ней.

– Миссис Портман, посмотрите на меня, пожалуйста.

Мама уставилась на нее сквозь прижатые к лицу пальцы.

– На самом деле вас тут нет. Я выпила за обедом слишком много вина, вот и все.

– Уверю вас, мы абсолютно реальны. И возможно, сейчас в это трудно поверить, но мы все обязательно подружимся.

Мама отвернулась:

– Фрэнк, переключи канал. Мне не нравится это шоу.

– Хорошо, дорогая, – ответил папа. – Сынок, пожалуй, я лучше... э-э... э-э...

Затем он закрыл глаза, покачал головой и поднял окно.

– Вы уверены, что это не расплавит им мозги? – спросил я у мисс Сапсан.

– Они придут в себя, – ответила она. – Рано или поздно, но придут.

* * *

Мы всей толпой зашагали обратно к дому. Поднималась яркая луна, и жаркая ночь обволакивала нас дуновениями ветра и пением цикад. Бронвин толкала вслед за нами заглохший автомобиль, в котором продолжали сидеть мои родные. Я шел, держа за руку Эмму и все еще не веря в реальность всего, что только что со мной произошло.

– Я только одного не понимаю, – обернулся я к ней. – Как вы сюда попали? Да еще так быстро?

Я попытался представить себе, как девочка со ртом на затылке и мальчик с жужжащими вокруг его головы пчелами проходят контроль в аэропорту. А Миллард? Они что, провели его на борт тайком? Откуда у них вообще паспорта?

– Нам повезло, – ответила Эмма. – Одна из комнат Бентама ведет в петлю всего в сотне миль отсюда.

– В какое-то возмутительное болото, – подтвердила мисс Сапсан. – Крокодилы и грязь по колено. Ума не приложу, зачем моему брату понадобилось это место. Как бы то ни было, но мне удалось найти оттуда выход в настоящее. Затем нам оставалось лишь сесть на автобус, пересест на другой, и еще три с половиной мили пройти пешком. Все путешествие заняло меньше дня. Тем не менее оно было утомительным, и у нас пересохло во рту.

Мы поднялись на веранду. Мисс Сапсан выжидательно смотрела на меня.

– Конечно! Кажется, в холодильнике есть газировка...

Я нащупал в кармане ключ и отпер.

– Гостеприимство, мистер Портман, гостеприимство! – пропела мисс Сапсан, впархивая в дом. – Дети, оставляем туфли за дверью, это вам не Дьявольский Акр!

Я стоял, придерживая дверь и глядя, как мои друзья вваливаются в прихожую, и не подумав снимать облепленную грязью обувь.

– Да, это нам подойдет! Все очень мило! – услышал я голос мисс Сапсан. – Где кухня?

– Что делать с машиной? – спросила Бронвин, стоя у заднего бампера микроавтобуса. – И э-э... с этими нормальными?

– Ты не могла бы пока что поместить их в гараж? – попросил я. – И, возможно, пару минут за ними присмотреть?

Она посмотрела на нас с Эммой и улыбнулась.

– Конечно.

Я нашел пульт от двери гаража и нажал на кнопку. Бронвин закатила автомобиль и моих обалдевших родителей внутрь, и мы с Эммой остались на веранде одни.

– Ты точно не против, чтобы мы тут немного задержались?

– С моей семьей будет непросто, – усмехнулся я. – Но мисс Сапсан, похоже, уверена, что у нас все получится.

– Я имела в виду, не возражаешь ли лично ты. Насколько я помню наш уговор...

– Ты шутишь? У меня нет слов, чтобы описать, как я счастлив, что ты здесь.

– Хорошо. Ты улыбаешься, так что, пожалуй, я тебе поверю.

Улыбаюсь? Это было мягко сказано.

Эмма шагнула ко мне. Я обвил ее обеими руками. Мы обнялись, и я прижался щекой к ее лбу.

– Я не хотела тебя терять, – прошептала она. – Но я не видела другого выхода из этой ситуации. Разорвать все и сразу было гораздо легче, чем терять тебя, как в замедленной съемке.

– Не надо ничего объяснять. Я понимаю.

– В любом случае, может быть, сейчас это уже необязательно. В смысле, быть только друзьями. Если ты этого не хочешь.

– Вполне возможно, что на самом деле это не такая уж и плохая идея, – откликнулся я. – На какое-то время.

– А, ну да, конечно, – быстро произнесла она, пытаясь скрыть разочарование.

– Нет, ты меня неправильно поняла... – Я слегка отстранился, глядя на нее. – Теперь, когда у нас есть время, мы сможем все делать медленно. Я мог бы приглашать тебя в кино... мы могли бы гулять... понимаешь, как это делают все нормальные люди.

Она пожала плечами.

– Я не очень хорошо представляю себе, что делают нормальные люди.

– Это несложно, – заверил ее я. – Ты научила меня быть странным.

Может быть, я мог бы научить тебя быть нормальной. Во всяком случае, настолько нормальной, насколько нормален я сам.

Она ненадолго задумалась, а затем рассмеялась.

– Конечно, Джейкоб. Кажется, мне это нравится. – Она взяла меня за руку, наклонилась ко мне и поцеловала в щеку. – Теперь, когда у нас есть время.

И я вдруг понял, стоя рядом с ней, дыша одним воздухом с ней и слушая ночную тишину, что это, вполне возможно, самые прекрасные слова в английском языке.

У нас есть время.

О фотографиях

Иллюстрации к этой книге являются настоящими старинными фотографиями. Лишь несколько снимков прошли цифровую обработку, а остальные представлены в своем первоначальном виде. Я старательно собирал их на протяжении нескольких лет, находя уникальные экземпляры на блошиных рынках, выставках старинных бумаг и в архивах других коллекционеров, гораздо более заслуженных, чем я, которые оказались достаточно добры, чтобы расстаться с некоторыми из своих самых странных сокровищ, чтобы помочь мне создать эту книгу.

Следующие снимки были любезно предоставлены мне их владельцами (номера страниц указаны в соответствии с бумажным изданием):

Страница /Название /Из коллекции

32 /Твари испытывают газ /Эрин Уотерс
58 /Мужчина среди пиратов /Джон Ван Ноат
116 /Парящая девочка /Джек Морд/Архив Танатос
182 /Чучело девочки /Адриана Мюллер
184 /Майрон Бентам /Джон Ван Ноат
188 /Имбрины и их мрачведь /Джек Морд/Архив Танатос
203 /Мальчик с крыльями /Джон Ван Ноат
229 /Окровавленный коридор /Джек Морд/Архив Танатос
270 /Внутренности машины /Джон Ван Ноат
284 /Попугай в клетке /Джон Ван Ноат
297 /Внутри башни /Питер Дж. Коэн
300 /Сточная труба /Джон Ван Ноат
308 /Врач и медсестры /Джон Ван Ноат
307 /Лысеющий мужчина /Джон Ван Ноат
343 /Мужчина в темных очках /Джон Ван Ноат
471 /Мальчик и девочка /Джон Ван Ноат

СНОСКИ

1

Герой американского телевизионного шоу «Улица Сезам». (Здесь и далее примеч. пер.)

Герой американского телевизионного шоу «Соседи мистера Роджерса».

От английского слова *peculiar* – странный.

4

Род фейерверка.